Наталья Будур

НАНСЕН

Человек и миф

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фритьоф Нансен — путешественник, ученый, дипломат и норвежский политический деятель. Символ мужества, воли и гуманизма. Нансен — символ самой Норвегии.

Однако не стоит забывать о том, что Нансен все же был простым человеком, со свойственными ему слабостями и желаниями: о романах красавца-полярника ходили десятки легенд. У Нансена был тяжелый характер, его всю жизнь мучили самые разнообразные противоречия, а современники считали его анархистом. Не секрет, что девизами Нансена были «Против течения!» и «Сжигая за собой мосты!».

Несмотря на широкую известность Фритьофа Нансена, многое о нем забыто, а кое-что и вовсе неизвестно нашим современникам. Нансен был выдающимся ученым-биологом, политическим деятелем, много сделавшим для получения Норвегией независимости в 1905 году, и дипломатом, сумевшим «добыть» для своей страны короля. Кстати, «королевскую должность» предлагали и самому Нансену, но он отказался, заявив, что он «слишком большой эгоист и предпочитает сохранить полную свободу действий и быть свободным человеком». Более того, Фритьоф Нансен был прекрасным художником. Почти все свои книги он иллюстрировал сам, а в экспедициях никогда не расставался с карандашом и альбомом.

Об этом и многом другом рассказывает книга скандинависта Наталии Будур «Нансен. Человек и миф».

- Наталья Будур
  - Человек столетия
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая

- Избранная библиография
- Годы жизни Фритьофа Нансена
- Фотографии

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

Наталья Будур
Нансен
Человек и миф

Человек столетия

За сто дней до 2000 года, 23 сентября 1999 года, крупнейшая норвежская газета «Афтенпостен» опросила своих читателей, кого они считают Человеком столетия. Ответ был однозначным: Фритьофа Нансена — путешественника, учёного, дипломата и политического деятеля.

Символ мужества, воли, выдержки и человечности. Борец за свободу страны. Символ самой Норвегии. Недаром именно Нансена попросил позировать знаменитый художник Эрик Вереншёльд[1] для образа самого великого норвежского конунга из «Круга Земного» — Олава Трюггвассона[2].

В опросе приняли участие 6443 человека. За Нансена проголосовали 1312, при этом великому путешественнику удалось «обогнать» королей Хокона VII и Олава V[3].

На пять лет раньше, 5 июня 1995 года, компетентное жюри Литературного фестиваля в Лиллехаммере, крупнейшего в Норвегии, опубликовало список из 25 лучших произведений норвежской литературы, начиная со Средних веков и заканчивая 1960 годом. В «Литературный канон Норвегии» среди прочих включены «Прорицание вёльвы» из «Старшей Эдды», «Круг Земной» Снорри Стурлусона, «Норвежские народные сказки» Петера Кристена Асбьёрнсена и Йоргена Му, «Мистерии» Кнута Гамсуна, «Пер Гюнт» Генрика Ибсена, «Венец» (первая часть трилогии «Кристин дочь Лавранса») Сигрид Унсет и… «На лыжах через Гренландию» Фритьофа Нансена.

Некоторые скептики утверждают, что Нансен всегда оказывался в нужном месте в нужное время. Нансен сам писал одному из своих друзей в марте 1885 года:

> «Совершенно невероятно, не правда ли? Если у кого-то и есть счастливая звезда, то это, вне всяких сомнений, я, ибо в самые переломные моменты моей жизни случались со мной настоящие чудеса — и я понимал, что теперь мне следует делать».

Возможно, это преувеличение, а возможно — чистая правда. Однако попробуйте и вы стать таким везунчиком и «отмахать» на лыжах через Гренландию или отправиться в голодную Армению устраивать дела беженцев.

«Догнать» Нансена практически невозможно. По меткому замечанию его биографа Пера Эгиля Хегге, тот, кто будет писать о вкладе великого норвежца в науку, должен быть специалистом в

этнографии, исторической картографии, метеорологии, биологии, медицине, анатомии, неврологии, геологии, гляциологии, океанографии, политологии, философии, истории и искусствоведении.

Нансен действительно был великим человеком — и великим эрудитом. Ему было, по собственному признанию, скучно заниматься одной областью науки — и он всё время совершенствовался, «осваивая» новые области знания.

В 1921 году Нансен, который всю жизнь никогда не отказывал в помощи нуждающимся, по поручению Международного Красного Креста создаёт собственный комитет «Помощь Нансена» для спасения голодающих Поволжья. В 1920 году он становится первым Верховным комиссаром по делам беженцев Лиги Наций и учреждает Нансеновское паспортное бюро, выдававшее так называемые нансеновские паспорта.

Паспорт Нансена — международный документ, который удостоверял личность собственника, как правило, беженца без гражданства. Вначале он выдавался россиянам, а впоследствии и другим беженцам, которые не могли получить обычный паспорт. В 1942 году этот документ признали правительства 52 государств. Всего было выдано около 450 000 паспортов Нансена, и именно он стал «прообразом» проездного документа беженца, ратифицированного Конвенцией ООН о статусе беженцев 1951 года. По этому паспорту люди во всём мире жили долгие годы. Так, старейшина русской общины в Тунисе Анастасия Александровна Ширинская-Манштейн 70 лет прожила с нансеновским паспортом, пока в 1999 году не получила гражданство России.

Международный офис Нансена по вопросам беженцев получил в 1938 году Нобелевскую премию за усилия по распространению паспорта Нансена, а вот сам Фритьоф Нансен был удостоен Нобелевской премии мира в 1922 году «за многолетние усилия по оказанию помощи беззащитным». Большую часть полученной суммы, составлявшей 122 000 крон, Нансен истратил на устройство в СССР двух показательных сельскохозяйственных станций, остальную часть пожертвовал в пользу греческих беженцев. Интересно, что в 1990-е годы норвежский посол на Украине Эйвинд Нурслеттен нашёл нансеновскую сельскохозяйственную станцию, которая продолжала существовать под именем «Птицефабрика имени Фритьофа Нансена»[4].

В 1925 году Лига Наций поручила Нансену изучить вопрос о перспективах устройства армянских беженцев, для чего была образована специальная комиссия с Нансеном во главе. Он

поехал в Армению в 1925 году, главным образом с целью исследовать на месте возможность искусственного орошения. Вернувшись через Кавказ и Волгу в Западную Европу, Нансен доложил в Лиге Наций о результатах своей поездки. «Единственное место, — заявил он, — где в настоящее время можно устроить неимущих армянских беженцев, — это Советская Армения. Здесь, где несколько лет тому назад царили разруха, нищета и голод, теперь благодаря заботам Советского правительства установлены мир и порядок и население стало в известной степени даже зажиточным». Несколько десятков тысяч армянских беженцев удалось устроить в Сирии. Забот об армянском народе Нансен не оставлял до конца своей жизни. В 1928 году он совершил турне по Америке, во время которого читал лекции с целью сбора средств в пользу армян.

Нансен практически спас армянский народ, вернув тысячи беженцев на территории, которые были абсолютно непригодны для земледелия и жизни, поскольку там не было воды. Благодаря Нансену был прорыт канал — и безжизненные земли, высушённые жарким солнцем, расцвели.

Фритьоф Нансен спасал не только человечество — но и конкретных людей, что всегда гораздо сложнее. Мало кто знает, что именно благодаря ему был спасён известный писатель Михаил Осоргин, который в 1921 году участвовал в Комиссии по оказанию помощи голодающим и был арестован вместе с некоторыми другими её членами. От смертной казни их спасло вмешательство Нансена. Именно Нансен в 1923 году одним из первых обратился со страстным призывом не расстреливать патриарха Тихона ко Льву Троцкому.

Заслуги Нансена признаны во всём мире и «увековечены» материально. Благодарное человечество чтит память великого норвежца. Его именем назван лунный кратер и остров архипелага Земля Франца-Иосифа, остров в Карском море и горные вершины в Антарктиде, Тянь-Шане и Канаде, а также улицы в Москве, Норильске, Ростове-на-Дону, Калининграде, Рыбинске, Виннице, Ереване, Нью-Йорке, Манчестере, Белфасте, Софии и других городах. В Москве Нансену установлен памятник.

В 1995 году в СССР была выпущена золотая монета номиналом 50 рублей («Географическая серия. Исследование Русской Арктики») тиражом в 5000 экземпляров[5], а в 2006-м в Армении — серебряная монета «Нансен» достоинством 100 драм.

В том же 1995 году был создан Фонд имени Фритьофа Нансена по инициативе Николая Рыжкова, который и возглавил фонд. В 2002 году фонд был перемещён в Армению и зарегистрирован в Ереване.

Сегодня в Армении имя известного норвежского полярника и гуманиста Фритьофа Нансена носит детский дом в Гюмри, специальная школа-интернат в Дилижане, школы в Армавире, Ереване, Спитаке, Степанаване. В Спитаке по норвежскому проекту и при содействии норвежского Красного Креста открыта больница его имени. Решением фонда за общественную, политическую и гуманитарную деятельность уже более 100 представителей как армянской, так и иностранной интеллигенции награждены золотой памятной медалью великого норвежского гуманиста, лауреата Нобелевской премии мира Фритьофа Нансена.

В честь Фритьофа Нансена названа ежегодная правозащитная премия Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев — «Медаль Нансена».

Марки с портретом Нансена выходили в Норвегии, Франции, ФРГ, СССР, Северной Корее, Конго, Парагвае, Монако, Албании, на Шпицбергене, Виргинских островах и в других странах.

Его по праву считают, выражаюсь современным языком, «суперстар» XX века, у которого весь мир был «полем» для работы. Он, пожалуй, один из самых известных сыновей Норвегии.

Уже во время путешествия в 1913 году по Норвегии русский промышленник Степан Востротин сделал такую запись:

> «Прежде всего обратил я внимание, что на всех остановках, на станциях железной дороги, на которых мы выходили поразмять наши ноги или позавтракать и пообедать, а также при наших остановках во время плавания в городах и местечках Норвегии встречавшаяся публика молчаливо приветствовала его шапочным поклоном, а иногда полушёпотом пробегали в толпе слова: „Нансен, Нансен!“ Ватаги школьной детворы, попадавшейся нам по пути, при встрече шумно приветствовали его криками: „Фритьоф, Фритьоф!“ Заглянувши не раз в продолжение нашего пути, с целью ознакомления, в помещения низших и высших школ, спортивных обществ, в клубы, я всегда почти встречал на стенах портреты Нансена или картины из его путешествий: Нансен на лыжах, Нансен везёт сани один по полярным льдам или в упряжи с собаками, сзади за ним, в таком же положении, шагает Иогансен, или они вместе плывут по морю на связанных каяках среди плавучих льдов. Многие картины были большой художественности.
>
> В гаванях и портах на лодочках, паровых и моторных

катерах и яхтах можно было нередко видеть название „Фритьоф“. Многие матери давали своему первенцу или одному из своих сыновей это имя. Потолкавшись среди норвежцев и заглянув в различные уголки этой прекрасной страны, можно без колебаний прийти к заключению, что Нансен — это божок, кумир Норвегии».

Но не стоит поддаваться тенденции и делать из Нансена идеального человека. Таких просто не существует.

«Отца тоже мучили гамлетовские противоречия, — *вспоминала старшая дочь Нансена Лив.* — Он был реалистом и практиком, прост и ясен как день, как настоящий учёный он отлично разбирался в фактах; и однако же не в меньшей степени ему были свойственны самоуглублённость, вечные искания, лиризм и причудливая изменчивость настроений; это был человек свободнейший и в то же время глубоко связанный, уверенный в себе и смиренный, юморист и меланхолик — всё вместе, одним словом, характер самый что ни на есть шекспировский. Верный и горячий в дружбе, он почти всегда был одинок. Человек деятельный и в то же время мечтатель, человек разносторонний по своим способностям и интересам и в то же время простой и обыкновенный. В нём была огромная жажда жизни, но ещё сильнее было его стремление к духовной гармонии и целостности. Дитя, всё время мечтавшее о тепле и нежности, но сумевшее без них прожить. Он всегда предпочитал думать о людях только хорошее, но полагался лишь на себя самого. В любой вопрос он вникал так, чтобы уж исчерпать его до дна, а себя самого так и не познал до конца».

Ничто человеческое не было ему чуждо.

О романах красавца полярника ходили десятки легенд.

В последние годы жизни взгляды Нансена вряд ли можно назвать политкорректными. Он с большим скепсисом относился к парламентской демократии. Некоторые исследователи наследия Нансена, например историк Эйстейн Сёренсен, говорят о профашистских и пронацистских убеждениях Нансена. Он резко выступал против рабочего движения и социализма. Конечно, Нансен никогда не был нацистом или фашистом, но именно таких взглядов придерживались многие известные люди того времени. Нансен был явно радикальных взглядов — как его современники Кнут Гамсун и Видкунд Квислинг. И многие

норвежские историки задают вопрос: что бы стало с Нансеном, если бы он не умер в 1930 году?

Многого о Нансене мы просто не знаем или забыли. У нас в голове сложился образ Нансена — исследователя и путешественника и Нансена — миротворца и политического деятеля. Но мы почти не помним, что Нансен был выдающимся учёным-нейробиологом, политическим деятелем, много сделавшим для получения Норвегией независимости в 1905 году, и «переговорщиком», сумевшим «добыть» для своей страны короля. Кстати, королевскую «должность» предлагали и самому Нансену, но он отказался по ряду причин, несмотря на то, что и сам был королевских кровей.

А ещё Фритьоф Нансен был прекрасным художником, после него осталось много картин и набросков. К сожалению, часть из них пропала — в частности, при пожаре у дочери Нансена Ирмелин Револд в 1977 году.

И хотя сам учёный всегда называл себя художником-любителем, с этим не соглашались крупнейшие живописцы. Эрик Вереншёльд на протяжении многих лет пытался уговорить друга устроить выставку его работ — но безуспешно. Нансен, по воспоминаниям близко знавших его людей, был очень скромен во всём, что касалось его работы. Лишь в 1930 году, после смерти Фритьофа Нансена, его зять Аксель Револд вместе с Вереншёльдом организовали его выставку в Союзе художников в Осло, где было представлено более 100 работ.

Уже в современной Норвегии было также организовано несколько выставок. Так, в 1992 году выставка была «собрана» Университетской библиотекой в Осло и побывала в Стокгольме и Женеве. В 1996–2006 годах Полярный музей а Тромсё организовал выставку, которая была привезена и в Россию. В экспозиции были представлены работы Нансена из его первой арктической экспедиции 1882 года, путешествия в Италию весной 1886 года, экспедиции на судне «Фрам» 1893–1896 годов и экспедиции на архипелаг Шпицберген 1912 года. Некоторые из представленных рисунков взяты из его книг, частично проиллюстрированных им самим, — «Север в тумане» 1911 года издания, «Путешествие на Шпицберген» 1920 года и «Среди тюленей и медведей» 1924 года.

* * *

В этой книге мы не ставили задачи раскрыть образ Нансена со всех сторон — это практически невозможно, однако,

основываясь на документальных материалах, письмах и мемуарах, многие из которых до сих пор не введены в поле зрения российских нансеноведов, мы рассказываем о Нансене — человеке и мифе[6].

> «Нансен показал человечеству путь к весне, — *писал Тур Хейердал,* — горячее сердце и высокий дух Нансена плавили снег и лёд. Они доказали, что все люди — коммунисты и некоммунисты, цивилизованные и нецивилизованные, христиане и евреи, атеисты и верующие — должны трудиться во имя общей цели спасения мира от самого страшного бедствия — гнусного безумия войны».

В заключение автор хотел бы выразить искреннюю благодарность Посольству королевства Норвегии в РФ и лично госпоже Марит Ингвилл Санде за бесценную помощь и дружескую поддержку, оказываемые при написании книги.

Глава первая
Детство

Фритьоф Ведель Ярслберг Нансен родился 10 октября 1861 года в усадьбе Стуре Фрёен в трёх километрах от Кристиании, как тогда назвался Осло.

У рода Нансенов удивительная история.

Родоначальник этой фамилии Ханс Нансен (1598–1667) был датчанином. В 16 лет он отправился покорять моря на судне своего дяди и совершил путешествие на север России, где остался зимовать и даже сумел выучить русский язык. Летом 1615 года он пешком отправился путешествовать по России и прошёл от Мурмана до Ковно. Но и на этом неугомонный Ханс не остановился и в 21 год вновь отправился в Россию, на этот раз в качестве главы экспедиции за пушниной на Печору. Назначил его на эту должность король Дании Кристиан IV. Зазимовал Нансен на Коле. О нём услышал царь Михаил Фёдорович и предложил обследовать берега Белого моря. Так Нансен совершил путешествие в Архангельск и уже оттуда вернулся в Данию. С 1621 года Ханс Нансен работал в Исландской компании и продолжал ездить на Север каждое лето вплоть до 1636 года.

О своих путешествиях он написал «Космографию» — книгу, которая, как это было принято в XVII веке, называлась очень пространно:

> «Краткое описание всего мира, где даются понятия о небе, Солнце, Луне купно с другими планетами и звёздами, об их движения направлении, а также о четырёх стихиях и их свойствах и о царствах и государствах земных с их достоважнейшими городами. К сему присовокупляется нечто о море и мореходстве и о вспомогательных к оному науках, извлечённое из различных книг и составленное и написанное Хансом Нансеном. Отпечатано в Копенгагене Андерсом Кохом в 1633 году за счёт счетовода Педера Андерсона и продаётся у него».

Благодаря хорошему знанию русского языка его использовали в качестве переводчика, когда в Копенгаген приезжали послы от русского царя.

Став состоятельным человеком, Ханс преуспел и на политическом поприще: в 1644 году король Кристиан IV назначил

его бургомистром.

О Хансе Нансене всегда с большим почтением вспоминали в семье его великого потомка. Вот что писала дочь Фритьофа Ева:

> «Отец всегда презирал тех, кто кичится своим происхождением и воображает, что он лучше других только потому, что принадлежит к одной из знатных семей. Он говорил: „У всех у нас одинаковое количество предков, независимо от того, знаем мы их или нет“. Но в наследственность он верил. „Все наши способности и свойства заложены в нас наследственностью“, — говорил он. Воспитание и среда влияют на развитие этих свойств, но главное — наследственность.
>
> Однажды <…> он сказал об основателе рода Нансенов Хансе Нансене, который был бургомистром Копенгагена и чьё имя занимает почётное место в истории борьбы за независимость Дании: „Я горжусь, что в моих жилах течёт кровь этого человека, который в трудную минуту помог своей стране“.
>
> <…> Интересно заметить, как много общего было между Хансом Нансеном и его прапрапраправнуком Фритьофом. Прежде всего оба были путешественниками-первооткрывателями в арктических водах. <…> Для Ханса, как и для Фритьофа, эти путешествия стали основой для дальнейшей деятельности в других областях».

Ханс Нансен был действительно выдающимся человеком. Уже в должности бургомистра он принял активное участие в борьбе за независимость своей родины Дании.

Всё дело в том, что в результате 30-летней войны со Швецией, которую поддерживала Голландия, Дания чуть не лишилась независимости. По заключённому в 1645 году в Брёмсебру мирному соглашению Дания потеряла часть территорий, а после новой войны, окончившейся миром в Рёскильде в 1658 году, Дании пришлось расстаться с такими землями, как Сконе, Халланд и Блекинге. Эта уступка территорий по Копенгагенскому миру 1660 года стала вечной.

Ханс Нансен вместе с другими государственными мужами принимал участие в переговорах о судьбе Дании. Вместе с ними он желал установления в стране наследственной сословно-конституционной монархии. Однако в результате целого ряда событий в стране установилась абсолютная монархия, против которой Нансен возражал.

Лив Нансен-Хейер писала:

«Будучи бургомистром, он руководил обороной Копенгагена во время осады 1658 года. Несколько лет спустя он возглавил борьбу копенгагенского бюргерства против дворянства. Тогда-то и состоялась знаменитая встреча между Хансом Нансеном и предводителем дворян Отто Крагом на подъёмном мосту перед Копенгагенским дворцом. „Знаете ли вы, что это такое?“ — воскликнул разъярённый Краг и указал на тюрьму Бло-Торн. „А что это такое, вы знаете?“ — сказал Нансен и указал на колокольню кирхи Богоматери. Там висели набатные колокола, которые в мгновение ока могли призвать граждан Копенгагена к оружию».

Умер Ханс Нансен в 1667 году, на 69-м году жизни, будучи судьёй Верховного суда.

«Норвежская» же история рода Нансенов начинается в середине XVIII века, когда в 1761 году прадед Фритьофа Анкер Антони Мёллер Нансен (1730–1765) получает назначение на должность помощника судьи и нотариуса в одну из провинций юго-западной Норвегии в Итре-Согн и женится на норвежке. В 1764 году у него родился сын Ханс Лейердал Нансен, а ещё через год Анкер Антони умер. Семья возвратилась в Данию.

«Единственный сын Анкера Антони, Ханс Лейердал Нансен, учился в датской школе и всю жизнь говорил по-датски. Тем не менее его считали хорошим норвежцем, что он и доказывал много раз на деле, — *писала Лив Нансен-Хейер.* — В качестве представителя от округа Ёрен в первом чрезвычайном стортинге он выступил за объединение со Швецией, но только при условии, что во всех тех вопросах, где общность не является необходимой, интересы Норвегии и её независимость будут гарантированы[7].

Его остроумие было общеизвестно. Когда обсуждался вопрос о том, где должен располагаться Норвежский банк, и каждый депутат стортинга добивался, чтобы банк находился в его городе, он встал и сказал: „Эгерсунн — прекрасный маленький городок, и там живу я“.

Об этом Нансене, который не всегда был удачлив в политических делах и так и не стал великим политиком, епископ Сигвард сказал: „Его речи и деяния свидетельствуют о том, что он был верен королю и стране, был неподкупным другом правды и справедливости“. И ещё: „Он также всегда смело

высказывал то, в чем был убежден“.

Госпожа Венделия была второй женой Ханса Лейердала и бабушкой Фритьофа со стороны отца. Эта была на редкость одарённая женщина с ярко выраженными литературными наклонностями».

Лив Нансен по вполне понятным причинам пишет лишь о хороших сторонах характера своего прадеда, однако тот вовсе не был ангелом.

Первый его брак распался, хотя в нём родилось шестеро детей. Развод был дан ему первой женой, потому что Ханс Лейердал любил выпить и был не прочь приударить за женским полом.

Вторая жена его, Венделия Кристиане Луисе Мёллер, по официальной версии была дочерью придворного книгопечатника, однако в семье Нансенов считалось, что она — внебрачная дочь кронпринца Фредерика IV, будущего короля Дании и Норвегии и невероятного бабника. В кругу друзей Ханса Лейердала называли «Олденбургский».

Норвежский историк и журналист Пер Эгиль Хегге пишет:

> «Хантфорд[8] утверждает, что бабушка Венделии по отцовской линии также была королевских кровей. Таким образом, возникает довольно пикантная ситуация, когда спустя 95 лет, летом и осенью 1905 года, Фритьоф Нансен приезжает в Копенгаген для переговоров со всё более непреклонным принцем Карлом об условиях его вступления на свободный норвежский престол. В задачу Нансена входило также не допустить, чтобы его кузен по материнской линии, барон Фриц Ведель Ярслберг, осложнял деликатные переговоры своим постоянным вмешательством, ещё большей постоянной болтливостью и обидчивостью на то, что его мнением пренебрегают. Если версия о „побочном“ королевском происхождении бабушки Нансена по отцовской линии верна, то Нансен был троюродным братом кронпринца Фредерика, будущего короля Фредерика VIII (1906–1912), отца короля Хокона».

Однако вернёмся к прадеду Фритьофа Нансена. В 1809 году Ханс Лейердал был назначен на должность помощника судьи и нотариуса в Хаудале в Южном Трёнделаге в Норвегии.

В 1814 году он был избран делегатом на чрезвычайное заседание стортинга и стал членом редакционного комитета норвежской конституции. Именно благодаря ему, по мнению

историков, стортинг занял ярко выраженную политическую позицию. В 1815–1818 годах Ханс был депутатом стортинга, затем был не избран депутатом следующего созыва, но вновь вошёл в состав парламента в 1821 году и весной того же года скончался от инсульта.

Ханс Лейердал был образованным человеком, сочинял стихи и в 1813 году, когда возникла угроза войны со шведами, даже написал выспренный военный гимн.

Он увлекался древнесеверной мифологией и именами мифологических богов и героев называл своих детей. Отцу Нансена он дал имя Бальдур Фритьоф. Бальдур (Бальдр) — бог света и весны, а Фритьоф — герой древнеисландской саги XIII века.

Однако Бальдур Фритьоф Нансен (1817–1875) мало походил на героев, в честь которых получил своё имя.

Бальдур был, как характеризуют его первые биографы Фритьофа Нансена, «прилежный, хороший человек, примерный во всех отношениях, воспитанный в скромности и строгости, весьма культурный, однако без особых талантов», маленького роста и сухонький. И ещё его любимой книгой была Библия.

Юрист по образованию, Бальдур пользовался у своих клиентов неограниченным доверием и вёл их дела по вопросам собственности и распоряжению капиталами. Дочь Нансена Лив писала, что «умеренность и скромность стала наследственной чертой рода Нансена. Это свойство присуще им всем. Фритьоф с благодарностью вспоминал своё спартанское воспитание и старался так же воспитывать собственных детей».

Настойчивость и дотошность Фритьоф унаследует от отца.

Несомненное влияние на него, по мнению всех без исключения биографов и мемуаристов, оказала и мать.

Баронесса Аделаида Юханна Текла Исидора Ведель-Ярслберг (1823–1877) была из очень хорошего и древнего норвежско-немецкого рода[9]. Среди её предков есть даже главнокомандующий норвежской армии и наместник короля в Норвегии.

Сама Аделаида родилась в семье майора барона Кристиана Фредерика Ведель-Ярлсберга из Форнебю. Высокая, крупная, она всегда отличалась своенравным характером и полным отсутствием предрассудков. Каталась на лыжах, что в высшем обществе того времени было неслыханным mauvais ton[10].

Ещё большим позором стало для семьи решение двадцатиоднолетней Аделаиды выйти замуж по большой любви за сына пекаря — унтер-офицера Якоба Бёллинге. Родители не могли ничего запретить своевольной девушке, но вот

присутствовать на свадьбе они отказались. Семья жениха была довольно состоятельной, поэтому поселились молодые в собственной усадьбе Недре Блиндерн. В первом браке у Аделаиды родилось пятеро детей.

В 1853 году Якоб Бёллинге умер, и тридцатидвухлетняя вдова осталась одна с пятью детьми, младшей из которых — дочери Сигрид — был всего годик. Однако Аделаида, будучи человеком с сильным характером и незаурядной силой воли, продала Недре Блиндерн и при помощи вдовца Бальдура Нансена, который стал её поверенным в делах в это время, купила усадьбу Стуре Фрёен. А затем, через шесть лет после смерти мужа, 3 марта 1858 года вышла за него замуж. Семья отнеслась доброжелательно к новому браку непослушной дочери — и свадьбу Аделаида сыграла в усадьбе брата.

Лив Нансен пишет, что её бабушка, вероятно, решилась на брак по рассудку, а не по любви: прежде чем пойти на этот шаг, она посоветовалась со старшими сыновьями. Однако такая сильная и знатная женщина могла бы сделать лучшую партию. Возможно, сближению будущих супругов способствовало и то, что их спутники жизни умерли от заразных болезней (муж Аделаиды — от холеры, а жена Бальдура Минна, свояченица известного писателя и собирателя норвежских сказок Йоргена Му, — от скарлатины), оставив совсем крошечных детей (жена адвоката умерла, когда их сыну Хансу исполнилась всего неделя).

В любом случае жили супруги душа в душу. Бальдур занимался адвокатскими делами. А Аделаида была настоящей матерью семейства, воспитывала детей, занималась с утра до вечера хозяйством и всё успевала. По вечерам иногда супруги музицировали: муж играл немного на скрипке, жена — на фортепьяно.

Она во всём советовалась с мужем — а взгляды обоих на воспитание детей были далеко не самыми обычными, их вполне можно назвать прогрессивными и в наше время.

В новой семье «оказалось» шестеро детей. Вскоре (в 1859 году) родился первый общий — Фритьоф, но умер в возрасте одного года. В 1861 году родился второй общий сын, которого опять назвали Фритьофом. Это был будущий великий путешественник и учёный.

Скучно ему в детстве не было, потому что следом, в 1862 году, родился его младший и любимый брат Александр, постоянный спутник со всех детских играх и приключениях. Фритьоф считал, что должен защищать брата, хотя тот был моложе его всего на год. И когда тот, более спокойный по характеру, оказывался втянутым неугомонным братом в

очередную авантюру, Фритьоф первым делом старался выгородить Алекса, как он называл младшенького. Он всегда спрашивал не «Можно мне?», а «Можно нам с Алексом?». Когда летом мальчики купались в холодной речке, Фритьоф всегда следил, чтобы Александр не замёрз, и вовремя старался вытащить его на берег. А однажды спас брата, когда тот провалился на тонком льду в воду.

Жило большое семейство Нансенов в усадьбе Стуре Фрёен. «Это была большая усадьба с хлевом, конюшней, сеновалом и другими надворными постройками, с голубятней посреди обширного двора. Усадьба находилась недалеко от города[11]. Вокруг расстилались поля и луга, в которые вклинивались густые леса, а вдали на западе открывалась панорама гор, покрытых густым лесом, — вспоминала Лив Нансен-Хейер. — У самого дома протекал ручей Фрогнербекк, летом его омуты были полны форели, а зимой он покрывался гладким льдом, по которому так чудесно было кататься на коньках».

> «От природы у меня был слабый характер, — *писал уже много позже Нансен,* — но его сформировало спартанское воспитание. Воля и характер часто укрепляются суровым воспитанием. Учёба вырабатывает привычку к самодисциплине. Огромное влияние на меня оказал мой отец».

Все мемуаристы пишут, что для семьи Бальдура Нансена были характерны порядок и дисциплина. И если старшие сыновья Аделаиды могли показать отчиму характер (Эйнар, сильный и крепкий парень, сохраняя полное спокойствие, мог взять Бальдура на руки и вынести из комнаты, когда считал, что нотация затянулась), то младшие отца боготворили. Фритьоф рассказал своей дочери такую историю о силе воли своего отца. Доктор посоветовал Бальдуру выпивать рюмку вина перед обедом для укрепления здоровья, но когда тот заметил, что у него начинается привыкание к алкоголю и настроение резко улучшается, он отказался от рюмки вина перед обедом.

Ложь в семье Нансенов считалась страшным поступком — и детей приучали говорить только правду, внушая им, что лгут трусы. А ещё мать всегда говорила сыновьям, что плакать стыдно.

> «Будни в усадьбе Фрёен отличались простотой обычаев и скромностью запросов. Питание было хорошее, но без особых разносолов: на завтрак и ужин полагалась каша и почти на каждый день недели было чётко установленное обеденное меню. А воскресного

жаркого и сладкого блюда из варёных ломтиков яблок, чёрного хлеба, обжаренного в сахаре, масла и взбитых сливок все с нетерпением ожидали целую неделю.

Покупных игрушек и в помине не было. Лук со стрелами, удочки, мельнички на ручье мальчики мастерили сами. В качестве карманных денег им выдавалось несколько скиллингов, вероятно, чтобы приучить вести счёт деньгам» — *так рассказывал о своём детстве Нансен дочери.*

Счёт деньгам Фритьоф вёл — в этом нет сомнений. В 1870 году родители отправляются в путешествие по Европе, и мальчик пишет им в Италию:

«Я был бы очень рад, если бы вы прислали мне из Рима несколько марок — как погашенных, так и без штемпеля. О, да, в общем, и не очень важно, использованные или нет будут марки, просто дело в том, что если я решу продать какую-нибудь из них, то, конечно, больше денег мне дадут за неиспользованную. Но если вы считаете, что я не должен продавать марки, то не беспокойтесь — я вклею их в альбом».

Отец был очень набожен и строго следил за соблюдением в семье библейских заповедей, а мать просто не задумывалась над вопросами религии — Бог был частью её мировоззрения. Каждое воскресенье семья ходила в храм.

Насколько счастлив был Нансен в детстве, становится ясно из письма, которое он написал отцу 20 декабря 1883 года:

«Мой дорогой старенький отец! Вот и наступает первое Рождество, которое мне придётся провести не дома. Рождество, чудесное время, которое было для нас в родительском доме наполнено радостью и счастьем, настоящим раем на земле. Даже когда я вырос, Рождество осталось окрашено для меня в розовые тона, конечно, всё немного изменилось, стало более прозаичным. Но всё же…

Я возвращаюсь на крыльях воспоминаний в тишине и покое Рождества в наш милый дом, полный любви… Какие замечательные рождественские праздники вы нам устраивали!

Как всё дышало покоем и миром! Как прекрасно и тихо, как мягко и бело было кругом во время Рождества, какой пушистый выпадал снег!

На землю опускалась благословенная тишина, и даже детская душа, радующаяся предстоящему веселью, понимала торжественность момента.

И вот наступал великий день — Рождественский сочельник. И наше ожидание достигало своего апогея. Мы не могли спокойно стоять на месте и не могли ни секунды усидеть на стульях. Нам нужно было что-то делать. Чтобы ожидание не тянулось так томительно, мы старались заглянуть во все без исключения замочные скважины, в которых не было ключа, или утащить изюминку, инжир или миндаль из большого мешка, который вскоре уносили в комнату, где была рождественская ёлка. Мы носились по дому или убегали по двор и до темноты катались на коньках и лыжах.

Иногда — и это было для нас большой удачей! — Эйнар или кто-нибудь другой отправлялся за покупками в город, чтобы в последний момент (перед тем как зажгут свечи!) успеть купить что-то ещё нужное, что забыли купить раньше. Как же весело было сидеть в санях, которые мчались по утрамбованной снежной дороге в Кристианию, а затем обратно в усадьбу, как звонко пел колокольчик, как радостно цокали по льду подковы лошадей!

Наконец приходило время, и отец торжественно начинал зажигать в доме свечи, а наши сердечки стучали как сумасшедшие. Ида сидела в углу в кресле и говорила, кому что делать, взрослые понимающе улыбались друг другу в предвкушении сюрприза, о котором они уже всё знали, — и вот наконец отворялись двери в комнату, посреди которой сверкала зажжёнными свечами рождественская ёлка, отражаясь в наших восторженных глазах! Господи, какое чудесное зрелище! Мы бывали поражены и настолько счастливы, что не могли и слова вымолвить первые несколько минут…

Никогда в жизни не забыть мне тех счастливых рождественских дней!»

Детство Фритьофа проходило в тесном общении с природой. И тут настоящим примером стал старший брат Эйнар, который впервые взял его в горы, показал невиданной красоты Йотунхейм.

«Место, с которого вдруг открываются взору вершины Йотунхейма, он не забывал никогда. Однажды летом мы с ним ехали в автомобиле по той же дороге, — *вспоминала Лив Нансен,* — и он с нетерпением следил за

каждым поворотом. И всё время не спускал глаз с меня, чтобы увидеть, какое впечатление произведёт на меня эта панорама — такое же сильное, как на него в тот раз, или нет. И когда мы доехали до этого места, у него захватило дух от восхищения: „Ты видишь? Вот они, горы!“ — И он засмеялся, как мальчик».

Уже на склоне лет Нансен напишет книгу «На вольном воздухе», где расскажет о своём детстве. Ему действительно могли позавидовать мальчишки из любой страны мира! В лесах он гонялся за белками и играл в индейцев, в речке купался и ловил рыбу.

Не всегда и не всё шло гладко. Однажды, когда ему ещё не было и семи лет, он решил выловить форель в реке, чтобы сделать матери сюрприз, — но вместо форели поймал за губу себя, не смог вытащить крючок и предстал перед очами Аделаиды с залитым кровью лицом. Несмотря на адскую боль, мальчик не жаловался и не плакал, а мать, как всегда, не стала его ругать, а, разрезав губу острым ножом, достала острый кусочек стали и защитила перед отцом, который терпеть не мог, когда сыновья нарушали запрет и уходили за пределы усадьбы.

Но чувство вины удерживало Фритьофа в усадьбе всего несколько дней — и вскоре он исчез вместе с Александром и удочками. Сначала мать не волновалась, зная о неугомонном нраве сына, но к полуночи, когда мальчики всё ещё не вернулись домой, их уже искали по окрестностям, страшась самой ужасной беды. Но вот из кустов вынырнули две фигурки с корзиной, полной рыбы. Оказалось, мальчишки в очередной раз решили сделать матери сюрприз и стать добытчиками: они отправились к дальней реке в долине Сёркье за жирной форелью, а после рыбалки заснули возле костра.

Детей, как это ни удивительно, не наказали, даже не отругали, а на следующее утро объявили, что отныне они могут отправляться в дальние путешествия, но при одном условии: всегда предупреждать о предстоящем походе взрослых.

Нансен писал:

> «Когда же я подрос, мне случалось по неделям проводить в лесу одному. Я не обременял себя дорожными припасами и довольствовался коркой хлеба да пойманной рыбой, которую пёк на углях. Мне нравилось вести в Нурмаркене[12] жизнь Робинзона».

Надо сказать, что до конца жизни Нансен очень любил природу и считал, что человеку просто необходимо уединяться и

оставаться один на один с собой. В 1921 году, выступая перед норвежскими школьниками, он сказал:

> «Я знаю, что спортом в последнее время принято заниматься в большой компании. Но вы должны помнить, что очень важно оставаться в одиночестве на вольном воздухе, среди природы, вдали от вечного шума. Мудрецы Древней Индии говорили, что каждому человеку нужно проводить в полном одиночестве не меньше часа в день, посвящая его размышлениям и пытаясь обрести себя. Вечная суета, когда люди трутся друг о друга до тех пор, пока не становятся круглыми и гладкими, как камни-голыши, не способствует вырабатыванию характера. Нет сомнений, что мы не должны отказываться от удовольствий и развлечений, но важно выбрать те, которые могут ещё и даровать вам мир в душе и ощущение счастья. Лишь среди дикой природы может сформироваться характер, лишь в лесу можно стать самостоятельным, научиться полагаться лишь на самого себя и не зависеть от других в любых жизненных обстоятельствах».

Зимой, как и у многих (если не у всех) норвежцев, любимым занятием мальчика стало катание на лыжах и коньках. Первые лыжи Фритьофа были не только «страшные», но и очень неудобные, поскольку мальчик смастерил их сам из старых лыж сестёр. Они были разной длины. Конечно, прыгать на таких лыжах с трамплина (горки) было очень трудно.

Кроме того, родители, которые в других случаях шли детям навстречу, запрещали мальчикам прыгать с холма Хусебю, поскольку совершенно справедливо считали, что это опасно.

> «И вот что произошло, — *вспоминала Лив Нансен.* — Отец сам писал об этом. Владелец типографии Фабрициус, заметив, сколько рвения и старания вкладывает Фритьоф в занятия лыжным спортом, остановил однажды свою лошадь возле усадьбы Фрёен и сказал: „Я подарю тебе лыжи“. Всю весну и всё лето звучали эти слова в ушах мальчика. Когда пришла осень и по утрам поля стали покрываться белым инеем, Фритьоф спросил Фабрициуса напрямик: „А как же лыжи?“ — „Будут тебе лыжи, непременно будут“, — сказал Фабрициус и рассмеялся.
>
> Фритьоф не успокоился. Изо дня в день появлялся он перед Фабрициусом со словами: „Ну, так как насчет

лыж?“

И вот однажды в дверях с таинственным видом появилась сестра Ида. За спиной она держала большой длинный свёрток. Фритьоф бросился к ней, вмиг сорвал бумагу, и в руках у него очутились сверкающие, покрытые красным лаком, с чёрной полосой лыжи и длинная голубая палка».

Палка была одна, потому что так было принято кататься в то время. Эти лыжи прослужили Фритьофу десять лет, и именно на них он постепенно научился кататься блестяще.

Вот как он сам описывал это:

«В прежнее время происходили большие лыжные состязания на холме Хусебю. Мне с братом было запрещено бегать там. Но холм был виден из нашей усадьбы и искушал нас так долго, что мы наконец не выдержали. Сначала я скатился с середины холма, и дело шло отлично, но потом я увидел, как кто-то Другой из мальчиков летит с размаху с самой вершины холма. Надо и мне! Я разбежался и, достигнув края, прыгнул — долго летел по воздуху и затем врезался лыжами в сугроб. Лыжи в те времена не привязывались к ногам, и вот… они остались в снегу, а я ещё описал в воздухе дугу головой вперёд и воткнулся в снег по пояс. На холме воцарилась тишина — мальчики думали, что я сломал себе шею. Но когда они увидели, что я начинаю барахтаться в снегу, стараясь выкарабкаться, поднялся всеобщий хохот. <…>

Потом я участвовал в состязании на том же холме и получил приз. Но я не принёс его домой. Я был сконфужен. Дело в том, что на этом состязании я впервые увидал лыжников из Телемаркена и понял, что я никуда не гожусь в сравнении с ними. Они не пользовались палками и с разбегу прыгали с края обрыва, не имея другой опоры, кроме той, которую предлагали им их сильные мускулы и гибкое тело. Мне казалось, что это был единственный верный способ, и я знать не хотел ни о каком призе, пока не научусь тому же».

История лыж в Норвегии будет тесно связана с именем Нансена. Уже с пятнадцати лет он стал постоянным участником лыжных соревнований вместе со своим старшим братом Эйнаром Бёллингом. В 1877 году был основан Лыжный клуб Кристиании,

членом которого тут же стал Фритьоф. В том же году он занял 14-е место в юношеских лыжных соревнованиях. Но всё это будет позже, а пока…

Пока Фритьоф наслаждался свободой и жизнью на природе. И не только. Он обожал докапываться до сути вещей ещё в весьма юном возрасте. Так, когда мать купила себе швейную машинку, он, как и большинство его сверстников во всем мире и во все времена[13], не отходил от неё, пытаясь выяснить, что же за зверь прячется внутри. Когда Аделаида Нансен отправилась за покупками в город, Фритьоф разобрал машинку на детали. Вернувшейся матери осталось только ужаснуться, но ругать сына она, как всегда, не стала, и он вскоре собрал машинку — надо сказать, с большим трудом!

Когда мальчики подросли, родители отдали их в школу, как считалось, одну из лучших в стране, названную по имени основателей Ю. Оша и П. Фосса.

Нельзя сказать, чтобы Фритьоф радовал своих родителей во время учёбы. Непослушный и своенравный, он никак не мог сосредоточиться на учёбе, но не потому, что не хотел получить знания, а потому, что жаждал побыстрее всё узнать. Фритьоф своими бесконечными «почему» и «отчего» надоедал окружающим, а ответов на вопросы у взрослых часто не было. «Он спрашивал так много, что от этого можно было с ума сойти», — вспоминал впоследствии один из друзей детства Нансена.

Упрямый и самоуверенный, он часто выводил из себя учителей и не раздумывая вступал в драки с соучениками. В журнале даже появилась запись, которая неизменно цитируется всеми биографами:

> «Неусидчив и во многих дисциплинах не делает тех успехов, каких можно было бы ожидать от него».

Тем не менее Фритьоф любил естественные науки, выказывая также недюжинные способности по математике и физике. И уже в эти годы он прекрасно рисует — в его школьных тетрадях сохранились первые наброски.

Однажды он решил поставить некий опыт — сделать самостоятельно охотничье ружьё. Само ружьё можно было бы изготовить из обрезка водопроводной трубы, остальные части механизма тоже легко делались из подручных материалов. Сообразительный подросток принялся за дело на чердаке усадьбы — и добился-таки своего: устроил грандиозный взрыв да ещё сам чуть не остался без глаз. Прибежавшая в ужасе мать вновь не ругала своего Фритьофа, а лишь со слезами на глазах дрожащими руками выковыряла крупинки пороха у него из-под кожи на лице

и отправила его на… кухню взять из буфета конфет, чтобы подсластить разочарование от рухнувших планов.

Наверное, только у таких родителей и мог вырасти смелый, отважный, упорный и упрямый сын, в котором с ранних лет развивали рыцарские качества.

> «По рассказам всех, кто помнил его в эти годы, он обладал также врождённым рыцарством, — *писала Лив Нансен.* — Если он видел, что обижают малыша, будь то мальчик или девочка, он тотчас был готов встать на защиту. Поэтому учителя любили его, а если порой и делали ему замечания, то скорее из заботы о его успехах, чем из раздражения против него».

Ходить до школы надо было три километра, поскольку располагалась она в Кристиании, но для любящего «вольный воздух» Фритьофа это было только в радость.

Вот только вскоре, когда юноше не исполнилось и шестнадцати, его постигло ужасное горе: умерла мать.

В семье была ещё одна смерть — сын отца от первого брака, Ханс Мольтке Нансен[14], умер, когда Фритьофу было 6 лет, но это особо не тронуло мальчика — брат был болезненный и мало времени проводил с малышами.

Мать же играла в их жизни одну из главных ролей. Она была для семьи всем: на ней держалось хозяйство, она была хозяйкой в доме, отличной женой и матерью.

Вторично овдовев, Бальдур Нансен был сломлен горем. Мальчики видели это и старались не расстраивать отца. К тому времени старшие дети Аделаиды уже выросли и выпорхнули из Стуре Фрёен, многие обзавелись собственными семьями. Большая усадьба была вдовцу с двумя сыновьями-подростками уже не нужна, поэтому её продали и семья переехала в Кристианию. С отцом жили сыновья Фритьоф, Александр и двадцатилетняя падчерица Сигрид, однако вскоре девушка уехала в Германию учиться живописи.

Фритьоф долго тосковал по лесам и горам, по привольному житью и всегда с нетерпением ждал прихода весны, которая представлялась ему «чудесной сказкой природы».

Глава вторая
Учёба в университете и первое путешествие

В 1880 году Фритьоф оканчивает школу, получив на выпускных экзаменах отличные отметки по естественным наукам и черчению, и перед ним встаёт вопрос: кем быть? Бальдур Нансен хотел, чтобы старший сын стал юристом, но Фритьофу эта стезя была не по душе. Зато на юриста стал учиться Александр — прямая противоположность своему неугомонному брату, тихий и усидчивый юноша.

Фритьоф же сначала решил стать военным — по совету отца — и даже подал заявление в Военную академию, но потом раздумал и забрал его.

Вскоре Фритьоф поступил в Кристианийский университет, выбрав в качестве специализации зоологию и естественные науки. Но перед этим выбором он также колебался и думал (хотя никогда не собирался быть врачом) обучение в университете начать с вводного курса на медицинском отделении. К счастью, время разобраться с собой у него было: на выбор специализации был отпущен целый год, потому что в то время вступительные экзамены сдавались в течение многих месяцев, что давало абитуриентам возможность определиться с собственными интересами.

Спустя много лет Нансен признавался, что зоология была выбрана им потому, что он «был страстным охотником, рыболовом, любителем лесов и по своей юношеской неопытности думал, что изучение зоологии связано с постоянным пребыванием среди природы, к которой чувствовал особое влечение».

Конечно, отца не могло не волновать такое «ветрогонство» сына, который был очень талантлив. Бальдур волновался, что юноша не станет получать серьёзное образование, а бросится в путешествия и развлечения на природе. Но строгое воспитание в детстве дало свои результаты: Фритьоф понимал, что в жизни необходимы настоящие знания. Позднее он сожалел, что не занялся всерьёз физикой и химией, которые были одними из его любимых предметов в школе.

И в университете Фритьоф не забросил своих увлечений спортом и охотой.

На проходивших в Норвегии состязаниях Нансен по длительным лыжным пробегам выходил на 1-е место двенадцать

раз подряд. Он вообще считал, что «лыжный спорт превосходит все другие виды спорта тем, что в большей степени, чем какой-либо другой, развивает волю и мужество». И успехи его были удивительны. Он научился прыгать с трамплина, как выходцы из Телемарка, а в состязаниях на горных лыжах в стиле телемарк был первым среди городских юношей.

Не меньших успехов достиг он и в конькобежном спорте, в 19 лет заняв второе место в национальных соревнованиях по бегу на коньках в 1881 году.

В университете у Нансена появился научный руководитель (друг семьи) профессор Роберт Коллетт, который посоветовал ему заниматься биологией тюленей. Именно профессор, видя увлечённость своего ученика, его неугомонный нрав и стремление быть побольше «на вольном воздухе», посоветовал юноше отправиться в первую научную экспедиции в северные моря на промысловом судне. Идея казалась нереализуемой, но профессор помог советом и рекомендацией, и вскоре студента Нансена взяли на шхуну «Викинг», оправляющееся на промысел тюленей в море между Гренландией и Шпицбергеном. «Викинг» был современным судном и помимо парусов имел ещё и вспомогательную паровую машину. Это судно специально готовили для плавания в северных морях: его корпус был укреплён двойной обшивкой из прочного вест-индского дерева гринхирта, а форштевень обит железом.

Для Фритьофа это путешествие стало настоящим подарком судьбы. Он продолжал дело рода, традиции своей семьи, недаром в детстве отец рассказывал ему о славном путешественнике и уважаемом гражданине Хансе Нансене, портрет которого висел в библиотеке в усадьбе Стуре Фрёен, и говорил маленькому сыну: «Старайся быть на него похожим!»

Отец Фритьофа, хоть и не был в восторге от выбора сына, тем не менее не только не стал возражать против опасного путешествия, но и поспособствовал ему. 23 января он телеграфирует своему близкому другу, живущему в Арендале, где располагалась штаб-квартира судовой компании, чтобы тот поддержал прошение сына и отрекомендовал его с нужной стороны. Друг немедленно связался с компанией и поручился за Фритьофа как за сильного и смелого охотника, прекрасного спортсмена и готового заняться любой грязной и тяжёлой работой юношу. Рекомендация сыграла свою роль — и Фритьофа включили в состав команды.

* * *

Утром 11 марта 1882 года из гавани Арендала будущая гордость Норвегии отправился в первое полярное путешествие к западной кромке льда к острову Ян-Майен, где находились детные залёжки — места «сбора» гренландских тюленей.

Не только традиции славного предка гнали его навстречу приключениям и великим открытиям, в нём бурлила кровь славных викингов. Нансен и сам был похож на настоящего светловолосого и голубоглазого викинга — недаром он спустя много лет стал моделью для Вереншёльда, иллюстрировавшего королевские саги.

Нансен и сам понимал, чья кровь течёт в его жилах. Вот как он сам писал об этом:

> «С самой зари бытия, неведомые, недоступные для человека, застывшие в мощном спокойствии смерти, дремали полярные страны под своим девственным ледяным покровом. Закутанный в белый плащ, простирал над ними холодные ледяные руки могучий йоттунг и сторожил их сон в течение тысячелетий. Проходили века — всё таким же оставалось безмолвие. И вот на заре истории далеко на юге поднял голову пробудившийся гений человеческого разума и стал озирать землю; на юге он нашёл тепло, на севере — холод и за гранью неведомого поместил два царства: всепожирающего зноя и губительной стужи. Перед всё возраставшим стремлением человеческого разума к свету и знанию границы неведомого мало-помалу отступали, пока не остановились на Севере, у самого порога великой ледяной могилы природы, беспредельного безмолвия полярных стран. До этой поры победоносно пробивавшиеся вперёд отряды не встречали на пути своём непреодолимых препятствий и смело двигались дальше.
>
> Здесь же встали перед ними великаны йоттуны в союзе со злейшими врагами жизни — льдом, морозом и долгой полярной ночью. Отряд за отрядом устремлялся на Север — за тем лишь, чтобы потерпеть поражение. Новые ряды стояли наготове, чтобы идти вперёд, дальше своих павших предшественников.
>
> Невыразимо медленно проникал взор человеческий сквозь мглу Ледовитого моря: за стеной тумана лежала мифическая страна Нифльхейм. Там предавались своим диким потехам римтурсы. Зачем же люди устремлялись туда? Туда, на Север, где во мраке и стуже стоял

Хельхейм, чертог богини смерти; где находился Нострандг — берег мёртвых. Туда, где не могло свободно дышать ни одно живое существо. Туда устремлялся отряд за отрядом — зачем? Чтобы вернуть в мир живых своих мёртвых, подобно Херморду, отправившемуся за Бальдером?

Нет, знания для будущих поколений — вот чего искали они и приносили с собой оттуда. И кто хочет увидеть гений человеческий в его благороднейшей борьбе против суеверий и мрака, пусть прочтёт историю арктических путешествий, прочтёт о людях, которые в те времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верной смертью, всё-таки шли с развевающимися знамёнами навстречу неведомому. Нигде, пожалуй, знания не покупались ценой больших лишений, бедствий и страданий.

Но гений человеческий не успокоится до тех пор, пока не останется и в этих краях ни единой пяди, на которую не ступала бы нога человека, пока не будут и там, на Севере, раскрыты все тайны. Миля за милей, градус за градусом пробирались мы, люди, вперёд, напрягая все свои силы. Медленно наступает день; мы всё ещё находимся в сумерках рассвета, и тьма неизвестности царит над обширными пустынями, окружающими полюс.

Наши предки, древние викинги, были первыми полярными мореплавателями. Говорят, будто их плавания по Ледовитому морю не имели значения, так как не оставили после себя прочных следов. Но это неверно. Как не подлежит сомнению, что нынешние китоловы в своей непрестанной борьбе со льдами и морем являются пионерами исследования полярной области, так же несомненно и то, что древние норманны с Эриком Рыжим, Лейфом и другими во главе были авангардом, первыми пролагателями путей для всех последующих полярных экспедиций.

Не следует забывать, что они были не только первыми мореплавателями, отважившимися пуститься в открытое море, но и первыми, отважившимися на борьбу со льдами. Задолго до того, как другие морские нации рискнули расстаться с прибрежными водами, наши предки бороздили моря вдоль и поперёк, открыли Исландию и Гренландию, заселили эти страны, а впоследствии нашли Америку и не страшились

переплывать Атлантический океан от Гренландии до Норвегии. На своих беспалубных судах им не раз приходилось вести трудную борьбу со льдами у гренландских берегов, и немало их, несомненно, пало в борьбе.

Влекла их в эти плавания не только страсть к приключениям, хотя, конечно, эта страсть — одна из отличительных черт характера нашего народа, но и необходимость найти новые земли для многих беспокойных удалых голов. Норвегия для них становилась слишком тесной. Влекла их также подлинная жажда знания».

Но не стоит делать из юного Фритьофа героя, который с пелёнок знал, что именно будет целью его жизни. Наверняка молодого человека гнало в путешествие на «Викинге» и желание поохотиться, вырваться из стен университета, оказаться на воле и почувствовать себя настоящим морским волком. Однако на корабле его воспринимали не как морского волка, а как салагу. Боцман даже советовал капитану Акселю Крефтингу взять на борт не никчёмного, по его мнению, студентика, а опытного зверобоя.

Поначалу студент действительно был абсолютно никчёмным — валялся на койке в своей крошечной каюте, страдая от морской болезни. Ничего хорошего в путешествии Фритьоф не видел — кругом одно однообразное море.

Именно в первые дни плавания в его дневнике появилась запись:

«Полярное море — это нечто совершенно особенное, не похожее на всё остальное, а прежде всего не похожее на то, как мы его воображаем. Я много читал о нём, прежде чем увидел своими глазами, и представлял его как мир грандиозных ледяных гор, на фоне которых возносятся к небу гордые башни и зубцы из сверкающего льда всевозможных форм и цветов. На деле же оказалось ничего подобного: плоский белый лёд качается на зелёно-голубом море, а над ним сменяется туман, сияние солнца, буря, штиль. Вот и всё, что я пока увидел».

На четвёртый день налетел шторм, на палубу обрушилась рея, матросы принялись за дело, а студент всё лежал пластом на своей койке.

Но чудо всё-таки произошло: на следующее утро после шторма Фритьоф проснулся в прекрасном настроении — морская болезнь ушла, чтобы больше уже никогда к нему не возвращаться,

в дневнике появилась запись:

«Жизнь прекрасна».

А вечером он раскурил взятую в путешествие трубку, набитую голландским табаком.

Выздоровев, Нансен стал полноправным членом экипажа и выполнял чёрную работу наравне с матросами, благо силы у него было хоть отбавляй. Да ещё оставалось время на записи в дневнике, зарисовки и научную работу.

Каждый день, когда не было шторма, Нансен тщательно измерял температуру морской воды на разных глубинах и получил очень интересные результаты, которые, как он рассчитывал, могли позволить в пух и прах разбить теорию шведского физика Э. Эдлунда, утверждавшего, что морской лёд образуется не на поверхности, а на глубине 100 метров, куда опускается переохлаждённая вода. Фритьоф на основе своих измерений понял, что в период образования первых тонких пластинок «блинчатого» молодого льда вода на больших глубинах теплее, чем на поверхности моря, и вовсе не переохлаждена. Так что «блины» не могут образовываться на глубине. Круглая форма «блина», по совершенно справедливому мнению студента, была результатом трения дисков друг о друга при лёгком волнении. Кроме того, солёность воды на глубине такова, что лёд там образоваться не может.

К сожалению, вскоре после возвращения из экспедиции Нансен забыл о намерении составить таблицы своих ежедневных регулярных наблюдений, доказывающие эту теорию, хотя, как показало время, Нансен был на верном пути. Он впервые получил следующие данные: при температуре воздуха -1–8° на поверхности температура воды была около -1,7°, на глубине 37 метров падала до -1,9°, а вот на 90-метровой отметке поднималась до -1,3°. В другом месте результаты измерений оказались ещё интереснее: на глубине 40 метров под поверхностным холодным слоем температура воды вдруг оказалась + 1–1,5°, затем на глубине 70 метров температура резко падала, а вот на 120–200 метрах вновь «прыгала» до + 1,5°.

Фритьоф вёл метеорологические наблюдения и, если не было шторма, ловил драгой морских животных. «Возня с приборами» была его товарищам-матросам совершенно непонятна! Зато они с радостью приняли «ноу-хау» студента, когда тот к драге стал прикреплять крючки, на которые попались королевские креветки длиной 13–15 сантиметров — отличное блюдо на завтрак команде, но это случилось уже возле Гренландии.

И ещё Нансен подолгу разговаривал с капитаном

Крефтингом, которого считали одним из самых отчаянных полярников.

> «Для меня время не тянется медленно, — *писал Нансен в своём дневнике.* — В этой новой для меня жизни есть на что посмотреть, есть чему поучиться… Мы с капитаном приятно ужинаем вдвоём, я жадно внимаю его рассказам о зверобойном промысле, о жизни на Севере. Потом приходят штурман и стюард, я слушаю их разговоры о событиях прошлых лет, о мореплавателях, и в особенности о перспективах тюленьего промысла».

Говорилось в эти дни очень много о том, как бы не пропустить детную, или щенную, залёжку — ледяное поле, где самки гренландского тюленя приносят детёнышей в возрасте 5–7 дней (бельков). Именно красивые белые шубки бельков были и остаются основной целью зверобоев по сей день во многих странах (в России охота на бельков запрещена с 16 февраля 2009 года). Можно назвать эту охоту абсолютно варварской, потому что бельки до первой линьки малоподвижны, ещё не умеют плавать и поэтому на них легко охотиться[15].

Однако для зверобоев обнаружить детную залёжку — значило поймать своё счастье. Но найди-ка её в океане попробуй! Можно пройти возле самой залёжки, не заметив её, и вернуться в порт с пустыми трюмами. Крупного зверя били из ружей с 8–50 метров, молодняк убивали баграми. С убитых зверей на льду снимали шкуры вместе с подкожным жиром — так называемые хоровины.

Капитан рассказывал студенту о льдах, которые, повинуясь какой-то невиданной силе и подводным течениям, перемещаются вдоль острова Ян-Майен, — и никто не знает, где и в каком месте они встретят корабль.

18 марта «Викинг» вошёл в зону льдов.

> «К вечеру сообщили о появлении первых льдов, — *писал Нансен.* — Я мигом выскочил на палубу, но сначала в темноте не мог ничего различить. Ах, вот!.. Из мрака выступает что-то белое. Оно растёт, растёт, становится всё белее, сверкает белизною на тёмном фоне ночи. Это первое ледяное поле, оно приплыло из необъятных ледяных просторов, которые, как мне известно, раскинулись там, на Севере, в царстве полярной ночи, озаряемые светом звёзд и северного сияния…
>
> А вот и ещё льдины. Они появлялись из темноты белыми пятнами, проплывали мимо нас с хрустящим

шумом, покачиваясь на волнах и, белея, уплывали вдаль… Но откуда же этот своеобразный хруст и шелест на Севере? И этот жуткий свет?.. Да, настоящий свет! Только теперь я разглядел его ясно. На юге небо было затянуто ровной тёмной облачной завесой, но на севере эта завеса была озарена снизу белым светом, лившимся с севера на запад. Ярче всего он был на горизонте, доходя, однако, до самого зенита.

Это было отражение белых ледяных полей на проходивших над ними облаках. Шумели волны, плеща о кромку льда, и льдины, ударяемые зыбью одна о другую. Больше ничего не видно, но мы подходим к льдам всё ближе и ближе. Свет усиливается — вокруг нас появляется больше дрейфующих льдин… Много читал я о мире льдов, много картин создавала моя фантазия, рисуя мне встречи со льдами, но и самые невероятные формы льдов, айсбергов вышиною с башню, встречающиеся в фантастических описаниях полярных путешествий, вряд ли могли бы произвести на меня большее впечатление, нежели эта ночь с жутким освещением северного горизонта, этот как будто нереальный хрустящий шум и крупные белые льдины на чёрном фоне ночи. А затем за облачной завесой, постепенно растаявшей, вспыхнуло северное сияние».

Но льды оказались коварны — и вскоре студент на себе ощутил их силу.

Когда разыгрался шторм и казалось, что белые исполины сомкнут сейчас свои объятия и утащат «Викинг» на дно, капитан принял необыкновенное решение. «Войти во льды!» — приказал он команде. Матросы спустили паруса, но судно с бешеной скоростью продолжало нестись вперёд. Корабль, вспоминал уже в старости Нансен, швыряло из стороны в сторону, а глыбы льда со страшным треском наползали друг на друга.

Примолкшая команда ждала новых приказов — и вдруг прямо перед носом корабля из воды появилась огромная ледяная стена и зависла над палубой, в любой момент готовая раздавить его. Капитан мгновенно вывернул руль и увел судно от удара — но не до конца: треск и звон сотрясли воздух, это айсберг повредил борт «Викинга».

Чем дальше входил корабль во льды, тем меньше становилась качка, но буря всё ещё не унималась. Никто не знал, доживут ли они до восхода солнца.

Однако утро принесло тишину и покой — вокруг тянулись

белые ледяные поля.

Описания Нансена необыкновенно поэтичны — недаром он был признан одним из лучших писателей своей страны. «Солнце заходит, — писал Нансен о наступивших белых ночах, — после девяти часов вечера, и в то время, как оно продолжает свой круг за каймою льдов, небо северного горизонта превращается в море световых красок. То на нём отблески льда, то глубокою синевою отражаются участки чистой воды, то оно рдеет заревом пылающего за горизонтом солнца, то золотится в тех местах, где пурпур сливается с отблеском неба. Кое-где нависли пурпурные облака с золотистыми краями. А повыше — бледно-зелёный цвет переходит в блёклую лазурь эфира.

Вокруг нас на тёмной воде дрейфуют белые льдины. Как разнообразны вблизи их формы и цвета! Под водой льдины отливают зеленоватыми оттенками, по краям и в трещинах — голубоватыми, в углублениях в подводной поверхности торосов, размытой волнами, мерцают ультрамарином.

Как нереальны, как нежны и прозрачны все эти краски!

А дальше — необъятная ширь дрейфующих льдов и за её пределами — необъятная тёмная гладь моря.

Одинокая полярная чайка лёгкими взмахами крыльев рассекает светлый воздух, вдали реет чайка-бургомистр, слышатся протяжные печальные звуки, напоминающие флейту. Большая чёрная голова нерпы бесшумно покачивается на блестящей поверхности воды. Выпучив круглые глаза, она смотрит на судно, подымает нос кверху и так же бесшумно исчезает в море».

26 марта «Викинг» встретил знаменитую «Вегу», мотопарусное судно, на котором в 1878–1879 годах шведский путешественник Нильс Адольф Эрик Норденшёльд первым прошёл Северо-Восточным проходом. Именно Норденшёльд в 1883 году первым предпримет попытку подняться на ледяной купол Гренландии.

Вскоре «Викинг» повстречал и другие корабли — зверобои искали детные залёжки, но найти добычу никому не посчастливилось. Вместе капитаны выработали план, где искать зверя. Переходить с корабля на корабль опытным морякам было совсем не сложно — они прыгали по льдам. А однажды льдины сомкнулись вокруг судна Кретинга и вызволять его из белого плена пришлось всем вместе: люди бегали по льду, раскачивая сверкающий панцирь, а капитан пытался заставить свой «Викинг» пробиться в чистую воду. Общими усилиями это удалось.

16 апреля Нансен на одной из льдин заметил что-то серое. Пошёл туда. Серое на льдине оказалось плавником — остатками

оббитого волнами, истертого льдами дерева. Такие деревья выносятся в океан реками.

Сначала Фритьоф решил, что плавник принесён Гольфстримом из Америки, «но потом сообразил, что это дерево, как и вообще плавник, прибиваемый к гренландским берегам, принесено дрейфующими льдами из Сибири. Но этот плавник, пожалуй, сильнее всего убедил меня в факте постоянного дрейфа льда в Северном Ледовитом океане, дрейф этот начинается в море, находящемся к северу от Сибири, и продолжается здесь с Восточно-Гренландским полярным течением. Здесь я решил, что такой дрейф льдов может быть использован для экспедиции в этот неведомый Северный Ледовитый океан».

Нансен не только подумал, но и претворил в жизнь тот свой план. А пока он был ещё только в первом своём путешествии.

Когда было относительно тихо на море, члены команды спускались на лёд, прыгали со льдины на льдину и даже плавали на них, как на лодках. Нельзя сказать, что, даже несмотря на прекрасную физическую подготовку, Нансен сразу показал чудеса ловкости и сноровки. Вовсе нет — всякое случалось: и со льдины в ледяную воду соскальзывал, и с трудом сумел спуститься во время шторма из смотровой бочки на верху мачты. Но никогда он не дал повода усомниться в собственной смелости и мужестве. Это ценили даже бывалые зверобои, которые ждали, когда же студент начнёт хныкать и над ним можно будет посмеяться… Выяснилось — никогда!

И ещё Фритьоф прекрасно стрелял. Уже в конце жизни Нансен скажет, что «всегда занимался пятью видами спорта: коньками, лыжами, охотой, греблей и яхтами». Именно охота спасала Фритьофу и его товарищам жизнь в экспедициях.

Отношение к охоте в современном мире становится резко отрицательным, а тем не менее издревле охота была чисто мужским занятием.

Вторя Нансену спустя почти сто лет, Юрий Казаков, которого критики единодушно объявили продолжателем традиций И. С. Тургенева, писал об охоте на Севере:

> «Вода спокойна, но всё вокруг точно зыбится, видения, миражи окружают нас — то вдруг погрузишься будто бы в водоворот, и странно, что нас не заливает водой, стеной вздыбившейся вокруг; то вознесёшься, и кажется тогда, что видишь не только горизонт, но и то, что за горизонтом, — блестят озёра, лениво извиваются реки… Оглянешься назад — шхуна висит в воздухе, прищуришься, всмотришься, — нет, не висит, а стоит на

некоем прозрачном воздушном столбе. Вот слева на льдине люди что-то делают, над чем-то копошатся, сходятся и расходятся, и одна только в них странность: все они будто в белых балахонах. А справа медведь на краю льдины пьёт воду из лужи, и брюхо у него жёлто-косматое и чёрные с алым оборки губ, а глаза чёрные… Гляжу на своих товарищей — нет, никто не шевелится, никто не хватается за винтовку, сидят неподвижно, оцепенело, сонно поводят глазами, а человека три уж и спят, свернулись на дне катера, надвинув шапки на глаза… Устали!

И вот откуда-то приходит, как слабый ток, и охватывает меня тревожное предвкушение чего-то необыкновенного. Всё сделано: пройдены сотни километров во льдах, сети поставлены, загон готов, моторы катеров отрегулированы. Шхуна спит, овеваемая тёплым воздухом из тундры, и дежурит на мачте вахтенный матрос. Он ждёт появления белух. А пути её загадочны! Никто из зверобоев не знает, где она, в каких таинственных водах появляется, почему так упорно и постоянно идёт Ледовитым океаном на восток и куда потом уходит.

<…> Воздух, как и вода, неподвижен. Жарко так, что вдруг ощущаешь всю неуместность зимней шапки, телогрейки, ватных штанов в июле. Но вот невдалеке появляется чёрная полоска ряби на воде, полоска эта ширится, приближается, захватывает нас, и тогда от набежавшего ветерка дохнёт вдруг такой ледяной стужей, что сразу хочется спрятаться куда-нибудь, надвинуть поглубже шапку, запахнуться…

Я съезжаю на дно катера, прислоняюсь спиной к скамейке и поднимаю глаза. Во всём видимом небе неподвижно стоят три облака. Озарённые отражённым ото льдов светом, они нежны и лучезарны.

Заглядевшись на облака, я вспомнил все последние дни, проведённые на шхуне, и своё ощущение покоя, сознание важности того, что происходило вокруг. Я почти не спал, дни и ночи проводя на палубе. Да и мало кто спал — всё-таки раз в году выходили эта шхуна и её команда на промысел белухи; повезёт ли, не затрёт ли льдами, не потопит ли штормом на обратном, уже осеннем пути?

Как весело все эти дни было на полубаке, как были все оживлены, как споро и аккуратно работали — кто в

телогрейке, кто в свитере, кто в рубахе, а кто и голый по пояс. Чинили и связывали вытащенные из кладовки и из трюмов сети, привязывали к ним поплавки из пенопласта, копались в моторах катеров, шпаклевали и красили днища шлюпок, гарпунёры пристреливали свои винтовки, и сухое эхо дробилось и отскакивало от многочисленных льдин.

Кругом до самого горизонта был лёд. Иногда стукнет глухо, проскребёт под скулой шхуны льдина, потом вывернется с шипением. Или её затянет под киль, и там она дрожит в водяных токах, выбивается в сторону, ползёт по круглому дну шхуны, вдруг со вздохом и шуршанием выскакивает у борта, растёт, поднимается торчком чуть не до мостика и с шумом валится плашмя».

17 апреля зверобои «Викинга» впервые увидели на льду стадо тюленей, но и животные успели «засечь» корабль и кинулись в воду. Однако с этого дня удача наконец улыбнулась охотникам — вскоре стада тюленей стали попадаться всё чаще и чаще.

Хоть тюленей было на льду так много, что казалось, местами он совершенно чёрный, это вовсе не значит, что животных легко добыть. На охоте нужны осторожность и сноровка. Зверей надо убить выстрелом только в голову и ни в коем случае не в туловище, потому что раненое животное будет биться на льду и распугает сородичей. А когда голова зверя мгновенно падает на лёд, на него никто не обращает внимания. Потом шлюпка должна подойти к убитым зверям, и тут тоже надо не дать маху, а быстро освежевать тушу.

Поначалу товарищи не хотели брать с собой в лодку на промысел неопытного студента.

К некоторым животным по воде подойти нельзя — надо идти по льду. Бежать тяжело — ноги проваливаются в невидимые трещины, и тут очень помогают специальные ботинки со стальными шипами на подошве. Когда же подберёшься поближе к стаду, надо лечь и ползти, а это очень и очень тяжело. А затем надо ещё прицелиться и метко выстрелить.

Самым трудным для Нансена, как выяснилось впоследствии, оказалось научиться свежевать тушу. Зверобои делают это всего несколькими движениями: одним во всю длину туловища, другим вокруг головы, ещё несколько специальных надрезов — и хоровина (шкура с подкожным жиром) снимается, как перчатка. Туши часто оставляли чайкам, которые немедленно слетались на пиршество. Однако он научился и этому искусству (случилось это, правда, не скоро — к охоте Нансена допустили только 13

мая, когда заболел стрелок на одной из шлюпок).

Однако даже ради любимой охоты Фритьоф не мог жертвовать научными исследованиями. Хоть и не каждый день, но довольно часто, когда команда засыпала мертвецким сном после тяжёлой работы, он делал зарисовки на море, проводил измерения, фиксировал содержание желудков тюленей…

Погода же тем временем ухудшалась — дул ужасающей силы ветер, валил снег, да ещё на море опустился туман. «Викинг» повстречался с промысловыми судами, с которыми расстался, ускользнув из ледового плена. И тут капитану Крефтингу пришлось поволноваться: оказалось, что корабли возвращаются домой с набитыми добычей трюмами. «Кап-Норд» «взял» шесть тысяч шкур, «Хекла» — двенадцать тысяч, «Альберт» — четырнадцать. Останься тогда «Викинг» в ледовом плену — и ему бы повезло, потому что затёртые льдами оставшиеся суда неожиданно «вынесло» на детные залёжки. Но такова уж судьба зверобоя — никогда не знаешь, где повезёт.

Однако Крефтинг и не думал сдаваться — он верил, что удача сопутствует лишь упорным. И в конце концов «Викингу» повезло.

Приблизившись 2 мая к Шпицбергену, капитан приказал уходить на запад, поскольку в водах Шпицбергена (Свальбарда, как зовут его норвежцы) морской тюлень не держится.

3 мая зверобои добыли 33 тюленя, но разве можно было сравнить их количество с 14 000 «Альберта»!

А вот 7 мая «Викинг» встретил не стадо тюленей, а красный лёд, который охотники называют «тюленьим». В дневнике Фритьофа появилась запись:

> «Нижняя поверхность молодого льда иногда красноватого цвета. Сегодня мы шли сквозь такой лёд. Я попросил спустить шлюпку и добыл кусок для микроскопического анализа. Оказалось, что красный цвет объясняется присутствием мельчайших растительных организмов, которые держатся на нижней поверхности льда. Это были различные виды кремневых водорослей, которые настолько ярко окрашивают лёд, что когда он ломался под судном, то море поблизости казалось кровавым.
>
> Крефтинг говорит, что такой лёд обычно встречается там, где находится детная залёжка. Это правдоподобно. Если нижняя поверхность льда краснеет от этих растений, значит, их находится в воде очень много, а они служат пищей для мелких животных, например

ракообразных, которыми, в свою очередь, питаются тюлени, в особенности детёныши».

10 мая «Викинг» повстречал кита. Нансен записывает в дневнике:

«Мы видели редкого гостя в этих водах — огромного гренландского кита, который несколько раз всплывал вблизи судна, выбрасывая струю водяных брызг. В отличие от крупных сельдяных китов у них нет плавников на спине. Именуется он „полосатиком“. В прежние времена этот ценный кит в изобилии водился в арктических водах, преимущественно вдоль кромки льдов Шпицбергена. Целые флотилии крупных промысловых судов отправлялись — в особенности в XVII и XVIII веках — промышлять этих китов, главным образом для удовлетворения женского тщеславия: китовый ус шёл на женские корсеты и корсажи. Китовый жир тоже был нужен — из него вытапливали ворвань для ламп.

Гренландский кит средней величины даёт 20 тонн сала, а самые матёрые даже 30 тонн. Общий вес кита примерно 70 тонн. Своё неуклюжее тело передвигает он в воде при помощи мощного хвоста. Голова у него — почти треть всего тела.

Область распространения гигантского кита ограничена. Об этом свидетельствует такой любопытный факт: в Дэвисовом проливе был добыт необыкновенно крупный кит, в жировом слое которого обнаружили гарпун с меткой корабля „Жан“ и датой сорокалетней давности. Корабль этот затонул в Дэвисовом проливе, а кит ещё десятки лет продолжать странствовать в тех же водах».

Нансен был настоящим учёным и настоящим же охотником, который убивает не ради убийства, а ради добывания средств к существованию (именно это лежит в основе зверобойного промысла). И потому он делает следующий вывод:

«История истребления кита — позорная глава истории человечества, она лишний раз доказывает, как мы ещё далеки от того, чтобы считаться разумными, здравомыслящими существами. Мы уничтожаем одного из самых крупных великанов природы, не приносящего никому никакого вреда. Мы не можем прийти к

международному соглашению для предотвращения варварского истребления полезного животного и для сохранения источника постоянной и верной выгоды. Получается такое впечатление, что люди, охваченные хищническим инстинктом, сознательно закрывают глаза на это дело».

Надо сказать, что слова Нансена при его жизни услышаны не были, как, впрочем, не услышаны они и до сих пор.

Самая свирепая охота на морских гигантов началась в первой половине XX века в водах Антарктики. Первыми в 1904 году в эти места приплыли китобойные флотилии Норвегии. Через год туда уже отправились английские суда, а затем и флотилии Европы и Америки. Однако уже в 1930-е годы мировая общественность начала осознавать последствия безжалостного истребления самых крупных млекопитающих на Земле. В 1931 году в Женеве было подписано первое международное соглашение по регулированию китобойного промысла. Следующее соглашение было подписано в 1937 году в Лондоне девятью китобойными державами. Протоколы соглашения были ратифицированы на следующий год, а затем вторично — в 1945 году. Затем в течение ряда лет было подписано ещё много важных документов.

Так, в 1966 году Международная китобойная комиссия ввела запрет на добычу голубых китов. А с 1976 года МКК запретила добычу в северной части Тихого океана финвалов и сейвалов. С октября 1979 года был полностью запрещён пелагический промысел китов в северной части Тихого океана (однако продолжалась добыча китов береговыми комбинатами Японии). И наконец, в 1982 году МКК был объявлен мораторий на коммерческий промысел китов в Мировом океане, который действует до сих пор. Россия, Дания, США получили разрешение на аборигенный промысел китов (около 130 серых и 5 гренландских китов ежегодно) для обеспечения пищевых и культурных нужд малочисленных коренных народов Крайнего Севера. Однако до сих пор в водах Арктики промышляют и пираты.

13 мая Нансена впервые взяли на охоту вместо заболевшего стрелка (в шлюпке мог находиться только один стрелок). Вот какая запись появилась в тот день в его дневнике:

«Нас спустили на воду, и мы на вёслах пошли по направлению, где были замечены тюлени. Волнение было изрядным.

Крупная зыбь швыряла льдины, и следовало смотреть в оба, чтобы они не раздавили шлюпку. Притом

волны перекатывались через низкие льдины, образуя воронки водоворотов. Нелегко стрелять при такой зыби!

Мы напали на лёжку молодых крапчатых тюленей. То были главным образом годовалые звери, которые пугливее старых.

Первые звери, когда мы приблизились, успели скрыться в воде, не подпустив на выстрел. Но потом нам повезло: мы убили трёх на льду, одного на воде, затем ещё четырёх на льду. Под конец дело пошло ещё лучше, мы добыли всех зверей, каких там только встретили.

На следующей льдине два тюленя лежали рядышком и спали. С трудом выбравшись из водоворота, наша шлюпка приблизилась к ним на выстрел. Нас отделяло сравнительно небольшое расстояние, но ни один зверь не подымал головы. Я жду — ни один не шелохнётся. Я прицелился в того, что поближе, хотя он лежал так, что стрелять было неудобно.

Прогремел выстрел. Зверь лежал всё так же неподвижно, и только струйка крови, образовавшая во льду круглую красную ямку, показывала, что пуля попала в цель.

Другой тюлень при звуке выстрела приподнял голову, осмотрелся, взглянул искоса на своего навеки уснувшего товарища и снова спокойно разлёгся. Мне из-за туши убитого зверя был виден только его затылок. Делать нечего, я выстрелил, но пуля лишь слегка задела тюленя, он быстро приподнялся и заковылял к воде. Новый выстрел уложил его на самом краю льдины.

Затем мы заметили двух тюленей, с разных сторон льдины спускающихся к воронке. Я выстрелил сначала в одного. Он упал раненый. Вторая пуля снесла ему череп. Я прыгнул на льдину, чтобы найти другого тюленя. Я налетел прямо на него. Он поднялся и бросился наутёк. Я выстрелил, и голова его разлетелась на части.

Тюленей здесь было не много, скоро наша побойка кончилась, так как на судне подняли сигнальный флаг, — нам пришлось вернуться на борт. В нашей шлюпке было 13 убитых тюленей. Мы добыли больше всех и заняли первое место».

24 мая «Викинг» пристал к южному берегу Исландии. «Как безрадостна эта земля! — написал Нансен в дневнике. — Нигде не встретили мы весенней зелени. Лишь чёрные пятна лавы со всех сторон. Но всё же как хорошо вновь очутиться на твёрдой

земле! И солнце кажется здесь таким тёплым, хотя оно тщетно старается пробудить жизнь на этих мёртвых полях!»

Отдых на земле был коротким — уже вечером «Викинг» отправился дальше, к Гренландии, где капитан рассчитывал добыть хохлачей.

Когда 30 мая на судне заметили большую залёжку, то Нансену доверили одно из наиболее почётных и ответственных дел в тот день: он был назначен стрелком на самую большую из 10 шлюпок. И не подвёл капитана — «команда» Фритьофа часто бывала первой в зверобойном промысле по результатам дня.

Однако даже в эти жаркие денёчки Нансен не переставал заниматься научными измерениями и исследованиями. Так, в Датском проливе его поразил цвет воды — какой-то бурый. Нансен пришёл к выводу, что это микроорганизмы, поскольку стоило лишь в этих водах опустить драгу, как в течение короткого времени в неё попадало большое количество ракообразных и водорослей.

Морякам приходилось тяжело: несмотря на календарное лето, в водах Гренландии было огромное количество айсбергов и льдин. Многие из них угрожали раздавить корабль. Однажды «Викинг» попал в такую передрягу, что капитан собирался даже эвакуировать экипаж на льдину, прихватив с собой необходимые припасы и несколько шлюпок. Но, к счастью, всё обошлось.

> «Северный Ледовитый океан, — *писал Нансен,* — приносит много разочарований и неприятных неожиданностей, но надо уметь терпеливо сносить их».

Вскоре команде «Викинга» действительно пришлось оказаться в неожиданной и неприятной ситуации: 27 июня, когда рассеялся туман, окутавший плотной стеной корабль, люди увидели, что оказались в ледяном плену. «Викинг» вмёрз в лёд и начал невольный дрейф. Нансен констатировал: «Перспективы печальные».

Однако и в тяжёлые дни можно найти азартные и полезные развлечения. Например, охоту на белого медведя и акул, которые в больших количествах появлялись в разводьях поблизости от корабля.

Надо сказать, что из-за белого медведя студент стал посмешищем в глазах всей команды.

Как-то он сидел в смотровой бочке и рисовал горные вершины ледяной Гренландии. И вдруг снизу раздался насмешливый оклик: «А медведя-то ты прозевал!»

И правда — у самого носа корабля стоял белый красавец! Фритьоф скатился с мачты и бросился за ружьём. Но медведь, не

будь дураком, успел улизнуть. Хоть и поскакал студент за ним по льдинам, но догнать всё равно не смог.

Позора было не обобраться — ведь юнга в тот день был вперёдсмотрящим!

Однако через несколько дней судьба дала Нансену шанс отыграться. К кораблю подошел ещё один медведь, и Фритьоф вместе с капитаном и одним из матросов бросились за ним в погоню. У студента было преимущество, поскольку бежал он без куртки, лишь в шерстяной одежде и гимнастических ботинках. Прыгая со льдины на льдину, он не удержался и сорвался в ледяную воду, успев, к счастью, отбросить ружьё на лёд, затем и сам выбрался и продолжил преследование. Улучив момент, Фритьоф выстрелил, но медведь, вильнув в сторону и бросившись в разводье, хоть и был ранен в лапу. Нансен, сделав гигантский прыжок, приземлился на льдину посредине разводья, и тут у самых его ног показалась морда белого медведя. Взбешённый зверь собирался броситься на наглеца, но студент успел первым и выстрелил ему прямо в грудь. Его самообладания хватило даже на то, чтобы не дать мёртвой туше утонуть — он придерживал зверя за уши на плаву, пока не подоспели другие охотники.

Капитан похвалил студента и велел ему возвращаться на корабль, чтобы переодеться в сухую одежду, а сам с матросами собирался продолжить преследование ещё трёх медведей. Нет, Фритьоф не мог упустить такой охоты! Он умудрился уложить ещё двух медведей, а потом, после долгой погони, последним патроном добил и третьего. После этого случая никто на «Викинге» и слова плохого ему не говорил.

А Нансен заболел Гренландией. На склоне дней об этом архипелаге он напишет следующее, основываясь на записях в своём дневнике:

> «Да ведь это Гренландия! Горные вершины восточного побережья последней, ещё неизведанной части этой страны. <…>
>
> Цепь горных вершин тянулась с юга на запад и дальше на север. Значительная часть земли покрыта снегом, там, очевидно, много ледников и фирновых[16] полей, но видны также обширные проталины и тёмные горные вершины. Материковые льды, покрывающие внутреннюю часть Гренландии, скрыты от наших взоров. <…> Не раз пытались мы проникнуть внутрь страны, но ни одна попытка не увенчалась успехом. Дрейфующие льдины словно стерегли землю, охватив её широким поясом, лёд в этой части Датского пролива всегда очень

сплочён и препятствует высадке на берег с моря. Много мыслей проносилось в моей голове, когда я, сидя в дозорной бочке, рассматривал в подзорную трубу вершины горной цепи одну за другой. Вот бы проникнуть в глубь этой страны, пройтись по этим долинам, перевалить через эти горы и ледники! <…> Неужели это невозможно?»

Помимо развлечений Нансен не забывал и о научной работе, ради которой его, собственно, и взяли на борт «Викинга». Кроме исследований морских обитателей он продолжал наблюдения за льдом и многообразием его форм. Именно в это время Нансен обращает внимание на бурый или грязно-серый налёт, который был на старых тяжёлых льдах, и задаётся вопросом, откуда он появился. У него было две версии: что это пыль, которая приносится ветрами, и что льды при своём формировании дрейфовали близ открытой земли, с которой также ветрами были принесены частицы пыли. Но помимо пыли он обнаружил на льду ещё и комочки ила. Позднейшие исследования, проведённые шведскими профессорами через два года после плавания на «Викинге», показали, что ил этот органического происхождения с примесью частиц земли. В результате в нём было обнаружено 16 видов микроскопических водорослей. 12 из них встречались лишь в море к северу от Восточной Сибири, что указывало на связь между морями у Бергингова пролива и у восточного побережья Гренландии.

Эта находка, как писал Нансен, была впоследствии одним из тех фактов, на которых он выстроил свою теорию о постоянном дрейфе льда из морей к северу от Сибири через Полярный бассейн.

«На судне, — *писал Нансен,* — я представлял для всех какую-то загадку, люди не раз ломали себе голову над тем, зачем я, собственно, копаюсь в кишках тюленей, медведей, птиц, измеряю температуру воды и занимаюсь многими другими, тоже как будто никчёмными делами. Однажды наш плотник спросил капитана: „А кем, собственно, будет потом этот Нансен?“ Капитан был несколько озадачен таким вопросом и сказал, что, по его мнению, я собираюсь быть натуралистом. Плотник никак не мог понять… и возразил: „Ну нет!.. А вот я вам скажу, кем он будет: скотским доктором!“ <…> У меня, разумеется, были все основания чувствовать себя польщённым таким вотумом доверия!»

Студент действительно был представителем непонятного для простых мореходов мира.

Однажды во время дрейфа «Викинга» у берегов Гренландии ему непременно захотелось посмотреть на айсберг, который плавал неподалёку (всего в «каких-то» десяти — двенадцати километрах от корабля). Капитан был против рискованного предприятия, потому что в этих местах в любую минуту мог опуститься густой туман и тогда найти путь обратно для смельчаков было бы практически нереально. Но Фритьоф не унимался и, когда до айсберга осталось всего километров восемь, отправился в путешествие вместе с несколькими матросами. Вскоре они достигли цели. Айсберг был довольно небольшой — около 40 метров высоты над поверхностью воды, а его изрезанные ступеньками склоны буквально усеяны странными камнями, многие из которых были невероятно тяжёлыми.

> «Нелегко, — *писал впоследствии Нансен,* — было подняться на верхушку айсберга. Почти повсюду обрывы, уступы и лёд довольно твёрдый и гладкий. Цепляясь за ледяные выступы руками и ногами, мы лезли вверх. Наконец мы взобрались на его вершину, с которой открывался великолепный вид на ледяные просторы. Но с северо-востока надвигался густой туман. До судна было с милю, а идти по неровному льду не так-то легко. Скорей, скорей обратно на судно!
>
> Спускаясь по склону, я захватил с собой несколько камней и на скорую руку зарисовал айсберг, Но я не успел закончить набросок. Туман сгущался, и повалил снег.
>
> Мы во всю прыть побежали к „Викингу“. К счастью, туман вскоре рассеялся и мы благополучно вернулись на судно. Капитан обрадовался, увидев нас целыми и невредимыми. Взятые мною камни представляли большой интерес, так как в то время (в начале 1880-х годов) наука располагала ещё очень небольшим количеством образцов камней, найденных на дрейфующих айсбергах. <…> Большей частью это были камни вулканических горных пород <…> очевидно, принесенные с более северной части гренландского побережья, возле которого произошёл „отёл“ этого айсберга. Всего вероятнее, что они залегли в более глубоких слоях глетчера и сползающие вниз ледяные массы увлекли эти камни, или произошёл обвал на соседней горе над ледяным потоком, возможно также эти

камни принесены ледяными потоками из неисследованных внутренних областей страны».

Гренландия пленила Нансена, он буквально заболел ею и уже тогда стал планировать путешествие в эту сказочную страну, которое смог совершить с большим трудом лишь спустя несколько лет.

А пока он тщательно составлял карту дрейфа судна, отмечал изменения в положении «Викинга», замерял силу ветра, температуру воды и указывал в дневнике координаты своего местонахождения. И результаты оказались удивительными! Вовсе не ветер гнал льды и тяжело гружённое добычей зверобойное судно, а подводные течения! Нансен смог это научно доказать.

«Викинг» дрейфовал на юг, лёд крошился и истончался — всё-таки было лето — и 16 июля стал уже совсем разрежаться. Капитан приказал завести мотор и попытаться пробиться на чистую воду. И, к радости всей команды, это удалось! А ещё через два дня Крефтинг приказал плыть домой, в Норвегию.

26 июля показались родные норвежские берега. Корабль вернулся домой.

Материалы, собранные Нансеном в путешествии, были прекрасным подспорьем для учёных и литературной основой для самого Фритьофа: через сорок лет он опишет плавание на «Викинге» в книге «Среди тюленей и белых медведей» (1924)[17].

Глава третья
Жизнь в Бергене и поездка в Германию и Италию

Пока Нансен плавал по морям и океанам, охотясь на медведей, тюленей и занимаясь научными изысканиями, его судьба решалась двумя профессорами на суше. Профессор Коллетт обменивался письмами и телеграммами с профессором Даниэльссеном, директором музея в Бергене.

В музее освободилась должность консерватора: помощник Даниэльссена должен был оставить свой пост, и Коллетт срочно телеграфировал на «Викинг» об открывшейся вакансии. Фритьоф ответил немедленным согласием — получить в 21 год, ещё не закончив обучение, предложение заняться настоящей наукой он и не мечтал.

Нельзя сказать, что такое решение очень обрадовало его отца. Бальдуру хотелось, чтобы оба сына продолжали жить вместе с ним дома, в Кристиании. Он считал, что в столице перед начинающим учёным открывается больше перспектив, чем в провинциальном Бергене. И ещё ему было очень одиноко — он так любил детей и переживал за своего «дорогого Фритьофа»!

4 сентября 1882 года, всего через четыре дня после переезда сына в Берген и когда со времени возвращения «Викинга» в Норвегию пройдёт чуть больше месяца, отец напишет ему такое письмо:

> «Дорогой Фритьоф, я спешу написать эти строчки, в которых выражу то, что ты меньше всего ожидаешь прочесть. Я так тоскую по тебе, и с каждым днем всё больше и больше! Когда ты пять месяцев плавал в Арктике, я, конечно, тоже очень тосковал, но я всё время ждал твоего возвращения и думал: „Ну вот, время идёт, и скоро наш мореплаватель вернётся домой, и тогда уж я не расстанусь с ним, он будет жить со мной“. И ещё мой дух поддерживало осознание того, что это путешествие очень много даст для твоего будущего. Но всё случилось по-другому. Наши дорожки разошлись, как это часто бывает. И моя жизнь, жизнь старого человека, стала ужасающе пустой. Но я должен собрать все свои силы, чтобы не падать духом, как я делал это во время твоего путешествия в Арктику. Знающие люди говорят мне, что

твоя нынешняя должность поможет тебе стать учёным и она очень важна для твоего будущего…»

Любовь друг к другу в семье Нансенов была искренней. Фритьофа часто упрекали в излишней сентиментальности, но мало кто задумывался, что речь, как правило, шла об искреннем и открытом выражении чувств. Понять это могут лишь те, кому довелось вырасти в действительно счастливой семье, а таких людей, к сожалению, не очень много.

Вот и ответив согласием на предложение начать работу в Бергенском музее, Фритьоф выдвигает неожиданное условие: хотя профессор Даниэльссен и требует, чтобы его помощник приступил к работе незамедлительно, он должен прежде съездить в Данию повидаться с сестрой. Однако профессор в ответ лишь возмущается: «Неслыханно! Кто бы мог ожидать подобного! Какая сентиментальность! Немедленно приезжайте и никакой отсрочки!»

Нансену приходится смириться — и уже через месяц после возвращения из Арктики, 1 сентября 1883 года, он приезжает в дождливый Берген.

Профессора Даниэльссена можно понять — в помощники к нему помимо Нансена хотели попасть таможенный служащий, фармацевт и телеграфист. На их фоне выпускник Кристианийского университета казался ценным приобретением. Именно таковым он и стал.

Несмотря на грусть и нежелание расстаться с сыном, а также стеснённые финансовые обстоятельства, Бальдур, когда это потребовалось, купил Фритьофу необходимый для работы цейсовский микроскоп последней модели. Деньги (700 крон) были даны сыну в долг — не потому, как сказал отец, что они ему нужны, а потому, что Фритьоф должен учиться жить, рассчитывая лишь на собственные силы. Микроскоп стал предметом белой зависти коллег в музее, потому что такого современного оборудования ни у кого ещё не было.

Первая встреча с профессором Даниэльссеном вышла не очень приятной. Прибыв на пароходе в дождливый Берген поздним вечером, Нансен решил отложить визит к директору музея до утра. Явившись же спозаранку на следующий день, молодой сотрудник получил от хмурого профессора выговор — оказалось, что Даниэльссен ждал своего помощника ещё накануне. Неутомимый учёный, он и от своих сотрудников требовал безграничной отдачи делу.

Даниэль Корнелиус Даниэльссен, блестящий врач, прекрасный зоолог, почётный член Копенгагенского и Лундского

университетов, одновременно с занимаемым постом директора Бергенского музея был и главным врачом Люнгорской больницы, в которой каждое утро проводил обход, членом стортинга и городского совета Бергена. И самое главное — он был Учёным с большой буквы. Сын простого часовщика благодаря необыкновенному таланту и не меньшему трудолюбию смог сделать головокружительную научную карьеру. Вместе со своим зятем, врачом Герхардом Хенриком Армауэром Хансеном, он возглавлял Бергенский музей, который при нём переживал настоящий ренессанс. Доктор Хансен открыл в 1873 году бациллу проказы и вошёл в историю медицины. В США проказа так и называется — «болезнь Хансена».

Фритьоф Нансен рассказывал дочери, «что, когда Армауэр Хансен познакомил его с дарвинизмом, для него открылось совершенно новое направление человеческой мысли. Вера в истинность христианского учения, привитая с детства, поколебалась. В законах природы он нашёл новую истину. Растения, животные, люди — всё одушевленное и неодушевленное — являются частью одной и той же материи».

В письмах домой он никогда не делился этими мыслями. Для отца христианская религия была истиной. Зачем же затрагивать этот вопрос? Фритьофу оставалось только пожелать отцу найти в ней утешение, но как раз этого не было. Отца всё больше и больше одолевали тоска и тревога.

Нансен пытался успокоить отца и часто писал ему, говоря, что стал настоящим домоседом:

> «У меня один день похож на другой. С утра до обеда в музее, потом иду домой на обед ровно в час тридцать, и, если я на пять минут опоздаю, они уже сидят за столом. После обеда я снова отправляюсь в музей и сижу там до восьми часов. Затем мы ужинаем, а после ужина читаем вслух».

«Они» — это супружеская пара, священник Вильгельм Хольт (с которым Нансен познакомился на борту корабля по дороге в Берген) и его жена Мария. Их Фритьоф считал своими приёмными родителями. Особенно он сблизился с фру Марией. Детей у четы Хольтов не было, и Нансен действительно стал для них сыном и поддерживал отношения до самой их смерти.

> «Хольты, — *писала Лив Нансен,* — не были ревностными миссионерами и не стремились во что бы то ни стало обратить людей в свою веру. <…> Они были умными и добрыми людьми и до конца своих дней

с трогательной гордостью следили за жизнью приёмного сына. Из всех бергенских друзей отца я знала их лучше всего. <…> Я очень полюбила их за доброту и приветливость».

Однако существовала ещё одна причина, по которой Нансен с особым чувством относился к супругам Хольт. Мария стала первой учительницей Фритьофа в любовных делах. Он сам писал об этом в письмах своей подруге в Америку в конце жизни:

«That was the first woman I ever head»[18].

И несколько раз возвращается к этой теме, повторяя, как бесконечно благодарен судьбе, что впервые это произошло именно с Марией. Он также писал, что их отношения не могли рассматриваться как измена фру Хольт мужу, поскольку тот давно уж утратил мужскую силу, а пасторша спасла его «от уличных девок и прочих сомнительных развлечений».

Однако большую часть времени Нансен проводил, конечно, в музее.

Даниэльссен очень любил молодёжь и считал, что от молодых людей надо требовать как можно большего в работе. «Его идея заключалась в том, — вспоминал один из коллег Даниэльссена и Нансена, — что молодые сотрудники просто обязаны были справляться со всеми заданиями, которые он им давал. Он был доволен и милостив с теми, кто успевал выполнить его указания, но страшно гневался, если вдруг кто-то затягивал сроки, установленные профессором. Его методы были блестящи для воспитания людей с многосторонними интересами, высокообразованных и хорошо обучаемых. Всеми этими качествами в равной мере обладал Нансен».

Насколько известно, профессор не повлиял на решение своего лаборанта заняться изучением бактерий. Но он оказал несомненное влияние на его становление как личности. Один из основателей театра в городе, галереи искусств и литературного клуба, он не мог не вовлечь талантливого юношу в круг своих знакомых, тем более что ко времени появления Нансена в музее Даниэльссен потерял всех своих родных — сначала сына, затем в течение нескольких лет трёх дочерей и, наконец, жену. Но горе не смогло сломить этого удивительного человека, и у себя дома, в квартире при Люндегорской больнице, он организовывал литературные вечера, на которые приглашал друзей.

Он был главой литературного «Полезного общества». Именно благодаря Даниэльссену Нансен стал очень много читать в это время. Он увлёкся, по воспоминаниям дочери, как большинство

людей его поколения, драмами Ибсена. Фритьоф находил в них ответы на вопросы, которые сам себе задавал. Особенно поразил его «Бранд», однако судьба доктора Штокмана из пьесы «Враг народа» произвела на него не меньшее впечатление. В пьесе ставились проблемы, которые и он должен был решать для себя, — гражданское мужество, умение оставаться при своих убеждениях, даже если всё окажется против тебя.

В это время Нансен прочитал практически все сочинения У. Шекспира, Р. Бёрнса, Дж. Байрона, В. Гюго. Он очень любил музыку и поэзию. Часто бывая в доме своего друга доктора Лоренца Грига, он с наслаждением слушал романсы в исполнении его сестры Камиллы.

Необыкновенно талантливый художник, Нансен берёт уроки у художника Франца Вильгельма Ширтца. Тот даже советует ему оставить науку, чтобы посвятить себя искусству. Но Нансен, помня о наказе отца «не разбрасываться», решает всё же остаться учёным. Кроме того, в семье уже была одна художница (и этого, по мнению Фритьофа, было достаточно) — его сестра по матери Сигрид Бёллинг, которая училась живописи в Париже и картины которой очень высоко ценились критиками. Её работы, выполненные в стиле салонного реализма, оказали на манеру Фритьофа большое влияние в юношеские годы. Теперь же его учителем стал замечательный художник, который был первым, кто нарисовал Арктику, в 1876–1878 годах отправившись в северное путешествие в составе норвежской экспедиции.

Надо сказать, что после путешествия на «Викинге» Фритьоф продолжал бредить Арктикой и в особенности таинственной Гренландией, с который уже немного успел познакомиться.

4 октября 1883 года, прочитав в газете о возвращении в Швецию второй экспедиции в глубь Гренландии Н. А. Э. Норденшёльда, он пишет отцу:

> «Меня так и подмывает броситься в путь. Я тоскую, и желание испытать что-нибудь новое, жажда путешествовать не даёт мне покоя. Это желание волнует меня, бередит душу, его очень трудно подавить — и сколько надо приложить усилий, чтобы его унять! Лучшим лекарством против таких приступов является работа, в которую я окунаюсь с головой, — и это отлично помогает».

Особенно вдохновило Фритьофа сообщение о том, что два саама, сопровождавшие Норденшёльда в путешествии, сказали, что пройти через Гренландию на лыжах можно.

Однако не только в работе находил Нансен утешение и

лекарство от страсти к «перемене мест». Вместе с любимым псом Флинком он частенько уходил в горы и совершал длительные пешеходные прогулки, но как же ему не хватало в дождливом Бергене снежных зим и лыжных прогулок!

В феврале 1884 года он совершает смелый переход на лыжах через горы из Бергена в Кристианию на соревнования по прыжкам с трамплина и побеждает в них.

Путешествие было чистой воды безумием, потому что до Нансена никто не рисковал совершать такие длительные переходы в горах, известных своими частыми снежными обвалами и лавинами. Даниэльссен тоже был против такого риска, но решил не мешать своему любимому ученику.

Нельзя сказать, чтобы отец радовался таким эскападам сына, — он постоянно тревожился и писал ему об этом, а Фритьоф в ответ лишь успокаивал старика, как мог. Он действительно не мыслил жизни без риска и лыжных прогулок. Всю жизнь его девиз был: «Трудное — это то, что можно сделать сегодня. Невозможное потребует немного больше времени».

Именно в это время Нансен начинает писать. В начале 1884 года в центральной газете «Афтенпостен» публикуется его очерк о плавании на «Викинге», затем ряд статей о путешествии в горах.

Статья «На лыжах через горы» в газете была одной из первых. Но уже в ней, по мнению исследователей, можно рассмотреть и основные черты прозы Нансена, и основные черты его характера. «Вперёд, к цели, преодолевая препятствия, только так и поступают настоящие мужчины! Ни шагу назад! Не бойся плыть против течения!» — вот основная идея практически всех книг и путешествий Нансена. Нет сомнений, что многое в описании странствий, в том числе и переход через горы из Бергена в Кристианию, сознательно преувеличено. Глоток молока и замёрзший апельсин (который стал твёрдым, как настоящий кокос, от мороза!) — вот и всё пропитание, а ещё можно попросить еду на хуторе. И отдохнуть можно не только у гостеприимных крестьян, но и переночевать в горах, зарывшись в снег. Амундсен, который во многом старался подражать Нансену, попробовал как-то совершить такой же переход со своими братьями и поспать немного в снегу на морозе. Счастье, что он взял с собой братьев, один из которых и разбудил его с великим трудом, потому что Руаль уже начал замерзать.

Сознательное героизирование собственных деяний — это не хвастовство в чистом виде, хотя, вероятно, тут есть и определённая доля мужского кокетства. Это часть северного кодекса чести, заложенного, как можно предположить, на генетическом уровне в лучших потомках викингов. «Я не баба!» —

вот смысл этого кодекса чести. И тут удивительны параллели, которые можно найти в исландских сагах и описаниях путешествий как самого Нансена, так и его соратников.

Квинтэссенция такого понятия о мужественности и спокойствии была выражена Яльмаром Юхансеном, с которым Нансен отправился на лыжах к Северному полюсу во время дрейфа «Фрама». Когда на него напал белый медведь, Яльмар спокойно сказал Фритьофу, который всё никак не мог прицелиться: «Вам стоит поторопиться с выстрелом, иначе будет поздно!» Об этом мы знаем из доклада самого Нансена о путешествии на «Фраме». А теперь сравним это с отрывком из «Саги о Ньяле»:

> «В это время к Флоси подъехал его племянник Торстейн, сын Кольбейна, с копьём в руке. Он был один из самых храбрых среди людей Флоси и очень достойный человек. Флоси выхватил у него копьё и метнул в Ингьяльда. Оно попало в него с левой стороны, пронзило щит ниже рукояти и раскололо его на куски, вонзилось в бедро выше колена и застряло в седле. Флоси спросил у Ингьяльда:
>
> — Что, попал?
>
> — Попал, — говорит Ингьяльд, — но я называю это царапиной, а не раной.
>
> Ингьяльд выдернул копьё из раны и сказал Флоси:
>
> — Теперь ты подожди, если ты не трус.
>
> И он метнул копьё через реку. Флоси увидел, что копьё летит прямо в него, и осадил лошадь, так что копьё пролетело перед самой грудью Флоси, но попало не в него, а прямо в Торстейна, и тот сразу же свалился с лошади мёртвый. А Ингьяльд скрылся в лесу, и они его не догнали».

Невозмутимость, невероятная храбрость и *невозможность* демонстрации чувства страха и смерти всегда были для викингов одними из главных норм поведения «не мальчика, но мужа». Нансен этому кодексу следовал всегда.

Летом 1884 года он пишет статью о Гренландии, которую печатает в «Датском географическом журнале».

Статья была написана в то время, когда Фритьоф проходил воинскую службу в Гардермуэне. У него появляется время подумать об экспедиции на Гренландию и тщательно продумать её план. В ответ на статью он получал разные письма, но одно из них для него было особо важно: капитан Мурье из Копенгагена высказал благодарность за эту публикацию. Нансен ответил:

«В особенности после экспедиции Норденшёльда, а в сущности, ещё гораздо раньше, я вынашивал план, который, несомненно, мог бы осуществиться. Пересечь Гренландию можно на лыжах. Если такая экспедиция будет предпринята, лучше всего, чтобы она началась от восточного побережья. Так как, безусловно, разумнее идти с востока на запад. Ведь на западном побережье всегда можно рассчитывать выйти к населённым пунктам, и, таким образом, отпадет необходимость запасать провианта больше, чем требуется на время одного перехода. Переход же едва ли займёт долгое время, если его будет осуществлять маленькая отборная команда отличных лыжников. Провиант можно везти на санях, поставленных на лыжи».

С тех пор Нансен серьёзно начинает готовиться к экспедиции, но не спешит претворять свои планы в жизнь — серьёзно болен отец, не закончена работа в Бергене, есть другие планы.

После военных сборов он едет повидаться с семьёй в Кристианию и весело проводит там время.

«Отец устроил для сыновей вечер с танцами, — *писала Лив Нансен.* — Там было много славных девушек, а Фритьоф в танцах показал себя настоящим львом. Одна из дам проявила слишком явный интерес к нему, и, когда Фритьоф на обратном пути в Берген заехал в Гёусдаль, где жила его новая подруга, отец не выдержал.

„Я встретил амтмана Брёдера с сыновьями, — писал он, — они мне передали привет от тебя. Сын рассказал, что ты провёл там восемь дней и что фрёкен Н. провожала тебя при отъезде. Я на это ничего не ответил и не стал ни о чём расспрашивать, но, когда я услышал пересуды о том, что де фрёкен Н. весьма к тебе неравнодушна, я подумал, что самое правильное будет сказать тебе об этом. Я сам видел её только в тот вечер на танцах у нас и нашёл её поведение странным и неженственным. Конечно, может быть, я ошибаюсь. Я, между прочим, слышал от одной помолвленной девушки, что её поведение произвело на всех неприятное впечатление. Она явно пыталась помыкать тобой. Говорят, что её отец считает тебя плохой партией, ты, мол, недостаточно хорош, так как у тебя нет ни денег, ни положения, необходимых для женитьбы. Я слышал от одной дамы, что ты слишком хорош, чтобы служить забавой для фрёкен Н. Подумай хорошенько, прежде чем

решиться на что-либо. Я хоть и не знаю её, но, признаться, огорчился бы, если бы что-нибудь из этого вышло и господин Н. стал бы смотреть свысока на моего Дорого Фритьофа.

Однако я не сомневаюсь, что Господь Бог всё направит к лучшему“.

Не вдаваясь слишком в сомнения отца, Фритьоф послал ему восторженное описание путешествия через горы <…> и уже в заключение добавил несколько строк в защиту своей подруги:

„Мы с фрёкен Н. очень хорошие друзья, она во всех отношениях славная девушка. Кто её отец, я не знаю, и он совершенно меня не интересует. Успокойся, я не помолвлен и вовсе не собираюсь стать женихом. А если уж когда надумаю жениться, в чём я весьма сильно сомневаюсь, то совсем не в этих краях“».

Лив Нансен по вполне понятным причинам умалчивает о том, что помолвка всё-таки имела место быть и была расторгнута невестой. Фрёкен Н. звали Эмми Касперсен. Она, по мнению биографов Нансена, была его первой любовью[19]. После заключения помолвки Фритьоф начал с ужасом думать о том, что ему предстоит стать главой семьи и содержать её на совсем небольшую зарплату консерватора Бергенского музея. Перспектива оказаться мужем стала казаться ему немила, однако сам он не рискнул первым заговорить о разрыве (так будет и с другими женщинами!), поэтому пришедшее от Эмми письмо с уведомлением о расторжении помолвки явилось для него настоящим освобождением.

Не менее весело проводил он время и в Бергене, несмотря на полную отдачу себя науке.

Доктор Григ, о котором мы говорили выше, вспоминал, что Нансен всегда был большим ребёнком.

В рождественские вечера он любил сидеть у нас в гостиной, — *пишет он,* — на столе стояли традиционные печенья, а мы спорили о правде жизни и слушали романсы в исполнении моей сестры. Самые лучшие стороны его характера проявлялись в такие вечера. Он мог сидеть и слушать музыку часами, погружаясь в неё целиком и прекрасно чувствуя её. Когда романс заканчивался, он тут же принимался исполнять собственные фантазии на заданную тему, и остановить его было невозможно. Он очень любил Шумана и

Шуберта за неистовство чувств, но всегда требовал и непременного исполнения произведений наших, норвежских композиторов и поэтов. Было просто удивительно, что у такого молодого человека было столь глубокое и истинное понимание музыки и литературы, у человека, который обладал невероятной выдержкой и решительностью. <…> Он любил декламировать стихи на память. Читал строфу за строфой, и, когда я думал: «Нет, больше он помнить уже не может!» — он продолжал читать дальше, не прерываясь ни на мгновение. Особенно часто он любил читать ибсеновскую поэму «На высотах», которую помнил от начала и до конца, и «Плач Ингеборг» из тегнеровской «Саги о Фритьофе», и ещё один отрывок из той же поэмы. Довольно забавно, что ничто не могло доставить ему большей радости, чем чтение диалога между Фритьофом и Бьёрном. Он никогда не мог удержаться от смеха, когда читал следующие строки:

Фритьоф! На глупость твою негодую:
Стоит ли женщина грусти твоей!
Мир ими полон, к досаде моей.
Тысячью новых заменишь любую.
Хочешь, чтоб целый корабль привёз
Этого груза я с жаркого Юга?
Тише овечек, румянее роз!
Мы в дележе не обидим друг друга[20].

Неудивительно, что друг Нансена вспоминает именно эти его любимые образчики поэзии. Строфы из «Саги о Фритьофе» говорят сами за себя, впрочем, как и заключительные строки поэмы Ибсена:

Мне теперь не нужны былые мечты.
Лишь о вышнем я думаю взгляде.
Я теперь закалён. Сам себе господин,
Я иду по высотам отныне.
Я недаром сюда поднялся из низин.
Здесь свобода и Бог. Их обрёл я один,
Все другие бредут в долине[21].

Нансен, как мы уже говорили, очень много и жадно читает в это время, регулярно посылает отцу книги и обсуждает с ним в

письмах их литературные достоинства. Так, он рекомендует Бальдуру почитать Кристиана Эльстера[22]. В ответ на отправленный научный труд Пастера он получает от отца письмо, в котором тот пишет, с каким нетерпением ждёт приезда сына Для обсуждения этой книги, потому что не смог в полной мере оценить его научное значение, так как «мало изучал химию». Луи Пастер приезжал в Берген после конгресса в Копенгагене в конце 1884 года, и Фритьоф имел возможность познакомиться с ним лично. По свидетельству дочери Нансена Лив, именно Пастер убедил её отца поехать в Европу ознакомиться с достижениями современной науки и работой учёных.

Надо сказать, что Берген, вопреки опасениям Бальдура Нансена, был в те времена не окраиной науки, а одним из её международных центров. Так, кроме Пастера в музей приезжал изучить результаты исследований Армауэра Хансена Артур Конан Дойл, который в то время работал практикующим врачом, и многие другие известные иностранцы.

Летом 1883 года в Бергене побывал один английский учёный, который познакомился с Нансеном и его работой. И вскоре (в октябре того же года) в Норвегию пришло приглашение из США от профессора-палеонтолога Отниела Чарлза Марша — он набирал в свою «команду» молодых перспективных учёных со всего мира и хотел бы видеть среди них Фритьофа. Приглашение от одного из самых известных американских учёных было необыкновенно лестным для молодого зоолога, но Нансен после совсем короткого колебания ответил «нет». Во-первых, ему бы пришлось отказаться от своих собственных научных планов. А во-вторых и главных, он не мог уехать так далеко от родины и своего больного отца, который совсем недавно перенёс инсульт. Он пишет отцу, до которого дошли слухи о приглашении от знакомых, в ответ на обеспокоенное письмо:

> «Это было только мимолётное намерение, о котором я почти забыл, о котором я ничего не писал ни тебе, ни другим, чтобы не причинять ненужных огорчений. Кроме того, я подумал о тебе, дорогой отец. Расстояние между нами стало бы неизмеримо больше, чем теперь, когда я здесь. Хольт считает, что было бы безумием уехать отсюда, где у меня такое место и такие перспективы (!!!), да ещё в Америку, к которой он не питает никакого почтения. Тут я с ним, правда, не согласен, и об этом мы с ним не раз спорили. Да и фру Хольт сказала, что они с мужем никуда меня не отпустят».

Чем же занимался Нансен?

Начал он с обычной работы помощника-лаборанта: выполнял задания профессора, который внимательно наблюдал за своим «новым приобретением». Чем меньше становилось нареканий со стороны Даниэльссена, тем свободнее чувствовал себя Нансен: у него появилось время не только для работы, но и для души.

Весной 1883 года в Берген приезжает немецкий учёный из Йенского университета зоолог Вилли Кюкенталь, он смог пробудить интерес Нансена к новой теме, которая, на взгляд непосвящённого, выглядит совсем не увлекательно: беспозвоночные животные. Начинал Нансен с исследования мизостом. Вот что написано о мизостомах в «Большой советской энциклопедии»:

> «Подкласс кольчатых червей класса многощетинковых червей; некоторые зоологи выделяют М. в отдельный класс. Комменсалы (нахлебники), или паразиты, иглокожих (морских лилий, морских звёзд и офиур). Паразитический образ жизни вызвал упрощение и изменение строения по сравнению с типичными кольчатыми червями. Тело овальное или дисковидное; размеры от 0,5 до 12,5 мм. На брюшной стороне тела 5 пар ножек — видоизменённых параподий, заканчивающихся крючковидными щетинками, с помощью которых М. прикрепляются к животному-хозяину. Головной мозг слабо развит; глаза отсутствуют. Органы выделения — метанефридии (обычно 1 пара). Кровеносная и дыхательная системы отсутствуют. М. — гермафродиты, сначала у них созревают мужские половые железы, потом женские. Из оплодотворённого яйца выходит личинка — трохофора. 7 семейств, объединяющих около 120 видов; распространены главным образом в тропических и субтропических морях. В СССР 6 видов, в Баренцевом, Карском, Беринговом, Охотском и Японском морях. Одни М. подвижны и быстро ползают по телу животного-хозяина, другие сидят близ его ротового отверстия или проникают в кишечник, третьи находятся в покровах „рук“ и диска хозяина, образуя характерные цисты».

Вот исследованием именно этих «нахлебников» и занялся Нансен. Научные дела его шли так хорошо, что за опубликованный труд «Материалы по анатомии и гистологии мизостом» весной 1885 года Фритьофу была присуждена золотая медаль, поскольку он сумел дополнить изыскания в этом вопросе таких своих великих предшественников, как Графф и Мечников.

В частности, он смог доказать, что мизостомы — многощетинковые черви, а вовсе не родственники паукообразных, как предполагали некоторые исследователи.

Весной 1885 года Фритьофа раздирают сомнения — он многим обязан музею и лично профессору Даниэльссену, но времени на собственные исследования практически не остаётся, и он даже пишет отцу, что его «эксплуатируют». Нансена приглашают работать в Германию, вновь приходит письмо из Америки… Нансен всё-таки решает принять приглашение профессора Марша, но выдвигает условие, что сначала должен съездить в Германию, а быть может, пожить несколько месяцев в Кристиании, куда его зовут на должность препаратора.

Отец очень недоволен и упрекает сына в непостоянстве: он боится, что Фритьоф так и не найдёт места в жизни. Но Нансен твёрдо знает, чего хочет, ему просто нужно время, чтобы определиться с окончательными планами, но прежде всего — защитить докторскую диссертацию. Поэтому он принимает решение остаться в Бергене по крайней мере до осени.

Неожиданная помощь в разрешении проблемы приходит от Даниэльссена. Профессор предлагает своему помощнику взять отпуск на год и поехать за границу, а затем вернуться, защитить докторскую и продолжить научные изыскания.

Нансен с радостью принимает предложение и пишет отцу, что сама судьба устраивает всё к лучшему. Ответа на это письмо он не получает, а вскоре приходит телеграмма, что у Бальдура случился второй удар. Фритьоф срочно выезжает в Кристианию, но не успевает застать отца в живых.

Бальдур Нансен умирает 2 апреля 1885 года.

Нансен очень тяжело переживает утрату отца, не находит себе места и принимает решение уехать на учёбу за границу. Он просит выдать ему полученную золотую медаль в бронзе (в те времена медали изготавливались именно из этих материалов), с тем чтобы разница в цене была выплачена деньгами. На эти средства он и оправляется в Европу. Целью его путешествия первоначально было знакомство с профессором Гольджи, будущим нобелевским лауреатом, который открыл способ окрашивания нервных волокон.

Зимой 1886 года молодой учёный отправился на первую стажировку в Германию, где встретился со многими нейробиологами и зоологами, но уже весной 1886 года переезжает в Павию, где Камилло Гольджи разработал новый метод окрашивания нервных узлов и их ответвлений при помощи «хромокислого калия и раствора ляписа». Гольджи испытал этот метод на мозге человека, а его ученик Фузари — на рыбах. Метод

получил название «чёрная реакция», потому что при обработке срезов их бесцветные нервные волокна «проявлялись», становясь доступными глазу исследователя. Нансен первым применил этот метод к низшим разрядам беспозвоночных.

Надо сказать, что умение решать любые возникающие у него проблемы помогло Нансену и в данном случае. Приехав в Павию, он прямиком отправился к Гольджи и попросил обучить его новому методу. Профессор всегда любил настырных студентов, и высокий светловолосый викинг ему понравился, тем более что у Фритьофа была отличная практическая подготовка. Нансену удалось быстро овладеть новой техникой, и по возвращении в Норвегию осенью 1886 года он оказался единственным в Скандинавии учёным, кто владел мастерством изготовления «срезов Гольджи».

> «Его шведский коллега Густав Рециус, — *пишет П. Э. Хегге,* — с которым он потом подружился, также впоследствии применит этот метод в своих исследованиях, однако это произойдёт только к концу 1890-х годов. Что касается Нансена, то он, как, впрочем, и позже, действовал совершенно самостоятельно и оказался пионером».

В апреле Нансен поехал в Неаполь к профессору Антону Дорну на биологическую станцию.

В XIX веке биологические станции стали впервые создаваться во Франции и США. Именно в Америке происходит развитие морской биологии (поэтому Нансена пригласили в эту страну), однако все открытые там станции были в основном «учебными» и существовали при университетах. Первым же по-настоящему исследовательским зоологическим центром явилась Неаполитанская зоологическая станция, созданная в 1873 году доцентом Йенского университета Антоном Дорном.

> «Антон Дорн, основатель и первый директор, родился в 1840 году в Штеттине, в Померании (в настоящее время территория Польши), в зажиточном буржуазном семействе, — *пишет М. В. Плющева.* — Антон изучал зоологию и медицину в различных немецких университетах (Кёнигсберге, Бонне, Йене и Берлине) без большого энтузиазма. Его жизнь изменилась кардинальным образом после встречи с Эрнстом Геккелем, после чего он стал пылким защитником теории Дарвина. Тогда он решил посвятить будущую жизнь собиранию фактов и идей в поддержку

дарвинизма. Совместно с Николаем Миклухо-Маклаем, с которым они были очень дружны, планировалось охватить земной шар сетью зоологических станций, аналогичных железнодорожным, где учёные могли остановиться, собрать материал, понаблюдать за гидробионтами, поставить опыты и эксперименты и переехать к следующей станции. В 1870 году Дорн решил, что Неаполь будет лучшим местом для его станции. Этот выбор определился большим биологическим разнообразием Неаполитанского залива. После посещения недавно открытого аквариума в Берлине он рассуждал, что аквариум, открытый для публики, мог бы заработать достаточно денег, чтобы оплачивать постоянного помощника в лаборатории. Неаполь с его 500 000 жителей был одним из самых больших и самых привлекательных городов Европы и также имел значительный поток туристов (30 000 в год), которые должны быть потенциальными посетителями аквариума. Со смесью воображения, силы воли, дипломатической ловкости, удачи и с дружественной поддержкой учёных, художников и музыкантов Антон Дорн преодолел сомнения и невежество и убедил городские власти дать ему бесплатно участок земли на побережье, в красивом Королевском парке (сегодня Вилла Comunale). Две трети затрат на строительство пошли из карманов Антона Дорна и его отца, оставшаяся треть была обеспечена ссудами от друзей. Строительство станции начали в марте 1872 года, к сентябрю 1873-го здание было закончено. Первые учёные прибыли в сентябре 1873 года: 2 из Германии, 3 из Великобритании, 2 из России, 2 из Италии и 1 из Нидерландов. В Неаполе русское правительство в то время постоянно арендовало 2 рабочих места. Общественный аквариум, который охватывает 527 квадратных метров, был открыт 26 января 1874 года. Уникальность его состоит в том, что он практически не изменился с того времени, это самый старый аквариум XIX столетия, всё ещё функционирующий и посвящённый исключительно средиземноморской фауне. Он был построен по проекту Уильяма Альфреда Ллойда, английского инженера, который помог строить общественные аквариумы Гамбурга (1868) и Лондона (1871). Он изобрёл так называемую полузамкнутую систему поддержания качества воды. Водозабор

находится в море в 300 метрах от берега на глубине 11 метров. Вода отстаивается в большом танке, потом перекачивается в две большие подземные системы и затем попадает в экспозиционные аквариумы. При этом подменивается около трети общего объёма воды. Экспозиция включает 23 аквариума объёмом от 250 до 60 000 литров и общим объёмом 246 000 литров. Аквариумы облицованы вулканическим камнем для имитации природной обстановки. Они освещены главным образом солнечным светом через специальные отверстия в потолке, что увеличивает естественность. Здесь экспонируется около 200 видов гидробионтов, обитающих в Неаполитанском заливе, в т. ч. около 100 видов рыб. В экспозиции представлены не только обычные, но и редкие, а также трудные в содержании виды».

Станция произвела на Нансена неизгладимое впечатление. В статье, опубликованной в журнале «Природа», он так описывает её:

«Всё подвальное помещение огромного здания отведено под аквариум, подобного которому трудно сыскать. Доступ в аквариум открыт для широкой публики. Это обширное сооружение со множеством бассейнов отличается трезвым простым стилем, чуждым всякой вычурности или кричащих эффектов, оно привлекает не только внимание обыкновенных туристов, но и людей науки. Исследователь может провести здесь целые часы, наблюдая редчайшие явления морской фауны, наблюдая жизнь в самых редких её формах, и может научиться за это время куда большему, чем прочитав массу толстых, мудрёных книжиц и перерыв все мёртвые сокровища всех музеев. В научном отношении ещё важнее кабинеты, расположенные в верхних этажах здания. Здесь работают естествоиспытатели всех европейских национальностей, имея под рукой всё, что требуется для их трудов. Каждый из них может заявить лаборанту станции, какие организмы ему нужны для исследования, и эти организмы приносятся ему живыми, в их родной стихии. Естествоиспытателю буквально не приходится делать из своего кабинета ни шагу — у него тут всё под рукой: и инструменты, и маленькие аквариумы, и превосходная библиотека. В этом заключается огромное значение

учреждения. А когда учёный устаёт от кабинетной жизни, к его услугам суда станции, и он может отправиться в море для собирания нужного материала. Станция имеет несколько лодок, два парохода, своих водолазов и всякие приспособлении для ловли обитателей моря».

Фритьоф пишет письма своим коллегам в Норвегию и прежде всего профессору Даниэльссену, в которых говорит о необходимости создать подобную станцию на родине и сожалеет о том, что методы исследования доктора Дорна «держатся в секрете», однако хочет «кое-что всё-таки разузнать».

Норвежские учёные не сразу поддержали очередную новаторскую идею молодого исследователя, но тем не менее станция была открыта — правда, через восемь лет, в 1894 году, в Дрёбаке неподалеку от Осло, а позднее и филиал в Бергене. На открытии аквариума в Дрёбаке Нансен присутствовать не смог, поскольку плыл на «Фраме» к заветной цели.

Однако Нансен не был бы сам собой, если бы всё время проводил на биологической станции. Он был молодым и красивым мужчиной, неотразимым для женщин. И Фритьоф не стал пренебрегать радостями кипучей неаполитанской жизни. Профессор Дорн в своём письме как-то обмолвился:

> «Нансен не прочь повеселиться и славится как прекрасный танцор». Сам Фритьоф говорил, что танец наполняет его счастьем и гармонией, потому что тело и душа сливаются воедино.
>
> Один из его неаполитанских друзей, венгерский учёный, вспоминая о времени, проведённом с Нансеном в Италии, писал:
>
> *«Он был сосредоточением жизни и душой нашего маленького общества. Большинство студентов работали на станции, а после встречались в кафе Basta на набережной Витторио Эммануэле. Каждый вечер мы собирались там к ужину и устраивали себе небольшой праздник с музыкой и танцами, настоящее веселье! Нансен мог всех развеселить. И иногда случалось, что мы, скучные учёные, так разойдёмся от вина и музыки, что примемся отплясывать кадриль, а церемониймейстером всегда был Нансен.*
>
> *Однажды мы решили отправиться по знаменитой дороге вдоль моря в Сорренто и Кастелламаре. По пути нас обогнал другой экипаж с двумя дамами. Леди решили*

развлечься и устроили гонки, под звонкий смех умчавшись вперёд. Нансен выпрыгнул из нашего экипажа, догнал насмешниц и бежал рядом с их лошадью довольно долго. Так мы настигли дам, к взаимной нашей радости.

В Сорренто Нансен встретил одну норвежскую даму. Я очень устал и пошёл спать, а норвежская дама пожелала танцевать, а поскольку партнёров не хватало, то мне пришлось отказаться от сна. Нансен дал мне время переодеться, а потом под аплодисменты дам втащил в гостиную, где все только меня и ждали.

В другое же время он мог быть сосредоточен и погружён в себя так, что мог часами сидеть, не произнося ни слова. Я видел его у подножия Везувия, среди развалин Сан-Себастьяно, меланхолично взирающим на потоки застывшей лавы. Сан-Себастьяно был разрушен после извержения вулкана в 1874 году. Осталась только одна церковь. Вот возле этой церкви на куске лавы я и видел Нансена, который сидел там час за часом, не шевелясь и вперив взгляд в пространство. Мы много раз пытались расшевелить его, звали присоединиться к нам, но он даже не двигался. Позже, по дороге домой, когда мы с ним шли отдельно от остальных под руку, я вновь стал разговаривать с Нансеном. Но он в ответ не проронил ни слова и оставался безмолвным».

В Неаполе Фритьоф свёл тесное знакомство с тремя женщинами. Надо сказать, что для него было обычным иметь несколько романов параллельно. Не изменил он своим привычкам и после женитьбы.

В Италии он познакомился с Юханне Силов, учительницей из Халдена. Ей было 43 года, но 25-летнего Фритьофа это не смутило.

Вместе с ней он лихо отплясывал живую и страстную тарантеллу, в которой, по свидетельствам очевидцев, ему не было Равных. Не много было норвежцев, которые могли похвастаться таким искусством. В каждой области Италии тарантеллу танцевали по-разному, а вот в Неаполе этот танец «применялся» для ухаживания за девушкой и исполнялся парой. Часто случалось, что один старался танцевать быстрее другого, и в итоге танец превращался в состязание, кто кого перепляшет. Недаром Р. М. Рильке писал в письме от 20 февраля 1907 года:

«Что за танец: будто выдуманный сатирами и нимфами, древний — и воспрянувший, и вновь открытый, окутанный воспоминаниями; коварство, и

дикость, и вино, мужчины снова с козлиными копытами и девы из свиты Артемиды».

Судя по всему, Нансен действительно пытался флиртовать с девушками во время танца, потому что фрёкен Силов сочла, что её кавалер заходит слишком далеко в танце, и предложила ему поменять партнёршу. Фритьоф с удовольствием принялся отплясывать с юной подругой Юханне Марте Кристенсен, которую тут же прозвал «фрёкен Сорелла» — «фрёкен Сестра». Вместе с двумя соотечественницами он танцевал в Неаполе, Амальфи, Сорренто и на Капри. Когда же им пришло время расставаться — отпуск подружек подходил к концу, — Нансен проводил их на вокзал, посадил в поезд и «почувствовал, что солнце зашло», как он писал вскоре Юханне.

Отношения со своей пассией, с которой у него, скорее всего, был платонический роман, Фритьоф продолжал поддерживать и после возвращения домой.

Но вскоре после отъезда прекрасных дам Нансен утешился, потому что впервые по-настоящему серьёзно влюбился — в Марион Шарп из Эдинбурга. Марион приехала в Неаполь вместе с матерью, с которой они совершали поездку по Европе.

Обе дамы испытывали к Нансену добрые чувства, правда разного свойства: матери нравился «белокурый викинг», как она называла его, за увлечённость наукой и начитанность, а Марион просто влюбилась. Втроем они совершали поездки по побережью и гуляли, взявшись за руки. Всё тот же венгерский приятель Нансена вспоминал:

> «Нередко стояли мы лунной ночью у большого отеля вместе с несколькими бродячими музыкантами, которые наигрывали серенаду в честь обитавшей в отеле юной англичанки».

И так прекрасно знавший английский, Нансен теперь уже в упоении часами читает своей возлюбленной стихи Байрона и Китса на языке оригинала.

Его чувства столь серьёзны, что, когда мать с дочерью отправляются дальше путешествовать по Европе, он едет за ними, неожиданно прекратив работу на биологической станции. Но и Марион умеет принимать неожиданные решения — в Швейцарии она объявляет Фритьофу, что между ними всё кончено. Выяснение выходит бурным, но основными аргументами Марион были: различные взгляды на жизнь, отличное друг от друга воспитание, взаимонепонимание, разные взгляды на эротику и совместную жизнь. «Я была не права и очень о том сожалею, —

написала она Фритьофу позднее, — что дала тебе основание относиться ко мне как к возлюбленной, но не подарила тебе свою любовь».

* * *

Нансен возвращается в Норвегию и лето 1886 года проводит на военных сборах в Гардермуэне. Судя по письмам, которые он пишет в это время фрёкен Силов, ему там вовсе не нравится и он тоскует по времени, проведённому в Италии. Сразу после сборов он едет погостить к Юханне в Оппегорь, где встречает и Марте.

Вернувшись в Берген, Нансен с прежним рвением продолжал свои занятия в музее. Общение с крупнейшими учёными своего времени расширило кругозор Нансена, и он перешёл к изучению других морских организмов, а позднее вернулся к исследованию анатомии тюленей. Главным предметом исследований молодого учёного стал нервная система червей, раков и низших разрядов позвоночных — ланцетников и миксин. В этой области биологии в то время не было структурированности и существовали прямо противоположные теории о строении нервных клеток, узлов и волокон животных низших разрядов.

В 1886 году была опубликована его вторая большая научная работа «Структура и связь гистологических элементов Центральной нервной системы», где Нансен использовал метод Гольджи при изучении нервной системы беспозвоночных животных.

Осенью того же года Нансен едет в Шотландию, в Эдинбург, чтобы повидаться с Марион. По некоторым сведениям, именно Марион во время его пребывания редактирует и тщательно выправляет английский вариант докторской диссертации Нансена, которая выйдет в свет в 1887 году. Из встречи не выходит ничего хорошего: Фритьоф рассказывает прекрасной англичанке о своих уже окончательно определившихся планах путешествия через Гренландию, но, как и в Италии, Марион считает это «предприятие» чистым безумством. Однако их отношения не прерываются, а лишь охладевают — они пишут письма друг другу даже после женитьбы Фритьофа и замужества Марион.

Что касается опубликования диссертации на английском, то, как пишет П. Э. Хегге, «в то время ни одному учёному, кроме живущих в Великобритании или США, не пришло бы в голову написать докторскую диссертацию по естествознанию на английском языке. Главным языком науки был немецкий, и, даже

не принимая во внимание значение теории Дарвина, британская научная среда была в профессиональном отношении захолустьем». Нансен, как всегда, пошёл своим путём и оказался прав.

Нельзя сказать, что научная общественность однозначно приняла докторскую Нансена. Кое-кто даже решил, что он буквально «проскочил сквозь игольное ушко». Поскольку все знали, что одновременно с защитой диссертации Фритьоф готовил и экспедицию в Гренландию, то на защите оппонент сказал:

> «Поскольку молодой человек собирается в такую опасную экспедицию, из которой вряд ли вернётся живым, то что нам стоит порадовать его перед отъездом и присудить ему докторскую степень?»

Однако впоследствии достижения Нансена были оценены коллегами-зоологами по достоинству. По словам профессора М. Ретциуса, выдающегося шведского гистолога, «Фритьоф Нансен в течение каких-нибудь пяти лет — срок довольно незначительный, когда речь идёт о крупных биологических исследованиях, — успел заявить себя в области биологии весьма значительными трудами. Он, верный своей широкой натуре, всегда брался за крупные и трудные проблемы и сразу направлял внимание на самую суть дела. Словом, для всех тех, кому случалось ближе познакомиться с личностью Нансена и его трудами, ясно, что если бы неудержимое стремление к великой цели — исследованиям на Северном полюсе — не отвлекало его от занятий биологией и он со свойственной ему энергией и упорством продолжал бы свои столь талантливо и счастливо начатые исследования, то, наверное, обогатил бы биологию ещё многими серьёзными и ценными трудами. Он был не только знаменитым и отважным путешественником, но и первоклассным деятелем в области биологии».

* * *

> «Думая о той роли, которую Нансену суждено было сыграть в политике, как во время распада унии в 1905 году, так и в международной дипломатии в 1920-е годы, нельзя не удивиться тому, что он вообще никак не отозвался о самой крупной внутриполитической баталии этого периода, а именно — рассмотрении Государственным судом дела Сельмера[22] и введении

> парламентаризма в 1883–1884 годах, — *пишет П. Э. Хегге.* — Вполне естественно толковать эту сдержанность как выражение его отношения к политике вообще, которое позднее становится более явным. Это отношение характеризуется своего рода презрением или, по крайней мере, желанием отмежеваться от политики и всего, что с нею связано. Ведь политики, по сути дела, ничего не могли сделать. Другое возможное объяснение состоит в том, что отец Фритьофа был консерватором и потому вряд ли испытывал какие-то симпатии к нововведениям и методам их внедрения. Взгляды Фритьофа Нансена в этот период становятся более радикальными, и, очевидно, он намеренно избегал политических тем из боязни огорчить чрезвычайно восприимчивого и ранимого отца».

Но существует и ещё одно вероятное объяснение: молодой человек был слишком увлечён своей собственной жизнью, своими планами и, конечно, девушками.

Фритьоф был необыкновенно привлекателен внешне, невероятно самоуверен и самостоятелен, что всегда нравилось слабому полу. Именно в это время он начинает носить так называемый нансеновский костюм, который придумал сам. Облегающие спортивные куртка и брюки выгодно подчёркивали все достоинства фигуры высокого и стройного Фритьофа.

Лив Нансен писала:

> «Независимость отца проявлялась во всём. Он желал одеваться по моде. Для него было мучением носить длинные, слишком просторные сюртуки, стоячие воротники и широкие галстуки, не говоря уже о долгополых пальто, которые не только путаются в ногах, но и скрывают хорошую фигуру. Фритьоф создал свою собственную моду, и когда он почти бегом шёл в сером спортивном костюме в обтяжку, в рубашке с распахнутым воротом и в шапке набекрень, он знал, что люди оглядываются на него не только с насмешкой. Брат Александр уговаривал его вести себя как все. Над ним, мол, уже посмеиваются в столице, да и над Александром смеются за то, что у него такой смешной брат. „Какое мне дело, что говорят и думают другие“, — отвечал Фритьоф. Между прочим, он может похвастаться, что в Бергене спортивная молодёжь уже начала ему подражать. Многие признали более рациональным спортивный костюм, а в магазинах появилось егеровское

> бельё, за которое он давно ратовал, потому что по собственному опыту знал, что шерсть наилучшим образом защищает и от холода, и от жары».

Умение не обращать внимания на чужое мнение и до последнего быть уверенным в собственной правоте, которое, быть может, кто-то назовёт упрямством, помогало Нансену всю жизнь. И именно благодаря ему он достиг всего, что хотел (или многого из того, что хотел).

Его друзья вспоминали, что Фритьоф умел следовать своим принципам, несмотря ни на что. Он считал, что прав он, а не мир. И его любимым высказыванием было следующее:

> «В английском сумасшедшем доме содержался один больной, который говорил: „Я сказал, что безумен мир. А мир ответил мне, что безумен я — и засадил меня сюда“».

Профессор Брёггер, прижизненный биограф Нансена и близкий друг семьи, называл его первым истинным учеником анархиста-писателя-скандалиста Ханса Йегера и во многом был прав. Мифологизированный и «залаченный» Нансен умел устраивать скандалы, многие из которых не утратили своей актуальности и по сей день. А если сравнить многие высказывания Йегера, то они просто совпадут с некоторыми принципами поведения Нансена. Взять хотя бы такое:

> «О великий Боже, а всё-таки люди — невероятные идиоты!»

Да и любовные треугольники, в которых Нансен и Йегер выступали в роли соблазнителей жён приятелей, тоже говорят сами за себя. Кроме того, Нансен и сам был частью богемы, будучи прекрасным художником и блестящим писателем.

Однако это сходство многими исследователями и современниками считалось ошибочным, а сам «дуэт» Нансен — Йегер трактовался как противопоставление противоположностей. Так, в 1894 году вышел в свет роман норвежского писателя Яльмара Кристенсена «Ублюдки», в котором в Норвегию в судьбоносное для нации время приезжает консул Крог и говорит, что страна и молодёжь должны выбрать «между Хансом Йегером и Фритьофом Нансеном». А современный литературовед Хальвор Фости в книге «Богема Кристиании» (1995) пишет, что в 1880–1890 годы в стране было два кумира молодых:

> «Мы можем называть это противостоянием Йегера против Нансена, абсента против спорта, прожигания жизни в кафе и ресторанах против жизни на вольном воздухе, бесхребетности против воли, сексуальной распущенности против упорядоченной личной жизни — словом, „нездорового“ образа жизни против „здорового“».

Однако если Йегер был анархистом, то и Нансен всегда придерживался одного из принципов классического анархизма, сформулированного в 1816 году английским философом Джереми Бентамом:

> «Философ, желающий изменить какой-нибудь дурной закон, не проповедует восстания против этого закона. Совсем иной характер у анархиста. Анархист отрицает само существование закона, отвергает право закона приказывать нам, возбуждает людей к непризнанию в законе обязательного повеления и зовёт к восстанию против исполнения закона».

Нансен, по сути дела, всегда восставал против законов общества и шёл наперекор им, он всю сознательную жизнь был приверженцем одного из анархических принципов «свободы от принуждения», который предполагает отказ от принуждения одних людей другими к участию в какой бы то ни было деятельности, будь то в интересах отдельного человека или даже всего общества, против его воли. Он был абсолютно согласен с Генриком Ибсеном, заявившем в пьесе «Враг народа», что «человек, идущий наперекор сплочённому большинству», прав и должен стоять на своём. А доктор Григ вспоминал, что, попросив Фритьофа по-дружески, можно было заставить его сделать что угодно, но стоило «нажать» — и реакция была прямо противоположной.

В 1926 году в речи, произнесённой в Шотландии, Нансен скажет, что им в молодости руководили «жажда приключений» и «госпожа безответственность», которыми он управлять в то время не мог.

Участие человека в чём-либо всегда должно осуществляться не под внешним давлением, но при условии проявления личной ответственности перед обществом, частью которого он является. Так считали анархисты, так считал Нансен. Он всегда делал только то, что считал нужным, — начиная от арктических путешествий и заканчивая работой в Лиге Наций.

Так что, исходя из вышесказанного, замечание Брёггера о

сходстве между Нансеном и Йегером представляется очень мотивированным, что, впрочем, неудивительно для профессора.

Нансен всегда был искателем приключений. По воспоминаниям друзей, ему никогда нельзя было говорить, что что-то сделать невозможно. Это был сигнал для Фритьофа к немедленному действию, его энергия находила новое применение, и он стремился претворить свой новый план в жизнь, даже если это было смертельно опасно. И остановить его тогда не мог никто.

Путешествие в Гренландию было как раз и невозможно, и смертельно опасно.

Глава четвёртая
Сжигая за собой мосты, на лыжах через Гренландию

Нансен был всегда очень стремителен и легко принимал решения (если дело не касалось женщин), а затем упорно шёл к цели.

17 и 19 апреля 1888 года в рамках защиты докторской диссертации Фритьоф читает две лекции по теме своей работы, а 28 апреля защищается, хотя оба оппонента резко критикуют его открытия. Профессор В. Вереншёльд писал впоследствии, что «высказанные Нансеном в его докторской диссертации идеи были настолько новы и оригинальны, что почтенные оппоненты просто ничего не поняли». Однако в результате бурной дискуссии ему присваивается докторская степень — что уже большой успех.

А 2 мая Нансен отправляется в Гренландию, о которой грезил со времени своего путешествия на «Викинге».

Подготовка к экспедиции была долгой, очень утомительной — и во многом унизительной.

Правда, и сочувствующих было достаточно. Так, когда Нансен заявил о своём желании отправиться в Гренландию профессору Даниэльссену, тот не стал отговаривать его от смелой и безрассудной, по мнению многих, задумки, и предложил не увольняться из Бергенского музея и сохранить годовое жалованье.

Чем же так влекла к себе Нансена — и не его одного! — Гренландия?

* * *

Группы островов, лежащие к северу от Великобритании, издавна известны шотландским и ирландским кельтам, но были, по-видимому, мало населены. Когда в VIII веке туда пришли норманны, всё население этих островов состояло из ирландских монахов. Точно так же обстояло дело в Исландии. Ирландец Дикуилий рассказывает в своей хронике, что монахи прибыли на эти острова незадолго до нашествия скандинавов и покинули их тотчас же после того, как начались вторжения.

Таким образом, заселение этих архипелагов и Исландии новыми пришельцами не встретило никаких препятствий. В 861 году норвежец Наддод открыл Исландию, а в 878 году началась её

колонизация, продолжавшаяся около 50 лет. Большинство колонистов были норвежцы, покинувшие свою родину, чтобы не подчиняться владычеству могущественных королей.

Итак, Исландия сделалась второй Норвегией. По образцу последней она представляла собой, как пишут историки, федерацию изолированных усадеб и хуторов, расположенных в глубине фьордов и долин острова. Старые нравы, традиции и саги сохранились здесь практически в первозданном виде, и преимущественно по ним мы можем судить о состоянии Скандинавии до принятия христианства.

Северо-западная оконечность Исландии и восточный берег Гренландии расположены очень близко друг от друга. Достаточно было какому-нибудь норвежскому судну, шедшему в Исландию, быть несколько отнесённым бурей или течением, чтобы его экипаж мог заметить над горизонтом снежные вершины Гренландии.

Уже в 870 году некто Гунбьёрн увидел острова, лежащие у гренландского берега. Веком позже, в 980 году, Аре Марсон был прибит бурей к берегам страны, которую он назвал Великой Ирландией или Страной белых людей. Эти белые люди говорили по-кельтски. Наконец, исландец Эрик Рыжий, идя вдоль западного берега острова, достиг новой земли, заселенной карликами — скрелингами, вероятно эскимосами, и назвал её Гренландией — Зелёной землёй.

Название мало соответствовало облику страны, покрытой льдами, и учёные полагают, что наименование Зеленая земля было своеобразным «рекламным ходом» с целью привлечения новых поселенцев. Как бы то ни было, западное побережье Гренландии сделалось исландской колонией и пробыло таковым до XIV века. В XV веке, как предполагают, колония была истреблена чёрной смертью — чумой.

Самой распространённой версией исчезновения населения Гренландии на сегодняшний день является резкое изменение климата.

О начале ледникового периода у нас есть немало сведений. Медленно, в течение миллионов лет, в средних и полярных широтах становилось всё холоднее, постепенно отсюда вытеснялись теплолюбивые животные и растения.

Возможно, похолодание началось от ослабления солнечной активности. В результате увеличился рост ледников в горах Скандинавии, на возвышенностях Северной Америки, в Гренландии… Чем больше ледники, тем холодней климат; холоднее климат — больше ледники. Так появился огромный ледовый покров Северного полушария (в Антарктиде он возник

значительно раньше).

Гренландия — самый большой остров в мире, который протянулся на 2560 километров с севера на юг и на 1300 километров с запада на восток. На севере Гренландия находится менее чем в 700 километрах от Северного полюса, а самая её южная точка — мыс Фарвель — лежит южнее Исландии. Весь остров покрыт не просто льдом, а настоящим куполом, который плавно поднимается до высоты 3700 метров. Мощность льда местами достигает 2400 метров. Эта огромная масса образована в течение многих веков в результате выпадения снега, превращавшегося под давлением собственного веса в лёд. Ледники Гренландии языками сползают к побережью, где от них откалываются глыбы льда, становящиеся айсбергами.

В середине XV века Ватикан обнаружил, что от приходов Гренландии не поступают платежи в папскую казну, и отправил туда миссионеров, чтобы разобраться, в чём дело. И лишь тогда норвежский король Магнус Благочестивый узнал об ужасной участи своих забытых подданных.

В 1721 году началась колонизация острова Данией. В 1744 году Дания установила государственную монополию на торговлю с Гренландией. В 1814 году при расторжении датско-норвежской унии 1380 года Гренландия осталась за Данией.

Постоянными жителями Гренландии, её коренным населением, всегда были эскимосы. Однако европейцы не единожды предпринимали попытки проникнуть в глубь Гренландии. Датские купцы, которые в XVIII веке попытались сделать это одними из первых, обморозив лица и руки, скоро повернули назад и вынесли вердикт: «Никто из смертных не сможет проникнуть в глубь материкового льда Гренландии».

Штурм «ледяной пустыни» возобновился лишь много лет спустя: американец Хейс, английские альпинисты, потом швед Норденшёльд, затем датчанин Изнсен, снова Норденшёльд. В результате этих поистине нечеловеческих усилий в глубь острова удалось проникнуть всего на 117 километров.

Некоторые учёные во времена Нансена считали, что не всю Гренландию покрывает ледяная пустыня: защищённые от стужи хребтами, в центре таинственной белой страны есть зелёные оазисы.

Фритьоф хотел выяснить, так ли это, и исследовать ледяной купол Гренландии. Эта была очень интересная и актуальная для науки проблема, ведь изучение материкового льда давало ключ к пониманию природных условий во время последнего великого оледенения и для исследований климатических изменений в доисторическое и историческое время.

Кроме исследований ледникового купола Нансен планировал вести метеорологические и магнитные наблюдения.

* * *

У Фритьофа был план: он хотел пересечь Гренландию с востока на запад, поскольку Норденшёльду не удалось пройти остров с запада. Материалы экспедиции великого шведского исследователя подтолкнули Нансена к мысли, что переход возможен, но на лыжах. Именно так передвигались по гренландским ледяным и снежным пустыням лопари. Будучи прекрасным лыжником, Фритьоф знал, какие большие расстояния преодолевают опытные спортсмены. Запасы продовольствия, снаряжение, спальные мешки и палатку он планировал тащить на санях.

В плане пересечения Гренландии Нансен намечал высадку на восточном побережье, поблизости от места дрейфа «Викинга», а затем собирался взойти на ледяной остров. Он отдавал себе отчёт, что пути назад нет. Он писал, что, «когда путешествие начнётся, позади будут сожжены все корабли, и для сохранения своей жизни и жизни спутников необходимо будет дойти до населённых мест на западе во что бы то ни стало. А это сильный стимул в действиях человека». Риск на грани безумия, уверенность в собственной правоте, надежда исключительно на собственные силы и противостояние обществу — всегда были отличительными чертами практически всех планов и путешествий Нансена.

Фритьоф долго обдумывал свой план и окончательно убедился в его правильности, когда летом 1886 года американец Пири вместе с датчанином Майгордом смогли подняться на ледяной купол Гренландии с западного побережья на высоту нескольких тысяч метров. Нансен, находящийся тогда в Неаполе, понял, что ему надо торопиться.

Впервые он поделился своим планом с доктором Григом осенью 1887 года.

> «Однажды зимним вечером 1887 года, — *вспоминал Григ,* — когда я сидел у себя в кабинете на Парквейен и работал, неожиданно распахнулась дверь и в комнату ворвался Нансен в сопровождении своей длинношёрстной и невоспитанной собаки Дженни. Не претендуя на авторитетность собственного мнения, хочу тем не менее заметить, что увлекающийся Фритьоф

вовсе не тот человек, который хорошо мог бы выдрессировать охотничью собаку. На улице было холодно, и на плечи у Нансена был накинут плащ.

Он уселся на диван напротив меня и сказал:

— Ты знаешь, о чём я думаю? Я решил пересечь на лыжах Гренландию.

И он изложил мне план, показывая маршрут на моём стареньком атласе, который с тех пор стал у меня ассоциироваться с тем самым вечером. Как это ни удивительно, Нансен вовсе не был уверен в собственном успехе и был довольно скептично настроен. Он сомневался, что ему всё удастся.

Я понял, что он жаждет обсуждения. И я высказал ему свои сомнения, хотя и не был силён в предмете.

— Самым лёгким было бы пройти низом, — сказал Фритьоф, — это ты понимаешь, но я хочу доказать миру, что Гренландию можно ПЕРЕСЕЧЬ. — И он указал точный маршрут на карте.

Но он и предположить не мог, как трудно будет ему разгрызть этот орешек.

Фритьоф объявил мне, что едет в Стокгольм.

— Зачем? — удивился я.

— Я хочу повидаться с Норденшёльдом, поговорить с ним и выслушать его мнение о моём плане. Я только должен защитить весной докторскую, а затем сразу же отправлюсь в Гренландию. Да, мой старый друг, весна предстоит тяжёлая, но ничего — я справлюсь!

<…> Было ясно, что он готов положить жизнь на выполнение этого плана».

Вскоре Нансен отправился в Стокгольм, чтобы посоветоваться с Норденшёльдом, имевшим собственный опыт путешествия в Гренландию. Фритьоф обратился к своему земляку профессору Брёггеру с просьбой представить его Норденшёльду.

Вот как сам Брёггер вспоминал ту встречу:

«В четверг, 3 ноября, когда я пришёл в свой рабочий кабинет в Стокгольмском минералогическом институте, смотритель сказал мне, что меня спрашивал какой-то норвежец. Оказалось, что он не оставил визитной карточки и не назвал себя. Таких земляков ко мне заходило много. „Верно, опять один из тех, кого нужно выручить из временного затруднения!“ — подумал я.

— А каков он был на вид?

— Долговязый, белокурый, — ответил смотритель.

— Одет порядочно?

— Без пальто! — сказал смотритель ухмыляясь. — Видно, моряк или кто-нибудь в этом роде.

Значит, моряк без пальто! Пожалуй, мне и предстоит снабдить его пальто. Не впервые!

Немного погодя ко мне заходит профессор Вилле с вопросом:

— Застал тебя Нансен?

— Нансен? Так этот моряк был Нансен? Без зимнего-то пальто?

— Как без зимнего пальто? Он собирается пересечь материковый лёд Гренландии!

Затем появился и сам Нансен: высокий, стройный, широкоплечий силач, так и дышащий здоровьем и молодостью. Действительно долговязый и белокурый, как описал его смотритель. Волосы откинуты назад с широкого лба, одежда порядочно потёртая. Он прямо подошёл ко мне и, протягивая руку с какой-то своеобразной приветливой улыбкой, сам представил себя.

— Вы собираетесь пересечь Гренландию? — сказал я.

— Предполагаю.

Я смотрел на него во все глаза: невыразимо уверенный и внушающий доверие взгляд и добрая улыбка на резко очерченном мужественном лице. По мере же того как он говорил — несмотря на то что обращение его оставалось таким же простым и, пожалуй, даже показывало, что он несколько стесняется, — он как бы вырастал в моих глазах.

Самый план его — пройти на лыжах от восточного берега до западного, — показавшийся мне сначала ни с чем не сообразной выдумкой, стал во время беседы казаться мне наиестественнейшим делом в свете. Мало того: я вдруг проникся непоколебимой уверенностью: да, конечно, он пройдёт! Это так же верно, как то, что мы сейчас сидим и беседуем с ним!

— Отправимся сейчас же в академию к Норденшёльду, — предложил я.

И мы отправились.

Оригинальный костюм Нансена — плотно обтягивавшая стан тёмная триковая блуза или куртка — не преминул привлечь к моему спутнику внимание прохожих, когда мы шли с ним по Дротнингатан. По этому же костюму Густав Ретциус принял Нансена с

первого взгляда за акробата или канатного плясуна.

Норденшёльд находился в этот час, по обыкновению, в своём физическом кабинете. Навстречу нам попался хранитель музея Биндстрём, нёсший реторты.

— Старик там, но очень занят.

Войдя в кабинет, мы увидели, что „старик Норд“ возится со своими минералами. При виде его широкой мускулистой спины мне невольно вспомнилось одно приключение в енисейской экспедиции в 1875 году. По реке ходили большие волны, ежеминутно угрожавшие потопить лодку, в которой плыли путешественники. Норденшёльд, недолго думая, взял да и уселся на самый край кормы и предоставил холодным как лёд волнам разбиваться о его широкую спину. Так и сидел он несколько часов, изображая устой против волн. Из людей подобного закала и создаются исследователи полярных стран!

Поздоровавшись с Норденшёльдом, я представил ему своего спутника:

— Консерватор Бергенского музея Нансен. Он решил совершить переход через материковый лёд Гренландии.

— Вот как!

— Но прежде ему хотелось бы побеседовать немножко с тобой.

— Милости просим! Итак, господин Нансен решил пересечь Гренландию?

Перед Норденшёльдом как будто взорвало бомбу. Первоначальное ласковое, но несколько рассеянное выражение исчезло с его лица, он весь превратился в слух и внимание и словно мерил молодого гостя глазами, чтобы рассмотреть, что он за человек. Затем он вдруг весело вымолвил:

— Могу подарить господину Нансену пару прекрасных сапог. Да, я нисколько не шучу. В таких случаях крайне важно обеспечить себя первоклассной обувью, ибо края льдин разрезают самую толстую кожу, как бритва.

Лёд был сломан. Нансен начал развивать свой план. Норденшёльд слушал, время от времени скептически кивал головой и ставил какой-нибудь вопрос. В общем план Нансена представился ему, насколько я понял, хотя и очень смелым, но не безусловно невыполнимым. Видно было, что самая личность Нансена с первого же взгляда произвела на него сильное впечатление, и старик тут же

изъявил свою полную готовность содействовать молодому смельчаку советами и своей опытностью. Перед уходом я шепнул Норденшёльду на ухо:

— Ну, как по-твоему? Я со своей стороны уверен, что он дело выполнит!

— Может быть, ты окажешься правым! — ответил Норденшёльд, но выражение его лица приняло скептический оттенок.

После заседания в Геологическом обществе Нансен вновь зашёл ко мне. Было уже довольно поздно. Вдруг во время нашей беседы, которую я вёл с большой горячностью, раздался звонок, и явился Норденшёльд. Теперь я понял, что он серьёзно заинтересован.

И вот мы сидели далеко за полночь, толкуя как о проектируемой Гренландской экспедиции в частности, так и о других арктических и антарктических (в область Южного полюса) экспедициях вообще. Тогда минуло всего четыре года со времени последней Гренландской экспедиции самого Норденшёльда.

Несколько дней спустя Нансен уехал в Кристианию. Увёз ли он с собой обещанную Норденшёльдом пару сапог, мне неизвестно. Знаю лишь, что Норденшёльд послал ему потом пару снежных очков. Зато Нансен, без сомнения, увёз с собой немало важных указаний и убеждение в полном понимании и сочувствии со стороны знаменитого исследователя полярных стран».

По возвращении в начале декабря 1887 года в Норвегию Фритьоф продолжал работать над диссертацией и разрабатывать план экспедиции, который был обнародован в январском номере журнала «Природа» в 1888 году. В статье было сказано, что для экспедиции Нансену потребуются три или четыре хороших лыжника. Все вместе они должны добраться на корабле до Исландии, а затем сесть на норвежское зверобойное судно и доплыть до восточного побережья Гренландии в районе залива Скорсби на 66° северной широты. Фритьоф хотел начать экспедицию чуть севернее, но для этого не было денег — пришлось бы нанимать специальное судно. Большим вопросом было, удастся ли кораблю пройти далеко, на этот случай Нансен предусмотрел возможность высадки на лёд. Путешественники должны были пройти по нему к берегу, волоча за собой лодки на случай открытой воды.

Помимо научных планов надо было решить и финансовую сторону путешествия, поэтому вскоре Нансен и подал прошению в

Академию наук в Осло о выделении ему необходимых на экспедицию 5000 крон. Свою докладную записку Нансен закончил словами Норденшёльда:

> «Исследование природы Гренландии имеет столь большое и фундаментальное значение для науки, что в настоящее время едва ли можно указать на более важную задачу для полярной экспедиции, чем изучение внутренней части этой страны».

Однако норвежское правительство отказало академии, мотивировав своё решение тем, что испрашиваемые деньги предполагается потратить на «увеселительную прогулку» частного лица. Общество также возмутилось планами Нансена, особенно в той его части, которая касалась риска и «сжигания за собой мостов». В газетах писали, что «было бы преступлением оказать поддержку самоубийце», другие просто издевались и печатали объявления подобные этому:

> «В июне консерватор Бергенского музея Нансен даёт представление — бег на лыжах со скачками на материковом льду Гренландии. Места для публики — в трещинах. Обратных билетов можно не брать».

Один из датских исследователей написал в газете:

> «Каждый, кто хоть немного знаком с условиями, в которых будет проходить экспедиция, должен немедленно прекратить поддерживать эту безумную затею. Способ, с помощью которого Нансен собирается достичь побережья Гренландии, то есть покинуть палубу корабля и, подобно белому медведю, переползти с льдины на льдину, говорит о его безрассудстве. К этому плану относиться серьёзно нельзя!»

Однако Нансен на все возражения ответствовал так: «Моё мнение таково: линия отступления — опасное препятствие для людей, желающих достичь своей цели, так как для выполнения поставленной задачи нужно вложить всё, а не терять драгоценного времени и не оглядываться назад, когда более чем необходимо смотреть вперёд!» А своему другу, художнику Э. Вереншёльду, говорил впоследствии:

> «Я всегда предвидел по крайней мере в пять раз больше, чем на самом деле осуществлялось. Секрет

вождя и заключается в том, чтобы учесть все решительно возможности; ничто не должно явиться неожиданным».

Если бы Гренландская экспедиция Нансена не была им так основательно продумана и подготовлена (на более чем скромной материальной базе), то она, возможно, имела бы совершенно иной исход. Так, после долгих испытаний и раздумий Нансен решил брать в экспедицию не обычные спальные мешки из шерсти, а мешки из оленьих шкур. Именно это и спасло жизнь экспедиции. По признаниям самих путешественников после окончания тяжёлой экспедиции, если бы они спали на льду Гренландии в шерстяных мешках, то вряд ли проснулись бы наутро. Чтобы сэкономить вес — ведь приходилось считать чуть ли не каждый килограмм, — Нансен решил сшить всего два мешка — каждый на троих. Такие же мешки позже возьмёт с собой в экспедицию и Амундсен, потому что они оказались на редкость тёплыми. Так продумывалась каждая мелочь.

Подготовка была настолько серьёзной, что постепенно на сторону Нансена переходили даже его противники. Так, известный датский учёный Ринк[24], который поначалу категорически возражал против путешествия Фритьофа, после обсуждений плана с путешественниками признал его не только реальным, но и «желательным». Однако он всячески старался отговорить и запугать молодого коллегу. Жена Ринка вспоминала:

> «Сначала муж мой считал план Нансена совершенно фантастическим и невыполнимым, но чем дольше он с ним общался и обсуждал само предприятие, тем дороже ему становился сам Фритьоф. В конце концов он стал жалеть, что не может в полном объёме нарисовать ему все тяготы экспедиции. Однажды мы специально пригласили Нансена, чтобы напугать его. Но вечер прошёл в разглядывании видов Гренландии, хотя мы все были настроены более серьёзно, чем ранее, когда со смехом даже предполагали, что путешественникам, быть может, придётся стать и людоедами. Однако веселились мы и в тот раз, лишь мой муж был серьёзен. А когда гости разошлись, он очень сожалел, что так и не смог в красках изобразить грозящие путешественникам беды».

Неожиданно план Фритьофа поддержал известный геолог Амунд Теодор Хелланд[25], который опубликовал 24 ноября 1887 года статью в одной из крупнейших норвежских газет «Дагбладет», в которой, в частности, говорилось:

«Основываясь на исследованиях материкового льда Гренландии как других лиц, так и моих собственных, должен сказать, что не вижу оснований, почему его нельзя было бы перейти молодым и смелым лыжникам, особенно под руководством осторожного и знающего вожака и при соответствующем своеобразным местным условиям снаряжении экспедиции. Тщательно взвесив все обстоятельства, я должен заявить, что есть все шансы на счастливый исход этой экспедиции».

Помощь пришла извне: датский кофейный король Августин Гамель, прочитав статью Хелланда, связался с ним, и последний 12 января 1888 года сообщил президиуму Академии наук, что господин Гамель предоставляет в распоряжение Нансена необходимые 5000 крон на «финансирование международного проекта по развитию лыжного спорта».

Нансен с радостью принял этот дар, за что подвергся новым нападкам со стороны норвежских патриотов.

Так, начиная с зимы 1888 года Нансен уже мог заниматься практической подготовкой экспедиции. Всё снаряжение — спальные мешки, сани, примус — он испытывал сам, для чего в особенно холодные дни уходил в ближайшие горы. «Я скорее примирился бы с плохим докторским аттестатом, нежели с плохим снаряжением экспедиции», — заявил он своему другу доктору Григу.

Запрошенная сумма в 5000 крон оказалась недостаточной для экспедиции, и Нансену пришлось бы вкладывать свои деньги, поскольку в ходе подготовки выяснилось, что путешествие стоит 15 000 крон, но тут на помощь полярному исследователю пришло Студенческое общество, члены которого смогли собрать недостающие 10 000 крон ещё до его возвращения в Норвегию.

С собой в путешествие Фритьоф взял пятерых спутников, из которых двое были лапландцами-оленеводами. Их звали Самуэль Балто и Уле Нильсен Равна. Взять лопарей в экспедицию Нансену посоветовал Норденшёльд, основываясь на собственном опыте путешествий. Однако Фритьоф остался недоволен своими спутниками из северной провинции Норвегии Финнмарк — они были явно не готовы к столь опасной экспедиции и «часто пугались». Позднее сами лапландцы откровенно признавались, что участвовали в предприятии Нансена исключительно из-за денег, а Равна так никогда и не оправился от пережитого страха.

Зато с тремя смельчаками, которых Фритьоф отобрал из более чем сорока претендентов, ему повезло. В Гренландию с

Нансеном отправились лучшие из лучших лыжников: 33-летний Отто Свердруп, бывший капитан корабля, впоследствии он станет верным спутником Нансена в плавании на «Фраме»[26]; 32-летний Олав Кристиан Дитрихсон, бывший капитан королевской армии, и 24-летний крестьянин Кристиан Кристиансен Тран, которого привез с собой Свердруп (Тран работал в усадьбе его отца).

Самого Свердрупа, в свою очередь, посоветовал брату Александр Нансен, который к тому времени уже работал адвокатом на севере Норвегии.

Именно Свердруп предложил брать у доктора Ринка — единственного на тот момент специалиста по эскимосскому языку — уроки этого редкого языка, но не смог ему научиться из-за крайней сложности. Успешнее пошли дела у Дитрихсона, а потом неожиданно, по воспоминаниям фру Ринк, захотел научиться эскимосскому и Нансен.

О последнем вечере, проведённом в доме датского исследователя, жена Ринка рассказывает следующее:

> «Провожая Нансена до дверей, я высказала ему то, что мне часто приходило на ум: „Я думаю, вам надо в следующий раз отправиться и на Северный полюс!“ Нансен ответил так, как будто давно об этом думал сам: „И я так думаю!“».

В Дании Нансен в эти месяцы бывал довольно часто. Прежде всего, вместе с норвежскими участниками экспедиции он посещал дом Гамеля — там они обсуждали предстоящее путешествие. 2 мая 1888 года Фритьоф отправился в Копенгаген, чтобы ещё более подробно ознакомиться с условиями жизни в Гренландии и обсудить насущные вопросы с крупнейшими специалистами по Арктике, а также попрощаться с Гамелем.

Во время визита к своему благодетелю Нансен знакомится с его женой — фру Эммой — и, как это часто бывало, мгновенно очаровывает её. У этих отношений будет своё продолжение…

В Копенгагене Нансен встретился с датчанином Кристианом Майгорем, который вместе с Робертом Пири проделал большой путь по ледяной Гренландии (в глубь на 160 километров). Он заверил Фритьофа, что ничего невозможного в его путешествии нет.

Окрылённый такой поддержкой, Нансен отправляется в Германию, оттуда в Англию и Шотландию, где его уже ждёт вся команда, напрямую отправившаяся в порт Лит из Кристиансанна.

* * *

Было бы неверно думать, что после возвращения из Италии Нансен всё своё время посвящал исключительно науке и подготовке к путешествию в Гренландию.

Он был большим любителем жизни и женщин, и дам сердца у него и в этот год было предостаточно.

Фритьоф по-прежнему поддерживал отношения с учительницей фрёкен Силов и своей шотландской возлюбленной Марионн Шарп. И ещё в его жизни случился очень бурный роман с одной из самых красивых представительниц богемы — Дагмар Энгельхарт, известной в художественных кругах под именем Кленодия — «Драгоценность».

В соответствии с правилами поведения богемы она любила шокировать публику и нарушать все мыслимые границы приличий. Она обожала жизнь в городе и развлечения, поэтому их роман с Нансеном был заранее обречён на неудачу, что совершенно не мешало безумному накалу чувств.

Зимой 1888 года Нансен случайно встречает в горах свою будущую жену Еву Саре, но тогда из той встречи «не возгорелось пламя».

Тем не менее перед тем, как отправиться во льды Гренландии, Фритьоф пишет прощальные письма пятерым женщинам: Юханне Силов, Марионн Шарп, Кленодии, Еве Саре и… Софье Ковалевской.

В литературе (прежде всего в произведениях современных российских литераторов) много споров об отношениях Нансена и Ковалевской — однако у нас есть несколько достоверных источников, и первый из них — мемуары[27] Анны Шарлотты Леффлер, близкой подруги великого математика и сестры профессора Миттаг-Леффлера, пригласившего Ковалевскую в Стокгольм и, по некоторым сведениям, познакомившего её с Нансеном[28].

Вот что в них написано:

> «Я уехала в январе 1888 года, и мы увиделись с Соней лишь в сентябре 1889-го. Прошло не более двух лет, но каждая из нас пережила за это короткое время душевный кризис, и мы встретились, уже став совершенно другими людьми.
>
> <…> Вскоре после моего отъезда она познакомилась с человеком, который, по её словам, был самым талантливым из всех знакомых ей людей. С первой их встречи она испытала к нему сильнейшую симпатию и восхищение, которые постепенно перешли в страстную любовь. Он со своей стороны тоже воспылал к

ней чувством и даже предложил стать его женой. Но Софья считала, что его влечёт к ней не столько любовь, сколько восхищение, и поэтому по вполне понятным причинам она отказалась выходить за него замуж и вместо этого попыталась со всей присущей ей душевной энергией пробудить в нём такие же сильные чувства, какие он возбуждал в ней. Эта борьба и стала смыслом её жизни на протяжении нашей двухлетней разлуки. Она мучила его и себя своими требованиями, устраивала ему безобразные сцены ревности, они много раз расходились в полном гневе. Соня чувствовала себя совершенно потерянной, но потом они вновь сходились, мирились и вновь резко рвали отношения. Её письма ко мне в то время почти не содержат сведений о её внутренней жизни. По своей натуре она была замкнутым человеком. <…> Однако я всё же хочу привести некоторые отрывки из её посланий ко мне.

<…> В январе 1888 года она пишет:

„Спасибо за письмо из Дрездена! Я всегда бесконечно радуюсь, получая от тебя хотя бы несколько строчек, но это письмо навеяло на меня грусть. Ну что же делать! Такова жизнь, человек никогда не получает то, что хочет, и то, что, как он полагает, заслуживает. Всё, что угодно, только не это. Кто-то другой испытает то счастье, о котором я мечтала и о котором он никогда не думал. Должно быть, блюда le grandfestin de la vie [29] *сервируются не должным образом, потому что у гостей как будто запорошены глаза и они едят яства, предназначенные для других. Но Н. в любом случае, как я считаю, получил именно то блюдо, о котором мечтал. Он так увлечён своим путешествием в Гренландию, что никакая возлюбленная не может с этой поездкой конкурировать. Так что тебе стоит отказаться от великодушного предложения написать ему, потому что, я боюсь, уже ничто не сможет заставить его отказаться от поездки к духам мёртвых великанов* [30] *, которые, по лапландским сагам, спят на ледяных просторах Гренландии. Я же много работаю, насколько позволяют силы (над сочинением на премию* [31] *), но без особой радости или энтузиазма“.*

Соня познакомилась с Фритьофом Нансеном, когда он приезжал в Стокгольм, и была очарована им. Они

встретились ещё раз и были так потрясены, что поняли: между ними не может ничего быть потому лишь, что сильная симпатия грозит превратиться в угрожающую их жизни страсть.

В следующем письме всё в том же январе 1888 года она пишет о нём:

„В настоящий момент я очень опечалена своей в высшей степени неудачной лекцией, какую я когда-либо читала. А всё потому, что я сегодня получила от Н. небольшое письмо о его планируемом путешествии в Гренландию. Я очень расстроилась, когда прочитала его. Датский торговец Гамель дал ему 5000 крон на эту поездку, и теперь уж никакая сила на земле не сможет удержать его от этого приключения. Он описывает всё так невероятно увлекательно и так хорошо, что я с радостью послала бы тебе это письмо, если бы знала твой нынешний адрес, но с условием, что ты вернёшь мне его обратно. Если только ты прочитаешь этот небольшой пассаж, то сразу сможешь составить полное представление о человеке, его написавшем. Сегодня я говорила о нём с Б. [32] *Б. утверждает, что он поистине гениален и слишком хорош, чтобы рисковать своей жизнью в Гренландии“.*

В другом письме Сони уже заметны намёки на наступивший в её жизни кризис. Письмо не датировано, но, вероятно, написано в марте того же года. Она уже поняла, что этот человек окажет влияние на всю её жизнь. Она пишет:

„<…> Я боюсь строить на будущее какие бы то ни было планы. Скорее всего, как и все последние 20 лет, я проведу два с половиной бесконечных месяца в полном одиночестве в Стокгольме. Но, быть может, это и хорошо для моей работы, ибо я сама осознаю своё одиночество“.

Я рассказала ей, что, находясь в Риме, слышала от скандинавов, что Нансен вот уже несколько лет помолвлен, и получила в ответ такое вот насмешливое письмо:

„Дорогая Анна Шарлотта.

Souvent femme varie,
Bien fol est qui s'y fie! [33]

> *Если бы я получила твоё письмо с такими разоблачениями пару недель назад, то моё сердце было бы разбито. Но теперь, к своему собственному стыду, должна признать, что, когда читала твои строки, то чуть не умерла от смеха“».*

Причина изменения в поведении Ковалевской была стара как мир — встреченная новая любовь, однофамилец Максим Ковалевский. Но это уже совсем другая история…

Косвенные свидетельства о романе Нансена и Ковалевской есть и в шведской прессе. Так, академик П. Я. Кочина, биограф великого математика, приводит в своей книге следующий отрывок из газеты «Свенска дагбладет», которая была выпущена 8 января 1950 года к 100-летию Ковалевской:

> «Чужеземная птичка была встречена с большим энтузиазмом стокгольмцами 1880-х годов, особенно в кругах, близких к Высшей школе, которых она победила своим очарованием, интеллигентностью и остроумием. Она была так популярна, что на одном приглашении на званый вечер к профессору Ретциусу с супругой было специально обозначено на обратной стороне пригласительной карточки: „Профессор Ковалевская и Фритьоф Нансен обещали приехать“».

Позволим себе предположить, что упоминание «Ковалевская и Нансен обещали приехать» равнозначно формуле «супруг с супругой».

У нас есть ещё и свидетельство самого Фритьофа. Всё дело в том, что, когда Нансен приехал в СССР и совершал путешествие по Армении, его сопровождал журналист и писатель Н. К. Вержбицкий. В своей мемуарной книге «Встречи» он пишет:

> «Мне большие усилия потребовались для того, чтобы решиться спросить Нансена относительно его знакомства с Софьей Ковалевской. Конечно, это было не совсем деликатно с моей стороны. Но во мне жил газетчик.
>
> — Ковалевская?.. Это был человек редкой духовной и физической красоты, самая обаятельная и умная женщина в Европе того времени, — после довольно продолжительного молчания сказал Нансен. — Да,

безусловно, у меня было к ней сердечное влечение, и я догадывался о взаимности. Но мне нельзя было нарушить свой долг, я и вернулся к той, которой уже было дано обещание… Теперь я об этом не жалею!»

Нансен в данном случае слегка покривил душой, поскольку никакими обязательствами по отношению к Еве, о которой он говорит, связан не был. Зато он, вне всякого сомнения, испытывал искренние чувства к Софье.

* * *

9 мая 1888 года пятеро путешественников отплыли из шотландского порта Лит на датском судне «Тюра» к берегам Исландии, где стали ждать норвежское зверобойное судно «Ясон», капитан которого, М. Якобсен, обещал доставить их в Гренландию.

В Исландии Нансен и его товарищи провели две недели (с 21 мая по 4 июня). Путешественники активно знакомились, но сам Фритьоф, по его же словам, «большую часть времени провел лёжа на животе на жёстком диване в мансарде, занимаясь писанием научной работы об анатомии угря, которую не успел закончить в Норвегии». Спутники же катались на лыжах и маленьких исландских пони. Одного из пони Нансен решил купить, чтобы запрягать в сани или в крайнем случае использовать как свежее мясо.

4 июня «Ясон» с 64 членами команды и пятерыми путешественниками на борту отплыл в Гренландию. Дрейфующий лёд встретился кораблю довольно скоро, его было необычайно много, а потом судно вошло в густой туман. Несколько раз попадались голубые киты.

В наши дни голубые киты в Арктике не встречаются, они «перебрались» в Антарктику, но и там очень редки. Нансен же с восхищением описывал могучих обитателей морей, которые по размерам могли сравниться с «Ясоном». С шумом выдыхали они воду, выбрасывая на большую высоту фонтан, от которого «колыхался воздух». Киты подходили очень близко к судну, высовывали из воды голову с «идущим вдоль переносицы острым гребнем», а затем — мощную спину с маленьким плавником у хвоста. Потом поворачивались спиной и исчезали.

11 июня туман рассеялся, и на горизонте показались ледовые вершины Гренландии. Балто испугался, назвав пики «мрачными и отвратительными», подобными верхушкам церковных колоколен,

уходящим в небо. Такое тяжёлое настроение сохранялось у лапландцев во время всей экспедиции, что не могло не раздражать Фритьофа.

С первой попытки приблизиться к берегу не удалось — «Ясон» смог пройти по разводьям только 40 километров, до острова же оставалось почти вдвое больше, поэтому пришлось вернуться к кромке льда. Целый месяц «Ясон» занимался добычей тюленей.

Некоторое разнообразие в монотонную жизнь путешественников вносил пони, которого полюбили все члены команды, но вскоре кончились запасы корма — и несчастное животное пришлось пристрелить.

Однако уговорить команду есть конину не удалось, потому что в те времена зверобои ели в основном солонину. Не употребляли в пищу на корабле и мясо тюленей, а освежёванные туши оставляли на льду. Нансен пытался убедить моряков включить в меню свежее мясо — но всё напрасно. Не удалось ему внушить зверобоям и то, что зоолог с докторской степенью и врач — совершенно разные профессии. К Фритьофу приходили лечиться постоянно. Помощь, как с самоиронией описывал в дневнике Нансен, носила в основном психологический характер. Так, к «доктору» один раз пришёл зверобой. Он жаловался на боли в сердце, но руку прижимал к животу. На вопросы Нансена, «есть ли тяжесть в голове, расстройства пищеварения или запоры», ответ неизменно был положительный. Тогда «доктор» сказал, что виной плохому самочувствию нездоровый образ жизни на судне и надо есть свежее мясо — например, тюленье. По выражению лица больного стало понятно, что этого он не будет делать НИКОГДА. Нансен посоветовал ему больше времени проводить на свежем воздухе и сказал, что если больной не выздоровеет, то «доктор» всегда готов ему дать касторового масла или специальной слабительной соли. Как и предполагал Фритьоф, зверобой на повторный приём не пришёл.

28 июня «Ясон» вошёл в глубь ледяных полей, а 11 июля случилась авария — во время сжатия льдами корабль потерял руль. Его заменили запасным, но Нансен понимал, что «Ясон» в любую минуту может оказаться в ледяном плену, как в своё время «Викинг». Поэтому, когда 16 июля капитан подошёл к фьорду Сермплик, путешественники решили идти дальше к берегу Гренландии, до которого оставалось не больше 20 километров, самостоятельно. Фритьоф записал в дневнике:

> «Никогда более не доводилось мне видеть пейзажа прекраснее — остроконечные вершины, лёд и снег».

Нансен принял решение добраться на двух лодках. На самом деле у его команды была всего одна лодка — на вторую просто не хватило денег, — но тут помог капитан, который сделал щедрый подарок — предложил экспедиции одну из судовых шлюпок.

17 июля можно считать началом перехода через Гренландию — Нансен и его спутники спустились в лодки и отплыли к острову ледяной пустыни.

Сначала исследователи довольно быстро передвигались по разводьям, кое-где прорубая дорогу топорами и отпихивая льдины железными баграми, а кое-где перетаскивая лодки по льду. Тяжело было не только физически, но и непредсказуемо опасно. Так, однажды подводное течение чуть не затащило лодки под айсберг. Погода тоже не радовала: пошёл дождь. Неожиданно, когда до берега оставалось рукой подать, острый край льдины пробил борт лодки Свердрупа, и экспедиции пришлось остановиться, затащить повреждённую лодку на льдину и начать её ремонтировать.

Когда лодка было почти отремонтирована, полынья начала «смыкаться», а дождь припустил с новой силой. Равна вспоминал, что решил в тот момент: «Могилой нам всем будет море». Нансен распорядился поставить на льдине палатки, а утром обнаружил, что за ночь течение унесло льдину к широкому поясу льда ниже залива Сермилак. «Ворота рая закрылись перед нами», — записал в дневнике Нансен. Он слишком поздно осознал быстроту и опасность течения.

Несколько дней путешественники дрейфовали на льдине, которая 20 июля вдруг стала раскалываться. Команде пришлось перебираться на другую плавучую «платформу», а кругом бесновался шторм. Ещё несколько утомительных и тревожных ночей, в каждую минуту которых лапландцы прощались с жизнью, проклиная день, когда согласились принять участие в экспедиции.

Когда по возвращении домой лапландца Балто спросили, что было самым ужасным в экспедиции для него лично, он ответил:

> «Хуже всего было, когда мы дрейфовали во льдах и нас несло в Атлантический океан. Я спросил Нансена, думает ли он добраться до земли, он ответил положительно. Я спросил, чем мы будем питаться, если не доберёмся до западного побережья, и он ответил, что мы будем охотиться. Я спросил, как мы будем готовить то, что нам удастся подстрелить, и Нансен ответил, что мы будем есть мясо сырым».

У Дитрихсона и Кристиансена начали болеть глаза — у них

началась снежная слепота, или снежная офтальмия, своеобразный ожог конъюнктивы и роговой оболочки глаза ультрафиолетовыми лучами солнца, отражёнными от снежных кристаллов.

При снежной слепоте человек перестаёт различать разницу уровней поверхностей, затем в глазах появляется ощущение, словно под веки попал мелкий песок, а к вечеру боль становится нестерпимой. Глаза воспаляются, веки отекают, и человек слепнет. Чем только не лечили в прошлом офтальмию: компрессами, спиртовой настойкой опия, даже нюхательным табаком. В полярных экспедициях самым надёжным средством оказывалась темнота. Как это ни парадоксально, но в облачный день опасность заболеть снежной офтальмией значительно выше, чем в солнечный. Разгадка состоит в том, что в облачный день из-за рассеянного света всё вокруг становится одинаково белым: и небо, и снег, и лёд.

Нансен, который знал об опасности снежной слепоты, приказал своим спутникам носить тёмные очки. Кроме того, экспедиция также пользовалась для защиты кожи лица красными и синими шёлковыми вуалями. «Странное это было зрелище — развевающиеся красные вуали на фоне голубого неба!» — писал Нансен.

Неожиданно дрейф льдины изменился, и её «с изумительной скоростью понесло к земле». Тем не менее вокруг были огромные массы льдов и у экспедиции всё ещё не было возможности приблизиться к берегам Гренландии. Утром 29 июля такой шанс представился — остров был совсем рядом. Путешественники радостно повыскакивали из спальных мешков, позавтракали на скорую руку и спустили на воду лодки. Через несколько часов, ближе к вечеру, они уже высаживались на берег небольшого островка Кетертарсуак.

Нансен решил отметить высадку на берег праздничным обедом и, пока он готовился, поднялся на ближайшую вершину.

> «Сидя на камне и греясь, я увидел, как что-то, жужжа, пролетело по воздуху и село мне на руку. Да ведь это же комар, подумайте — комар! Скоро их налетело множество. Я позволил им кусать себя. То, что они сидели тут, создавало ощущение, что ты действительно находишься на суше. <…>
>
> Вдруг я услышал чириканье, и рядом на камень села пуночка. Наклоняя головку то на одну, то на другую сторону, она поглазела на новоприбывшего гостя, защебетала, прыгнула на другой камень, снова посмотрела и улетела. Всё-таки жизнь прекрасна и

радостна!»

Несмотря на радость «ощущения суши», путешественники стремились как можно быстрее наверстать те 30 миль, что они «потеряли» во время дрейфа на льдине на юг. Путь лодкам приходилось пробивать, расталкивая баграми льдины и расчищая себе полынью, смельчаки стремились проскочить её, рискуя в любую секунду быть раздавленными смыкающимися льдами.

30 июля произошла первая встреча с эскимосами, которые при помощи знаков объяснили Нансену, что впереди на их пути — опасный ледник, от которого часто откалываются и падают в море громадные ледяные глыбы — айсберги.

Гренландия — родина практически всех айсбергов Северного полушария, которые откалываются от стекающих из внутренней части к берегам острова ледовых «языков». Ежегодно в Гренландии рождается от двенадцати до пятнадцати тысяч айсбергов.

Плавающие ледяные колоссы особенно опасны потому, что над поверхностью находится лишь их часть — по последним исследованиям учёных, одна седьмая или девятая часть массы (не высоты!) горы.

> «Отвесная ледяная гора, вздымающаяся ввысь к самому небу, издавна внушала эскимосам панический страх, — *пишут польские исследователи Арктики Алина и Чеслав Центкевичи,* — наводила ужас. Когда им приходилось проплывать У подножия айсберга, они молча, затаив дыхание, проворно работали вёслами, стараясь как можно скорее отплыть подальше. Эскимосы верили, что выстрел или даже просто крик могут разбудить дремлющие злые силы, которые обрушат на них огромные глыбы льда и раздавят. Так погиб не один гренландский охотник».

К счастью, Нансен с товарищами успешно преодолели опасное место и скоро подплыли к мысу Билле, где вновь встретили эскимосов.

> «Когда мы вышли на берег, — *писал Фритьоф в своей книге „На лыжах через Гренландию“*[34], — эскимосы окружили нас плотным кольцом, улыбаясь нам со всех сторон. Улыбающееся лицо — это приветствие эскимоса всякому постороннему. У эскимосов нет слов, означающих „добрый день“ или „добро пожаловать“. Мы огляделись вокруг — этим людям среди льдов было

хорошо».

Однако больше всего его поразил ударивший в ноздри воздух внутри палатки, куда их пригласили:

> «В шатре, крытом тюленьими шкурами, жили пять эскимосских семей. Чад от тюленьего жира, который вытапливался в висящих над очагами плошках из мыльного камня, смешивался с запахом несвежего мяса».

Почти такое же описание эскимосского дома оставил метеоролог-датчанин, который принимал участие в экспедиции Кнута Расмуссена[35]:

> «Ослеплённый метелью, насквозь промёрзший, вползаю с чувством отрады в узкий туннель, расталкивая по пути мокрых, лохматых собак. Они тоже укрылись здесь от ураганного ветра, но в иглу их не пускают. От спёртого воздуха тут же перехватывает дыхание. В нос бьёт тошнотворный запах гнилого мяса и мочи. Колеблющееся, мерцающее пламя еле тлеющего мха, погружённого в тюлений жир, не рассеивает мрака, с трудом различаю отдельные фигуры людей.
>
> Невыносимо жарко. Торопливо стаскиваю с себя анорак и сажусь рядом с охотниками на устланной шкурами белых медведей снежной скамье. Посредине иглу краснеют крупные куски мяса недавно освежёванного тюленя. Тугто привез их, видимо, из тайника. Но зловоние исходит не от них. Когда глаза немного привыкают к полумраку, замечаю близ входного отверстия вырытое в снегу углубление, сплошь заполненное мясом. Время от времени один из охотников достаёт из этой „кладовки“ приглянувшийся ему кусок, обгладывает кости, выплёвывает некоторые куски обратно — может быть, пригодятся когда-нибудь.
>
> Так же, как и остальные, пристально гляжу на крупные жиринки, плавающие в наполненном мясом котле. Пожилая эскимоска жадно косится на них, не переставая ни на мгновение соскребать костяным ножом сало с какой-то кожи. Заметив мой взгляд, она дружелюбно улыбается, обнажая стёртые до корней зубы.
>
> Быстрым движением хозяин вылавливает из котла первый кусок заплывшего жиром мяса, подаёт мне его, а сам жадно хватает большую кость, мгновенно дробит её своими челюстями и, смачно причмокивая, высасывает

из неё полусырой мозг — этот деликатес из деликатесов.

<…> Кто знает, как долго мы разрываем пальцами, громко жуём, пожираем недоваренное мясо, целые груды мяса. Час, два, три? Хлопаем себя по животам. Плюёмся, курим, запиваем еду кружками чёрного как смоль чая, облизываясь в перерывах между порциями.

<…> Кто-то затевает длинный охотничий рассказ. Понимаю из него очень мало. Короткие горловые звуки — не то песня, не то декламация — заполняют иглу. Монотонным звукам вторит тоскливое завывание ветра, доносящееся снаружи.

<…> Среди этих людей, перенесённых из каменного века прямо в современность, постепенно теряю реальность. Погружаясь в далёкое прошлое, забываю, кто я и откуда, и кажется мне, будто я всегда пребывал среди них. Чувствую, как оживают во мне какие-то давно замершие отзвуки».

Пожить в таком иглу Нансену ещё предстояло в дальнейшем, а пока путешественники, переночевав поблизости, отправляются дальше на север. По пути им встречались зелёные островки травы с цветущим вереском и даже цветами. Во время остановок удавалось даже позагорать.

Однажды им повстречался поразивший воображение Фритьофа айсберг:

«Две высоких его вершины, подобно церковным шпилям, вздымались к небу. Довольно высоко на одной из отвесных стен было круглое отверстие, проходившее насквозь через всю махину, и внизу море промыло такие гроты, что в них могло бы разместиться на стоянку небольшое судно. Лёд переливался всеми оттенками синего цвета, кончая самым глубоким и чистым ультрамарином внутри горы. Казалось, перед нами — волшебный эльфийский замок из голубого хрусталя, а вокруг журчали ручейки и ниспадали водопады».

Однако помимо красот поджидали путешественников и неприятности — часто совершенно непредсказуемые. Так, большой проблемой, если не сказать — кошмаром, во время одной из стоянок стали полчища мошкары. Нансен с иронией записал, что если и бывали в его жизни ужасы, то не такие, как в это утро. Когда он проснулся с лицом, облепленным кровососущими паразитами, ему даже показалось, что на лице вырос шевелящийся мох. Путешественники с невероятной

поспешностью бросились к лодкам и с трудом «оторвались» от полчищ мошек, которые устремились за ними.

8 августа экспедиция остановилась на ночёвку на острове Сагярусек — «самом очаровательном месте в Гренландии», как отметит Нансен, с ровным зелёным лугом и большим озером с пресной водой. В озере плавали рыбки — вероятно, это были арктические гольцы.

10 августа команда Нансена высадилась во фьорде Умивик. С плавучим льдом и айсбергами восточной Гренландии было покончено, что было отмечено торжественно — горячим кофе.

> «У нас были все основания праздновать, — *писал Фритьоф,* — ведь мы достигли первой своей цели. Конечно, впереди была, быть может, ещё более тяжёлая часть пути, но, во всяком случае, теперь мы пойдём по твёрдой земле, не будет больше тяжёлого труда с лодками, которые могло разбить между льдинами, не будет изменчивого дрейфующего льда».

С 11 августа стали готовиться собственно к переходу через Гренландию. Необходимо было тщательно проверить всю амуницию и научное оборудование, которое предполагалось взять с собой.

Фритьоф решил, что всё снаряжение должно быть лёгким и прочным одновременно, чтобы его можно было бы легко ремонтировать в походных условиях. По специальным чертежам Нансена ещё в Норвегии сделали сани, до сих пор использующиеся в полярных экспедициях, которые так и называют «нансеновские сани». Они имели стальные полозья, весили не более 12 килограммов, а отдельные их части не сколачивались, а связывались кожаными ремнями. По сути, это был модернизированный вариант старинных эскимосских саней. При ударах сани, основная конструкция которых была сделана из ясеня, не ломались, а пружинили и прогибались. Кожаные же ремни в случае необходимости легко было заменить.

Особое внимание уделялось одежде: она была шерстяной с холщовым ветронепродуваемым «футляром», который с тех пор стали использовать лыжники во всём мире. На ногах у членов экспедиции были специальные меховые сапоги из оленьих шкур с подкладкой из сушёного александрийского листа, который хорошо впитывает влагу и может защитить стопы от обморожения.

Спали путешественники в спальных мешках из оленьих шкур, о которых мы уже говорили выше. Специально же для Гренландской экспедиции были изготовлены — опять же по

эскизам Фритьофа — особые лыжи.

Тут надо сделать небольшой экскурс в историю лыжного спорта. Лыжные гонки, лыжный альпинизм и горные лыжи имеют общее начало. Достоверно известно, что лыжные гонки произошли от особой техники, которую изобрели в норвежской провинции (фюльке) Телемарк во второй половине XIX века. Первоначально «телемарком» называли и спуск с горы при помощи одной палки, и прыжок с трамплина. Сейчас этот термин применяют только для спуска с гор, который характеризуется особым элегантным поворотом и небольшим скачком.

Именно благодаря Нансену лыжи не только приобрели популярность в Норвегии, но стали одним из краеугольных камней национального самосознания.

Для гренландского путешествия Нансен заказал классический «телемарк» (задник ботинка мог свободно подниматься). Всего было изготовлено девять пар лыж: две пары дубовых и пять берёзовых. Лучше зарекомендовали себя дубовые, поскольку спереди они расширялись до 9 сантиметров, а под ботинком сужались на 3 миллиметра. Длиной они были 2 метра 26 сантиметров; ремни креплений — из толстой жёсткой кожи, а полоса мягкой кожи охватывала и поддерживала ботинок сзади.

Впервые в практике в края лыж по совету Нансена были вставлены стальные полоски, которые придавали им прочность, облегчали переход по рыхлому снегу и торможение на твёрдом льду. К лыжам снизу прикреплялись ещё и куски шкуры северных оленей, чтобы легче было подниматься по ледовым склонам. Это тоже было изобретением Нансена.

Всю жизнь Фритьоф продолжал изучать технику изготовления лыж — их форму, крепления, сорта дерева. Этот интерес остался у него на всю жизнь. Последней работой, которую он писал перед смертью, лёжа в постели, была статья «Скольжение различных сортов дерева по снегу».

Помимо лыж Нансен взял в экспедицию плетёные индейские снегоступы, или так называемые ступающие лыжи, и норвежские «медвежьи лапы».

Снегоступы применяются для передвижения по очень рыхлому снегу и по неровной поверхности, где скользящие лыжи неприменимы. Пятка при каждом шаге в ступающих лыжах из-за особого мягкого крепления отделяется от лыжи, и её передвигают вперёд, как ночную туфлю без задника, висящую на одном только носке, задний же конец лыжи волочится по снегу.

«Медвежьи лапы» — это маленькие овальные лыжи, где кроме носкового ремня сделана ещё высокая петля, в которую ступни всовываются до подъёма, и две широкие петли по бокам ступни.

Двумя ремешками, привязанными ко второй петле у подъёма, связывают эти три петли и обвязывают ногу выше подъёма. Техника ходьбы на этих лыжах иная: ими ступают, высоко поднимая ногу.

Еду готовили на специально сконструированной неутомимым Фритьофом печке. Позднее он опишет её в своей книге «Во мраке ночи и во льдах», которая впервые вышла в России в 1897 году, а ныне известна русскому читателю под названием «„Фрам“ в полярном море»:

> «Прибор, взятый нами для варки, представлял то преимущество, что в нём почти вся теплота топлива шла в дело. При помощи его мы могли в очень короткий срок варить себе пищу и одновременно с этим в таком изобилии получать из снега воду для питья, что, употребляя её вдоволь и утром и вечером, у нас всё-таки оставался ещё некоторый излишек. Наш кухонный прибор состоял из двух котлов и сосуда для таянья снега или льда; устроен он был следующим образом: внутри круглого сосуда помещался котёл, а под ним лампа. Таким образом, все продукты горения были заключены в пространстве между чашкой и котлом. Над этим сосудом была плотно пригнанная крышка с дырой посередине, сквозь которую должен был проходить тёплый воздух прежде, чем достигнуть плоского плавильника для снега, помещавшегося над сосудом. Отдав часть своего тепла, нагретый воздух должен был спускаться вдоль внешней стороны сосуда благодаря колпаку, покрывавшему собой весь прибор. Здесь он отдавал остающуюся в нём теплоту наружным стенкам круглого сосуда и, наконец, почти совершенно охлаждённый, выходил вон из колпака. Для нагревания мы употребляли шведскую газокеросиновую лампу, известную под названием Primus, в которой нагретый керосин, прежде чем сгорать, обращался в газ. Благодаря этому достигалось гораздо более полное сгорание материала, чем в обыкновенных лампах. Многочисленные опыты, произведённые профессором Торупом в его лаборатории, доказали, что эта горелка при обыкновенных условиях даёт от 90 до 93 процентов того тепла, которое по теоретическим рассмотрениям должен производить сгорающий в ней керосин. Более удовлетворительный результат, мне кажется, едва ли достижим. Круглый сосуд был сделан из немецкого серебра, а крышка, наружный колпак и прочее — из

алюминия. Весь прибор вместе с двумя жестяными горшками, двумя жестяными же ложками и жестяным черпалом весил ровно 4 килограмма, а лампа Primus — 800 граммов».

Каждый член экспедиции под одеждой нёс на груди фляжку, наполненную снегом, и теплотой собственного тела топил из него воду. Так всегда делали эскимосы, которые набивали снегом мешочки, сшитые из кишок моржа, и помещали их под меховой анорак. Остаточного тепла тела, как впоследствии выяснили учёные, хватает на получение за 5 часов 1,13 литра воды.

Ели путешественники галеты, шоколад, сахар и пеммикан[36]. Алкогольных напитков не брали совсем, потому что Нансен справедливо полагал: «огненная вода» повышает настроение лишь на время, а затем вызывает упадок сил.

Из научного оборудования у экспедиции были теодолит и секстант для измерения горизонтальных и вертикальных углов, составления карт и проведения некоторых астрономических наблюдений, барометры-анероиды, термометры, фотоаппарат, диск для пеленгования с тремя компасами, стеклянные трубки для взятия проб воздуха. Общий вес снаряжения был 543 килограмма.

Вечером 14 августа после праздничного обеда из чаек, оставив на берегу придавленные камнями лодки с запасом пеммикана, записями о пройденном пути, а также найденный в мёртвом селении череп эскимоса, путешественники отправились в поход, взяв направление на Кристиансхоб — одно из гренландских селений-городов. Тащить тяжеленные сани в гору, преодолевая многочисленные трещины, было очень нелегко, а потому шли поначалу медленно.

Передвигались путешественники ночью: рыхлый снег схватывался морозом, образовывалась крепкая ледяная корка, и сани не проваливались в снег.

Шли тяжело, поскольку очень часто в трещины проваливались не сани, а сами участники экспедиции. Поскольку сани были привязаны к ним ремнями (или они к саням?), то выбраться удавалось довольно быстро, но можно себе представить, что ощущения были не из приятных. «Земля вдруг уходила из-под ног, — записал Нансен в дневнике, — и ты оказывался болтающимся в воздухе».

16 августа полил дождь.

> «Мы, — *писал Нансен,* — надели ветронепроницаемую одежду, но так как непромокаемой она не была, то скоро на нас не было ни одной сухой

нитки. Хотя и был резкий ветер, мы не мёрзли. Работа с санями греет хорошо, но чувствовать, как к телу везде прилипает одежда и мешает движению, не так уж приятно».

Привал пришлось сделать рано, чтобы переменить одежду и выпить чаю, но вскоре дождь так разошёлся, что отдыхать пришлось три дня.

После дождя оказалось, что трещины стали ещё больше, и всё время приходилось менять направление, чтобы хоть как-то подниматься вверх, на купол.

К 26 августа подняться удалось на высоту 1880 метров.

«Читая дневник Нансена, — *писал Э. Шеклтон,* — каждый оценит, насколько высока была ответственность начальника экспедиции. Хотя он продумал каждую деталь снаряжения и очень тщательно готовил свою экспедицию, не следует забывать, в каких невероятно трудных и совершенно незнакомых условиях она проходила. Молодому исследователю предстояло провести своих спутников с нагруженными санями по пути в сотни километров по леднику, изрезанному трещинами, где им всем пришлось вести ежедневную суровую борьбу с глубокими снегами.

<…> Ежедневная тяжёлая работа — волочить сани то по гладкому льду, то по глубокому мокрому снегу — словно высвечивала характер и способности каждого. Нансену повезло с тремя соотечественниками. Свердруп стал его близким другом и ближайшим помощником, с которым он всегда советовался, перед тем как принять ответственное решение. Этот сдержанный и молчаливый норвежец был бесстрашным и опытным лыжником, прекрасным спортсменом, а его золотые руки не раз выручали путешественников на протяжении всей экспедиции.

<…> Дитрихсон, тоже прекрасный лыжник, обладал неизменно весёлым нравом и завидной жизнерадостностью, что очень подбадривало усталых путников. Он всегда восхищал Нансена тем, что, несмотря на смертельную усталость, в минуту опасности, с распухшими, замёрзшими руками не прекращал вести дневник метеорологических наблюдений. <…> „Нам нечего терять, кроме наших жизней“, — повторял он свой девиз. Способность Дитрихсона не замечать холода и усталости была

поистине невероятной. Побывав дважды в течение пяти минут в ледяной воде и не имея возможности снять с себя заледенелую одежду, он отнёсся к этому „неудобству“ с полным пренебрежением».

С лапландцами Нансену повезло меньше, но об этом мы уже писали. Они были скорее балластом, чем равноправными членами экспедиции. Равна же и вовсе пал духом — он плохо говорил по-норвежски и всё время вспоминал с тоской своих оленей.

Нансен был недоволен скоростью прохождения маршрута, и тут на помощь экспедиции пришёл попутный ветер и сообразительность самого руководителя. Фритьоф решил идти не в Кристиансхоб, а в Готхоб, а на сани установить паруса. Путь сокращался на 125 километров, а научная ценность нового пути была выше: материковый лёд был в этом направлении практически не изучен, а вот в направлении Кристиансхоба хорошо описан двумя экспедициями Норденшёльда.

«Итак, — *писал Нансен в своей книге,* — вечером мы поставили паруса и двинулись в путь. Ветер хорошо помогал нам. <…> Мы устроились так, что двое шли перед каждым паромом, состоявшим из трёх связанных саней, и тянули его, а один шёл сзади, направляя его. При таком способе мы двигались вперёд хорошо. Так продолжалось несколько дней при бушевании метели. По ночам ветер бывал очень сильный, и я боялся, что палатку, которая служила парусом, разорвёт на куски. Утром приходилось откапывать сани из-под снега, отвязывать их друг от друга и снимать весь груз, чтобы хорошенько очистить полозья ото льда и примёрзшего снега. Затем снова сани ставились, нагружались и ставился парус. В метель и мороз эта работа была незавидная, особенно с узлами, которые надо было вязать голыми руками. <…> Самой неприятной работой было ставить по вечерам палатку. Прежде всего, пол палатки, который мы использовали в качестве паруса, должен был пришнуровываться к стенам, а это приходилось делать голыми руками. Бывало, мы обмораживали за этим делом все пальцы, но, потерев их и похлопав руками, нам удавалось кое-как сохранить их, затем следовало ставить палатку поосновательнее, чтобы она устояла на ветру, и только тогда мы могли входить в неё и укрываться от ветра».

Не менее неприятно было вставать по утрам: температура была ниже минус тридцати, а на стенах палатки и потолке была плотная «махра» инея и даже длинные сосульки. При малейшем прикосновении или неосторожном движении иней осыпался ледяным дождём. Но ещё хуже было растапливать примус — при прикосновении рукой к медному котлу кожа тут же примерзала, и её приходилось отдирать «с мясом».

Фритьоф всегда вставал раньше товарищей, готовил завтрак и подавал своим спутникам чай или шоколад «в постель». Часы еды были для путешественников самыми приятными. Не очень большие порции Нансен взвешивал на точных весах, а в последующие экспедиции полярники брали уже заранее взвешенные порции. На завтрак «подавались» горячий шоколад или чай, галеты, пеммикан или паштет из печёнки, на обед — пеммикан, паштет и овсяное печенье, на полдник — пеммикан, паштет, галеты. На ужин — гороховый, бобовый или чечевичный суп, рагу из пеммикана, паштет и галеты.

К сожалению, в пеммикан, изготовленный для экспедиции, забыли добавить жир, поэтому путешественники испытывали страшнейший жировой голод. Они тратили громадное количество мускульной энергии — восстановить её лишь при помощи масла, которое тоже выдавалось из расчета 200 граммов в неделю на человека, было невозможно. Поэтому Нансен настаивал на добавлении в рацион сырого мяса, что очень не нравилось лапландцам. Тем менее цинги участникам экспедиции удалось избежать во многом благодаря кратковременности путешествия.

Надо сказать, что на протяжении всей экспедиции её участники почти голодали — во всяком случае, по подсчётам учёных, произведённым уже много позже, стало ясно, что им катастрофически не хватало количества калорий. Свердруп однажды был так голоден, что попросил у Нансена разрешения выпить льняное масло, которое использовали для смягчения обуви.

И ещё большой проблемой было курение. Табака было достаточно, но курить много Нансен товарищам запрещал, считая, что в такой опасной экспедиции это непозволительно. Поэтому, чтобы не наносить вреда здоровью, вместо табака курили кусочки просмолённого каната, а сам Фритьоф вместе со Свердрупом жевали щепки от норвежских «медвежьих лап», сплетённых из черёмуховых прутьев, — и к концу путешествия практически съели их.

Вскоре идти стало совсем тяжело, поскольку ветер стих и парус пришлось убрать. Сани скользили плохо — Нансен писал:

«Кажется, будто мы тащим их по песку».

Ужасно мучила жажда, «как путешественников в Сахаре», а расходовать топливо на приготовление лишней воды (больше, чем было необходимо, чтобы не умереть) боялись — вдруг экспедиция затянется надолго. Кроме того, команда не могла себе позволить тратить бесценную влагу на умывание. «Слой грязи прекрасно защищает от холода, а ещё лучше — от солнечного удара», — шутили участники экспедиции. От различных заболеваний спасало то, что в стерильной атмосфере Арктики грязь не является источником микробов.

Арктическая жажда была большой проблемой для полярников. Как это ни странно, обезвоживание — процесс, возникающий лишь при высоких температурах, когда организм, борясь с перегревом, вынужден расходовать много воды на образование пота, — в Арктике происходит очень часто. При отрицательных температурах водопотеря бывает столь значительной, что создаёт серьёзную угрозу организму.

Следующие три недели жизнь, по меткому определению Нансена, была однообразна и утомительна: они шли вперёд, таща на себе сани, стирая в кровь плечи, которые невыносимо горели, приблизительно зная, где находятся, и твёрдо зная, что «долгое время не стоит ждать перемен».

5 сентября была достигнута наибольшая высота на ледяном куполе — 2716 метров над уровнем моря.

6 сентября разыгралась страшная снежная буря. Идти и до этого было практически невозможно, поскольку дул ужасающей силы встречный ветер, а тут уж стало и вовсе не по силам. Разбили палатку, забрались в неё, но ветер пробивался во все щели и швырял снег внутрь хлипкого убежища, а ночью чуть не снёс шатёр. Однако всё обошлось.

Наутро продолжить путь не удалось, поскольку от мороза и ветра перехватывало дыхание. Пришлось остаться на месте. Буран всё накидывал и накидывал внутрь палатки снег, помещение становилось всё меньше и всё теплее. Как записал Фритьоф в дневнике, «у нас было уютно и хорошо. Если кто-то заглядывал в нутро бочонка, в котором коптят селёдку, то легко может себе представить атмосферу в нашей палатке». И добавлял, что соотечественники наверняка сочтут его свиньёй, но у полярных исследователей выбора в таких ситуациях нет.

Тепло было редким удовольствием — обычно на морозе замерзало всё тело и особенно лицо. Как с иронией писал Нансен, однажды у него «отмерз нос, но я возвратил ему жизнь растиранием. Потом окоченели подбородок и шея. Растирая и

оборачивая чем-то шею, я спас и её». За ночь шерстяные носки смерзались от холода, а отросшие борода и усы смерзались в одну ледяную маску с капюшоном.

8 сентября ветер немного стих. Теперь предстояло откопать сани (что удалось с большим трудом), собрать вещи и отправиться дальше на запад. К счастью, с этого дня начался спуск. Но радоваться было ещё рано. Снег стал настолько глубоким, что пришлось надеть снегоступы, «похожие на теннисные ракетки».

Чем дальше экспедиция продвигалась в глубь ледовой пустыни, тем ниже становились температуры. Нансен взял с собой только ртутный термометр, замерзающий при минус сорока, а ночью температура опускалась ещё ниже. Морозный туман образовывал вокруг солнца ореол, а на небе в результате преломления солнечных лучей в мельчайших ледяных кристаллах появлялись ложные солнца.

Научные результаты Гренландской экспедиции, по мнению учёных, относятся главным образом к области физической географии. Наблюдения были обработаны знаменитым норвежским метеорологом Х. Моном[37] в сотрудничестве с Нансеном. Мон вычислил, что на самых высоких участках ледового щита отрицательные температуры достигали -45°.

> «Вслед за Моном, — *пишет академик В. М. Пасецкий,* — к метеорологическим наблюдениям экспедиции обратился выдающийся русский климатолог А. И. Воейков. В статье „Самые холодные местности земного шара“ он проанализировал измерения этой экспедиции, выполненные на материковом льду Гренландии под широтой 64–65° и на высоте 2700 метров над уровнем моря. Воейков обращал внимание на то, что здесь пять дней подряд морозы колебались от -40 до -45°. <…> Даже в самых холодных местностях Северного полушария — в Якутии и Гренландии — ни в сентябре, ни в октябре не наблюдали таких жестоких морозов.
>
> На основе метеорологических измерений экспедиции Нансена на ледниковом плато Воейков высказал предположение, что внутренняя часть Гренландии, несомненно, находится в области антициклона. Что касается лета, то в Северном полушарии, по мнению Воейкова, оно должно быть наиболее прохладным на материком ледяном покрове Гренландии, а для всего земного шара — на ледяном

покрове около Южного полюса.

Метеорологические наблюдения, выполненные экспедицией Нансена, показали, что атмосферные процессы земного шара ещё далеко не изучены и что географов и геофизиков ждут великие открытия. Это хорошо понимал Нансен. Именно во время гренландского путешествия он окончательно решил предпринять самую смелую экспедицию в область Северного полюса. А пока Нансен со своими спутниками шёл всё дальше на запад».

Постепенно температура стала повышаться, и путешественники поняли, что где-то рядом — море.

16 сентября, когда было «всего» -18°, исполнилось два месяца со дня спуска лодок с борта «Ясона» на воду, то есть с начала собственно Гренландской экспедиции. Праздничный пир по этому поводу состоял из кусочков масла, которые были выданы на обед. А вскоре путешественников поздравили и пуночки, покружившие над санями.

19 сентября удалось поймать в паруса саней попутный ветер — и неожиданно сани понеслись вперёд на бешеной скорости. К счастью, Свердруп и Нансен успели ухватиться за них, а вот Кристиансену пришлось догонять их на лыжах. Но вскоре и Фритьоф отстал от саней-скороходов, которыми рулил Свердруп, не заметивший «пропажи» товарищей, а также части груза, слетевшего с саней во времени бешеной гонки. Нансен, следовавший за Свердрупом, подобрал ледоруб, банки с провиантом, меховую куртку и вяленое мясо.

Вторым паромом «мчались» Дитрихсон с лапландцами. Они тоже потеряли три ящика с сушёным мясом. Пришлось вернуться и разыскать их. Наконец все собрались вместе, проверили груз и надёжно привязали его.

За этот день экспедиция преодолела большой кусок пути, и вечером Балто заметил на горизонте горы — уже не лёд, а землю. Радостное событие по устоявшейся традиции отметили праздничным обедом из галет с джемом и маслом. Для праздника был и ещё один повод: сани остановились буквально в последний момент на краю глубокой трещины и путешественники чудом избежали гибели (в который уже раз!).

Отныне вперёд продвигались с большой осторожностью, ощупывая путь длинным шестом. Коварные трещины были прикрыты снегом, и провалиться в них было очень легко.

«21 сентября, — *писал Нансен,* — я никогда не забуду. Мы смогли вволю напиться. Я думаю, это был

лучший день нашей экспедиции».

Именно 21-го Фритьоф наткнулся на снежницу — водоём, образующийся на поверхности ледяного поля в результате таяния снежного покрова. Снежница Нансена была небольшой, но иногда они представляют собой настоящие озёра чистой и прозрачной пресной воды размером в сотни квадратных метров глубиной до полутора метров. Интересно, что не все исследователи Арктики были согласны с Нансеном в том, что такую воду можно пить. Многие считали её причиной возникновения цинги, что совершенно не соответствует действительности.

24 сентября путники достигли западного края материкового льда. Скоро они были у озера, по которому с большими опасениями, в снегоступах, использовавшихся в последние дни на твёрдом льду вместо лыж, прошли до настоящей земли. Ступить на неё было счастьем!

На следующий день вечером разожгли громадный костёр из сухого вереска и долго сидели, любуясь весёлыми языками пламени.

26 сентября Нансен подстрелил зайца — и у путешественников вновь был праздник. В этот же день они ночевали у реки — впервые за полтора месяца. Трудный переход по ледяному плато был окончен! Кроме того, на песчаном берегу они увидели следы эскимосской обуви — первые человеческие следы.

До Готхоба решили добираться морем: через фьорд на лодке, которую предстояло построить самим из пола палатки, лыж, палок от саней и шестов. Плыть предстояло Нансену и Свердрупу. Остальные же члены экспедиции должны были вернуться к подножию ледника, чтобы взять спрятанные там вещи. Свердруп и Нансен по прибытии в Готхоб вышлют продовольствие и лодки, чтобы переправить всю экспедицию через фьорд.

Лодку соорудили довольно быстро — благодаря мастерству Свердрупа, старого морского волка, который и руководил процессом. Самым трудным оказалось изготовить сиденья, поскольку даже вёсла удалось сделать из лыжных палок, прутьев и парусины. А вот сиденья соорудили из штатива теодолита и двух тонких лыжных палок. По словам Нансена, это были «самые неудобные сиденья» в его жизни, на которых он никогда больше и ни при каких обстоятельствах «не хотел бы посидеть», потому что «это было мучительно».

Красотой судёнышко не отличалось, а походило более всего на перевёрнутый панцирь черепахи. Однако плавучие его свойства оказались достаточными для того, чтобы переплыть

широкий фьорд.

28 сентября лодку спустили на воду, но Фритьофу с Отто пришлось с ней повозиться, потому что глубины поначалу было недостаточно — судёнышко всё время садилось на мель. Так и стаскивали друзья свою скорлупку с одной на другую мели, пока наконец не вышли на чистую, глубокую воду. Несколько часов пришлось провести им в ледяной воде — к счастью, всё обошлось.

На ночь пристали к берегу. Нансену ещё днём удалось подстрелить несколько чаек, поэтому впервые за несколько недель они вдоволь наелись:

> «Нет слов, чтобы описать то состояние блаженства, в которое впали двое дикарей, сидя на берегу и пальцами вылавливая из котла кусочки нежного мяса и отправляя их один за другим в рот. <…> Вдруг над головой в небе возник какой-то невероятный вихрь красок, превратившийся в крутящийся огненный столп. От сияния заслезились глаза. Затем пламя как бы потухло, свет стал гаснуть, а по усыпанному звёздами небу лишь проплывали отблески былого великолепия».

Это северное сияние, которое Нансену придётся наблюдать в Гренландии ещё несколько раз, поразит его на всю жизнь. По утверждению учёного, больше такого он нигде и никогда не видел.

1 октября, несмотря на сильный ветер и постоянную течь в лодке, из которой всё время приходилось отчерпывать воду, путешественники добрались до берега. Им повезло невероятно, потому что вокруг стоянки простирались заросли голубики. Путешественники накинулись на неё с жадностью, ели сначала стоя, потом сидя, а под конец легли на животы, но есть не перестали. Потребность организма в витаминах была столь велика, что поглощённое безумное количество ягод не имело никаких неприятных последствий.

До Готхоба оставался ещё небольшой переход, который и был совершён тем же вечером на лодке. Настроение путешественников всё улучшалось, потому что плыли они по фьорду, который очень напоминал им западную Норвегию.

3 октября они наконец добрались до селения Херрнхут. Лодку тут же окружили эскимосы, а вскоре подошёл и молодой человек «европейской наружности, но в костюме эскимоса». Он поздоровался и задал странный, как показалось Нансену, вопрос: «Вы говорите по-английски?» Но тут же недоразумение прояснилось — датчанин принял прибывших за англичан. Фритьоф ответил, что они норвежцы, совершили только что

переход через Гренландию, а его фамилия — Нансен. «Да что вы! — воскликнул в ответ молодой человек. — Поздравляю вас, господин Нансен, с присвоением вам докторской степени. Мы только что узнали об этом из газет!»

Затем новый знакомый, который назвался Бауманом, проводил путешественников в дом губернатора, располагавшийся в соседнем Готхобе.

Каким же счастьем было помыться с мылом в горячей воде после изнурительного перехода!

Когда вечером Фритьоф и Отто вышли к столу в доме губернатора, то были поражены не изобилием блюд, а костюмами обедающих: дамы были в вечерних платьях, а мужчины — в чёрных вечерних костюмах с накрахмаленными манишками. Нансен не удержался от ехидных комментариев, настолько эта одежда контрастировала с меховыми костюмами эскимосов.

Надо сказать, что Фритьоф, несмотря на принадлежность по рождению к высшему обществу, никогда не испытывал особого почтения к его правилам. Недаром много лет спустя, во время поездки по Армении, он сказал своему спутнику:

> «Я вовсе не возмущён, как другие, тем, что в Советской России дамы высшего света и аристократки каждую субботу привлекаются к работе по очистке вокзалов и общественных зданий».

В этот же вечер путешественники узнали, что последний пароход ушёл на Большую землю из Готхоба ещё два месяца назад, а это означало зимовку в Гренландии. Однако в создавшейся ситуации самое главное было отправить письма на родину, и один из эскимосов вызвался доставить их на корабль «Фокс», который стоял во фьорде Ивигутт. Предполагалось также, что «Фокс» может отвезти и самих путешественников в Норвегию, если капитан согласится зайти за ними в Готхоб.

Вскоре (11 октября) все члены экспедиции собрались вместе, но буквально на следующий день пришло неутешительное известие от капитана «Фокса»: он не мог рисковать попасть в ледовый плен и ждать путешественников ни единого дня. Об этом Нансену рассказал эскимос, который застал корабль поднимающим якорь. К счастью, капитан взял письма и обещал доставить их в целости и сохранности.

Первое время после обретения «благ цивилизации» путешественники никак не могли наесться. Так, Свердруп каждый раз ел дважды: сначала там, где жил сам, а потом в доме, где квартировал Нансен. «Так продолжалось три дня, а затем его желудок не выдержал, и ему пришлось полдня пролежать в

постели. Впрочем, прошло довольно много времени, прежде чем мы почувствовали себя по-настоящему сытыми и стали есть как нормальные люди», — пишет Нансен.

Фритьофу и его товарищам пришлось зазимовать в Гренландии против воли, но вопреки ожиданиям зимние месяцы пролетели быстро: каждый нашёл себе занятие по душе. Лишь Равна держался в стороне и практически ни с кем не общался: ни с датчанами, ни с норвежцами, ни с эскимосами.

* * *

15 апреля 1889 года раздался крик: «Корабль!» К Готхобу приближалось судно «Витбьёрн» («Белый медведь»).

Вскоре вся экспедиция уже плыла домой на судне, которое по дороге заходило во многие поселения Гренландии, где путешественников неизменно встречали приветственными криками.

21 мая корабль подошёл к Копенгагену. Там их ждала триумфальная встреча, ведь именно на датские деньги и была осуществлена эта экспедиция.

Нансена принял кронпринц Фредерик и вручил ему рыцарский орден Даннеброг.

Несколько дней путешественники были гостями Гамеля, который субсидировал экспедицию.

30 мая на пароходе «Мельхиор» Нансен с товарищами прибыл домой в Норвегию.

Впереди парохода, на котором находился Нансен, шли военные суда, заканчивали шествие миноносцы.

Вот как описывает возвращение путешественников в Кристианию профессор Брёггер:

> «Прекрасным солнечным утром на берегах фьорда выстроились толпы встречающих. Такого приёма не удостаивался ещё ни один норвежец. Корабли были празднично украшены… всюду цветы, флаги, звучала торжественная музыка. Это была настоящая река радости и восхищения, воды которой омывали корабль героев, вернувшихся из ледяной пустыни.
>
> При виде ликующего людского моря на берегу Дитрихсон спросил у Равна, нравится ли ему такая картина. „Очень нравится, — отвечал Равна, — вот только вместо людей я хотел бы видеть оленей“».

30 мая классик норвежской литературы Бьёрнстьерне

Бьёрнсон прислал Нансену следующее приветствие:

> «И я тоже в моей одинокой ладье выйду встречать Вас и буду приветствовать Вас норвежским флагом.
>
> Нам нужно сейчас освобождение — внутреннее, духовное, и внешнее — от Швеции.
>
> Каждый подвиг, подобный Вашему, является важным вкладом в это дело. Он укрепляет в нашем народе самосознание и мужество и ослабляет единство наших противников.
>
> Передайте Вашим славным соратникам привет от глубоко уважающего Вас Бьёрнстьерне Бьёрнсона».

А Кнут Гамсун в статье для газеты «Дагбладет» ехидно писал:

> «Кристиания никогда не переживала такого восторга и ликования, как в день возвращения гренландских первопроходцев. Казалось, в Норвегии никогда ещё не происходило события, могущего сравниться с этим: Нансен и его товарищи вернулись на родину. Шестьдесят тысяч человек встречали их на набережной, пятьдесят тысяч провожали до гостиницы, десять тысяч проорали сто тысяч „ура“, а отставной полковник из Кампена доорался до того, что умер на месте».

Для едкой иронии у Гамсуна были все основания — в стране началась настоящая нансеновская истерия. В честь полярника слагались гимны и песни, ему посвящались книги и стихи, а в магазинах появились «пирожное Нансена», «шапка Нансена», «сигары Нансена» и другие подобные товары.

Со времени возвращения из Гренландии Нансен сделался национальным героем, каким и остаётся до наших дней. Сразу по приезду в Кристианию ему был вручён норвежский орден Святого Олава.

Гренландская экспедиция имела большое научное значение. Особенно ценны были наблюдения над ледяным покровом Гренландии. Вопреки предположению некоторых учёных (в том числе и Норденшёльда) этот покров оказался сплошным, не прерывающимся никакими оазисами. О метеорологических наблюдениях и их значении мы уже говорили выше. Именно благодаря этому походу Нансена был открыт второй полюс холода Северного полушария, лежащий в центральной Гренландии, где температура может падать до -70°.

По результатам этой экспедиции были написаны две книги — «На лыжах через Гренландию» и «Жизнь эскимосов» (1891)[38].

Книга об эскимосах была, пожалуй, не менее важным результатом экспедиции, чем сам факт перехода Гренландии. Опыт жизни среди аборигенов пригодился Нансену три года спустя, во время зимовки на Земле Франца-Иосифа. «Разве сумел бы я пережить ту зиму в жалком своём убежище? — писал тогда в дневнике Фритьоф. — Да и смог ли бы я соорудить себе снежный дом, не будь эскимосов?»

Именно у эскимосов Нансен, как, впрочем, и другие полярные исследователи, научился искусству жизни в Арктике.

Когда датский губернатор предложил ему «перезимовать» в его доме, Нансен отказался и практически всю зиму прожил в душном и грязном иглу. Им двигало желание поближе узнать эскимосов, понять, как они выживают в этом враждебном человеку ледяном мире. Он жил вместе с аборигенами, ел их пищу, спал на тех же снежных скамьях, застланных шкурами, охотился вместе с ними, то есть жил их повседневной жизнью.

> «Что из того, — *писал великий полярник,* — что они грязны и живут в примитивных условиях? Попробовал бы кто-нибудь из нас жить иначе среди льдов и холодов Гренландии. Эскимосы добры, справедливы и доверчивы, как дети. Их легко обидеть, потому что им и в голову не придёт заподозрить вас в злом умысле. Они и не ведают, что человек человеку может быть врагом. <…> Они довольствуются малым, ничем не владеют и ни о чём не горюют. А что дал им так называемый прогресс? Яд алкоголя и чахотку. Извечным странникам, которым были незнакомы деньги, привили жадность и ненасытную жажду обладания вещами. К чему было возмущать их покой и менять их образ жизни, сам строй мыслей?» Нансен делает совершенно неожиданный вывод:
>
> *«Так покинем же скорее Гренландию и оставим её детей в покое — и лишь в этом случае они смогут вновь обрести счастье!»*

Книга поражает практически энциклопедическим описанием всех подробностей жизни эскимосов. Главы называются «Внешний вид и одежда», «Каяк и его устройство», «На каяке в море», «Иглу и другие жилища эскимосов», «Еда и питьё», «Характер и социальное устройство общества», «Положение женщины и её обязанности», «Любовь и брак», «Мораль», «Развлечения и искусство», «Смерть и погребение», «Религиозные представления».

Нансен подробно останавливается на каяках, уделяя им две главы. Каяк — тип мужской гребной лодки, сделанной из шкур,

натянутых на каркас из дерева или кости. Посадочное место гребца закрывалось специальным фартуком (юбкой), не дающим воде проникнуть в лодку даже при перевороте. Именно это даёт гребцу возможность совершать так называемый переворот — постановку лодки на ровный киль из перевёрнутого состояния.

Фритьоф научился сам изготавливать такие лодки, плавать в них, что было непросто из-за юркости каяков, и охотиться на животных. Это умение ему очень пригодилось во время плавания на «Фраме». Однако справедливости ради отметим, что первым плавать на каяке научился Свердруп.

За Гренландскую экспедицию Нансен удостоился двух высоких наград. Кристианийское научное общество избрало Нансена своим членом, ещё когда он был в Гренландии. Шведское общество антропологии и географии вручило ему медаль «Веги»[39] (1889 год), а Королевское географическое общество в Лондоне — медаль Виктории (1891 год). Обе эти медали присуждаются только в редких случаях.

На заседании Королевской академии в Стокгольме секретарь общества, профессор Гуннар Рециус, сказал:

> «Уже первая экспедиция господина Нансена была такой удачной. Давайте надеяться, что она не станет для него Нарвой, которая ослепит его и не даст разглядеть будущие трудности, и приведёт к Полтаве. Пожелаем, чтобы эта победа стала первой в череде других, не менее блистательных».

Медаль Виктории была присуждена со следующей формулировкой:

> «За то, что Нансен возглавил невероятно опасную экспедицию, во время которой не могло быть и речи об отступлении, ибо на карту была поставлена его собственная жизнь и жизни его сотоварищей. Для выполнения подобной задачи необходимо обладать наилучшими качествами полярного исследователя». А также за «метеорологические и астрономические наблюдения, требовавшие исключительной выносливости и выдающихся способностей».

После доклада в Королевском географическом обществе и получения медали в июне 1889 года из Лондона Нансен едет в Копенгаген, поддавшись на уговоры Эммы Гамель, и довольно долго живёт в доме своего благодетеля. По мнению биографов Нансена, у Фритьофа и Эммы случился роман — вероятно,

платонический, о котором она будет помнить долгие годы…

* * *

Однако далеко не все соотечественники восхищались Фритьофом Нансеном как национальным героем. В некоторых случаях это была зависть, а в некоторых — вполне обоснованное раздражение поднявшейся шумихой.

Среди критиков полярного исследователя были и его великие современники — Кнут Гамсун и Хенрик Ибсен.

По мнению историка Тора Бумана-Ларсена, Ибсен относился к Нансену как к угрозе духовной жизни Норвегии, поскольку пропагандировал спорт и «жизнь на воздухе» как альтернативу «жизни в библиотеках».

Гамсун же считал, что благодаря великому путешественнику в Норвегии «стало слишком много спорта, физических упражнений и лыж», о чём написал ироническую заметку в одну из центральных норвежских газет «Дагбладет» после возвращения Нансена из Гренландии в 1889 году, цитату из которой мы приводили выше. Надо сказать, что доля истины в язвительной статье Гамсуна была: путешествие Нансена в Гренландию имело действительно не столько научное, сколько «спортивное» значение. Поэтому многие согласились с великими писателем-провокатором, когда он заявил в своей статье, что единственным научным открытием Гренландской экспедиции стало измерение температуры на уровне -40°.

Хенрик Ибсен пошёл ещё дальше и вывел в драме «Когда мы, мёртвые, пробуждаемся» Нансена под именем помещика Ульфхейма — неистового и простого охотника на медведей.

В основе нелюбви Ибсена могли лежать ещё и отцовские чувства. В 1897 году произошла так называемая «профессорская битва» между Фритьофом Нансеном и Сигурдом Ибсеном, сыном драматурга. Сигурду было отказано в должности профессора социологии в университете Осло, а вот Нансена через 14 дней буквально на коленях умоляли принять профессорскую должность.

Однако ненорвежцу возникшая немедленно по прибытии Нансена на родину «триумфальная» истерия и мгновенное превращение его в национального героя не совсем понятна.

Объяснение находим в прижизненной биографии великого полярника, написанной профессором Брёггером, уже неоднократно нами цитировавшейся:

> «На долю Нансена выпало счастье показать всему миру мужество и самоотверженность того народа, который выслал столько сынов в безвестную гибель в полярных морях. Для большинства толпившихся на пристани людей Нансен был викингом, связывавшим саги отдалённого прошлого с сагой вчерашнего дня, с сагой о лыжнике, скатывавшемся с головокружительной высоты в долину. <…> Нансен являлся для них олицетворением национального типа».

Ключевые слова тут «викинг» и «олицетворение национального типа». О Нансене его противники не раз говорили, что он умел оказаться (или ему посчастливилось!) в нужное время в нужном месте. В первую очередь это касается Гренландской экспедиции и времени возвращения домой.

В тот период Норвегия боролась за свою политическую и национальную независимость. Идея о культурной общности определённых народов возникла во время Наполеоновских войн, приобрела особенное значение в 1853–1856 годах (Крымская война) и во время Датско-немецких войн (особенно знаменателен 1864 год, когда Дании пришлось противостоять Шлезвиг-Голштинии). В Норвегии теория скандинавской общности приобрела многих сторонников во главе с писателем Бьёрнстьерне Бьёрнсоном по той простой причине, что давала возможность соединить идею северного единства с требованием большей внутренней свободы.

Норвегии было необходимо найти основу для национального самосознания, но сделать это было непросто, ибо долгое время Норвегия была связана с Данией и Швецией.

В 1830-х годах идея национальной независимости стала особенно популярной благодаря влиянию поэта Хенрика Вергелана и историков Якова Рудольфа Кейсера и Петера Андреаса Мунка. Они утверждали, что норвежцы — это совершенно отдельная ветвь на скандинавском древе, чьи культура и язык запечатлены в сагах. В «Скандинавском обществе», созданном в 1843 году, и ему подобных организациях Норвегия рассматривалась как культурный центр всего Севера. Благодаря изысканиям Ивара Осена в области норвежских диалектов и собранию народных сказок и легенд Петера Кристена Асбьёрнсена и Молтке Му эта национальная идея получила дальнейшее развитие. Поэт Юхан Себастьян Вельхавен и художники Юхан К. Даль, Адольф Тидеман и Ханс Гуде в своих работах создавали столь идеалистический образ народа.

Постепенно складывался образ Норвегии как центра искусств

эпохи викингов. Очень кстати оказались находки викингских кораблей: в 1867 году был найден корабль викингов в Туне, в 1880-м — в Гокстаде, в 1903-м — в Осеберге. Находки привлекли к себе всеобщее внимание, и о них писали все газеты и журналы страны.

Норвежцы осознали, что былое величие их родины может вернуться вместе с новой «эпохой викингов». И таким викингом стал Нансен — белокурый великан, которому были по плечу самые невероятные походы и завоевания.

Глава пятая
Фритьоф и Ева

Впервые Нансен увидел её в феврале 1888 года на холме Фрогнер возле Кристиании.

Вот как описывает ту встречу дочь Фритьофа и Евы:

> «Самая первая их встреча произошла у Фрогнерсетера задолго до Гренландской экспедиции.
>
> Однажды Фритьоф возвращался с лыжной прогулки в Нурмарке и вдруг заметил пару лыж и белый от снега зад, торчащий из сугроба. Из любопытства он остановился. Из сугроба показалась вся залепленная снегом голова, и на него глянули большие чёрные глаза.
>
> Это была Ева.
>
> Они представились друг другу, немного посмеялись и разошлись — каждый своей дорогой. Вот и вся встреча».

В то время Нансен был увлечён Драгоценностью и ещё несколькими другими женщинами. Но Ева запала ему в душу, недаром одно из прощальных писем перед Гренландской экспедицией было отправлено ей — с просьбой ждать его возвращения.

Фритьоф знал, что встреченная им Ева Хелена Саре (1858–1907) — известная камерная певица, дочь священника и одновременно одного из самых известных зоологов Норвегии профессора Микаэля Сарса (1805–1869) и сестры известного норвежского поэта Юхана Себастьяна Вельхавена Марен Катрины (1811–1898).

> «Ева Саре Нансен была одной из самый выдающихся исполнительниц романсов. Её манера пения похожа на неё саму — без малейшего следа сентиментальности, естественная и отражающая всю полноту и серьёзность чувств исполняемого произведения» — *так отозвались критики на приезд Евы с единственным концертом в Берген в мае 1895 года.*

Ева выросла в атмосфере не только всеобщей любви и заботы, но и «культивирования» в прямом и переносном смысле слова интеллектуальной жизни в литературном салоне своей матери. Марен была прекрасной рассказчицей, собирательницей

народной поэзии и очень прогрессивной женщиной.

В своих мемуарах Лив Нансен рассказывает о бабушке так:

> «В 1854 году Саре стал профессором университета имени короля Фредерика в Кристиании, семья переехала в столицу, и тут фру Марен решила, что теперь пора и ей пожить в своё удовольствие, подумать о своих интересах. Ей было сорок шесть лет, к тому времени она перенесла девятнадцать родов.
>
> И вот всё повторилось снова.
>
> Впервые фру Саре плакала при мысли о рождении нового ребёнка. Но вскоре она осушила слёзы и решила, что раз уж этого не миновать, то, по крайней мере, от этого ребёнка она получит полное удовольствие. И она кормила Еву грудью до трёх лет».

«Поскрёбыш» была любимицей всей семьи.

Уже с раннего детства стало ясно, что у девочки необыкновенные музыкальные способности, и с Евой занимались известные педагоги по музыке. И ещё она прекрасно рисовала, унаследовав этот дар от отца, который сам иллюстрировал собственные книги по зоологии. Её отдали в художественную школу Эйлифа Петерсена, где Ева училась с удовольствием, но победила всё-таки любовь к музыке.

В течение пяти лет с ней занимались старшая сестра Мали (Мария Катрина Саре) и её муж, известный норвежский баритон, дирижёр и композитор Торвальд Ламмерс.

В 1881 году Ева Саре с успехом дебютировала в Музыкальном обществе, а затем с не меньшим успехом гастролировала по Норвегии. В 1886–1887 годах она училась в Берлине у мадам Дезире Арто[40]. Голос Евы, по всеобщему признанию, не отличался особой силой, зато был необыкновенно чист и звонок. Девушка выбрала правильный путь и стала «специализироваться» на исполнении романсов, совершенствуя дикцию при пении и драматическое толкование исполняемого текста.

До встречи с Нансеном она была уже очень известна, много гастролировала по всей Скандинавии, очень часто вместе с пианисткой-виртуозом Эрикой Ли Ниссен. Их концерты проходили под неизменные овации.

Удивительно, но никто из биографов не заметил явного сходства в характере Евы Саре и матери Фритьофа. Помимо аристократического происхождения, независимости, а порой и строптивости, уверенности в себе и своих суждениях, умения принимать решения обе были ещё и прекрасными спортсменками.

В конце XIX века в Норвегии продолжали смотреть на

увлечение лыжами как на не самое приличное занятие для женщины из хорошей семьи. И это мнение стало преобладающим в обществе. Многие девушки были вынуждены подчиниться негласному запрету, но только не Ева. Она много и с удовольствием каталась на лыжах и даже, вдохновлённая народным костюмом саамов, придумала женский костюм для лыжных прогулок. Одним из украшений костюма стали три полоски по низу шерстяной юбки. В статье в 1893 году в «Верденс ганг» Ева Саре (к тому времени уже Саре Нансен) писала:

> «Должна признать, что всякий раз радуюсь, когда встречаю возвращающихся с лыжной прогулки домой юных девушек, лица которых, раскрасневшиеся от мороза, сияют от счастья».

Словом, Ева Саре была достойной партией полярному исследователю, настоящим идеалом «новой женщины» — сильной, независимой, спортивной.

В преддверии их свадьбы «Северные музыкальные новости» писали:

> «Если Ева Саре не покончит после замужества со своей музыкальной карьерой, это будет большой радостью для всех любителей музыки».

Но до свадьбы в момент знакомства зимой 1887/88 года было ещё далеко…

После встречи в горах они увиделись в Кристиании, в Музыкальном павильоне, и Фритьоф не упустил момента и пригласил Еву на лыжную прогулку в горы.

> «Через восемнадцать лет, — *свидетельствует Лив Нансен-Хейер,* — в 1907 году в Лондоне, вспоминая их первые встречи и первые лыжные прогулки вдвоем, отец писал Еве:
>
> *„Ты была для меня словно свежий ветер из мира, мне ещё не известного, вдруг вошедшего в моё существование… Подумай, разве это не дивный подарок судьбы, что мы тогда встретились!*
>
> *…И потом, я вспоминаю первую нашу лыжную прогулку и возвращение из леса. В тот день я обедал с Харальдом Петерсеном у его зятя, и мне очень хотелось подойти к вам, но я боялся показаться навязчивым и не пошёл. Как я был глуп. Но теперь, пожалуй, не стоит*

жалеть“».

Вскоре Нансен пришёл в гости в дом матери Евы, но на этом всё и закончилось. Однако из Эдинбурга, как мы уже говорили, в Кристианию ушло (или уплыло?) письмо «с намёком».

Ева очень ждала Фритьофа. Многочисленные мемуаристы говорят, что Нансен мгновенно поражал воображение девушек (хотя Ева была уже очень взрослой женщиной, к тому же на три года старше своего будущего мужа) привлекающим слабый пол сочетанием мужественности, если не сказать — брутальности, особой красоты викинга, почти юношеским шармом и… умением смущаться. Это качество (смущаться, даже будучи всемирно известным полярными исследователем и выдающимся политическим деятелем) останется у него на всю жизнь.

Вероятно, хотя этому нет никаких подтверждений в мемуарах, некие вполне определённые знаки внимания и, быть может, вполне «обязывающие» Фритьоф Еве оказывал, потому что она ждала его, волнуясь, «получит ли она его». Бьёрнсон, частый гость в доме матери (отец умер за двадцать лет до описываемых событий), даже сказал всеобщей любимице: «Будьте уверены, вы получите своего Нансена». Совершенно очевидно, что для произнесения этих слов надо было иметь очень веские основания.

И Ева получила-таки своего Фритьофа.

Первое свидание после возвращения с уже ставшим национальным героем Нансеном произошло на главной улице Кристиании — улице Карла Юхана.

Ева разговаривала с подругой и не заметила, как с проезжавшего мимо экипажа на всем ходу соскочил молодой человек, подбежал к девушкам, взял певицу за руку и радостно воскликнул:

— Половинка! Я выиграл!

А затем прославленный полярник в несколько прыжков догнал экипаж.

Подруга спросила Еву, в чём дело. Оказывается, в тот вечер, когда Нансен был в гостях у Марен Саре, они играли в «половинки». Есть такая игра: двое съедают по половине грецкого ореха, и тот, кто при следующей встрече первый успеет сказать «половинка», считается выигравшим и может требовать любой подарок…

Нансен оказался проворнее и увереннее в себе, чем Ева: в качестве награды он потребовал саму девушку и получил её.

Это произошло в начале лета 1889 года. 19 июня в дневнике Фритьофа появилась запись: *«Она ожидает меня…»* — а уже 11 августа состоялась помолвка.

Немного позднее, в дождливую августовскую ночь, семью сестры Фритьофа разбудил сильный стук в окно. Было далеко за полночь, но Нансен наносил такие неурочные визиты и раньше. Вот только сейчас он уж слишком сильно барабанил в окно, да и время было совсем позднее. Муж сестры крикнул, распахнув окно:

— Какого чёрта?! Кто это тут шляется по ночам?

Под окном стояла высокая фигура в приметном сером костюме.

— Фритьоф? Ты?

— Я. Впусти.

Ворвавшись в дом, Фритьоф тут же объявил растерянным сестре с зятем:

— Решено! Я женюсь на Еве!

Нельзя сказать, чтобы родственники сильно обрадовались — всё-таки Ева Саре была избалованной и известной певицей, любимицей семьи. Тогда и предположить никто не мог, как сильно любовь изменит Еву — и какие трудности и лишения она будет готова преодолеть ради своего дорогого Фритьофа, который, к сожалению, так и не сможет дать ей счастья.

Свадьба двух знаменитостей состоялась 6 сентября 1889 года.

Лив Нансен писала, что отец утверждал: «Жизнь началась с Евы». Их связывала на протяжении всей жизни страстная любовь, в том нет сомнений. «Они с отцом были очень разные — и внешне, и внутренне, — вспоминала дочь. — Но они оба были художниками, личностями прямолинейными и сильными. Оба не терпели неправды и мелочности, оба любили природу — лес, горы, — любили друг друга».

Фритьоф сначала не хотел венчаться и даже подумывал выйти из государственной церкви, что очень не нравилось (по вполне понятным причинам) семье невесты. Это не могло не вызвать неприятностей и осложнений в обществе. Однако Ева была готова уступить и жить в гражданском браке, но тут Нансен всё-таки решил пойти в церковь и венчался при огромном стечении народа. Зевак было так много, что они чуть не задавили будущую тёщу. Ева закричала — и жених вовремя пришёл на помощь пожилой женщине.

Молодые были счастливы, но Ева знала, что вскоре ей придётся остаться одной: перед свадьбой Нансен сказал невесте, что обязательно отправится в путешествие к Северному полюсу и сделает это во что бы то ни стало.

Вместо весёлого свадебного путешествия пара поехала через Гётеборг, Копенгаген, Флиссинген и Лондон в Ньюкасл на географический съезд, который тянулся неделю. У Евы было достаточно времени, чтобы в одиночестве поразмыслить о

перспективах жизни с таким человеком, как Фритьоф Нансен.

Когда съезд закончился, Ева взяла реванш — по её просьбе (выраженной в ультимативной форме: «Либо я уезжаю — либо ты проводишь время со мной!») Фритьоф отказался на время от интервью и докладов, и они провели три сказочные недели в Лондоне, а затем шесть чудесных дней в Париже.

В начале октября молодожёны вернулись в Кристианию, но уже 16-го уехали в Стокгольм, где Нансену вручили медаль «Веги», о которой мы писали выше.

В первые годы Нансены жили очень дружно. Ева всегда была для Фритьофа не только женой, но и верным другом. До путешествия на «Фраме» они старались проводить вместе как можно больше времени. Ева даже собиралась отправиться на Северный полюс. В одном из своих писем мужу она писала:

> «Если ты не возьмёшь меня с собой на Северный полюс, я умру».

Однако вскоре это стало невозможно по объективным причинам.

По приезде в Норвегию Нансену предложили должность хранителя зоологического кабинета при университете в Кристиании, и он смог вернуться к любимой работе — биологии.

Сразу после возвращения из Стокгольма Фритьоф с женой перебрался в квартиру к давней экономке семьи Марте Ларсен. Он и раньше жил у неё после смерти отца, когда приезжал в Осло. У старушки было решено остановиться ещё и потому, что Фритьофу не нравилась ни одна из квартир, которые они смотрели.

Марта была доброй и очень приветливой женщиной. Ева любила слушать её рассказы о детстве Фритьофа и его проказах вместе с Александром. Но жить отдельно молодожёны всё-таки хотели.

Вскоре пара переехала в хорошую квартиру на Драмменсвейн, но Нансену и она не пришлась по нраву — нет простора, вольного воздуха, мало солнца и много шума. Поэтому решено было построить собственный дом — и, конечно, не в центре города, а где-нибудь подальше.

Нансен выбрал берег Свартебукте («Чёрной бухты»), где в детстве стрелял уток. Еве это место — оно называлось Лисакер — тоже понравилось.

Фритьофу хотелось, чтобы новый бревенчатый дом походил на старинные норвежские постройки и был выстроен в модном в ту пору «викингском» стиле. Архитектором выбрали двоюродного брата Евы Яльмара Вельхавена. Он создал проект настоящего

сказочного замка, который Фритьоф решил назвать Готхоб («Добрая надежда») в память прославленного эскимосского селения.

Надо сказать, что Нансен очень внимательно следил за строительством своего дома, вникал во все детали строительства и сам разрабатывал многие дизайнерские, как мы бы сказали сейчас, решения.

В «викингской усадьбе» всё было продумано до мелочей, даже создана особая мебель, украшенная стилизованной «средневековой» резьбой с «ленточным» зверем.

Рисунок (узор) резьбы был придуман Фритьофом. Ею украсили не только мебель, но специальное, так называемое хозяйское место. Все дело в том, что в домах викингов такие хозяйские кресла находились в центре зала и украшались кресловыми столбами, считавшимися святыней дома. Норманны верили, что в этих столбах обитают духи, которые охраняют покой в доме. При переселении в Исландию язычники брали с собой эти священные столбы и при приближении к острову бросали их в море. Куда приплывали эти столбы — там и высаживались на берег переселенцы. Вот для таких кресловых столбов и придумал узор Нансен. Конечно, для претворения плана в жизнь нужен был искусный мастер — и вскоре в доме появился известный резчик Боргерсен.

Денег на всё это великолепие не хватало, поскольку особо богатым Нансен в то время не был, а строительство дома велось на задаток за будущую книгу о походе через Гренландию. На обед в субботу неизменно подавались сельдь и суп, а по будням супруги ели кровяную колбасу. Но самым ужасным в рационе, по мнению Евы, был пеммикан. Она ела его из солидарности с Фритьофом.

Пока строился дом, Фритьоф и Ева поселились поблизости, в летнем павильоне железнодорожной станции. Этот «сарайчик» вообще не был приспособлен для жилья — земляной пол, дощатые стены. По ночам зимой в умывальнике замерзала вода.

О том времени фру Нансен впоследствии писала:

> «Той зимой он отучил меня мёрзнуть».

Ева называла павильон «собачьей конурой», а подруге признавалась в письме:

> «Мы должны во всём себе отказывать и ужасно мёрзнем».

Однако Фритьоф утверждал, что они «никогда не были так

здоровы, как в ту зиму». Он вообще считал, что сквозняк и холод полезны для здоровья.

Однако именно там была написана книга «На лыжах через Гренландию» и начата работа над «Жизнью эскимосов». Последнюю он писал одновременно по-норвежски и по-английски. На двух языках было написано и несколько научных статей. А вместе с профессором Гюльдбергом они выпустили книгу «Строение и развитие кита». Про книгу Нансена о Гренландии друзья шутили: «Автору легко было её писать — он воображал себя вновь на материковом льду».

Впоследствии павильон купил художник Отто Синдинг и переоборудовал его в прекрасное ателье.

В канун 1890 года, первого в жизни семьи Евы и Фритьофа Нансена, встал вопрос, где быть в новогоднюю ночь. Ева привыкла отмечать этот праздник у матери на Фрогнергатан. Фритьоф не возражал, но сначала предложил сходить на лыжах в горы на вершину Норефьель. Зимой там мало кто бывает, а ведь там так красиво!

Вот как сам он впоследствии описывал ту прогулку:

> «Это было как раз накануне Нового года, в 1890 году. Ева и я поехали в горы немного проветриться и вот — решили взобраться на гору Норе, на самую вершину, конечно. Переночевали мы в Ольберге, с утра что-то заленились и выбрались со двора только около полудня. Сначала мы не очень спешили, вот день-то и прошёл. Трудненько добраться до вершины и летом, а зимой, когда дни короче, и вовсе надо было приналечь, да приналечь, чтобы дойти туда засветло. Снегу было масса, а проводника с нами не было. Наконец подъём стал так крут, что пришлось снять лыжи и тащить их на плечах. Самый последний участок был уже совсем плох. Надо было шаг за шагом вырубать ступеньки лыжной палкой. Я шёл впереди, Ева за мной, и каждый шаг вперёд, как писала в сочинении одна девочка, стоил двух шагов назад. Но всё-таки вершины мы достигли!
>
> Была уже ночь, мы шли безостановочно и не ели. Но провизии у нас было с собой вдоволь — смесь сыра с пеммиканом. И вот мы принялись за неё в темноте.
>
> Мы сидели вдвоём на сугробе на самой вершине Норе, на высоте эдак 5000 футов над уровнем моря. Мороз щипал нам щёки, мрак всё сгущался. Пора было отправиться в путь. Мы ринулись вперёд, в ночную тьму; я впереди, Ева за мной. Вихрем неслись мы по горам и

скалам. Вдруг мне пришлось остановиться и крикнуть Еве. Скат стал слишком крутым для лыж, и оставалось одно: сесть да катиться на собственных полозьях. Такой способ спуска отзывается на брюках, но зато он вернее — особенно в темноте.

Понеслись. Ветер свистал в ушах, а снег так и колол их — нельзя ведь сказать, чтобы была оттепель. Вдруг, в самый разгар нашего спуска, у меня слетела с головы шапка. Пришлось мгновенно затормозить. Далеко вверху что-то чернело. Я добрался туда ползком, цап рукой и — ударился о камень. Так шапка где-нибудь дальше. А! вот она! Цап — и опять рукой о камень. Потом, куда ни посмотри — всё шапки да шапки, а только хочу схватить да надеть — опять камень. Камень вместо хлеба — худое дело, но и камень вместо шапки не лучше. Нечего делать, пришлось пуститься дальше без шапки.

Последней миле просто не было конца, но брюки ещё держались, и пришлось им выдержать до конца. Время от времени мы пользовались лыжами. Вдруг опять стало так круто, что пришлось остановиться. И вовремя — перед самым обрывом. Того, что называется направлением, для нас не существовало; мы знали только одно, что надо спускаться. Наконец я нашёл русло реки. Надо, впрочем, сознаться, что русло реки — неважный спуск для лыж, особенно во тьме, на пустой желудок и тяжёлую совесть. В сущности, это было ведь непростительным легкомыслием — мы рисковали жизнью. Но просто невероятно, как иногда выпутываешься; в конце концов мы благополучно миновали и русло.

Выбравшись на дорогу, мы почувствовали себя совсем хорошо. Брели, брели, набрели на хижину. Мне она показалась очень милой и уютной, но Ева нашла её гадкой. Теперь она уже привередничала и спешила дальше. Женщины всегда так.

Долго мы шли ещё, пока наконец не дошли до двора звонаря в долине Эгге. Пришлось разбудить хозяев. Звонарь скорчил ужасную гримасу, когда узнал, что мы свалились к ним с вершины Норе.

Ева на этот раз оказалась не особенно взыскательной насчёт ночлега. Едва она успела опуститься на стул, как тут же и заснула.

— Парнишка твой, кажется, заморился! — сказал звонарь. На Еве был серый лыжный костюм — короткая

юбка и штаны.

— Это моя жена, — сказал я.

Вот смеху-то было!

— Ай, ай, ай! Таскать с собой жену на вершину Норе в ночь под Новый год!

Но тут подали поесть, и как только Ева пронюхала, что здесь не пахнет сыром с пеммиканом, — она живо проснулась.

После того мы отдыхали у звонаря три дня. Да, вот вам и прогулка на Норе в ночь под Новый год! По-моему, это была славная прогулка».

Ева тоже была рада прогулке с мужем в горы, хоть и устала смертельно. Не очень часто удавалось ей провести с Фритьофом много времени!

Она страстно желала родить ребёнка — и была счастлива, когда весной 1890 года поняла, что беременна. Но на третьем месяце случилось несчастье — у неё произошёл выкидыш.

«Ева скорбела не только об умершем ребёнке. Она была огорчена тем, что останется совсем одна, когда Фритьоф уйдёт в экспедицию к Северному полюсу, — *писала Лив Нансен-Хейер.* — Ей нужен был ребёнок — частичка Фритьофа, если же его не будет, то она должна быть вместе с мужем на борту „Фрама“».

Вскоре она вновь забеременела, и ребёнок родился в срок — это был мальчик, — но он умер через несколько часов. Горе Евы было безгранично.

Фритьоф утешал её, как мог, но должен был думать не только о постройке знаменитого «Фрама», но и об обеспечении Евы на время экспедиции. И он собрался поехать в Англию с лекциями о переходе через Гренландию и о своих «любимых эскимосах» (выражение самого Нансена).

В Англии его лекции проходили с большим успехом. Он заехал и в Шотландию, и в Ирландию, где неизменно собирал полные залы. Английские газеты посвящали целые полосы смелому полярному исследователю, который, вернувшись из льдов Гренландии, собирался в ещё более сложное путешествие — на Северный полюс. Интерес к экспедиции так возрос, что от «спонсоров» не было отбоя. Это радовало Нансена, но, как правило, пожертвований он не принимал.

Доклад об эскимосах тоже вызвал настоящую сенсацию, хотя Фритьоф был, по его же собственному определению, «суров и говорил резко о миссионерах и развитии цивилизации».

Но несмотря на успех и чрезвычайную занятость, Нансен скучал по своей Еве-лягушечке, как он трогательно называл жену (в ответ она называла его «мой страшненький поросёнок»).

> «Дорогая моя Ева-лягушечка! — *пишет он из Бирмингема.* — Не мучай ты себя домашними заботами, о которых я не могу без боли читать. Я ведь теперь очень много зарабатываю <…> и ну их к чертям, эти проклятые деньги. <…> Ты только не грусти больше, моя лягушечка, и что это ты вздумала терять аппетит, ты ешь побольше и веселись как следует».

Ева в это время действительно затосковала, даже «побледнела, отощала и стала настоящей уродиной», как в шутку она писала мужу. Выздоровев, Ева стала преподавать музыку и пение детям торговца музыкальными инструментами Вармута, и была счастлива, что «действительно может чему-то научить».

И ещё она страшно ревновала Фритьофа, хотя никогда не показывала своих чувств на людях, за что её впоследствии нередко критиковали и называли «льдинкой».

Так, 21 февраля 1892 года Ева пишет мужу:

> «Хелланд на днях сказал, что и я, и Драгоценность — одинаково холодные женщины. Мы обе можем быть счастливы и любезны с мужьями, но на глубокие чувства не способны. Я ничего не стала ему возражать, но про себя, конечно, улыбнулась».

Ева прекрасно знала о любвеобильности мужа и очень часто страдала от подколок и намёков на эту тему, пусть даже и сделанных в шутку. Она писала Фритьофу в Англию после одной из дружеских вечеринок:

> «Мы болтали обо всём на свете, и вдруг Блер спросил меня, были ли мы влюблены друг в друга до твоего путешествия в Гренландию. „Да не особенно“, — ответила я. „Ах да, — заметил Хелланд, — ведь тогда у него была Драгоценность“. И я, несчастная, залилась краской, как будто я ревную. Как же я рассердилась! Ведь так оно и есть на самом деле. У меня сердце кровью обливается, когда подумаю, что ты, мой дорогой, мечтал о другой. Не сердись на меня, любимый, ведь теперь-то я знаю: ты влюблён в меня — как крыса в зелёный сыр!»

Любвеобильностью и свободой нравов Фритьоф будет

отличаться всю свою жизнь — но всю жизнь до самой её смерти он будет любить и Еву, продолжая причинять ей нечеловеческие страдания.

После возвращения из Англии пара отправилась в уже готовый дом.

Он получился необыкновенно красивым, в традиционном «викингском» стиле. На стенах висели картины друзей и самого Нансена.

Самым любимым местом в доме был кабинет хозяина — и самым холодным тоже. Нансен работал в комнате с камином, где под потолком белели грубо отёсанные стропила. На стенах он развесил коллекцию лыж, прибил головы северных оленей и моржей. На полу и стенах распластались желтоватые шкуры убитых им медведей. Громадный сосновый стол был завален книгами, журналами, картами.

Ну а гости с удовольствием собирались в роскошной тёплой гостиной. Ева, воспитанная в семье, где чтили искусство и литературу, и сама стала прекрасной хозяйкой. Она не только успевала следить за хозяйством, но и каждое воскресенье устраивала «открытый салон». Салоном, как известно, называли литературный, художественный или политический кружок избранных лиц, собирающихся в частном доме и группирующихся вокруг какой-либо выдающейся женщины, именовавшейся царицей салона, которая, как правило, отличается остроумием, талантом или красотой. Ева в равной степени обладала всеми этими качествами. Кроме того, на своих субботних салонах она устраивала домашние концерты.

Когда же Фритьоф находился в отъезде, Ева концертировала по странам. Свой последний официальный концерт она дала в ноябре 1899 года, где впервые исполнила вокальный цикл «Девушка с гор» по поэме Арне Гарборга. Григ выбрал для цикла восемь песен, и они стали, по его признанию, «лучшими песнями, которые я когда-либо писал». Композитор сочинил их специально для Евы Нансен. Гарборг присутствовал на том концерте, а после написал Григу:

> «Я так горд, так беззастенчиво горд, что вы смогли использовать эти песни».

Еве же он сказал, что она не только пела, но и *была* главной героиней поэмы.

После того концерта Ева продолжала заниматься с учениками и давала лишь частные концерты, прежде всего у себя дома. Но мы вновь забежали вперёд, а сейчас Ева переживала отъезд мужа в экспедицию. Он, едва сделав предложение, предупредил её: «Я

должен отправиться на Северный полюс». А она и не возражала, понимая, как важна для Фритьофа его работа.

> «У них был прекрасный дом у фьорда, — *писала дочь.* — Когда там собирались родственники и друзья, Ева и Фритьоф были самыми весёлыми, самыми радушными хозяевами. Никому бы и в голову не пришло, что Северный полюс отбрасывает тень на них обоих. Они пытались скрыть это друг от друга. Прощание и разлука пугали обоих, но никто из них не проронил об этом ни слова.
>
> В эти годы они жили большей частью очень уединённо. Некоторые старые друзья находили это эгоистичным, другие же посмеивались, но это их не заботило».

Лишь с третьей попытки у пары появился долгожданный малыш. Во время беременности Евы Нансен должен был съездить в Англию сделать доклад в Королевском географическом обществе об экспедиции к Северному полюсу и уладить разные организационные вопросы. Из Лондона он шлёт трогательные письма:

> «Я ношусь с утра до ночи, чтобы поскорее вернуться к тебе. Как жаль, что за день успеваешь так мало сделать!»

А в другой раз пишет:

> «Ты знаешь, как мне волнительно вдали от тебя, моя дорогая Ева-лягушечка! Особенно теперь! Скорее бы уже удалось закончить все дела в том городе и сесть на поезд, который отвезёт меня к тебе. Я же ведь должен за тобой хорошенько присматривать!»

На этот раз всё прошло хорошо, и 8 января 1893 года родилась дочь, которой дали имя Лив — «Жизнь». Это было настоящим подарком судьбы, тем более что Нансен уже совсем скоро должен был отплыть в экспедицию. Девочка оказалась копией Фритьофа, и Ева пишет подруге:

> «Моя дочка — настоящее утешение для меня. Она похожа на Нансена. И спасибо за это Господу!»

Глава шестая
Во мраке ночи и во льдах

По возвращении из Гренландии Нансен занимал скромную должность хранителя при университете в Кристиании. Должность была не очень престижной, зато давала возможность подготовиться к давно задуманной большой экспедиции к Северному полюсу. План этой экспедиции был, как многие планы Нансена, гениально прост и очень неожидан для широкой общественности.

Ещё в феврале 1890 года Фритьоф сделал доклад в Норвежском географическом обществе и изложил там свой план экспедиции. Он доказал, что прежние попытки достичь полюса (а их было немало) оказались безрезультатными, потому что полярные экспедиции старались бороться с силами природы, а не использовать их. Исследователи шли «напролом», пробираясь к заветной цели с лодками и собаками через льды, дрейфовавшие к югу. Нансен же предложил не вступать в схватку с природой, а использовать её силу в качестве надёжного помощника.

Он рассматривал разные варианты — в том числе и полёт к полюсу на воздушном шаре. Но как настоящий учёный Нансен понимал, что результаты такого исследования природы Арктики будут неудовлетворительными и поверхностными. Поэтому Нансен с присущим ему авантюризмом и мужеством идти наперекор научным авторитетам решил «вморозить» своё судно в лёд и отдать его на волю течения.

Ещё в 1884 году профессором Моном была опубликована статья о находке у юго-западных берегов Гренландии предметов экспедиции на «Жаннетте», затонувшей в 1881 году к северо-востоку от Новосибирских островов.

Экспедиция на «Жаннетте» под командованием лейтенанта американского флота Джорджа Де Лонга была снаряжена для нахождения Северо-Восточного прохода и вышла из Сан-Франциско в июле 1879 года. Однако через несколько дней после прохода Берингова пролива, вблизи острова Геральда судно было затёрто льдами, которые «утащили» свою добычу на северо-запад. Во время дрейфа экспедиция открыла три острова, которые ныне носят название архипелага Де Лонга. 13 июня 1881 года судно было раздавлено льдами на 77°15′ северной широты. Экипаж перешёл по льду на Новосибирские острова и оттуда на материк. Де Лонг и большинство членов экипажа во время этого перехода погибли.

«Экспедиция „Жаннетты“, — *заявил Нансен,* — по моему глубокому убеждению, была единственной из всех на верном пути, хоть и не по собственной воле».

Фритьоф тщательно проанализировал дрейф экспедиции Де Лонга и возможные пути дрейфа предметов с «Жаннетты», которые были обнаружены у берегов Гренландии. Профессор Мон объяснил их появление там существованием в Полярном бассейне течения, которое идёт от Новосибирских островов к Гренландии. Этой статьёй Нансен заинтересовался необычайно, поскольку эта точка зрения полностью совпадала с его собственной.

«Я сам, — *писал Нансен,* — имел случай наблюдать большие массы плавника как на западном, так и на восточном берегу Гренландии. Я встречал также отдельные брёвна, плывущие далеко от восточного берега в открытом море, и, подобно предыдущим путешественникам, я пришёл к убеждению, что большая часть этого плавника должна происходить из Сибири, так как среди этого мы находим сосну, сибирскую лиственницу и другие древесные породы, не произрастающие в других местах».

«Если обратиться к условиям распределения ветров и атмосферного давления над Северным Ледовитым океаном, поскольку эти условия изучены, — рассуждал он, — то и они, по-видимому, способствуют образованию полярного течения, идущего через полюс в указанном направлении. От Атлантического океана, к югу от Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа тянется до самых сибирских рек ложбина низкого атмосферного давления. Вследствие всех известных нам уже законов на северной стороне этой депрессии ветры должны дуть преимущественно с востока на запад и, следовательно, вызывать западное течение, которое идёт в Гренландское море, по-видимому, через полюс.

Таким образом, с какой бы стороны этот вопрос ни рассматривать, приходится <…> путём логических рассуждений прийти к выводу о существовании течения, проходящего через полюс, откуда идёт к северу, и отдаться ему, чтобы проникнуть в области, достигнуть которых тщетно пытались люди, плывшие против течения».

Впрочем, достижение полюса Нансен не считал

обязательным, во всяком случае, не считал это главной целью экспедиции. «Мы отправляемся не для того, чтобы отыскать математическую точку, составляющую северный конец земной оси; достижение этой точки само по себе малоценно, но чтобы произвести наблюдения в обширной неисследованной части земного шара, окружающей полюс», — писал Нансен.

Для претворения плана в жизнь требовалось прежде всего особое судно, которое не могли бы раздавить льды.

Нансен полагал, что если придать обводам корабля яйцевидную форму, то судно при сжатии льдов будет «выдавливаться» вверх, а не раздавливаться ими. Однако строить корабль такой формы было довольно рискованно: это могло спровоцировать сильную качку в открытом море во время шторма. Тем не менее в результате долгих размышлений и многочисленных расчётов Фритьоф остановился именно на яйцевидном корпусе.

Постройку корабля Нансен поручил одному из лучших норвежских судостроителей Колину Арчеру из Ларвика.

Первое (очень осторожное) письмо Нансен отправил ему 6 марта 1890 года. Арчер долго колебался, и контракт был подписан лишь 9 июня 1891 года: корабел взялся «построить самую прочную на свете шхуну».

Это было судно водоизмещением в 402 регистровых тонны, короткое и широкое, похожее на половинку кокосового ореха, но заострённое спереди и сзади. Основные размеры судна были следующие (в метрах): длина по килю — 31, длина по ватерлинии — 34,5, длина по палубе, включая оба штевня, — 39, ширина по ватерлинии без «ледовой обшивки» — 10,4, наибольшая ширина без ледовой обшивки — и, глубина трюма — 5,25, осадка при неполной нагрузке — 3,75; водоизмещение при неполной нагрузке — 530 тонн; водоизмещение при осадке в 4,75 метра — 800 тонн; в последнем случае судно имело надводный борт приблизительно в 1 метр. Корпус судна с наполненными котлами по расчёту должен был весить 420 тонн, и, следовательно, при водоизмещении в 800 тонн оставалась в запасе грузоподъёмность в 380 тонн для угля и прочего груза. Кроме необходимого для людей и собак продовольствия более чем на пять лет экспедиция могла ещё взять с собой запас угля на четыре месяца полного хода.

Но таким судно стало не сразу. Первоначально было предложено три проекта: Нансеном, Свердрупом и самим Арчером, которые согласовывались довольно долго.

Колин Арчер в своей статье в «Norsk Tidsskrift for Sovasen» («Норвежский журнал мореходства») в 1892 году писал:

«Если принять во внимание, что, так сказать, составляет основную идею предложенного доктором Нансеном плана его экспедиции к Северному полюсу <…> то нетрудно понять, что судно, построенное исключительно с одной этой целью, должно существенно отличаться от всех до сих пор известных судов… При постройке этого судна следует соблюсти два требования: во-первых, придать корпусу такую форму, которая по возможности представляла бы наименьшую поверхность соприкосновения с давящим на него льдом, и, во-вторых, построить корпус так прочно, чтобы он противостоял самому сильному внешнему давлению в любом мыслимом направлении».

Закладка судна произошла на верфи Арчера в Ларвике 11 сентября 1891 года. Часть материалов пришлось заказывать в Германии, однако паровую машину сделали в Норвегии в фирме «Norske Mekaniske Werksted».

Позже Нансен напишет:

«Корпус судна был снабжён и спереди, и с кормы острыми штевнями и формой своей напоминал лоцманский бот, если снять с него киль и шпунтовые пояса. И носу, и корме придана была исключительная прочность. Форштевень состоял из трёх толстых дубовых балок, наложенных одна на другую и имеющих общую толщину в 1,25 метра; от них внутрь шли массивные дубовые, окованные железом шпангоуты для скрепления стенок судна, а от тех уже отходили кницы к палубным бимсам.

Вдоль передней наружной стороны форштевня залегал железный штевень, а на него наложены были ещё железные шины, проходящие поперёк носа и по обеим сторонам направленные немного назад, как это обычно делается на промысловых китобойных судах.

Корма получила особую, довольно своеобразную конструкцию. По обеим сторонам её, вокруг рулевой рамы и ахтер-штевня, имеющих толщину 65 сантиметров, были положены массивные дубовые балки, которые следовали за изгибом кормы вплоть до верхней палубы. Таким путём получался как бы двойной ахтерштевень. По наружной стороне его шла обшивка из дубовых досок, в свою очередь защищённая снаружи в кормовой части судна толстыми железными листами.

Между двумя названными балками в корме

находились колодцы для винта и руля, через которые они могли быть подняты на палубу. Такие приспособления для винта имеются на всех китобойных судах, чтобы в случае повреждения винта напором льда его легко можно было заменить новым. Но для руля такое устройство обычно не делается. Благодаря нововведению мы с нашим немногочисленным экипажем получили возможность с помощью шпиля (ворота) при сильном или внезапном давлении льда или другом подобном случае поднять руль на палубу в течение нескольких минут. А я сам видел, что смена руля на китобойном судне при экипаже в 60 человек занимала многие часы, а иногда даже целый день.

Вообще корма представляет собой ахиллесову пяту судна, предназначенного для плавания среди льдов. В корме лёд может легче всего нанести повреждения, сломать, например, руль. На „Фраме“, чтобы защитить руль, его посадили возможно глубже, так, что снаружи он вовсе не был виден над водой. Когда льдина ударяла в судно с кормы, она встречала крепкую рулевую раму и вряд ли могла задеть самый руль.

Разумеется, сделано было всё возможное, чтобы обеспечить наибольшую прочность бортов судна. Шпангоуты были сделаны из первосортного итальянского дуба, предназначавшегося первоначально для норвежского военного флота и вылежавшегося под крышей тридцать лет. Это был вполне рослый корабельный лес 25–28 сантиметров толщины. Шпангоуты делались из двух плах, тщательно пригонялись и соединялись болтами, из которых часть заклёпывалась. Каждый шов покрывался железными полосами. При ширине каждого шпангоута около 56 сантиметров они размещались возможно теснее друг к другу с промежутками всего в 3–4 сантиметра, причём эти промежутки залили варом с опилками, чтобы судно сохраняло водонепроницаемость, даже если наружная обшивка будет пробита насквозь.

Снаружи шпангоуты были защищены тройной обшивкой. Ближайшая, из дубовой доски толщиной в 7,5 сантиметра, была прибита к ним и проконопачена. На ней лежала вторая дубовая обшивка толщиной 10 сантиметров, укрёпленная болтами, проходящими сквозь первую. Третья, наружная, так называемая ледяная обшивка, из гринхарта, как и первые две, шла вплоть до

киля. На ватерлинии она имела толщину 15 сантиметров и выступала над корпусом на 7,5 сантиметра. Крепилась эта обшивка гвоздями и „ершами“, не проходившими сквозь остальные обшивки, так что лёд мог содрать всю „ледяную обшивку“ и всё-таки корпус судна не потерпел бы от этого большого ущерба. Изнутри шпангоуты были защищены досками из пичпайна толщиной от 10 до 20 сантиметров, и эта обшивка также была дважды тщательно проконопачена».

На 25 октября 1892 года был назначен спуск судна на воду. Туманным утром Нансен с Евой приехали в Ларвик.

«На самом берегу, опущенный кормой к морю, — *рассказывал очевидец этого события Н. Рольфсен,* — стоял новый корабль. Это и был новый корабль Фритьофа Нансена, большое, широкое судно, выкрашенное внизу чёрной, а повыше — белой краской. Три огромные мачты из американских сосен лежали ещё на набережной. На палубе были воздвигнуты три флагштока, на двух из них уже развевались флаги. На третьем же должен был взвиться флаг с неизвестным ещё именем корабля. Имя это интриговало многих, будет ли это „Ева“, „Лив“, „Норвегия“, „Северный полюс“?

Тысячи людей собрались вокруг верфи Колина Арчера, тысячи вскарабкались на окружающие её скалы. А вокруг большого судна, прикреплённого к спусковому фундаменту железными цепями, столпились группы сильных, коренастых людей в рабочих костюмах. Тут и промышленники, знакомые с опасностями полярных морей, и плотники, участвовавшие в постройке судна; первые испытующе оглядывают судно со всех сторон, другие с гордостью любуются делом рук своих. Тут же и главный строитель корабля, статный старик с серьёзным благородным лицом и длинной белой бородой, Колин Арчер.

Но вот на подмостки, устроенные около носа корабля, поднимаются Фритьоф Нансен с женой. Она подходит к носу корабля, сильным ударом разбивает о него бутылку с шампанским и говорит громким и ясным голосом: „„Фрам“ („Вперёд“) имя ему!“ В ту же минуту на флагштоке взвивается флаг с именем корабля — белые буквы на красном поле. Быстро обрубают все канаты и подпорки, и большое тяжёлое судно начинает скользить по наклону сперва медленно, потом всё

быстрее и быстрее, касается кормою воды, затем начинает садиться всё глубже и глубже. Одну минуту всех берёт страх, как бы оно не пошло ко дну или не село на мель. Но как только коснулся воды и нос судна, корма поднялась, и корабль плавно двинулся вперёд. В ту же минуту на берег плеснул целый вал, обдавший зрителей, примостившихся поближе к воде. Видно было потом, как они, словно мокрые мухи, поползли вверх по обрызганному волнами скалистому берегу. Большую лодку, переброшенную валом на скалу, с трудом удалось благополучно вывести из опасного положения.

Фритьоф Нансен, высокий и стройный, продолжал стоять на подмостках. Рядом с ним стояла его жена. Глаза всех присутствующих были обращены на них: всех невольно занимал вопрос, какие чувства должны волновать их в эту минуту? Чувство радости по поводу счастливого окончания пролога великой драмы, которой ещё предстояло разыграться среди долгой зимней ночи Северного полюса, чувство боли ввиду предстоящей долгой разлуки?

Минуты, когда „Фрам“, приветствуемый салютами орудий и раскатами „ура“, спустился на воду, захватили всех своей торжественностью. Многие говорили потом, что в жизни не испытывали более волнующей минуты».

Достройка продолжалась до лета 1893 года. В результате чёрно-белое судно украсила ярко-красная, расположенная на палубе штурманская кабина, наблюдательная бочка (на грот-мачте на высоте 32 метров от ватерлинии) была белой, мачты же венчали позолоченные медные шары.

Эксплуатацию судна юридически осуществляла судоходная компания «Фрама», основанная Нансеном, в совет директоров входили Аксель Хейберг, предприниматель Томас Николай Фирнли и владелец пивоваренной компании Эллеф Рингнес.

Однако мы вновь забежали вперёд.

На постройку корабля ушли колоссальные силы и деньги, которые найти было не так просто.

Вот как об этом писал сам Нансен:

«Несмотря на кажущуюся дерзость свою, мой проект встретил сильную поддержку в Норвегии. В стортинг было внесено королевское предложение ассигновать на осуществление плана 200 000 крон, что предположительно составляло две трети всех расходов. Последнюю треть я рассчитывал получить частным

путём, так как с разных сторон заручился обещаниями о поддержке. Ещё при возвращении из гренландского путешествия консул Аксель Хейберг предоставил в моё распоряжение 10 000 крон для новой экспедиции. Ему же принадлежит инициатива открытия общественной подписки для сбора недостающих сумм.

30 июня 1890 года просимая мною сумма была утверждена стортингом, который при этом выразил желание, чтобы экспедиция была норвежской. В январе 1891 года коммерсант Томас Фирнлэй, консул Аксель Хейберг и владелец пивоваренного завода Эллеф Рингнес приступили к сбору недостававшей суммы, и спустя несколько дней она была покрыта с избытком пожертвованиями короля Оскара, Акселя Хейберга, Антона Кр. Хоуэна, К. И. А. Дика, Т. Фирнлэя, „Рингнеса и К°“, А. С. Квестеруда, К. Сунна, Вестье Эгеберга, Халвора Шоу, Харальда Веделя Ярлсберга, К. Левеншёльда и Николая Х. Кнудсона.

Из числа жертвователей за пределами Норвегии следует отметить Королевское географическое общество в Лондоне, которое выказало своё сочувствие предприятию, ассигновав 300 фунтов стерлингов. Оскар Диксон принял на себя оплату электроосветительного оборудования корабля (динамо-машины, аккумуляторов, проводников).

В ходе подготовки оказалось, однако, что первоначальная смета совершенно недостаточна, главным образом из-за того, что стоимость судна, исчисленная в 150 000 крон, увеличилась на 100 000 крон. Я не считал себя вправе экономить там, где на карту было поставлено так много и где ряд экстренных мероприятий мог, как я полагал, обеспечить успех экспедиции. Те же три лица, которые открыли первую подписку, взяли на себя обязанности „Комитета содействия“, к которому перешла вся деловая и финансовая сторона подготовки экспедиции. Для покрытия упомянутого дефицита они вместе с некоторыми членами правления и совета Географического общества открыли новый сбор частных пожертвований по всей стране. Затем Географическое общество уже от своего имени объявило национальную подписку. Мне со своей стороны пришлось просить стортинг о дополнительном ассигновании 80 000 крон, и наше национальное собрание снова проявило своё

сочувствие предприятию, разрешив 9 июня 1893 года это ассигнование.

Наконец, последний дефицит, обнаружившийся перед самым отъездом, покрыли консул Аксель Хейберг, мистер Дик и я сам. Все расходы в целом достигли 450 000 крон».

* * *

Нансену пришлось преодолеть много преград — и не только денежного толка. Так, далеко не везде его план был принят с пониманием. Впрочем, это случалось каждый раз, когда Фритьоф задумывал очередной проект. Не была исключением и экспедиция на «Фраме».

Когда Нансен выступил в 1892 году в Географическом обществе в Лондоне, то против его плана ополчились почти все виднейшие полярные авторитеты. «Чистое безумие», «проект бессмысленного самоубийства» — такова была единодушная оценка выдвинутого Нансеном плана. В мировой печати появилось более двухсот статей, в самой резкой форме осуждавших проект Нансена. Однако многие исследователи жизни и творческого наследия великого норвежца (например, П. Э. Хегге) говорят о том, что Нансену была в полной мере присуща страсть к преувеличениям — и в данном случае он просто приукрасил действительность: никто особенно яро против его экспедиции в Англии не выступал.

В Америке мнения разделились. Если широкая общественность приняла новый план великого норвежца с восторгом, то научный мир был против него. Крупнейший американский полярный исследователь того времени Адольф Грили доказывал безусловную ложность теории Нансена и утверждал, что вещи, найденные в 1884 году в Гренландии, не принадлежали Де Лонгу. Грили считал, что Северный полюс занят мощным массивом суши под ледовым покровом, а значит, добраться до него на «Фраме» будет невозможно. Нансен же изначально считал, что крупных массивов суши в окрестностях Северного полюса нет.

А вот в России проект поддержали.

«Представлялось чрезвычайно важным иметь в распоряжении экспедиции хороших ездовых собак. Ввиду этого я, — писал Нансен, — обратился в Петербург к известному исследователю Сибири Толлю за советом:

как нам достать подходящих собак из Сибири. Толль с величайшей предупредительностью ответил, что надеется сам устроить для меня это дело, так как скоро собирается отправиться во вторую свою научную экспедицию в Сибирь и на Новосибирские острова. Он предложил выслать собак в Хабарово, в Югорский Шар. В январе 1893 года проездом через Тюмень ему удалось с помощью английского купца Вардроппера поручить тамошнему жителю Александру Ивановичу Тронтхейму закупку тридцати остяцких собак и доставку их в Югорский Шар. Но Толль не остановился на этом. Когда Николай Кельх изъявил желание принять на себя расходы, Толль позаботился купить ещё двадцать шесть восточносибирских собак, которые как ездовые считаются лучше западносибирских (остяцких). Норвежец Йохан Торьерсен взялся доставить этих собак к устью реки Оленёк, куда мы должны были зайти согласно уговору.

Далее, Толль нашёл, что полезно будет устроить несколько складов провианта на Новосибирских островах на тот случай, если с „Фрамом“ случится несчастье и экспедиция вынуждена будет возвращаться этим путём. Едва Толль высказал такое мнение, как откликнулся тот же Кельх, он взял на себя и эти расходы; мы встретили сибирское гостеприимство даже на Новосибирских островах. Но подыскать для выполнения столь ответственной задачи подходящих людей оказалось нелегко, и Толль решил самолично устроить эти склады.

В мае 1893 года с этой целью он предпринял полное приключений и в высшей степени интересное путешествие с материка по льду на Новосибирские острова, где не только устроил для нас три депо, но и произвёл весьма важные геологические изыскания.

Очень важным я считал получить груз угля в наиболее отдалённом пункте нашего пути, для того чтобы мы, прежде чем порвать наши связи с остальным миром, могли погрузить на „Фрам“ возможно больше топлива. Поэтому я с радостью принял предложение одного англичанина, который на своей паровой яхте хотел сопровождать нас до Новой Земли или Карского моря и при прощании передать нам 100 тонн угля. Но когда наступило время нашего отъезда, обстоятельства переменились. Так как было уже слишком поздно

> устраивать дело другим способом, пришлось для доставки угля в Хабарово зафрахтовать из Брёнёйзунда в Норланне яхту „Урания“».

Кроме того, по просьбе Нансена русское Главное гидрографическое управление передало изданные в России карты северных морей и предоставило сведения о населённых пунктах на северном побережье Сибири. Адмирал С. О. Макаров сообщил сведения о температурах воды в Беринговом проливе и прилегающей части Северного Ледовитого океана.

* * *

К экспедиции серьёзно готовились — недаром Нансен вынашивал планы, как он сам выражался, три раза по 3 года. Он продумал всё — от пятилетнего запаса продовольствия до 15 тонн керосина и 20 тонн нефти на случай выхода из строя электрического освещения.

На судно подняли восемь лодок, в том числе две большие, для эвакуации с корабля членов команды.

Особое внимание уделялось продовольствию. Нансен заранее обсудил все возможные «диетические» вопросы с профессором Торупом. И в результате было решено:

> «Такие способы консервирования мяса и рыбы, как засол, копчение или неполное вяление (высушивание), весьма ненадёжны и должны быть отвергнуты как не достигающие цели; при заготовке провианта для длительной экспедиции необходимо учитывать предохранение пищевых средств от порчи и при этом отдавать решительное предпочтение тщательному и полному высушиванию или стерилизации с помощью высокой температуры». Еда на «Фраме» должна была быть «не только питательной и свежей, но и по возможности разнообразной».

Нансен взял с собой мясные и рыбные консервы (самыми любимыми были норвежский рыбный фарш, рыбный пудинг и маринованная макрель), сушёную рыбу, картофель в консервах и сушёный, всякого рода консервированные и сушёные овощи и фрукты, большое количество варенья и мармелада, подслащённое и неподслащённое сгущённое молоко, стерилизованное сливочное масло, прессованные бульоны разного рода в кубиках и много-много других вещей. Хлеб взят был главным образом

норвежский — корабельные ржаные и пшеничные сухари, — а также английские корабельные галеты. Кроме того, на корабле был большой запас муки для выпечки свежего хлеба. Все продукты питания, прежде чем погрузить их на судно, подвергались химическому анализу, который делался в Кристиании и Лондоне. Особое внимание обращалось на тщательность упаковки. Даже хлеб, сухие овощи и тому подобное запаивались в жестяные коробки, чтобы предохранить их от сырости.

Трогательный «съестной» подарок получила команда от экономки и няни Нансена Марте Ларсен — он наварила варенья, которое с удовольствие все ели, а Фритьоф в каждом письме домой, которое удавалось отправить, неизменно передавал ей привет.

За завтраком и ужином пили шоколад, кофе, чай, молоко, за обедом — лимонный сок с сахаром или сиропом, а в первые полгода путешествия — и пиво. Кроме небольшого количества пива и нескольких бутылей мальц-экстракта, ничего спиртного экспедиция с собой не брала. Зато табак как для курения, так и для жевания имелся в изобилии.

> «Кое-кто из членов экспедиции взял всё-таки частным порядком несколько бутылок вина и коньяку, — *писал впоследствии Нансен.* — По прошествии года, когда выяснилось благополучие общей обстановки на корабле, я стал разрешать в праздничных случаях угощение пуншем из сока морошки или фруктового сока, смешанного с небольшой дозой спиртного».

Нансен, как и многие другие путешественники склонный к идеализации и героизации своего «дела», в вопросе алкоголя слегка кривил душой. Всё дело в том, что он прекрасно знал, как умеют злоупотреблять спиртным моряки, — и команда при остановках в норвежских городах показала себя во всей красе. Свердруп, который никогда не был трезвенником, в дневнике записал, что сгорал от стыда, видя, как некоторые члены экспедиции, шатаясь, бродили по улицам норвежского Вардё. А в своём последнем письме Еве, написанном 31 июля в Хабарове, Фритьоф с явным неудовольствием замечает:

> «Вся команда при отплытии с родины лежала в койках, поскольку отдых был им просто необходим — после принятой накануне ударной дозы спиртного».

* * *

Когда подготовка к экспедиции в общих чертах была завершена, Нансен определил её состав. Вот что он писал:

«Как только план моей экспедиции стал известен, из всех частей света — из Европы, Америки, Австралии — посыпались, несмотря на все предостерегающие голоса, сотни предложений от лиц, желавших принять участие в экспедиции. Нелегко было сделать выбор из числа всех этих отважных людей, предлагавших свои услуги. Конечно, первое условие — чтобы человек был здоров и крепок, поэтому никто не был окончательно принят без тщательного исследования у профессора Яльмара Хейберга в Кристиании.

Участниками экспедиции в конце концов были выбраны следующие лица.

Отто Нейман Свердруп, капитан „Фрама“. Родился в 1855 году в Биндалене, в Хельгеланде. Семнадцати лет он впервые вышел в море, в 1878 году выдержал штурманский экзамен и несколько лет ходил в море в качестве капитана судна. В 1888–1889 годах принимал участие в моей Гренландской экспедиции и выразил желание принять участие в новой полярной экспедиции, как только услыхал о моём плане. Я со своей стороны знал, что едва ли найдутся более надёжные руки, в которые бы можно было передать „Фрам“. Он женат и имеет ребёнка.

Сигурд Скотт-Хансен, старший лейтенант норвежского флота, взял на себя руководство метеорологическими, астрономическими и магнитными наблюдениями. Родился в Кристиании в 1868 году. Окончив морское военное училище в Хортене, он получил первый офицерский чин в 1889 году и чин старшего лейтенанта в 1892 году. Он сын приходского священника Андреаса Хансена в Кристиании.

Хенрик Греве Блессинг, кандидат медицины, врач и ботаник экспедиции; родился в 1866 году в Драммене, где отец его был тогда священником. Он поступил в университет в 1885 году и окончил его со степенью кандидата медицины в 1893 году.

Теодор Клаудиус Якобсен, штурман „Фрама“. Родился в 1855 году в Тромсё, где его отец был капитаном судна, потом начальником порта и главным лоцманом. Пятнадцати лет он вышел в море, четыре года спустя выдержал штурманский экзамен и два года работал в Новой Зеландии. В 1886–1890 годах, будучи шкипером, водил яхту из Тромсё в Ледовитое море. Он женат и имеет ребёнка.

Янтон Амундсен, первый машинист „Фрама“, родился в Хортене в 1853 году. В 1875 году выдержал экзамен на звание

машиниста. В 25 лет поступил на службу во флот, где достиг звания главного машиниста. Он женат и имеет шестерых детей.

Адольф Юлл, заведующий провиантом и повар „Фрама“, родился в 1860 году в приходе Скотё, близ Крагерё. Его отец был крестьянином и работал по оснастке судов. В 1879 году он сдал экзамен на штурмана и затем в течение многих лет водил суда. Женат и имеет четверых детей.

Ларе Петтерсен, второй машинист „Фрама“. Родился в 1860 году в Борре, близ Ландскроны (в Швеции). Родители его норвежцы. Это опытный кузнец и механик, в качестве машиниста он несколько лет служил в норвежском флоте. Он женат и имеет четверых детей.

Фредрик Яльмар Юхансен, лейтенант запаса; родился в Шиене в 1867 году. Стал студентом в 1886 году, затем в 1891–1892 годах учился в военном училище. Желание его принять участие в экспедиции было столь горячо, что за неимением другой свободной должности поступил на „Фрам“ кочегаром. На судне большую часть времени был ассистентом при метеорологических наблюдениях.

Педер Леонар Хенриксен, гарпунщик. Родился в Бальфьорде, возле Тромсё, в 1859 году. С детства он плавал в море и четырнадцати лет ходил в Ледовитый океан гарпунщиком и шкипером. В 1888 году плавал к Новой Земле на яхте „Энигеден“ из Христианесанда. Он женат и имеет четверых детей.

Бернар Нурдал родился в Кристиании в 1862 году. Четырнадцати лет поступил на службу во флот и дослужил до унтер-офицера артиллерии. Потом он занимался разными ремёслами и, между прочим, несколько лет работал по устройству электрического освещения. На судне ему было поручено заведовать динамо и электрическим освещением; кроме того, он исполнял обязанности кочегара и в течение некоторого времени помогал при метеорологических наблюдениях.

Ивар Отто Иргенс Мугстад, родился в Ауре на Нормёре в 1856 году. В 1877 году выдержал экзамен на лесничего и в 1882 году был главным надзирателем лечебницы для душевнобольных в Гаустаде. На „Фраме“ показал себя мастером на все руки — от часовщика до дрессировщика собак.

Бернт Бентсен, родился в 1860 году. Несколько лет плавал в море. В 1890 году выдержал штурманский экзамен и с тех пор плавал неоднократно в качестве штурмана по Ледовитому океану. Он был взят нами в Тромсё перед самым отплытием, и, признаюсь, произошло это чрезвычайно быстро: в половине 9-го он явился на судно, чтобы переговорить со мной, а в 10 часов „Фрам“ уже унёс его в море».

Все члены команды были норвежцы — таково было условие норвежского правительства. Всё дело в том, что экспедиция имела ещё и политические цели: она финансировалась правительством Норвегии, состоящей в 1814–1905 годах в унии со Швецией. Предполагавшиеся земли в районе Северного полюса в случае их открытия должны были стать владениями Норвегии. Успех экспедиции после её завершения вызвал сильный подъём национального самосознания.

Неудивительно, что Бьёрнстьерне Бьёрнсон, один из самых ярых патриотов Норвегии, написал следующее стихотворение на отъезд Нансена:

Он начал путь свой, к истине шагая,
Как мысль, на ощупь, сквозь гипотез мрак,
И отступила тайна вековая
Пред ним, несущим в ночь норвежский флаг.
В том флаге воплотил он дух суровый,
Стальную веру, мужество своё…
Бог весть, когда мы их увидим снова,
Эмблему и носителя её?
Все устремленья наши там, на «Фраме»,
Блуждающий средь северных широт,
Не он ли в край родной под парусами
Сиянье новой славы привезёт?
Не он ли круг рассёк раздоров вздорных,
Чтоб, злобные стихии обуздав,
В огнях бессмертных подвигов, как в горнах,
Сплотить нас для борьбы в железный сплав?[41]

«То, что Бьёрнсон считал путешествия отца делом национального масштаба, было для него большой поддержкой, — *писала Лив Хейер-Нансен,* — и, конечно же, он понимал, что это накладывает на него соответствующие обязательства. В своём письме отец выразил, что значит для него эта дружба:

„Фрам“, Хабарово, 3 августа 1893 года.
Дорогой Бьёрнсон!
Теперь, когда я надолго со всеми прощаюсь и думаю о прошедшем, ты, конечно, встаёшь перед моим мысленным взором как одна из высочайших вершин, и ты навсегда останешься той вершиной, той вехой, к которой, как птицы, будут устремляться из полярного безлюдья мои мысли.

А потому спасибо тебе за напутствие, и пусть доведётся мне, вернувшись назад, увидеть Норвегию свободной. Швеция — пустяки, лишь бы нам освободиться от нашей инертности и трусости, тогда мы и от Швеции освободимся, это, я думаю, получится само собой, и это и прочее. Но тебе придётся вынести всю тяжесть этого дела.

Прощай и до радостной встречи.

Преданный тебе Фритьоф Нансен.

P. S. Ты доставишь нам много радостных часов во время похода, я раздобыл всё, что ты написал».

* * *

Весной 1893 года участники экспедиции съехались для знакомства в Кристианию. Они совсем не знали друг друга, а поэтому присматривались и приглядывались к тем, кому предстояло быть их «постоянным окружением» на протяжении ближайших лет. Оставшиеся до отплытия несколько месяцев команда провела в постоянных хлопотах. И чем меньше оставалось времени, тем горячее шла работа.

Наконец наступил день отплытия — День святого Ханса, 24 июня 1893 года.

Нансен прошёл из своего дома к берегу, где его ждала моторная лодка с «Фрама». Расставание с Евой и крошечной Лив, как позднее признается Фритьоф, было самым тяжёлым моментом путешествия.

Ева очень тосковала по мужу — после его отъезда она несколько дней не выходила из дома. Но, как всегда, она поддерживала его планы и писала:

> «За меня не бойся. Пройдёт время, и печаль немного утихнет, а душа успокоится. Я ведь всегда тебе говорила, что верю в тебя. Я знаю, ты — избранник судьбы, и в один прекрасный, счастливый день ты вернёшься с победой. И тогда не будет конца твоему и моему счастью и счастью Лив».

Нансен отвечает ей:

> «Я долго сидел и смотрел на твой портрет, нарисованный Вереншёльдом. Как хорошо, что он со мной. Потом вынул твою фотографию и поцеловал её. Я достал альбом со всеми фотографиями Лив и твоими.

Милая, удивительная наша малышка Лив! И я просто заболел от тоски по тебе, дорогая моя Ева-лягушечка. Здесь, в моей маленькой каюте, меня окружают воспоминания о тебе, и я ещё много раз часами буду мечтать о тебе. Любовь светится в каждой строчке, в каждом слове твоих писем, и они находят отклик глубоко-глубоко во мне. Ах, как прекрасно так крепко любить, разве не делает это жизнь совсем другой, и разве не прекрасна тоска, вопреки всему? Ведь мы обладаем друг другом во всех наших воспоминаниях, во всех мыслях, в нашей бесконечной любви. Пускай нас разделяет даль, что из того? Всё снова наладится, и, пока наши мысли будут находить дорогу к нашим сердцам, мы всегда будем вместе. А там, глядишь, мы встретимся опять, живые и здоровые, и счастье будет безгранично. Ты ведь знаешь, я и сам не могу сказать, сколько пройдёт времени, но долго ли, коротко ли придётся ждать — жди смело и знай, что мы хорошо снаряжены и наверняка вернёмся домой. Я совершенно спокоен в этом отношении, никакого несчастья быть не может, я уж позабочусь, и рано или поздно я вернусь».

* * *

Плавание «Фрама» протекало почти в точности по плану Нансена. В июле 1893 года экспедиция покинула Норвегию. В Вардё — «столице» рыболовов Финнмарка, норвежской провинции на побережье Северного Ледовитого океана, — экипаж «Фрама» простился с родиной. 21 июля «Фрам» начал свой путь в Баренцево море, освещённый лучами холодного северного солнца.

Однако вскоре погода испортилась, и судно вошло в полосу густого тумана. Четыре дня «Фрам» на полных парах шёл в сплошном белом «молоке» на восток, но 25 июля выглянуло солнце — и путешественники увидели Новую Землю. Едва успели сориентироваться, как тут же стало пасмурно.

«Фрам» отправился к проливу Югорский Шар и 27 июля впервые встретил лёд. Он шёл узкими полосами и не представлял особой опасности, но из-за тумана пришлось лечь в дрейф. А на следующее утро уже показался старый тяжёлый лёд. Никто не ожидал, что препятствия начнутся так рано. Однако, когда туман рассеялся, «Фрам» показал свои превосходные качества.

В дневнике у Нансена появилась следующая запись:

«Уже при этой первой схватке со льдами поняли мы, какое превосходное ледовое судно „Фрам“. Вести его сквозь тяжёлые льды — истинное наслаждение. Его можно вертеть и поворачивать, как колобок на блюдце. Не было такого извилистого и тесного прохода, через который нельзя было бы провести „Фрам“. Но как это трудно для рулевого! То и дело раздаются команды: „Право руля!“, „Лево руля!“, „Прямо!“, „Ещё право руля!“ — и так беспрерывно. Рулевой только и делает, что крутит и крутит штурвал, обливаясь потом; рулевое колесо вертится, словно колесо самопрялки. И „Фрам“ виляет и проходит между ледяными глыбами, даже не задевая их. Была бы только самая узенькая щель — „Фрам“ проскальзывал сквозь неё. Где никакого прохода не было — судно грузно ложилось на лёд, таранило его изо всей силы своим покатым форштевнем и подминало лёд под себя, раскалывая ледяные глыбы надвое. И какая прочность! Когда „Фрам“ идёт полным ходом, не слышно ни треска, ни звука, корпус лишь чуть вздрагивает».

29 июля корабль уже плыл по Югорскому Шару, приближаясь к Карскому морю. Днём в посёлке Хабарово забрали ездовых собак, приготовленных Э. В. Толлем. Ещё было нужно погрузить тонну угля, но судно, его вёзшее, задерживалось.

Нансен, некоторые члены команды с прибывшими на судно ненцами, группой русских промышленников и купцом А. И. Тронтхеймом отправились на берег.

«Мы пристали к берегу и вытащили лодку в маленькой бухте у восточного устья пролива. Облюбовав цепь холмов, зашагали к ним с ружьями за плечами. Шли по такой же плоской, волнообразной равнине с невысокими холмами, какую видели везде в окрестностях Югорского Шара. По равнине стелется коричнево-зелёный ковёр из трав и мха, усеянный цветами редкой прелести. Всю долгую сибирскую зиму тундру одевает толстым покровом снег. Но едва лишь расправится с ним солнце, как из-под последних исчезающих снежных сугробов пробивается целый мир маленьких северных цветочных побегов и, стыдливо краснея, раскрываются чашечки цветов, улыбающихся сиянию летнего дня, заливающему светом тундру.

Крупные цветы камнеломок (Saxifraga), изжелта-белые горные маки (Papaver nudicaule) растут пышными купами; там и сям синеют незабудки, белеют цветы

морошки. Местами на болотцах стелется волнистой пеленой болотный пушок; в других местах густые поросли синих колокольчиков тихо позванивают от ветра на своих нежных стебельках. Невелики эти цветы, лишь редкие из них крупнее пяти сантиметров, но тем они милее и тем привлекательнее для этих мест их красота; среди этих однообразных скудных равнин, где глазу не на чем отдохнуть, эти скромные чашечки цветов улыбаются тебе, и нет сил оторвать от них взор.

По этим беспредельным равнинам, простирающимся от одного края горизонта до другого, по необъятной шири азиатских тундр бродит кочевник со своими оленьими стадами. Прекрасная свободная жизнь! Где понравится, там он и ставит свою палатку, пуская оленей пастись вокруг; когда вздумается — снимается с места и едет дальше. Я ему почти завидую: никакой цели, никаких забот — только жить. Я почти не прочь побыть на его месте, пожить с женой и детьми среди этих бесконечных равнин свободно и весело.

Пройдя немного дальше, мы заметили белую фигуру, сидевшую на груде камней под небольшим холмом. Вскоре в разных направлениях привиделось ещё несколько таких же фигур. Они сидели так тихо и неподвижно, что, право, походили на привидения. В бинокль мы рассмотрели, что это были снежные совы. Нам захотелось поохотиться на них, но для дробовика они оказались недоступны. Только Свердрупу удалось убить парочку из винтовки. <…>

С гребня кряжа открылся в северо-восточном направлении вид на Карское море. В подзорную трубу видно было, что вся поверхность моря покрыта льдом, к тому же довольно сплочённым и крупным, но между льдом и берегом тянулось к юго-востоку, насколько хватал глаз, широкое разводье. Вот и всё, что мы могли здесь узнать, но и этого, в сущности, было достаточно. Проход, по-видимому, существовал, и мы очень довольные вернулись назад к лодке, где развели костёр из плавника и сварили себе превосходный кофе.

<…> На обратном пути мы на полном ходу налетели на подводный камень, лодка стукнулась о него раза два и проскочила; но когда она уже соскальзывала в воду, винт ударился о камень так, что корма высоко подпрыгнула и мотор завертелся с невероятной скоростью. Всё это произошло меньше чем в секунду, и

когда я остановил мотор, было уже поздно. К несчастью, оказалась сбитою одна из лопастей винта. Тем не менее мы всё-таки продолжали путь и с одной лопастью. Лодка шла немножко неровно, но двигалась вперёд довольно быстро.

Под утро, приближаясь к „Фраму“, прошли мимо двух ненцев, которые, вытащив лодку на льдину и плашмя растянувшись на льду, подстерегали тюленей. Любопытно, что подумали они, глядя, как мы скользили мимо в маленькой лодчонке без пара, без паруса, без вёсел… Мы же сами, рассевшись с удобством в лодке, смотрели на этих „бедных дикарей“ с самодовольным состраданием европейцев.

Но высокомерие не ведёт к добру. Не далеко успели мы отъехать, как вдруг — трррр… ужасный треск… обрывки лопнувшей стальной пружины с жужжанием пролетели мимо моего уха, и — „мельница“ остановилась. Ни взад ни вперёд. Оказалось, что от тряски при толчках однокрылого винта лотлинь постепенно втягивало в передачу махового колеса, а затем весь он очутился вдруг в механизме и настолько основательно в нём запутался, что привести машину в порядок можно было, только разобрав её всю на части. Таким образом, пришлось нам смиренно возвращаться назад на вёслах к нашему гордому судну, которое уже давно манило нас своими „котлами с мясом“.

В итоге дня были получены сравнительно хорошие известия о Карском море, примерно сорок штук птиц — в большинстве полярных гусей и морянок, — один тюлень и… приведённая в негодность моторная лодка. Лодку мы с Амундсеном вскоре снова привели в порядок, но при этом я, как ни прискорбно, навсегда подорвал свою репутацию среди местного русского и ненецкого населения. Некоторые из них утром были на судне и видели, как я работал в поте лица над починкой лодки, засучив рукава, без пиджака и без жилета, чумазый от копоти и машинного масла. Потом, придя к Тронтхейму[42], они говорили: „Какой же это большой начальник? Работает, как простой матрос, а с виду хуже бродяги“. Тронтхейм ничего не мог привести в моё оправдание; против фактов не поспоришь».

В тот же день были опробованы и ездовые собаки.

«Урания» с углём всё опаздывала, и 3 августа Нансен отдал

приказ готовиться к отплытию. Однако надо было закончить дела — и тут, к всеобщей радости, «Урания» наконец прибыла. Уголь перегрузили на «Фрам», а с «Уранией» отправили письма участников экспедиции домой. Так оборвалась последняя нить, связывающая отважных норвежцев с родиной.

Фритьоф написал Еве:

> «Ты будешь со мной везде — во льдах и туманах, на всех морях и океанах, во время работы и даже во сне. Ты всегда будешь со мной. Не бойся за меня и жди, сколь долго бы меня ни было. Я вернусь к тебе с победой».

* * *

Экспедиция во льдах требовала необыкновенной сплочённости команды. Поэтому на «Фраме» не было чёткой границы между офицерским и рядовым составом, все питались за общим столом и жили в одном помещении. Каждый член команды заключил с Нансеном индивидуальный контракт, в который помимо служебных и финансовых пунктов была включена декларация лояльности:

> «Я торжественно клянусь достойно выполнять свой долг во время экспедиции, во всём и всегда беспрекословно подчиняться начальнику экспедиции и всем вышестоящим членам команды, в точности исполнять все данные мне приказы, равно как неустанным своим прилежанием и упорным трудом всячески содействовать достижению цели экспедиции».

Жилые помещения находились в кормовой части под полупалубой. Большую часть времени полярники проводили в кают-компании. Поэтому её устройству и обустройству уделялось с самого начала подготовки огромное внимание. Кают-компанию, чтобы лучше защитить её от внешнего холода, окружили со всех сторон каютами; четыре из них были одиночные и две четырёхместные. Кроме того, потолок, пол и стены, сделанные из нескольких слоёв, сами по себе сохраняли тепло в кают-компании. И наконец, внутренние стенки её были сплошь обиты воздухонепроницаемым линолеумом, он не позволял теплому и влажному воздуху осаждаться на стенах каплями влаги, которая скоро превратилась бы в лёд. Борта корабля были обиты внутри просмолённым войлоком, затем следовал слой пробки, потом обшивка из еловых досок, новый слой толстого войлока, затем

воздухонепроницаемый линолеум и снова дощатая панель. Потолок кают-компании и кают под палубой состоял тоже из нескольких различных слоёв: воздушное пространство, войлок, еловая обшивка, линолеум, прокладка из оленьей шерсти, снова еловая панель, линолеум, воздушное пространство и ещё раз еловая обшивка. При толщине досок палубы в 10 сантиметров все прослойки, вместе взятые, достигали толщины в 40 сантиметров. На дощатый пол в кают-компании был положен толстый пробковый настил, на него второй деревянный пол, а сверху линолеум. Потолочный иллюминатор на палубу, через который легче всего мог проникнуть холод, был защищён тройной стеклянной рамой и, кроме того, многими другими способами.

> «Одной из самых неприятных сторон жизни на судах прежних экспедиций чаще всего была осаждавшаяся на холодных стенах помещений влага, которая быстро превращалась в иней или же ручьями стекала со стен на койки и на пол, — *писал Нансен.* — Нередко случалось, что спальные матрацы превращались в ледяные комки. Описанные приспособления позволили совершенно избежать такой неприятности: когда в кают-компании топилась печка, нигде на стенах ни в самой кают-компании, ни даже в спальных каютах не было и следа сырости.
>
> Напротив кают-компании был расположен камбуз, по обеим сторонам которого трапы вели на палубу. Для защиты от холода на каждом из них было устроено по четыре небольшие, но плотные двери, через которые и должен был пройти каждый и на палубу, и с палубы. Двери эти состояли из нескольких прослоек дерева и войлока. Для того чтобы не впускать холодный воздух, пороги дверей были сделаны необычно высокими».

Стены кают-компании были украшены картинами. В ней же находилась прекрасная библиотека — дар издателей и друзей. А рядом хранилось оружие.

Обогревалось помещение печью — единственной на корабле.

* * *

При исследовании фарватера Югорского Шара в сплошном тумане ночью 4 августа Нансен, который делал на моторной лодке промеры дна, едва не погиб: лодку подбросило на волне — и тут же вспыхнул пролившийся на дно газолин. Затем вспыхнул

бидон с топливом, а на Фритьофе загорелась одежда. Нансен выбросил бидон с газолином за борт, а потом черпаком с трудом загасил огонь. Он сильно обжёг руки, но самого страшного удалось избежать.

В начале следующего дня увидели устье Кары. Дальше пошли на север вдоль низменных берегов Ямала. «Фрам» всё время преследовали туманы и льды. Пробирались по ним осторожно, потому что был очень высок риск попасть в западню и начать дрейф значительно раньше плана.

Однако Карское море пересекли благополучно, оказавшись на траверзе Енисея 18 августа. Здесь в сплошном тумане «Фрам» подошёл к низменному острову, который не был отмечен на карте. Его назвали в честь Свердрупа.

23 августа пошёл снег — и палуба корабля стала белой. Пейзаж побережья тоже оживился.

Спустя несколько дней экспедиция вновь очутилось среди островов, ещё не отмеченных на карте. Они были открыты в разное время (в 1741 и 1770 годах) Семёном Челюскиным и Дмитрием Стерлиговым, а Нансеном нанесены на карту и названы в честь члена комитета его экспедиции Э. Рингнеса и президента английского Королевского географического общества К. Р. Маркгама (Маркхэма).

Нансен отмечал, что на пути «Фрама» встречалось такое количество неизвестных островов, что, «начни их подсчитывать, голова закружится».

Продвижение судна сильно замедлилось при попадании в ледовые поля и зоны так называемой мёртвой воды (тонкий слой пресной воды растекается по горизонту морской воды, создавая сильное сопротивление на границе плотности). Пресная вода увлекается судном, и оно скользит по тяжёлой солёной воде, как по твёрдой поверхности. Разница в солёности верхнего и нижнего слоёв очень велика: вода с поверхности пригодна для питья, а вода из глубин настолько солона, что не годилась даже для котла. Сложность для корабля создавала зыбь, которая шла непрерывно поперёк кильватера. Лишь только переставала работать машина, судно тотчас останавливалось, точно схваченное чем-то за корму.

6 сентября удача улыбнулась мореплавателям — льды расступились. 8 сентября удалось поохотиться на оленей.

Мыс Челюскин преодолели 9 сентября в сильную снежную бурю и при шквалистом ветре, сделав это впервые после Норденшёльда. На мачтах «Фрама» взвились флаги, а на небе неожиданно засияло солнышко. Путь на север оказался открыт — и зимовки на этот раз путешественникам удалось избежать!

Нансен принял решение не идти к устью реки Оленёк, где

Толль заготовил угольный склад и партию ездовых лаек, вместо этого «Фрам» пошёл на север по открытым разводьям, огибая остров Котельный.

«Время наше было слишком ограничено, — *записал Нансен в дневнике,* — к тому же море на севере казалось свободным ото льдов. Виды на будущее превосходные, и мы с каким-то особым чувством шли на север, всё время на север по открытому морю. Что принесёт завтрашний день? Разочарование или надежду? Если всё пойдёт хорошо, мы должны прийти к Земле Санникова, на которую ещё не ступала нога человека. Удивительное ощущение плыть так, тёмной ночью, в неведомых краях по открытому морю, зыбь которого не бороздили ещё ни одно судно, ни одна лодка. Кажется, что мы находимся миль на сто южнее. Даже погода стоит слишком мягкая для середины сентября под этими широтами.

Вторник, 19 сентября. Это самое прекрасное из плаваний, какие я когда-либо переживал. На север, всё время на север с попутным ветром и с предельной скоростью, какую только способны дать наши паруса и машина. В открытом море, миля за милей, вахта за вахтой, по неизведанному пути. И льда в море становится даже как будто всё меньше. Долго ли будет так? Шагая взад и вперёд по мостику, я всматриваюсь всё время на север, всматриваюсь в будущее. Но впереди всё то же тёмное небо, предвещающее чистую воду. Теперь план мой подвергается решающему испытанию.

Счастье как будто повернулось лицом к нам ещё 6 сентября. Впереди только чистая вода, как ответил мне Хенриксен из бочки, когда я его окликнул. А попозже, утром, когда он стоял у руля, а я ходил взад и вперёд по мостику, он вдруг сказал: „Они там, в Норвегии, и не подозревают, что мы тут несёмся к полюсу по чистой воде!.. Нет, они и не думают даже, что мы зашли так далеко“. И это, конечно, верно, я бы и сам не поверил, если бы мне кто-нибудь сказал об этом ещё две недели тому назад. Всё же это так. В сущности, всё идёт как должно, как говорили мои расчёты и предположения: здесь мы и должны были встретить чистую воду, простирающуюся далеко на север. Но редко, когда планы до такой степени оправдываются. Нигде на горизонте не видно ледяного отблеска, даже и сейчас, вечером. За весь день мы не видели никакой земли; утром стояла серая

туманная погода, и мы, боясь наткнуться на землю, шли неполным ходом. Скоро будем под 78° северной широты. Но далеко ли уйдём потом? Я всё время говорил, что буду счастлив, достигнув 78°, но Свердрупа не так-то легко удовлетворить. Он полагает, что мы пройдём дальше, до 80°, даже до 85°. Он почти всерьёз говорит о свободном ото льдов Полярном море, о котором где-то читал. Он не прочь вернуться к этой теме, хотя я и подсмеиваюсь над ним в таких случаях».

Предчувствия его не обманули: сплошные ледовые поля остановили «Фрам» 20 сентября на 78° северной широты. Все полярники до Нансена старались держаться ото льда подальше, но только не Фритьоф. В дневнике он пишет:

«Добро пожаловать, льды!»

«Фрам» вмерзает в лёд.

Завершилась первая часть экспедиции.

* * *

28 сентября собаки были спущены с борта на лёд, а 5 октября было официально объявлено о начале дрейфа.

В тот день на борту шла великая война с клопами и тараканами. Самым эффективным методом было признано вымораживание, поэтому первые месяцы зимовки жилые помещения не отапливались.

Участники экспедиции начали тщательную подготовку к зимовке, надвигалась полярная ночь. Прежде всего к дрейфу был подготовлен корабль: из рамы вынули руль, чтобы его не повредило при сжатии льдами, а судовую машину разобрали на части, смазали и убрали на зиму. Для динамо-машины установили ветряной двигатель. В трюме устроили столярную мастерскую.

Нансен организовал научные наблюдения. Метеорологические замеры выполнялись круглосуточно — через каждые четыре часа, а в отдельные периоды — через два часа, как делали русские полярные экспедиции. Главными метеорологами были Скотт-Хансен, Нурдал и Юхансен.

За наблюдениями Скотт-Хансена внимательно следили все члены команды — только так можно было понять, продвинулся ли «Фрам» к северу или ветром его снесло к югу. От результатов этих измерений зависело настроение участников экспедиции.

На льдине в отдельной палатке было установлено магнитное оборудование, которое показывало магнитное склонение и наклонение и абсолютные значения земного магнетизма.

Также проводились научные исследования температуры и солёности морской воды, измерение морских течений подо льдом, а также промеры глубин. Регулярно брались пробы грунта, хотя на больших глубинах это требовало огромных усилий всех членов команды. Кроме того, изучались северные сияния и атмосферное электричество. Последними исследованиями сначала занимался сам Фритьоф, но потом доверил их Блессингу, который впоследствии также стал отвечать и за весь комплекс океанографических работ.

Не меньшим вниманием на «Фраме» пользовались и медицинские исследования: каждый месяц полярники взвешивались и сдавали анализы крови, чтобы вовремя обнаружить цингу. Этой напасти, к счастью, удалось избежать исключительно благодаря правильному рациону и строгому распорядку дня.

Распорядок был следующий. Подъём в восемь утра, затем завтрак, на который подавались сыр, ветчина, сухари, бекон или копчёный язык, икра трески, апельсиновый сок или варенье, а также кофе, шоколад, чай. После завтрака до часу дня проводили исследования и занимались хозяйственными делами. В час — обед, на который подавали суп, мясо или рыбу с гарниром (макаронами, овощами или картофелем). После обеда отдыхали, а потом снова работали до шести вечера.

Спортом занимались все обитатели «Фрама». Часто устраивали спортивные состязания или охоту. Соревнования в стрельбе из револьверов и ружей тоже были в чести. Всякий раз притом победителям вручались шуточные призы. Особенно любили фрамовцы состязаться в беге на лыжах и охотиться на медведей, что кроме спортивного интереса приносило также существенную пользу для пополнения запасов свежего мяса.

Но команду ожидали во время путешествия не только приятные дела, но и многие хозяйственные неприятности. Одной из них, как уже говорилось, стали тараканы. Нансен писал, что в конце сентября — начале октября была «объявлена жестокая война клопам и тараканам. Понять не могу, откуда взялись у нас на борту эти „зайцы“»?

Вооружённые большим паровым шлангом, ищем своих врагов повсюду, где только могли они найти себе убежище, — шпарим матрацы, диванные подушки и т. п. Носильное бельё и одежду запихиваем в бочку; плотно забиваем крышку, вводим в отверстие шланг и впускаем туда пар. Внутри слышен гул и свист, пар

выползает понемножку в щели, а мы радуемся, думая о том, как теперь им там должно быть тепло и приятно. Как вдруг — пфф!.. Бочка с треском лопается, пар вылетает со всех сторон, и крышку вышибает взрывом на другой конец палубы… Гнусный враг, надеюсь, истреблён полностью. Юлл проделал эксперимент: посадил клопа на конец доски и хотел заставить его ползти на север. Тот, однако, не двигался. Тогда он взял сечку для моржового сала и стал постукивать им по доске, чтобы заставить насекомое двинуться; клоп упёрся и только головой вертел, упрямец. «Убей ты его», — посоветовал Бентсен. «Ну, я взял багор и пронзил его», — рассказывал потом Юлл. В результате все переоделись в чистую одежду, а старую перетащили на палубу и оставили там на всю зиму. Так клопов «выморозили».

Вечером все собирались в кают-компании и отдыхали — как правило, читали или играли в карты, шахматы или хальму (игру для двух игроков на шашечной доске, известную в России как уголки).

На органе, стоявшем тут же, исполнялись любимые музыкальные пьесы. Или Юхансен брал гармонику и наигрывал незамысловатые популярные песенки. Его коронными номерами были: «О, Сусанна» и «Переход Наполеона через Альпы в открытой лодке».

Торжественные даты отмечали со всей возможной пышностью.

> «Пятница, 29 сентября. День рождения доктора Блессинга. По этому случаю был, конечно, большой праздник, первое большое торжество на судне, — *записал в дневнике Нансен.* — Да и повод как-никак двойной: наблюдения в полдень показали 79°05′ северной широты, следовательно, перейдён новый градус широты. За обедом было не меньше пяти блюд и богатая музыкальная программа. На машинке было отпечатано следующее меню:

„Фрам“

Меню, 29 сентября 1893 г.
Суп жюльен с вермишелью.
Рыбный пудинг с картофелем.
Пудинг Нурдала.
Мороженое по-гренландски.
Домашнее пиво Рингнеса.

Мармелад.

Застольная музыка
1. Вальс „Незабудки“.
2. Менуэт из „Дон Жуана“ Моцарта.
3. „Трубадур“.
4. Хор трубачей.
5. „Последняя роза“ из „Марты“.
6. „Веселый марш“ Филиппа Фарбаха.
7. Вальс „Лагуны“ Штрауса.
8. Северная песня „Ты стара, ты свежа…“.
9. Марш Краля.
10. Полька.
11. „Наш край, наш край родной“.
12. „Песня охотницы“.
13. „Розы“, вальс Метра.
14. Соло на рожке.
15. Меланхолический вальс Милекера.
16. Песня родины „О, несчастный“.
17. „Алмазы и жемчуга“.
18. Марш из „Веселой войны“.
19. Вальс из „Веселой войны“.
20. Молитва из „Волшебного стрелка“.

Не правда ли, шикарный обед для 79° северной широты?! Но подобные обеды и даже ещё лучше сервировались не раз на борту „Фрама“ и в более высоких широтах. После обеда подавали кофе и десерт, а после ещё более обильного ужина — землянично-лимонное мороженое, или „гранитэ“, и безалкогольный грог из лимонного сока».

6 октября температура понизилась до -24°. Воду теперь нельзя было собирать в лужах на льду, и каждый день несколько членов команды отправлялись за льдом.

9 октября путешественники испытали первое сжатие льдов — раздался страшный грохот. Сжатие льда — это уплотнение под влиянием ветров и течений. Это явление составляет самое большое затруднение для плавания. В некоторых морях сжатие льда бывает в крайне неблагоприятных формах. Сжатие льда наблюдается во время смены приливно-отливных течений независимо от ветров. Ветры могут только усилить или ослабить, задержать или ускорить приливно-отливные сжатия. Но бывает, что указанная закономерность сжатия нарушается.

Разрежение льда вызвано двумя причинами: приливно-отливными течениями, периодически сжимающими и разрежающими льды, и таянием льдов.

После первого сжатия лёд неожиданно разошёлся, и Нансен уже было понадеялся на возможность вновь собрать машину и продвинуться вперёд хоть немного. Но льды вновь сошлись.

Вот как описывает столкновение ледяных полей сам Нансен:

> «Сжатие начинается слабым треском и шипением у бортов судна. Усиливаясь, оно переходит через все тона: то жалобно плачет на высоких звенящих нотах, то злобно-негодующе стонет, то грохочет и ворчит — и судно начинает подпрыгивать. Шум постепенно нарастает, пока не становится подобен звукам мощного органа. Судно содрогается, дёргается и подымается кверху то рывками, то тихо и плавно. Приятно сидеть в уютных каютах, прислушиваясь к этому гулу и треску, и сознавать, что наше судно выдержит, — другие суда давным-давно были бы раздавлены. Лёд напирает на стенки судна, льдины трещат, громоздятся, поджимаются под тяжёлый неуязвимый корпус, а он лежит, как в постели. Вскоре шум начинает стихать, судно опускается в своё старое ложе, и вокруг водворяется прежняя тишина».

И далее:

> «Подобные столкновения льдов — сжатия — представляют, несомненно, величественное зрелище. Чувствуешь, что стоишь лицом к лицу с титаническими силами, и нет ничего удивительного, если робкие души преисполняются ужаса и им кажется, что ничто в мире не может устоять перед этими силами. Когда сжатие начинается всерьёз, то кажется, будто на всей земной поверхности не осталось места, где бы всё не смещалось, не сотрясалось, не дрожало. Сперва где-то вдали по этой великой ледяной пустыне разносится громоподобный гул, точно от далёкого землетрясения, затем начинает грохотать с разных сторон, грохот подходит всё ближе и ближе. Спокойный до сих пор мир льдов вторит грозным эхом, это пробудившиеся исполины природы готовятся к бою. Лёд вокруг трещит, потом начинает ломаться, громоздиться… и ты вдруг сразу оказываешься в самом центре хаоса. Кругом тебя гром и скрежет, ты чувствуешь, что лёд дрожит, колеблется, взламывается у

тебя под ногами. Всё в движении, покоя нет нигде. В полутьме ты можешь различить, как льдины, нагромождаясь и взбираясь одна на другую, образуют высокие ледяные валы или гряды, подступающие к тебе всё ближе и ближе. Ты видишь, как ледяные глыбы мощностью в 3–5 м дробятся и, словно лёгкие мячики, взлетают одна на другую. Они надвигаются на тебя, и ты бежишь, спасая жизнь. Но лёд раскалывается; перед тобой разверзается чёрная бездна, из которой устремляется вода. Ты бросаешься в сторону — но там во мраке катятся новые валы из колышущихся ледяных глыб, идут прямо навстречу тебе. Ты пробуешь броситься в какую-нибудь другую сторону — но и там то же самое. Со всех сторон гром и грохот, точно от мощного водопада, выстрел за выстрелом, как при пушечной канонаде. Они подходят всё ближе. Льдина, на которой ты стоишь, с каждой минутой становится меньше, через неё переливается вода — нет иного спасения, как вскарабкаться по колышущимся глыбам, перебраться по другую сторону ледяных валов. Но вдруг всё стихает, грохот постепенно удаляется, замирает где-то.

Так оно и идёт тут, на Севере, месяц за месяцем, год за годом. Лёд трескается и громоздится в различных направлениях. Если посмотреть на него с птичьего полёта, покажется, что он весь разделён на квадраты и многоугольники бесконечной сетью ледяных гряд, или „заборов“ (как мы их называли за сходство с покрытыми снегом каменными оградами, какими у нас на севере во многих сельских местностях огораживают поля). На первый взгляд может показаться, что эти ледяные гряды разбросаны беспорядочно, но при внимательном исследовании я пришёл к выводу, что они по большей части возникают по вполне определённым направлениям и обычно перпендикулярно к линии давления».

Фритьоф Нансен не был бы великим учёным, если бы не смог разгадать загадку льдов. Он пишет:

«Мысль, что сжатия в значительной степени зависят от приливно-отливной волны, не раз высказывалась разными полярными путешественниками. Во время дрейфа „Фрама“ мы больше, чем кто-либо, имели возможность изучить это явление, и наш опыт позволяет утверждать, что приливы-отливы вызывают подвижки и сжатия льда в широких масштабах. Особенно сизигийные

приливы, притом главным образом в новолуние и меньше в полнолуние. В промежутках обычно сжатия либо слабы, либо их не бывает вовсе. Но эти „приливные“ сжатия наблюдались не в течение всего нашего дрейфа. Главным образом замечали их в первую осень, пока находились вблизи свободного ото льдов моря к северу от Сибири, и в последний год, когда „Фрам“ приближался к открытому Норвежскому морю. Внутри Полярного бассейна они были менее заметны. Сжатия происходят там не с такой правильностью и зависят главным образом от ветров и вызываемого ими дрейфа льдов. Стоит только представить себе эти громадные массы льда, несущиеся в определённом направлении и внезапно встречающие на пути препятствие — другие ледяные громады, застрявшие или плывущие в обратном направлении из-за перемены ветра где-нибудь даже в отдалённой местности, — и легко понять, какие мощные давления должны при этом возникнуть».

19 октября лёд опять немного разошёлся. Нансен опробовал ездовых собак и приобрёл забавный опыт:

«Перед полуднем я попробовал запрячь ненецкие нарты шестериком. Затем сел и крикнул: „Прр! пр-р-р-р!“ Собаки довольно дружно подхватили и помчались по льду. Но благополучно было лишь до тех пор, пока не приблизились к высокому торосу и вынуждены были повернуть. Едва это было сделано, как упряжка с молниеносной быстротой помчалась к судну, и никакими силами её нельзя было отогнать от него. Собаки бегали взад и вперёд, вдоль и вокруг корабля, от одной мусорной кучи к другой. Всякий раз, поравнявшись с трапом правого борта, я пытался, нахлёстывая собак, заставить их повернуть, но они неслись во всю прыть вокруг кормы к трапу левого борта. Я пытался их сдержать, ругал, пускал в ход все свои гимнастические способности, но всё было напрасно. Я выскочил и пытался удержать сани за задок, упирался в снег ногами, чтобы как-нибудь затормозить, но был сбит с ног, полетел кувырком, и собаки весело волокли меня в скользких штанах из тюленьей кожи дальше по льду то на животе, то на спине, то на боку — словом, как попало. Едва мне удавалось в конце концов приостановить их на минуту у какого-то тороса или у мусорной кучи — они

снова во всю прыть мчались к трапу штирборта, а я тащился сзади за ними, в ярости клянясь обломать им бока, как только до них доберусь. Эта комедия продолжалась до тех пор, пока собакам, по всей вероятности, не надоело и они не нашли, что для разнообразия можно побежать и по тому направлению, куда я хотел их повернуть. И дело пошло преотлично: псы весело бежали по ровному ледяному полю, пока я не остановил их, чтобы немного передохнуть. Но лишь только я шевельнулся у саней, как собаки повернули и помчались с безумной скоростью обратно по той же дороге, по какой пришли. Я судорожно ухватился за сани, повис сзади, ругался, пускал в ход бич, но чем больше их хлестал, тем скорее они мчались. Наконец удалось их остановить, упёршись ногами в снег и воткнув в лёд тяжёлый тюлений багор. Но стоило на миг зазеваться, собаки опять рванули, — я полетел вверх тормашками, и мягкая часть моего тела оказалась там, где только что были ноги. А собаки уже неслись стрелой, и эта полновесная часть моего тела проложила в снегу глубокую борозду. Так повторялось несколько раз. Я потерял сначала доску, на которой сидел, потом кнут, рукавицы, шапку… И настроение от этого, само собой разумеется, нисколько не улучшилось. Пару раз я пытался прыгнуть собакам наперерез и принудить их повернуть, замахиваясь на них бичом, но они рассыпались в обе стороны и прибавляли ходу. Постромки опутали ноги, и я полетел головой вниз в сани, а собаки помчались ещё более диким галопом, чем прежде. Такова была моя первая самостоятельная поездка на собаках, и я не могу сказать, чтобы очень ею гордился. В глубине души я радовался, что хоть свидетелей-то не было».

25 октября началась полярная ночь. Настроения это команде не прибавило. Кроме того, казалось, что судно беспорядочно дрейфует по кругу. К 19 ноября «Фрам» находился южнее, чем в момент начала дрейфа. Нансен погрузился в депрессию, хотя он и знал, что по плану никогда в экспедициях ничего не идёт. Тем не менее его не покидала мысль, что судно оказалось в ледяной мышеловке и будет продолжать «кружиться». Но он продолжал ждать и надеяться, памятуя о сибирском плавнике в Гренландии. Но иногда мужество покидало и его:

«Четверг, 30 ноября. Сегодня лот показал 170 м

глубины; судя по линю, нас несёт на северо-запад. Теперь, должно быть, движемся на север; надежды растут, и жизнь снова становится светлее. Настроение подобно маятнику — если только можно представить себе маятник, совершающий самые неравномерные качания. Бесполезно пытаться смотреть на это дело с философской точки зрения, всё равно нельзя отрицать, что меня сильно беспокоит вопрос: вернёмся ли мы на родину победителями или побеждёнными. Я могу твердить себе сколько угодно и весьма легко убедить себя самого самыми неопровержимыми доводами, что, в сущности, самое главное — это завершить экспедицию, удачно или неудачно — всё равно, и затем вернуться домой. Не предпринять эту экспедицию я не мог. Я чувствовал, знал, что мой план осуществим, и священной поэтому была обязанность попытаться выполнить его. И если даже он не удастся — что из того, разве это моя вина? Я исполнил свой долг, сделал всё, что было в силах, и могу со спокойной совестью вернуться домой к домашнему очагу. Ну какое значение, в самом деле, имеет то, что случай — или как там его ни назови — пошлёт нам удачу и обессмертит наши имена или нет? Самый план своей ценности не потеряет, независимо от того, улыбнётся или нет нам счастье. А бессмертие? Не говорите о нём; единственное ценное в жизни — счастье, а оно не в этом.

Я могу повторять себе это тысячу раз, искренне стараясь уверить себя, что результат мне безразличен. Но тем не менее настроение меняется, как облака в небе, в зависимости от того, с какой стороны дует ветер, и от того, показывает лот увеличение глубины или её уменьшение, а наблюдения — дрейф к северу или к югу. Когда я думаю обо всех, кто вверил нам свои надежды, вспоминаю о Норвегии, о многочисленных друзьях, отдававших нам своё время, пожертвовавших на наше снаряжение свои деньги, во мне пробуждается неукротимое желание избавить их от разочарования. Вот почему я мрачнею, когда дело идёт не так, как бы хотелось. И она, принёсшая самую большую жертву, разве она не заслужила, чтобы жертва её не оказалась напрасной? Нет, счастье должно быть с нами, и оно будет».

В первую декаду декабря «Фрам» хоть и медленно, но стал

дрейфовать в сторону севера, а потом началась волна сжатий корабля. Всё это было неприятно. Но не меньшее опасение вызывала у Фритьофа и обстановка на борту корабля. Он хорошо понимал, что поддержать хорошее настроение у такого большого мужского коллектива в замкнутом пространстве довольно трудно. Много позже в книге «Север в тумане», в которой обобщается материал многих имевших ранее место арктических экспедиций, Нансен расскажет, с какими проблемами сталкиваются их участники:

> «Долгая однообразная зима без навигации и напряжённого труда — это самое страшное во время полярной экспедиции для экспедиции, не занимающейся научными изысканиями и не интересующейся литературой. Они не знают, чем занять свои мысли; вынужденные находиться всё время вместе в тесных помещениях, они устают друг от друга; всё время одна и та же компания, сплошное однообразие».

Чтобы написать это, необходимо мужество. Поэтому нет сомнений (и тому есть множество документальных подтверждений), что на борту «Фрама» часто вспыхивали ссоры и перманентно присутствовало недовольство друг другом. Довольно тяжёлым был характер и у самого Фритьофа: настроение его часто менялось. Он сам знал об этом и ещё до свадьбы предупреждал Еву о своём «капризном и несговорчивом характере». Недаром Свердруп буквально брызжет ядом в дневнике, когда описывает «исход» Нансена к Северному полюсу, потому что весь экипаж якобы устал от своего «вожака», его мрачности и угрюмости, а также бесконечного эгоцентризма.

Пока же встретили новый 1894 год, попытались издавать стенгазету, но успехом затея не увенчалась.

Нансен записал в дневнике:

> «Особенно хорошо то, что мы живём все вместе в одном помещении и что всё у нас общее».

Вряд ли эта пафосная фраза соответствовала действительности. Да, Рождество и Новый год встретили хорошо: был прекрасный обед, подарки от родных, захваченные ещё из Норвегии и спрятанные до сочельника (их приготовили мать и невеста Скотт-Хансена), на небе переливалось разноцветными лентами северное сияние и ярко мерцали звёзды…

Но настроение на борту было не «ахти», потому что «Фрам» медленно двигался по Северному Ледовитому океану. Он то

продвигался вперёд, то течением его резко относило назад. Нансен уже всерьёз задумывается о том, чтобы идти к полюсу на лыжах. Он много времени проводит в своей каюте, курит там и «хандрит», но его спутникам это кажется заносчивостью и неуважением — об этом они пишут в своих дневниках. Он же рассматривает взятые с собой фотографии малышки Лив и смотрит на портрет Евы, нарисованный Вереншёльдом.

Когда же Нансен объявляет о своём твёрдом решении идти к Северному полюсу, в негодование приходит Свердруп — ведь именно его хотел взять себе в спутники Фритьоф, когда обсуждал с ним, единственным, этот план год тому назад. Теперь же начальник перерешил (по объективным причинам — просто больше не на кого оставить «Фрам») — вместе с ним к полюсу пойдёт Яльмар Юхансен.

Весну, лето и осень 1894 года Нансен провел в наблюдении за поведением льдов, оценивая все «за» и «против». Когда немного потеплело и наступило полярное лето, появились большие разводья и условия дрейфа значительно ухудшились. На поверхности льда разлились настоящие озёра, но на нижние стороны льдин всё время намерзали новые слои.

Однажды члены команды поспорили, какова толщина льда под «Фрамом». После нескольких часов работы (лёд бурили и вырезали) оказалось, что под кораблём 6 метров льда, однако это не монолитный «пласт», а смёрзшиеся между собой льдины, которые как будто пододвинулись друг под друга.

В ходе исследований выяснилось, что летний лёд не достигает большой толщины, он «пластичен», но достаточно прочен, чтобы выдержать вес человека.

Интересные результаты дали и замеры температуры на различных глубинах в океане. За исключением поверхностного слоя воды (до 220 метров глубины), где минусовая температура, на больших глубинах столбик термометра поднимался выше нуля. Это было настоящим открытием!

Нансен исследует поверхность бурого льда и снега. В прошлом году он считал, что такой окраской лёд обязан организмам, которые он обнаружил осенью, но теперь выяснилось, что причиной «цветности» льда была минеральная пыль, в которой содержались диатомовые водоросли.

Жизнь на борту судна и на льду протекала без особых приключений. Если раньше была полярная ночь, то теперь сутки напролёт светило солнце.

17 мая, День конституции Норвегии, отпраздновали с пышностью — как сделали бы это дома. Устроили даже демонстрацию с участием ездовых собак, которые вышагивали с

таким достоинством, как будто знали о важности момента.

Лето тянулось мучительно долго. Некоторые участники экспедиции стали страдать от снежной слепоты. Первым, к собственному негодованию, заболел доктор Блессинг.

Кроме того, морозы, которые зимой достигали отметки -49,6°, не очень-то ослабевают и летом. Бентсен, Скотт-Хансен и Хенриксен постоянно обмораживали носы, щёки, пальцы. Ноги и руки при проведении наблюдений деревенели, а лыжи на морозе становились хрупкими и часто ломались.

После долгих раздумий Нансен наконец принял решение идти в поход. По его плану идти предстояло 2 человекам и 28 собакам, которые смогут везти груз весом 1050 килограммов из расчета 37,5 килограмма на собаку. После достижения полюса можно будет пойти либо на Шпицберген, либо на Землю Франца-Иосифа.

* * *

Решение об отправлении на полюс было объявлено команде 16 ноября 1894 года. «Фрам» к тому времени находился в 750 километрах от мыса Флигели и на расстоянии примерно 780 километров от Северного полюса.

19 ноября Фритьоф сделал предложение Юхансену сопровождать его к полюсу — тот был прекрасным лыжником и отличным каюром. Яльмар тут же согласился.

Последующие месяцы были посвящены лихорадочным сборам.

Следовало всё предусмотреть, обо всём подумать и устроить всё самым наилучшим образом. Приходилось строго учитывать вес всех предметов снаряжения. Каждый сбережённый килограмм означал возможность взять с собой продовольствия на один лишний день. Важное значение имел способ перевозки груза. Для такой цели Нансен создал оригинальную конструкцию, соединив вместе эскимосские сани и нарты. Эта своеобразная амфибия могла передвигаться по льду и воде, сочетала в себе лёгкость, прочность и грузоподъёмность.

Выбор удобной одежды также играл большую роль. Она должна была не стеснять движений при ходьбе на лыжах, быть достаточно тёплой, однако не слишком жаркой, ведь придётся тащить тяжело нагруженные сани. Поэтому после практических испытаний пришлось отказаться от одежды на волчьем меху и заменить её шерстяной, как при походе через Гренландию.

Палатка, походная кухня, упряжь для ездовых собак,

медикаменты, еда… Очень важны были научные приборы — их выверяли и аккуратно упаковывали. Часы… От точности их хода зависела правильность определения по секстанту местонахождения в пути. Нансен и Юхансен ежедневно выверяли свои часы по судовым хронометрам.

Тем временем научная работа на борту «Фрама» не прекращалась ни на день.

2 января 1895 года Нансен записал в дневнике:

> «Никогда я до сих пор не испытывал в Новый год такого удивительного чувства. Этот год, вне всяких сомнений, принесёт важные решения и события в моей жизни, быть может, самые значительные — вне зависимости от того, приведёт ли он меня к победе или гибели».

С 3 по 5 января 1895 года «Фрам» испытал сильнейшие за всю экспедицию ледовые сжатия, так что команда готова была эвакуироваться на лёд. Главной опасностью были торосы, которые могли всей массой обрушиться на палубу, и с дополнительным грузом в сотни тонн «Фрам» не смог бы подняться из ледового ложа. К концу января экспедицию вынесло течениями на 83°34′ северной широты, в результате был побит рекорд Грили 1882 года (83°24′ северной широты).

Нансен опробует нарты и объезжает собак. Санный путь великолепен — по нему можно передвигаться очень быстро.

Старт полярной экспедиции был очень неудачен — возвращаться приходилось два раза (26 и 28 февраля), чтобы залатать сани, перепаковать груз и исправить оборудование. Оставшиеся на «Фраме» были на взводе, потому что оба возвращения были довольно бестолковы и лихорадочны[43].

Перед своим отправлением в неизвестность Нансен пишет письмо Еве, в котором залихватская уверенность в счастливом завершении «операции» сменяется рассуждениями о смерти (этого больше не будет ни в одном другом письме и ни в одной книге):

> «Как это ни печально, все когда-нибудь умирают, будь то раньше или позже. И если один уходит в мир иной, а его пара остаётся на земле, в том нет ничего ужасного, ведь он прожил отведённое ему время — на земле осталась о нём память, а жизнь — не что иное, как память и надежда…»

И ещё Фритьоф отдаёт жене чёткие приказы, как именно

стоит поступить с его дневниковыми записями, оставшимися на «Фраме»: публиковать из них стоит лишь отрывки и сделать это должны его брат Александр, профессор Брёггер и Молтке Му. А Свердрупу были оставлены следующие распоряжения:

> «Капитану Отто Свердрупу, командиру „Фрама“.
>
> Покидая в сопровождении Юхансена „Фрам“, чтобы предпринять путешествие на север — если окажется возможным, до самого полюса — и оттуда к Шпицбергену, по всей вероятности, через Землю Франца-Иосифа, я передаю тебе дальнейшее руководство экспедицией до её завершения. С того дня, как я покину „Фрам“, к тебе перейдёт власть, которая до сих пор принадлежала мне, и все остальные должны беспрекословно подчиняться тебе или тому, кого ты назначишь начальником.
>
> …Твоя обязанность — доставить порученных тебе людей благополучно на родину, не подвергая их никакой ненужной опасности ни ради сохранения судна или груза, ни ради научных результатов экспедиции… Я знаю, что ты всегда и всё будешь держать в такой исправности, чтобы в наикратчайший срок покинуть „Фрам“ в случае какого-либо внезапного несчастья, например пожара или напора льдов… Кроме необходимого провианта, оружия, одежды и снаряжения, оставляя „Фрам“, ты должен взять с собой в первую очередь все научные материалы, дневники, записи наблюдений, все научные коллекции, которые окажутся не слишком тяжёлыми, а в случае невозможности — небольшие образцы их, фотографии — лучше всего негативы — пластинки и плёнки, если они окажутся чересчур тяжелы, то хотя бы отпечатки».

* * *

В результате Нансен и Юхансен отправились на Северный полюс 14 марта 1895 года на трёх нартах с 850 килограммами провианта.

Поход оказался чрезвычайно тяжёлым: постоянно дули встречные ветры, скрадывалось за счёт дрейфа льда пройденное расстояние, нарты через торосы приходилось толкать или тащить волоком, слабели и не могли спать собаки, шерстяные костюмы напоминали ледяные доспехи. Когда путешественники

забирались в спальные мешки, одежда оттаивала и охлаждала своих владельцев, от чего те часа полтора тряслись от холода. Нечего было и думать просушить её — и она постепенно пропитывалась потом, становясь похожей на дерюгу.

Во время похода Нансен обычно шёл впереди, отыскивая среди торосов путь, за ним следовали нарты, а замыкал «процессию» Юхансен.

> «Что касается Яльмара Юхансена, — *пишет П. Э. Хегге,* — то, когда он плёлся вслед за Нансеном к Северному полюсу, его волновали исключительно насущные и практические вопросы. Им удалось отправиться в путь только с третьего раза — и надо было поспешать. Когда Юхансен 31 марта свалился в полынью и промок до нитки, Нансен невозмутимо продолжал идти дальше, дав поняв спутнику, что и он должен сделать то же самое, несмотря на тридцатиградусный мороз (сорокаградусный, по словам Юхансена). Юхансен намекнул на то, что он был бы не прочь избавиться от ледяного панциря и переодеться в сухое. Но Нансен не хотел терять времени, он обернулся и воскликнул с досадой: „Ты же не баба!“ Юхансен с трудом сдержался, но, поскольку сомнений, кто главный, не было, путь они продолжили, пока не пришло время разбить лагерь. Здесь Юхансену пришлось латать свои водонепроницаемые брюки, потому что, промокнув и замёрзнув, они порвались на куски. Через год он припомнит Нансену эту реплику. И Нансен раскается в ней.
>
> Но в книге об экспедиции на Северный полюс Нансен не упоминает ни это раскаяние, ни сам эпизод. И лишь через 20 лет, осенью 1933 года, он напишет статью в память о Юхансене, своего рода запоздалый некролог. Статья была напечатана в ежегоднике Норвежского географического общества через несколько месяцев после того, как отверженный, спившийся и отчаявшийся Яльмар Юхансен покончил с собой. Нансен написал следующее:
>
> *„Это было, наверное, год спустя, когда мы лежали в нашей хижине на Земле Франца-Иосифа. Юхансен был очень немногословен в последние несколько дней; и вдруг он сказал мне, что никак не может забыть одну вещь — как я тогда на Севере во льдах обозвал его бабой, ибо, как*

ему кажется, он этого не заслужил. Я вспомнил давно забытые, но сказанные мною слова. Он, конечно, был прав, он их не заслужил. С тех пор я этого никогда не забывал“».

Нансен и Юхансен неоднократно проваливались сквозь молодой лёд, обмораживали пальцы на руках. Температура постоянно держалась между -40 и -30 °C. Легко им не было. Спальный мешок был скорее иллюзией тепла: однажды ночью Нансен проснулся оттого, что обморозил кончики пальцев на руках.

По мере продвижения к полюсу (а дело шло очень медленно) лёд никак не улучшался. Собаки слабели. И путешественникам пришлось 24 марта убить первую собаку, освежевать её и бросить на прокорм другим собакам. Поначалу далеко не все собаки «соглашались» есть своего сородича, но в конце концов предпочли съесть собачье мясо, нежели оставаться голодными.

С точки зрения гуманности можно было бы возражать против такого живодёрства, и спустя много лет сам Нансен признавал, что это была одна из самых тяжёлых обязанностей во время броска на север. Но без таких методов были бы невозможны как экспедиция самого Фритьофа, так и последующие — например, поход Р. Амундсена к Южному полюсу.

Лёд становился всё тяжелее — торосы, трещины, бугры. Расчёты Нансена не оправдывались, и он жалел, что не принял во внимание предупреждения русских исследователей о трудностях езды на собаках по ледяным полям. Кроме того, стало понятно, что лёд под ними часто дрейфовал в противоположную от полюса сторону.

3 апреля Фритьоф пишет в дневнике:

> «Вид льда впереди не сулит ничего утешительного. Эти торосы способны привести в отчаяние, и нет никакой надежды, что лёд когда-нибудь станет лучше. В полдень я вышел произвести меридиональное наблюдение. Оно показало, что мы находимся под 85°59′ северной широты. Поразительно. Неужели не дальше? Мы напрягаем, кажется, все силы, а расстояние до полюса как будто не уменьшается. Я всерьёз подумываю, стоит ли продолжать путь на север. Расстояние до Земли Франца-Иосифа втрое больше того, которое мы оставили позади. А какой лёд в том направлении? Едва ли мы можем рассчитывать, что он лучше и что, следовательно, наше продвижение окажется более успешным. К тому же надо принимать во внимание, что очертания и

протяжённость этой земли нам совсем не известны и возможны всякие задержки, а рассчитывать сразу на удачную охоту трудно. Я давно понял, что по такому льду с этими собаками самого полюса не достигнуть и даже не приблизиться к нему! Если б у нас их было больше! Придётся повернуть назад — днём раньше или днём позже».

8 апреля 1895 года Нансен принял решение прекратить борьбу за полюс: достигнув 86°13′6″ северной широты, экспедиция повернула к мысу Флигели. До Северного полюса оставалось около 400 километров.

Как только отправились в обратный путь, встретили ровный лёд, по которому можно было подолгу скользить на лыжах за санями. Начался полярный день, однако морозы всё равно были большие — до -36°. Тем не менее в палатке стало теплее и можно было писать без перчаток.

«Расположение духа самое светлое, — пишет 11 апреля Юхансен, — мы беседуем о своих домашних на родине… и о том, как наедимся наконец, когда очутимся дома».

13 апреля вымотанные полярники легли спать, не заведя хронометра, и он остановился. Таблицы, необходимые для расчёта времени методом лунных расстояний, были забыты на «Фраме», оставалось определить расстояние от места последней обсервации. На Пасху, 14 апреля, Нансен определял широту, долготу и магнитное склонение:

«Лежать в обледеневшем спальном мешке, отогревая теплом собственного тела обледеневшую одежду и обувь и одновременно производить вычисления, перелистывая одеревеневшими пальцами таблицы логарифмов, пусть даже мороз был не свыше -30°, — занятие не особенно приятное».

При вычислении гринвичского времени Нансен ошибся: уже в 1896 году выяснилось, что его хронометр спешил на 26 минут.

21 апреля Нансен и Юхансен обнаружили вмёрзшее в лёд лиственничное бревно, что подтверждало теорию Нансена. Путешественники вырезали на дереве свои инициалы и снова тронулись в путь, к Югу.

15 мая отметили день рождения Юхансена — ему исполнилось 28 лет. А 17 мая Нансен сделал в дневнике

следующую запись:

> «Итак, сегодня 17 мая. Я был вполне уверен, что в этот день мы уже будем где-то вблизи берегов. Вышло иначе. Лёжа в спальном мешке, я думал о том, какие у нас сейчас на родине торжества… У нас всего две упряжки собак, число которых уменьшается и которые с каждым днём ослабевают всё больше. А между нами и нашей целью ледяная пустыня».

К началу июня — времени таяния льдов — у экспедиционеров осталось 7 собак. С 22 июня по 23 июля Нансен и Юхансен оказались блокированы сплошными полями тающих торосов, назвав свою стоянку «станом томления». Температура иногда превышала нулевую, спать приходилось в мокрых спальных мешках, подложив под себя лыжи.

В ожидании времени зря не теряли — ремонтировали и конопатили каяки, занимались инвентаризацией имущества и охотились (добыли трёх медведей).

22 июля путешественники покинули «стан томления». Пришлось бросить большую часть снаряжения.

Идти по-прежнему было тяжело, и опасности подстерегали на каждом шагу. В один из переходов (5 августа) на Юхансена напал белый медведь, которого он принял за свою собаку. Зверь встал на дыбы, дал несчастному оплеуху и повалили его на лёд. На медведя бросились собаки, но зверюга отшвырнул их одну за другой. Но эта короткая передышка дала возможность Юхансену вскочить на ноги и схватить ружьё. Но в этот момент Нансен, который боялся покалечить товарища, успел выстрелить и убить чудовище. Юхансен отделался царапиной на лице и несерьёзным ранением руки. Охотники в тот день ели парное мясо сырым.

7 августа Нансен и Юхансен из-за недостатка места на каяках и бескормицы вынуждены были убить своих последних собак: Кайфаса и Суггена.

> «Расстаться с собаками нам обоим было крайне тяжело — мы сильно привязались к этим последним оставшимся у нас животным. Бедный Сугген был так трогательно послушен, а Кайфас — с каким гордым величием шёл он до последнего шага. <…> Заколоть их, как других, мы были не в силах и пожертвовали на каждого по патрону. Юхансен, зайдя за торос, застрелил моего, а я — пса Юхансена. Это было нелегко для нас обоих», — *писал Нансен. И далее:* «Грустно, что в таких путешествиях умерщвляешь в себе лучшие человеческие

чувства, черствеешь в своём эгоизме. Когда подумаешь об этих великолепных животных, которые верно и безропотно служили нам, пока хватало сил, не получая за это ни награды, ни ласки, редко даже доброе слово, одни удары день за днём, до последнего издыхания, пока смерть не освобождала их наконец от всех мучений; когда вспомнишь их расставание с жизнью там, на Севере, в ледяной пустыне, бывшей свидетельницей их верной службы и преданности, — невольно казнишься горькими угрызениями совести».

В пятницу 16 августа Нансен записал в дневнике:

«Вечером наконец добрались до островов, к которым стремились в эти последние дни, и в первый раз за два года ступили на твёрдую землю. Невозможно выразить чувство, какое овладело нами, когда мы получили возможность перепрыгнуть с одной гранитной глыбы на другую и затем обнаружили в небольшом укромном местечке, среди морен, мох и цветы — большой красивый мак».

Впервые за долгое время путешественники заснули не в лужах от растаявшего снега, а на сухой земле. На следующий день они перешли на соседний, ещё более привлекательный остров. Нансен это событие описал так:

«Остров, на который мы перебрались, показался мне одним из чудесных уголков земного шара: красивый плоский берег, усеянная белыми раковинками береговая терраса, узкая полоса чистой воды вдоль берега, на дне которой виднелись улитки и морские ежи, а на поверхности плавали дафнии. На скалах наверху сидели сотни болтливых люриков, а возле нас с весёлым чириканьем бойко перепархивали с камня на камень пуночки.

Внезапно сквозь лёгкий слой облаков проглянуло солнце, и весь мир кругом просиял. Здесь кипела жизнь, земля не скрывалась под снегом, здесь уже не было бесконечных дрейфующих льдов. Повсюду виднелись медвежьи следы, попадались и песцовые. На дне морском у самого берега я заметил целые леса водорослей. У подножия скал кое-где лежали сугробы красивого розоватого снега».

Начались последние дни августа. Нансен так и не понял, где они находятся — на Земле Франца-Иосифа или на Земле Джиллеса[44]. Но это было не главным — ожесточились ветры, начались снегопады. В одну из ночей лето исчезло, вернулась зима. Море покрылось плавучими льдинами. Путешественники попали в ледяной плен. Предстояла долгая, тёмная зима. Третья зимовка в ночи и во льдах…

Было решено выстроить хижину, которую начали копать 7-го, а закончили 28 сентября. Голыми руками выкорчёвывали они камни из морен. Когда смёрзшиеся камни не поддавались усилиям, то в ход пускали рычаг — кусок сломанного полоза от нарт. Копали заступом, сделанным из кости моржа, а из его клыка, привязанного к обломку лыжной палки, изготовили кирку.

Размеры хижины оставляли желать лучшего, но самое главное — у путешественников была крыша над головой, сооружённая из моржовых шкур. Медвежья шкура служила пологом, прикрывающим лаз настолько узкий и низкий, что сквозь него можно было пробраться лишь на четвереньках. В этой хижине, вернее — берлоге, два человека прожили много-много дней и ночей, одинаково тёмных, одинаково томительных.

> «Нельзя сказать, чтобы хижина вышла очень удобной, — *писал Нансен.* — Прежде всего, она была настолько коротка, что я не мог, лёжа, вытянуться во всю длину своего роста: если я вытягивал ноги, они высовывались из двери! Ширина же хижины была такова, что, когда мы с Юхансеном лежали рядом, в ней едва оставалось место для нашего кухонного аппарата. Хуже всего, однако, обстояло дело с высотой. Лежать в хижине ещё можно было с грехом пополам, но сесть, выпрямившись по-людски, было решительно невозможно».

Ту зимовку, продлившуюся 9 месяцев, можно назвать настоящим подвигом! Жизнь текла в медленном, мучительном однообразии. Температура в землянке поддерживалась на уровне замерзания воды, единственным средством освещения и приготовления пищи была жировая лампа, сделанная из оковки полозьев нарт (из нейзильбера). Полярники питались исключительно медвежьим и моржовым мясом и салом, оставив взятые с «Фрама» припасы для пути на следующий год. Спали они в двухместном спальном мешке.

В новогоднюю ночь Нансен и Юхансен перешли по предложению Фритьофа на «ты».

С марта пришлось перейти на голодный паёк: кончались

запасы, а припасы с «Фрама» не перенесли сырости и покрылись грибком. Только 10 марта удалось застрелить медведя, мясом которого зимовщики питались 6 недель.

19 мая 1896 года выступили в дальнейший путь, рассчитывая добраться до архипелага Шпицберген. На месте зимовки был оставлен следующий отчёт:

> «Вторник, 19 мая 1896 года. Мы вмёрзли в лёд к северу от острова Котельного 22 сентября 1893 года. В течение следующего года нас несло на северо-запад. Юхансен и я покинули „Фрам“ 14 марта 1895 года, имея целью достичь более высоких широт. К северу никакой земли не нашли. Достигнув 86°14′ северной широты и около 95° восточной долготы, вынуждены были повернуть назад, так как лёд стал слишком тяжёл и непроходим. Взяли курс на мыс Флигели, но наши часы остановились, и мы не могли с точностью определить долготу. 6 августа 1895 года обнаружили четыре покрытых ледниками острова и нашли необходимым здесь перезимовать. Питались медвежьим мясом. Сегодня отправляемся на юго-запад, чтобы наикратчайшим путём добраться до Шпицбергена. Полагаем, что находимся на Земле Гиллиса.
>
> *Фритьоф Нансен».*

Нансен и Юхансен на себе тащили починенные кое-как нарты с каяками, в которых было сложено продовольствие. Передвигались они небольшими «перебежками», потому что за зиму разучились ходить. Если позволял ветер, на нарты ставились импровизированные паруса из одеял.

12 июня едва не произошла катастрофа: полярники расположились на берегу для охоты, когда сильным ветром связанные каяки были унесены в море.

Нансен, рискуя жизнью, бросился в ледяную воду и, доплыв до каяков, вернул их обратно. В статье-некрологе Юхансену Фритьоф в 1913 году писал:

> «Юхансен помог мне выбраться на лёд, снял с меня мокрую одежду и надел небольшой запас имевшейся сухой одежды, потом он снял свои тёплые штаны и надел их на меня. Засунул меня в спальный мешок и сверху навалил всё, что только мог найти. Всё это время он сам был только в кальсонах. Он вытащил на лёд каяки, поставил на огонь котелок с гагаркой и повесил

сушиться мою одежду».

К счастью, здоровье Нансена от купания в ледяной воде не пострадало, и утром 13 июня он проснулся здоровым и бодрым. На следующий день друзья отправились на охоту на моржей, которая оказалась удачной, и им впервые за долгое время удалось наесться досыта.

15 июня путешественники отправились дальше на юг. Вокруг каяков резвились моржи, один из которых решил вдруг напасть на лодку Фритьофа. Он положил ласты на каяк и попытался перевернуть его, зацепившись бивнями за борт. Нансен ударил зверя веслом и схватился за ружьё, но морж так же неожиданно, как и напал, отплыл в сторону. Каяк стал протекать — и когда Фритьоф с Юхансеном вытащили его на льдину, увидели в борту огромную дыру. Нансен промок до пояса, а спальный мешок пришлось просто выкручивать с двух сторон, чтобы выжать из него воду.

Через два дня путешественников ждало настоящее чудо. 17 июня Нансен, занятый приготовлением завтрака, услышал собачий лай. Не поверив, он решил сходить на разведку и наткнулся на Фредерика Джорджа Джексона, который со своей экспедицией с 1894 года находился на мысе Флора. Он уже второй год зимовал на Земле Франца-Иосифа.

Джексон и Нансен встречались однажды — в ноябре 1892 года, когда Фритьоф делал доклад в Лондоне в Королевском географическом обществе. Джексон тогда и письменно, и устно просил Нансена взять его с собой на Северный полюс. Фритьоф ему отказал с большим сожалением, так как по условиям, поставленным стортингом, экспедиция должна была быть чисто норвежской.

Джексон тем не менее сам отправился в Арктику и там во второй раз встретил Фритьофа, но не сразу узнал его. Нансен описывал это так:

> «С одной стороны стоял европеец в клетчатом английском костюме и высоких сапогах, цивилизованный человек, гладко выбритый и подстриженный, благоухающий душистым мылом… С другой — одетый в грязные лохмотья, перемазанный сажей и ворванью дикарь, с длинными всклокоченными волосами и щетинистой бородой, с лицом настолько почерневшим, что естественный светлый цвет его нигде не проступал».

Джексон к моменту их встречи был уверен, что «Фрам» погиб,

а Нансен и Юхансен — единственные выжившие. Но после обмена приветствиями и короткого разговора все недоразумения были выяснены. Джексон пригласил Фритьофа и Юхансена быть его гостями: в доме, где зимовала его экспедиция, было достаточно места.

Зимовье Джексона, как описывал его Фритьоф, было выстроено на низкой террасе над морем и представляло собой бревенчатую русскую избу, конюшню, в которой «стояла русская лошадь» и четыре дощатых сарая, где хранилось снаряжение.

Стены и потолок дома были обиты зелёным сукном, на стенах висели фотографии и гравюры в рамках, а глаз радовали многочисленные стеллажи с книгами и разложенными инструментами.

> «Странное чувство охватило меня, когда я опустился на удобный стул среди всей этой непривычной обстановки, — *писал Нансен.* — По одному мановению изменчивой судьбы вся ответственность, все заботы, тяготившие душу в продолжение трёх долгих лет, были сняты. Все тревоги, вся тоска этих трёх лет улеглись, затихли, убаюканные грёзами о грядущем дне. Долг был выполнен, труд закончен. Теперь я мог отдыхать, отдыхать и ждать.
>
> Мне вручили тщательно запаянную жестянку, в которой находилось двухлетней давности письмо из Норвегии. Я вскрыл жестянку дрожащими руками. Сердце колотилось. Я нашёл в ней известия из дома, одни хорошие известия. Удивительное чувство покоя и мира наполнило душу».

Полярники больше месяца провели на мысе Флора, привыкая к цивилизованной жизни и занимаясь геологическими исследованиями. Сопоставление карт Нансена и Джексона позволило уточнить размеры архипелага. Кроме того, оказалось, что в марте Джексон не дошел до зимовья Нансена и Юхансена всего 35 миль.

27 июля Нансен и Юхансен взошли на борт судна «Виндворд», которое привезло экспедиции Джексона запасы и должно было забрать домой пять членов экспедиции. Именно на этом корабле норвежцы вернулись на родину.

13 августа они были уже в норвежском Вардё, откуда Нансен немедленно отправил телеграмму Еве, матери Юхансена и премьер-министру Хагерупу:

> «Премьер-министру Хагерупу.

Имею удовольствие сообщить вам и норвежскому правительству, что экспедиция выполнила свой план, проникла в неисследованное Полярное море к северу от Новосибирских островов и исследовала область, лежащую к северу от Земли Франца-Иосифа, до 86°14′ северной широты. Севернее 82° земли не обнаружено.

Лейтенант Юхансен и я покинули „Фрам“ и остальных членов экспедиции 14 марта 1895 года под 84° северной широты и 102°27′ восточной долготы. Мы вышли на север, чтобы исследовать море, лежащее к северу от пути „Фрама“, а затем направились к Земле Франца-Иосифа, оттуда прибыли на „Виндворде“.

Возвращение „Фрама“ ожидаю в этом году.

Фритьоф Нансен».

«Возвращения „Фрама“ ожидаю в этом году…» Этого он ещё знать не мог, так как о «Фраме» никто ничего не слышал. Но таков уж был Нансен — всегда уверенный в себе и всегда выигрывающий.

Как бы то ни было, но по велению судьбы «Фрам» вырвался из объятий льдов при помощи динамита как раз в тот день, когда Нансен и Юхансен сошли на берег в Вардё неподалёку от Шпицбергена.

Однако 13 августа Фритьоф не имел об этом никаких сведений. В Вардё «Фрам» никто уже не ждал, там даже не узнали самого великого полярника и его спутника. С присущим ему юмором Нансен писал:

«На пристани нас не узнал никто. И единственным существом, обратившим внимание на возвращающихся путешественников, была умная корова, остановившаяся посреди узкой улицы и с удивлением поглядевшая нам вслед».

Невниманию к прибывшим было простое объяснение — Нансена и «компанию» давно считали погибшими. Когда Фритьоф зашёл к проживавшему в гостинице Вардё профессору Мону, у последнего от неожиданности «видения» изо рта выпала трубка.

С того дня повсюду в стране начались пышные празднества. Вся Норвегия чествовала своих героев. В Хаммерфесте, куда вскоре прибыли Нансен и Юхансен, их встретили как триумфаторов. Город от самого берега до вершины горы был украшен флагами и цветами. Дома опустели: обитатели их вышли на улицы приветствовать почётных гостей.

Ещё раньше было решено, что именно в этом городе Нансена встретит Ева.

* * *

Нансен выбрал себе достойную жену. Все долгие года плавания его во мраке и льдах он гордо терпела разлуку, не позволяя никому пожалеть себя. Нурдаль Рольфсен, который вместе с профессором Брёггером писал книгу о Нансене, попытался сделать с ней интервью и расспросить, как она, бедняжка, живёт без Фритьофа, не имея, как ему казалось, уже практически никакой надежды на его возвращение. Ева встретила его как королева — была холодна, вежлива и ничего не рассказала. Описание той встречи (свою главу в книге) Рольфсен так и назвал: «Неудавшееся интервью».

Даже когда Ева любезно разрешила Рольфсену осмотреть кабинет мужа, его ждало величайшее разочарование. Там оказалось так студёно, что журналист решил, что открыл «третий полюс холода».

Его любезно пригласили отобедать с гостями вечером, но и тут ничего Рольфсену узнать не удалось. Ева была холодна и сдержанна. Она даже не захотела признать, что идёт вечером пожелать малышке Лив спокойной ночи.

Однако журналист услышал разговор за дверью перед тем, как Ева вернулась к гостям:

> «Держись, — теперь уже немного осталось». — «Да разве я не держусь?» — «Конечно, конечно, держишься». А затем: «Ведь только ради Фритьофа я и терплю его. Может, книжку хорошую напишет».

> «Людям, — писала дочь, — которые плохо знали маму, казалось иногда, что она чрезвычайно весела и беззаботна. В её положении женщине, хотя бы ради приличия, следовало держаться посерьёзнее, считали они. Те, кто был к ней ближе, думали, что своей жизнерадостностью она хочет оградить себя от любопытства людей, не желая, чтобы по её лицу они догадались о её отчаянии. И мало кто знал её настолько, чтобы понять, что жизнерадостность и искренность — в её характере. Близкие друзья это понимали».

Ева после отъезда Фритьофа должна была себя чем-то занять — и стала гастролировать.

Первый концерт состоялся в Копенгагене в октябре 1894 года. Возвращение на сцену было блистательным. В голосе Евы Нансен появилась такая страсть и такая глубина чувств, которой не было у Евы Саре.

Однако публика даже и не подозревала, какие бури бушуют в душе Евы. Она не только переживала за Фритьофа, но и безумно боялась потерять его бесценный дар — маленькую Лив. Она никогда не начинала концерт, не получив телеграмму из дома. С Лив оставалась давняя ближайшая подруга Евы Анна Шётт. Только на близкого человека могла оставить дочку великая певица. Однажды Ева чуть не сорвала концерт в Гётеборге, когда вопреки заведённому ею порядку не пришла вовремя телеграмма со словами «Всё в порядке, Лив здорова». Лишь получив телеграмму, она смогла выйти на сцену.

Нервное напряжение, в котором жила Ева, трудно преувеличить. Никто не знал, что стало с «её драгоценным мальчиком». Она слышала самые разные слухи — то что Фритьоф со всей экспедицией погиб во льдах, то что он добрался до полюса и открыл новую землю.

И как же она была счастлива, когда «её дорогой мальчик» вернулся домой!

* * *

Всё складывалось как нельзя лучше — слава, успех, поздравления со всего мира. Рядом с ним была любимая жена.

Одна только мысль омрачала Нансена: «Где же „Фрам“?» Чем больше он думал об этом, тем более приходил к убеждению, что судно должно было бы уже выбраться из льдов, если только с ним не произошло какого-нибудь несчастья. А если оно произошло?! Как мучительно ожидание!

Рано утром 20 августа в дверь Нансена забарабанил начальник телеграфа — он принёс ему долгожданное известие. Свердруп телеграфировал:

> «Скьерве. 20.8.1896. 9 ч утра.
> Доктору Нансену.
> „Фрам“ прибыл сюда сегодня. Всё в порядке. Все здоровы. Сейчас выходим в Тромсё. Приветствуем вас на родине.
>
> *Отто Свердруп».*

Позднее в своих выступлениях Нансен говорил:

> «Это известие было настолько удивительным, что я никак не мог в него поверить. Всё казалось мне приятным сном, и я думал, как чудесно, если бы это было правдой. Но сон оказался явью, и на следующий день я смог пожать руки всему экипажу „Фрама“, и мы все снова оказались вместе».

Нансен вместе с Евой и Юхансеном отправились в Тромсё, а после бурной встречи — на юг в Кристианию.

Но по дороге «Фрам» останавливался в крупных городах — и героев чествовали, как королей. В Трондхейме для экипажа «Фрама» была устроена встреча в соборе Нидарос, месте коронации королей. А на набережной по дороге к собору восстановили коронационную арку, которую последний раз сооружали во время королевского визита.

По пути в Берген на «Фрам» сел барон Э. В. Толль, он же от имени России поздравлял Нансена на королевском банкете. Барон и надворный советник Толль, в то время учёный хранитель Минералогического музея, был командирован Императорской академией наук на три недели в Норвегию. По ходатайству Русского географического общества российское правительство наградило Нансена орденом Станислава I степени, а Географическое общество России присудило ему Константиновскую золотую медаль.

В Бергене экспедиции придали политическую окраску. Мэр заявил, что тринадцать отважных полярников «показали всему миру, что у нашего маленького народа есть сыновья, которые благодаря тщательному составлению планов, железной воле, крепкой дружбе, а также удивительной физической и моральной выносливости совершают подвиги. Эти герои доказали всему миру, что за внешней разрозненностью и неуверенностью наш народ скрывает силы и таланты, которые дают ему право жить самостоятельной жизнью среди других народов». А Эдвард Григ выразился ещё конкретнее: «Благодаря этой экспедиции мы получили исключительную возможность показать всему миру, что есть на земле страна, которая вполне самостоятельна и способна на подвиги. Имя той страны — Норвегия. Для нас это — главное».

Нансен писал:

> «Казалось, сама родина-мать, прекрасная наша Норвегия, крепко заключает нас в свои горячие объятия, прижимает к себе, благодарит за то, что мы сделали».

Его всегда волновала независимость Норвегии. К моменту отправления на Северный полюс он не раз высказывался по этому

поводу. Так, в 1893 году он написал для английской «Times» статью, в которой называет договор между Швецией и Норвегией 1814 года (так называемый Кильский договор) преступлением и призывает расторгнуть эту унию, поскольку во внешнеполитической деятельности Норвегия осталась независимой страной.

После возвращения «Фрама» Григ, мэр Миккельсен и Бьёрнсон первыми увидели политическое значение экспедиции. Бьёрнсон вёл себя настолько вызывающе, что его даже отлучили от трибуны в Кристиании. Вместо него во главе комитета по подготовке и проведению празднований стоял профессор Брёггер.

Возвращение «Фрама» превратилось в национальный праздник. В Кристиании «Фрам» встречал военно-морской флот в полном составе, а на пути на королевскую аудиенцию команда Нансена прошла через триумфальную арку, образованную телами 200 гимнастов. Студенты университета увенчали команду лавровыми венками.

«Фрам» к пристани эскортировали броненосцы «Северная звезда» и «Элида», яхта «Валькирия» и проворные миноносцы. Древняя крепость Акерсхус приветствовала прибытие фрамовцев тринадцатью пушечными выстрелами.

Надо сказать, что 13 было для Нансена счастливым числом. Вот что пишет в своих мемуарах Юнас Лид, организатор путешествия в Сибирь в 1913 году:

> «Удивительно, что глава моих мемуаров, в которой рассказывается о том, как Нансен отправился в Сибирь в 1913 году, тоже по порядку тринадцатая. Странно видеть, когда учёный оказывается суеверным. С ним на „Фраме“ было 13 человек, он благополучно вернулся в Норвегию из своей полярной экспедиции 13-го числа, женился 13-го, ну и так далее. Когда мы путешествовали вместе на „Корректе“, он рассказал мне, что счастливые события в его жизни часто связаны с числом 13. К слову сказать, умер он тоже 13-го».

Целую неделю праздновала столица возвращение участников экспедиции «Фрама». Все эти дни не смолкали праздничные речи, не прекращались весёлые факельные шествия на городских улицах и площадях. В залах университета, театра, королевского дворца устраивались торжественные собрания. Были учреждены фонд и премия имени Нансена за лучшие научные открытия и исследования. В кратчайший срок было собрано полмиллиона крон.

Сумма эта значительно превышала ту, что когда-то собрал

Нансен для экспедиции к Северному полюсу. Образно говоря, это были проценты с «капитала» экспедиции — её научных и моральных достижений.

Казалось, не было такой отрасли знаний, которой она не обогатила бы. Особенно ценны были успехи в области географии и океанографии. Вопреки ранее существовавшему мнению подтвердилось предположение Нансена о существовании обширного Полярного бассейна к северу от Новосибирских островов. Исследования экспедиции доказали также, что вблизи полюса не имеется суши, а только море, покрытое льдом.

Хотя Нансену не удалось достигнуть Северного полюса, но, по выражению сэра Клемента Маркхема (председателя Королевского географического общества), «норвежская экспедиция разрешила все географические проблемы Арктики». Экспедиция доказала, что в районе Северного полюса отсутствует суша, взамен открыв существование океанского бассейна. Нансен доказал, что в дрейфе паковых льдов огромную роль играет сила Кориолиса от вращения Земли. Нансен впервые подробно описал процесс роста и таяния паковых льдов, а также описал феномен «мёртвой воды».

Подтвердилась и гипотеза Нансена, что Земля Франца-Иосифа не простирается особенно далеко к северу и что сама «земля» не что иное, как группа многочисленных островов. Земля Вильчека оказалась островком, а Земля Зичи цепью мелких островков и скал. Кроме того, во время плавания «Фрама» вдоль берегов Сибири были открыты многие новые, дотоле неизвестные острова и удалось установить, что береговая линия изрезана гораздо сильнее, чем это отмечалось на картах.

Очень важным вкладом в науку явилось исследование морских течений и движения льдов в Полярном бассейне от Берингова пролива и побережья Сибири к морю между Шпицбергеном и Гренландией. Таким образом была убедительно опровергнута теория о существовании там неподвижного ледяного панциря. Вместе с тем Нансен выдвинул свою теорию образования полярных льдов и причин их дрейфа.

Наблюдения экспедиции дали полезнейшие сведения для климатологии, ведь именно на Севере находится «кухня погоды». Не менее интересные факты получили биологи: даже на самых северных широтах фрамовцы обнаружили многих представителей животного и растительного мира.

Научный подвиг Нансена и его доблестных спутников всколыхнул весь мир.

8 декабря 1896 года в Стокгольме был учреждён и утверждён королём Фонд Нансена для продвижения науки. Инициатором его

создания стал профессор Брёггер. Нансен был провозглашён пожизненным членом правления.

Путешественник был награждён Большим крестом ордена Святого Олава; Свердруп и Арчер получили командорские кресты первого класса; Блессинг, Скотт-Хансен и Юхансен стали рыцарями Святого Олава. Все перечисленные были награждены памятной медалью «Фрама», остальные 7 членов команды не получили никаких наград на том основании, что у них «не было высшего образования».

> «Комбинация цифр 86–14 (86°14′северной широты) прочно вошла в норвежское национальное сознание и стала частью исторического наследия… — *пишет П. Э. Хегге.* — Сиюминутный восторг и восхищение экипажем судна „Фрам“ превратились с годами во всеобщее преклонение. Появилась ещё одна истинно норвежская черта — ненорвежские герои были просто забыты. В нашей исторической науке, не говоря уже о нашем национальном сознании, мало внимания уделялось тому факту, что рекорд Нансена продержался только пять лет и в 1900 году был побит первооткрывателем-путешественником из такой страны, которой по нашим патриотическим настроениям и делать было нечего в полярных льдах, а именно — Италии. Не помогло и то, что этот человек принадлежал к итальянской королевской семье. Луиджи Амадео был племянником короля Умберто I и носил дворянский титул герцога Абруццкого. <…> Несмотря на свой ура-патриотизм, Нансен был одним из первых и немногих истинных интернационалистов. Он проявил истинное благородство, оказав почести человеку, побившему его рекорд».

После плавания на «Фраме» Нансен стал не только национальным героем, но настоящим «королём викингов». Именно так с тех пор его называли в печати.

Нансен был благородным человеком — в том нет сомнений — и истинным патриотом. После путешествия на «Фраме» он стал символом независимости Норвегии и активно включился в борьбу за выход своей родины из унии со Швецией.

На празднованиях в Кристиании Бьёрнсон, которому всё-таки дали слово, сказал:

> «Великое дело Фритьофа Нансена выросло из всех нас, из нашего народа. Он пронёс наш флаг в мир, и мы

всем сердцем были вместе с ним тогда.

Залогом подвига Нансена считают его чувство долга. И это верно! Но ни один отдельный человек, даже целое поколение не в состоянии создать что-либо из ничего. Трудолюбие, честность и мужество, таящиеся в народе, в какой-то момент истории выражаются в великом человеческом деянии. Так случилось и ныне.

Мы не преклоняемся перед идолом, имя которому — Успех. И наш народ отнюдь не опьянён радостью только потому, что Нансен указал нам путь в неведомую полярную страну. Нет, он указал нам путь к самим себе!

Юноши и девушки! Разве подвиг Нансена не научил вас уважать физическую культуру? Разве не влил он в вас мужество и уверенность в своих силах? Вы избрали его своим идеалом. Верно! Образ Нансена воплощает подлинное геройство и человечность. И хорошо, что в глубине души каждого из вас зреет нетерпеливое желание доказать собственную полезность. Ваш идеал обязывает к этому. Разорвите оковы страха и чувство собственной неполноценности, которые ещё сковывают ваши лучшие способности. Дерзайте!.. Отдайте жизни жар вашей души, и тогда богатства нашего народа возрастут. Верьте в себя, учит пример Нансена, выходите из узких рамок повседневности!

Ставьте перед собой высокие цели и направьте все свои силы для достижения их!»

Нансен в свой довольно «экстравагантной» речи вторит Бьёрнсону:

«Норвежцы, даже если они иногда не согласны друг с другом и готовы выцарапать глаза друг другу по мелочам, в решительный момент выступят как единый народ».

Огромное общечеловеческое значение полярной экспедиции отметил тогда же в своей речи и профессор Брёггер:

«В эти дни воздух напоён именами Нансена, его товарищей и „Фрама“. Норвежский народ радуется и гордится этими людьми и их подвигом, разнёсшим по свету имя Норвегии, заставившим это имя звучать громко, как никогда прежде. Мы гордимся достигнутыми научными результатами, мы счастливы совершённым норвежцами подвигом, мы чествуем пробуждающую

наше национальное чувство силу, и мы видим, как укрепляется этим наше государственное положение и значение.

Но я хочу также обратить внимание и вот на что: на ту удивительную, имеющую значение не только для народа, но и для всего человечества, возвышающую душу силу, которую может заключать в себе деяние одного человека.

Все люди в своих проявлениях замыкаются пределами своей профессии, дома, родины. Однако существует и такое широкое понятие, как всё человечество. С особенной силой мы ощущаем это понятие, когда свершается подвиг ради общего блага. Могучая сила заключена в таких героических деяниях, они пробуждают всё самое лучшее в душе людей и учат их видеть великие цели, стоящие перед всем человечеством.

Вот что, по-моему, является чуть ли не величайшим результатом дела, свершённого Нансеном и его спутниками».

Глава седьмая
Заложник славы и триумфа

Нансен оказался не только победителем, но и заложником собственной славы и триумфа — люди по всему миру прославляли его и хотели видеть. Поэтому сразу по окончании путешествия на Северный полюс Фритьофу пришлось вновь часто уезжать из дома.

Начались скитания из страны в страну, из столицы в столицу. В 1896 году он совершил большое турне с лекциями по Европе, в котором его сопровождала Ева, а затем отправился в Америку.

Повсюду выступает он в переполненных залах. Тысячи и тысячи людей в восторге упиваются его рассказами об Арктике. Нансена называют «гением», «гигантом воли» и «сверхчеловеком».

Награды полились на Нансена щедрым потоком: английское Королевское географическое общество прислало своего президента Климента Маркхэма вручить награду, он стал почётным членом Оксфордского и Кембриджского университетов. В каком бы месте на земле он ни читал лекцию, ему тут же присуждалось то или иное почётное звание.

Нельзя сказать, чтобы Фритьоф был счастлив. В дневнике его появляются горькие строки:

> «Счастье отмеряется каплями, оно не является целью человеческой жизни».

> «Никогда я не чувствовал себя таким бедным, ничтожным, как теперь в качестве героя, которому воскуривают фимиам. Я так устал от всей суматохи, суеты. Куда же это приведёт? <…> Моя душа словно разграблена, обобрана незваными людьми. Я хотел бы убежать и спрятаться, чтобы вновь найти самого себя».

Найти самого себя Нансену удаётся довольно быстро. Он начинает писать — и в результате в 1897 году выходит двухтомник «„Фрам“ в Полярном море. Норвежская полярная экспедиция 1893–1896» (1897) (Fram over Polhavet. Den norske polarfærd 1893–1896 (1897)). Эта книга немедленно была переведена на немецкий, английский и русский языки, но выходила под разными названиями: «In Nacht und Eis: Die norwegische Polarexpedition 1893–1896» («В ночи и льду: норвежская полярная экспедиция 1893–1896 гг.»), «Farthest North»

(«Дальше на север»). Русские дореволюционные переводы назывались «В стране льда и ночи» и «Во мраке ночи и во льдах» (1898,1902), а переводы советского времени — «„Фрам“ в Полярном море». Гонорары от этого издания сделали Нансена состоятельным человеком.

Книги о своём участии в экспедиции написали Яльмар Юхансен «Сам-друг под 86°14′» («Selv-anden ра 86°14′», 1898 год, русский перевод вышел в том же году), а также электрик Б. Нурдал («Фрамовцы») и командир корабля Отто Свердруп («Отчёт о плавании „Фрама“ с 14 марта 1895-го по 20 августа 1896 г.»).

Отчёт Свердрупа был опубликован как приложение к книге Нансена и послужил одной из причин размолвки двух великих полярников-друзей. Всё дело в том, что Свердруп считал, что недополучил гонорар за вклад в книгу, и, вероятно, был прав. Другой серьёзной причиной послужили упрёки Фритьофа Отто в том, что последний воспользовался в 1897 году именем «начальника», чтобы получить деньги для ещё одной экспедиции «Фрама». Будучи людьми сдержанными, полярники не стали выносить сор из избы, в глазах общественности продолжали оставаться друзьями и даже иногда вместе выступали, однако отношения их наладились лишь в 1926 году.

Нансену всегда была свойственна отзывчивость, и, узнав, что Свердруп находится в стеснённых материальных условиях, он вместе с профессором Брёггером добился для него государственной «почётной пенсии». В том же году Нансен и Свердруп приняли участие в торжественной церемонии в шотландском Университете Сент-Эндрю, на которой Фритьоф был провозглашён почётным ректором, а Отто — почётным доктором университета.

* * *

Всегда и во всём привыкнув быть первым и «начальником», Фритьоф с удивлением обнаружил, что дома его ждёт не просто любящая и терпеливая жена, но сильная личность и известная певица.

Три года в одиночестве закалили избалованную дочь Сарсов — и она стала настоящей хранительницей семейного очага. Живя в томительном неведении долгие годы, она стала сильнее, а воле её мог бы позавидовать любой полярник. Нансен в какой-то момент понял, что дома он уже не единовластный господин и правитель. Переписка 1897 года между супругами показывает,

какими конфликтными были их отношения.

После возвращения своего «дорогого мальчика» Ева ожидала, что Фритьоф будет целиком её. Но все эти нескончаемые празднества лишили её всякой надежды на спокойную семейную жизнь.

Кроме того, совершенно неожиданно одной из проблем в отношениях супругов Нансенов стала малышка Лив. Фритьоф привык быть в центре внимания — а сейчас свою любовь Ева делила между мужем и дочерью. И Нансену это не нравилось. Дома он чаще всего пребывал в дурном настроении, был угрюм и надолго уходил гулять по лесу.

Если он в редкие минуты бывал в хорошем настроении, то брал с собой Лив. Они отправлялись гулять пешком или садились на велосипед или лошадь.

Когда он читал Еве написанные им отрывки из книги, то тут же начинал жаловаться, что она слушает его только из вежливости. А той надо было не только уделять внимание мужу и дочери, но ещё и заниматься домашними делами.

Она продолжала гастролировать — и в конце 1896 года на три месяца Фритьоф остался «на хозяйстве» один (конечно, в окружении нянек и прислуги). Пожалуй, письма их того периода самые трогательные за все последующие годы: отец забавно жалуется на малышку, которая мешает ему работать, и с юмором описывает всё происходящее дома.

Осенью 1897 года наступает его черёд уехать в турне с лекциями по Америке. Ева сопровождать его не могла — она вновь ждала ребёнка. Турне по Америке должно было принести Фритьофу деньги, которые он планировал использовать не только на постройку нового дома, но и на экспедицию к Южному полюсу.

Об этих планах Нансена Еве сообщил друг семьи Молтке Му, и она с горечью пишет мужу:

> «Ты действительно вновь собираешь уплыть от меня?.. Скажи *мне* о своих планах. Мне будет легче…»

Легче ей в тот момент вряд ли могло бы стать, потому что Фритьоф вновь пустился во все тяжкие. Он, к сожалению, никогда не был верен своей жене.

Сын Коре родился 16 сентября 1897 года Нансен, как мы говорили, вскоре после его рождения уехал в Штаты, а Ева вновь осталась одна с грудным младенцем на руках. Она пыталась бороться с депрессией — и музыка помогала ей в этом. Ева взяла учеников, но не могла забыть предательство мужа.

Всё дело в том, что, когда она рожала сына, а потом некоторое время после родов провела в постели, Фритьоф вновь

стал встречаться со своей Драгоценностью. Свидания проходили и в городе, и в его предместьях — и все об этом знали. Даже на большом королевском балу Нансен пригласил на первый танец Драгоценность, а не госпожу Нансен — и нисколько не обеспокоился тем, в какое положение ставит жену.

После отъезда Нансена профессор Брёггер не постеснялся передать сплетни о разводе супругов Еве, когда встретил её на улице в Кристиании. Ева рассказывает об этом в письме мужу и заключает:

> «Вот видишь, мой друг, если известный человек и красивая женщина слишком часто общаются друг с другом и слишком много времени проводят вместе, то это не остаётся незамеченным. А я ведь тебя об этом предупреждала».

Выдержке Евы в тот момент может позавидовать любая женщина, хотя из переписки становится ясно, как больно задел её Брёггер. Она называет профессора «самым бестактным человеком в мире» и довольно ехидно замечает:

> «Если бы я захотела, я легко могла бы вскружить ему голову, как и любая другая женщина (если только она не совсем уродина) моложе сорока лет. Ведь он совсем не любит свою жену. Нехорошо с его стороны, ведь она родила ему восьмерых детей».

Нехорошо было и со стороны Фритьофа в ответ написать жене:

> «Я действительно встречался с Драгоценностью, и мне даже показалось, что мои старые чувства ещё не угасли. Когда же я понял, как она несчастна, то почувствовал к ней жалость, ведь я так жестоко обидел её тогда».

Он признался, что практически каждый день встречался с Дагмар Энгельхарт Николайсен — и ранил Еву в самое сердце. Она в истерике телеграфирует:

> «Прочитала письмо. Ужасно страдаю. Кого же ты любишь — меня или Драгоценность? От твоего ответа зависит моя жизнь».

Ответ Нансена буквально добивает несчастную. Ева пишет, что не может сдержать себя, что мучает себя и мужа ревностью,

что теперь навсегда потеряла его любовь. И ещё она признаётся, что много раз была на грани самоубийства, когда Фритьоф пропал во льдах.

Нансен обещал вернуться к Рождеству, но не смог — поездка затянулась. Нельзя сказать, что он как-то пытался облегчить положение Евы. За многие тысячи километров от дома отец семейства вдруг начинает в письмах к оставленной жене излагать свои взгляды на воспитание детей — ведь у него теперь есть сын.

В одном из писем он пишет:

> «Возможно, ты и права. Я смогу полюбить этого мальчика, но только если он станет настоящим мужчиной, а не нерешительным слабаком. В последнем случае вряд ли он завоюет мою любовь… И прошу тебя — не надо с ним нянчиться, таскать его на руках и задаривать бесконечными подарками. Нельзя так начинать жизнь ребёнка, который потом должен крепко стоять на собственных ногах. Ведь тогда мы сформируем такого человека, который при малейшей опасности не сможет постоять за себя — и будет расстраиваться, когда не сможет получить то, чего хочет».

Надо сказать, что в воспитании детей Нансен был очень суров — и даже запрещал жене хвалить их. К счастью, Ева далеко не всегда слушала Фритьофа, особенно когда речь шла об их малышах.

В переписке супругов много взаимных упрёков и самоистязания. Они предъявляют претензии не только друг к другу, но и к самим себе. В какой-то момент Нансен, не очень-то склонный к признанию собственных ошибок, пишет:

> «Я хотел жить ради своего жизненного предназначения и следовать ему, даже если бы это разрушило твоё счастье, но тебя я хотел иметь своей рабыней, у тебя не должно было быть иных целей в жизни, как угодить мне… Моим самым большим несчастьем в жизни было то, что я никогда не мог пойти на компромисс, я всегда требовал „всего или ничего“, а то, что находилось посередине, меня не интересовало… Со мной часто невозможно общаться — я нелюбезен и молчалив. Не суди меня слишком строго, Ева, я знаю, что поступаю дурно, но мне и самому плохо, я страдаю от собственного характера не меньше тебя».

Как бы то ни было, но страдать приходилось в первую

очередь Еве — Фритьоф всегда прежде всего думал о самом себе. И лишь когда жена накануне Рождества 1897 года пишет ему, что готова уехать из Готхоба, чтобы не стеснять мужа и не мешать его любви к другой, он наконец осознаёт всю серьёзность происходящего. Он забрасывает свою «лягушечку» письмами и телеграммами, в которых уверяет, что любит только мать своих детей, а его возлюбленная не стоит и её мизинца. А вскоре и вовсе решает прервать турне по Америке.

Но не только накалившиеся отношения с женой заставили Нансена так резко изменить свои планы. Всё дело в том, что ему было предложено за астрономическое вознаграждение стать президентом большого американского концерна, который собирался заняться обустройством Аляски. Когда Ева узнала об этом из письма мужа, она сразу связалась с его братом, адвокатом Александром Нансеном, и попросила совета. И Ева, и Александр прекрасно понимали, какой удар этот шаг нанесёт по авторитету Фритьофа в Норвегии. Вся норвежская молодёжь обвинила бы его в алчности и корысти и измене патриотическим идеалам. Когда Ева и Александр написали об этом Фритьофу, он одумался и признал, что бесконечные переезды, мелькание лиц и пристальное внимание всех и вся к его персоне лишили полярного исследователя «остатков разума».

Нансен в январе 1898 года принимает решение расторгнуть договор с организовавшей турне фирмой — и терпит колоссальные убытки. Он говорит, что не поедет в Калифорнию, потому что его пытаются одурачить и не заплатить деньги и ещё потому, что устал от сумятицы и шумихи. А чтобы возместить убытки, просит английских друзей устроить ему чтение лекций в Англии.

В Лондоне его принимают более чем благосклонно — и Нансен ведёт переговоры не только о собственных делах, но и делах своей страны. Он встречается с представителями английской аристократии и политических партий и говорит о возможности выхода Норвегии из шведско-норвежской унии.

* * *

После отъезда Фритьофа в Америку Ева много времени проводила со своими соседями. Вокруг Готхоба[45] давно начали селиться художники, с которыми Нансены очень дружили. Во многом благодаря своей известной жене-певице Нансен стал одним из богемы. А дома художников вокруг поместья Фритьофа так и назывались «Лисакерской богемой».

Сначала в Лисакере жили исключительно художники — Эрик Вереншёльд, Эйлиф Петерсен, Герхард Мюнте. Все они поселились там в 1896–1899 годах. Позже к ним присоединились профессора Эрнст и Оссиан Саре, певец Торвальд Ламмерс, профессора Герхард Гран и Молтке Му, писатель Ханс Э. Кинг, главный редактор крупнейшей газеты Ола Томмессен и некоторые другие.

Этот довольно спонтанно образовавшийся «лисакерский кружок» оказал несомненное влияние на развитие норвежской культуры и искусства в первой четверти XX века, а общение с Фритьофом Нансеном, который к тому моменту стал одной из ключевых политических фигур Норвегии, придало ему ещё и патриотическую окраску.

Жена Нансена была если не святой женщиной, то удивительно мужественной и терпеливой, потому что в лисакерскую богему входила и Драгоценность, которой хватило наглости брать уроки пения у Евы. В конце ноября фру Нансен не выдерживает и отказывается давать Дагмар уроки, но через две недели берёт себя в руки — и продолжает «вбивать ей в голову романсы».

Одними из ближайших друзей и соседей было семейство Вереншёльдов. Эрик Вереншёльд не только много раз рисовал Нансена, Лив и Еву, но и всячески поощрял Фритьофа заниматься живописью. Многие книги полярного исследователя проиллюстрированы им самим. Все его работы отличает строгая выверенность композиции и тщательность проработки деталей. К сожалению, он никогда не писал картин маслом, но в 1900 году подумывал о декорировании каминного зала росписями с китами и другими «полярными» животными, но так и не претворил в жизнь свою задумку. За него это сделал тот же Вереншёльд. Зато для обоих своих домов — Готхоба и Пульхёгды — Нансен самолично делал эскизы мебели.

В 1897 году Фритьоф докупил большой участок земли семейного поместья Форнебю и решил строить новый дом: Готхоб был замечательным пристанищем для Нансенов, но семья «прирастала» детьми, а главе семейства требовалось место для научных занятий, написания книг и приёма прибывавших со всего света гостей и посетителей.

Фритьоф сам сделал план дома, а затем пригласил на консультации Яльмара Вельхавена. Он желал выстроить свой новый дом уже не в викингском «стиле драконов», а в стиле норвежской крепости из камня. Образцом во многом послужил особняк друга в Манчестере. Английское влияние очевидно в большом холле с двухэтажной лестницей, открытой галереей и

камином.

Общеизвестно, что далеко не последнюю роль в выборе стиля дома играют психологические факторы. Психологически необходимое для нормальной жизнедеятельности ощущение надёжности жилища подразумевает не только создание некоторой замкнутости архитектурной структуры последнего, но и обеспечение правдивого отражения во внешнем облике жилого дома закономерностей построения его внутреннего пространства. Нансен явно стремился построить дом-крепость и в письме к Еве из Америки в 1989 году пишет, что мечтает о «большом, вместительном и величественном доме, в котором мы могли бы запереться и оставить за его стенами весь мир, известность и шумиху, о доме с широким крепостным рвом и подъёмными мостами, которые бы опускались только для тех гостей, которых мы сами хотим видеть».

Все подготовительные работы были выполнены к весне 1900 года, а в 1901 году семья уже переехала в новый дом.

Ева, которая в 1899 родила дочь Ирмелин, теперь ждала четвёртого ребёнка, а потому празднества по поводу новоселья пришлось отменить. В декабре 1901 года в семье появился сын Одд, а 4 апреля 1902 года торжественно отпраздновали вселение в дом. Тогда же крепости было дано название Пульхёгда — «Полярная высота».

* * *

Как мы уже говорили, Русское географическое общество ходатайствовало о награждении Нансена орденом Станислава I степени и само присудило ему Константиновскую золотую медаль. Награды было решено вручить ему в 1897 году, однако по ряду причин Нансен приехать в Петербург на Международный геологический конгресс не смог.

После возвращения домой из Америки и Англии он стал много времени проводить с женой, а потому они оба отправились в Россию в апреле 1898 года.

В России их очень ждали, во многих газетах и журналах были заранее опубликованы статьи и материалы о Нансене. Одна из интересных заметок вышла в «Ниве». Поскольку материал после 1898 года не публиковался, мы приводим его здесь в полном варианте:

«ПОЛЯРНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФРИТИОФ НАНСЕН И

ЕГО СУПРУГА

В середине апреля приезжает в Петербург знаменитый исследователь полярных стран Фритиоф Нансен с супругой. Ф. Нансен является к нам в Россию в качестве гостя Императорского географического общества, как известно, присудившего уже ему высшую награду — большую золотую медаль, но, кроме того, пригласившее его в Петербург для специального чествования.

Географическое общество, нанявшее для Нансена помещение в одной из лучших гостиниц, намеревается устроить чествование его 15-го апреля в зале Дворянского собрания и затем дать в честь его обед по подписке; кроме того, шведско-норвежский посол барон Рейтершёльд решил также дать торжественный обед в честь своего знаменитого соотечественника. О выдающейся личности и заслугах Нансена было уже много говорено на страницах „Нивы“ как во время его экспедиции к Северному полюсу, так и по возвращении из неё. Мы во всех подробностях следили за его деятельностью, представляющей целый ряд громких подвигов, и поэтому позволим себе в дополнение к помещаемым здесь портретам Фритиофа Нансена и его жены, Евы Нансен, привести лишь несколько характерных черт из семейной и домашней жизни Нансена на основании известного сочинения В. Броггера и Н. Рольфсена „Фритиоф Нансен“, вышедшего в 1896 г. в русском переводе А. и П. Ганзен.

О Еве Нансен весь мир знает только, что она стоически перенесла трёхлетнюю разлуку с мужем, ни на минуту не отчаиваясь в его судьбе и фанатически веря в его идею. Этот героизм объясняется не только горячею любовью Евы Нансен к своему мужу, но и не менее горячей верой в его силы, выносливость, энергию — три свойства, которые оба они возвели в своего рода культ. Всё в их жизни оригинально, своеобразно — начиная с первой их встречи и кончая их последней встречей после экспедиции, увенчавшей имя Нансена неувядаемой славой, осветившей своими лучами и выдающуюся фигуру его жены-сподвижницы во всех его трудах и начинаниях. Первая встреча их произошла в лесу Фрогне, когда ещё и помину не было ни о совершённом Нансеном переходе через Гренландию, ни об экспедиции

на Северный полюс. Молодой спортсмен заметил там однажды в снегу следы пары ног. Он поинтересовался узнать, кому принадлежат эти следы, приблизился и увидал на вершине сугроба напудренную инеем маленькую, но гордо закинутую назад головку. Головка эта принадлежала Еве Саре.

Постепенно они сблизились друг с другом, как родственные натуры. Оба они независимы, презрительно относятся к мелочам, им незнакомы вечные соображения и взвешивания обстоятельств обыденной жизни. И потому образ их жизни и поступки возбуждали постоянно раздражение, казались вызывающими. Нансен, по характерному определению Рольфсена, мужчина в истинном смысле этого слова. Для него весь смысл в труде, в подвиге. И, признаваясь в любви, он указывал на Северный полюс. С первой же минуты на их любовь как бы падает тень полярного мрака, в первой же их встрече брезжит страх пред разлукой. Воспитанная в любящей, богатой духовно семье, избалованная общей любовью и поклонением, Ева Нансен идёт за ним и без ропота разделяет его аскетические привычки, привыкает не мёрзнуть в „собачьей конуре“, в которой пол прямо настлан на земле и в которой за ночь вода замерзала в кувшине, ест смесь сыра и пеммикана (растёртого в порошок мяса, смешанного с жиром) для того, чтобы исследовать питательность её перед полярной экспедицией, или же, если не в силах её есть, голодает по целым суткам, сопровождая мужа в его небольших экскурсиях. В ночь на 12-е августа 1889 г., в страшную непогоду, в окно сводной сестры Нансена, с которой он был очень дружен, раздался вдруг сильный стук. Муж сестры вскочил с постели и приотворил окно. „Это ещё что такое?“ — гневно закричал он, стараясь разглядеть, кто за окном. Там виднелась высокая серая фигура, настоятельно требовавшая, чтоб её впустили в дом. Из окна посыпались бранные слова, но серая фигура всё-таки настаивала на своём: „Впусти!“

И вот в спальне сестры очутился Фритиоф Нансен. Было уже 2 часа ночи. Он стоял, широко расставив длинные ноги, заложив руки в карманы брюк, и угрюмо посматривал на сестру. Она сидела, приподнявшись на постели.

— Боже мой, Фритиоф! Что случилось? — спросила она.

— Женюсь, матушка.

— На ком же?

— На Еве, конечно!

Затем он сообщил, что проголодался. Зятю пришлось отправиться в кладовую за холодным жарким и в погреб за шампанским. И вот за этим ночным пиром освятили новую главу саги Фритиофа, причём он, конечно, не преминул пропеть слова древней песни: „Любовь — никому не в укор. Прекрасное часто пленяет мудрецов, невежд же никогда!“ На другой же день после свадьбы Нансен с женой отправился в Нью-Кэстль на географический съезд, продолжавшийся около недели. Из Нью-Кэстля молодые вернулись в Лондон и тут, махнув рукой на открытые и неоткрытые полярные страны, отдались своему счастью, наслаждаясь уединением.

В начале октября, побывав в Париже, они вернулись на родину, но 16-го октября опять двинулись в путь, в Стокгольм, где Нансен получил за своё путешествие по Гренландии из рук короля медаль „Вега“. Ряд выдающихся отличий — медаль „Карла Риттера“ и медаль Виктории — были наградой за его дальнейшие работы и экспедиции для исследования полярных стран. Во всех этих работах Ева Нансен принимала самое деятельное участие, деля с мужем все лишения и вместе с тем по заслугам все отличия и почести, выпадавшие на его долю. Вместе с женою Фритиоф Нансен ездил по главнейшим городам Европы для чтения докладов о своих путешествиях. Так, в 1890 году он посетил Копенгаген, Лондон, Берлин, Дрезден, Мюнхен и Гамбург, и эта поездка была целым рядом чествований его со стороны выдающихся географических и учёных обществ.

Затем начались приготовления и хлопоты по поводу задуманной им экспедиции к Северному полюсу, увековечившей имя Нансена. Неизменная спутница его — жена не могла последовать за ним. Нансен воспротивился этому. Почему — неизвестно. Быть может, он считал, что она не в силах будет выдержать предстоявшие лишения, или, может быть, помехой тому была их маленькая дочь, Лив, что по-русски значит: жизнь. После его отъезда она на несколько недель заперлась у себя в доме от всех, как вдова. Она решила превозмочь душевную борьбу, убить в себе всякую

> слабость: она не хотела, чтобы кто-либо увидел её хоть на мгновенье изнывающей под их бременем. Кроме ребёнка, у неё осталось одно, на чём она могла отвести душу, это — искусство. Ева Нансен — очень талантливая певица. И вот через несколько недель она вновь отперла двери своего дома — спокойная, уверенная, улыбающаяся. Она решила сделать артистическую карьеру и не ограничиться той известностью, которой она пользовалась как певица в своей родной Кристиании. В ноябре 1895 г. она отправилась в Стокгольм и выступила с громадным успехом на концертной эстраде. С тех пор она стала часто публично выступать в концертах, и, когда Фритиоф Нансен вернулся на родину, он немало был польщён артистической славой Евы Нансен. Во всех дальнейших работах его по описанию экспедиции, а затем и в путешествиях по Европе для чтения лекций и докладов о своей экспедиции жена всюду ему сопутствовала и всюду была предметом восторженных оваций, как редкий пример женщины-героини, как идеал жены-подруги. Несомненно, что и в Петербурге общество и печать устроят знаменитому путешественнику и его достойной супруге такой же торжественный и горячий приём, какой выпал уже на его долю в Берлине, Париже и Лондоне».

Нансен был почётным гостем Географического общества.

Ему были оказаны всевозможные почести, в том числе отведены апартаменты в гостинице «Европейская» и предоставлен экипаж.

28 апреля в зале Петербургского дворянского собрания (ныне — Большой зал Государственной филармонии) состоялась торжественная встреча при полном составе шведско-норвежской миссии. В «Петербургской газете» от 16/28 апреля 1898 года писали, что публика чествовала Фритьофа Нансена горячо, как своего соотечественника.

А за десять дней до этого, 17 апреля, в Географическом обществе в присутствии Нансена состоялось заседание, посвящённое исследованиям Северного Ледовитого океана, в работе этого заседания принимали участие выдающиеся русские учёные — А. И. Воейков, М. А. Рыкачёв, Ю. М. Шокальский и др. Обсуждались в том числе и вопросы создания экспедиции, в задачу которой входило изучение околополярного района с радиусом, не превышающим несколько градусов широты.

Нансен выступил на этом заседании с речью, в которой

изложил собственные взгляды на возможность исследовать неведомые части Арктической области. Для этого существует несколько способов, сказал он, в том числе невольный дрейф через океан. Однако Фритьоф страстно поддержал и идею своего друга адмирала С. О. Макарова пробиваться в высокие широты при помощи мощного ледокола «Ермак». Кроме того, он внимательно выслушал доклада барона Толля о планах экспедиции к Земле Санникова.

На следующий день Петербургская академия наук избрала Нансена своим почётным членом.

> «Визит Ф. Нансена в Петербург, — *пишет Т. Шрайдер,* — носил и другой характер. В период пребывания в столице состоялась его встреча с императором Николаем II и представителями российского правительства. Во время встречи обсуждался вопрос договора между Норвегией и Россией о невмешательстве России в разногласия между Швецией и Норвегией. Ф. Нансен был привлечён к таким конфиденциальным переговорам с Россией, так как считался в норвежских общественных и правительственных кругах как наиболее подходящая фигура. В результате переговоров был заключён ряд соглашений, о которых Ф. Нансен телеграфировал не из Петербурга, а из Вены, так как опасался, что за ним могли следить разведывательные органы».

О деликатной услуге Нансена попросил премьер-министр Юханнес Стеен, который поручил учёному исследовать возможности пересмотра торгового соглашения между Россией и шведско-норвежским государством. Кроме того, возможность торговать с Россией напрямую означала бы определённое признание независимости Норвегии. Однако и Николай II, и министр финансов С. Ю. Витте были уклончивы и не дали никаких конкретных обещаний — они предпочитали действовать напрямую через министерство иностранных дел Швеции, а этого вовсе не хотели норвежцы.

Из России супруги отправились в Вену, где Нансен прочёл цикл лекций.

Фрейд, который был зоологом и начинал свою учёную карьеру с описания нервной системы речного рака, то есть был коллегой зоолога Нансена, к этому времени уже давно работал над теорией психоанализа и несколько раз упоминал Нансена в своих книгах[46]. Кроме того, когда Фритьоф вернулся из своей экспедиции к Северному полюсу, Фрейд в письме к Вильгельму

Флиссу восторженно отозвался о мужестве исследователя.

Фрейд обратил внимание на то, что «женщины с ума сходили по Нансену», и решил, что ему будет полезно «узнать что-либо о снах этого человека». Нансен же заявлял:

> «Я никогда не понимал женщин, или, вернее сказать, они меня никогда не понимали. Тем не менее они всегда будоражили моё воображение».

Они так никогда и не встретились — Нансен был не из тех людей, которые пускают посторонних в свои переживания.

Точно такой же была и Ева — даже когда королевская чета в 1907 году спросила её, не скучает ли она по мужу, который к тому моменту был посланником в Лондоне, он твёрдо ответила: «Нет».

В 1899 году супруги отправились в Германию, а с детьми, как всегда, осталась Анна Шётт. Ева слала из Берлина восторженные письма домой Анне, описывая роскошные приёмы и обеды в дорогих ресторанах. Нансены ходили в театры и на концерты. Заработал тогда Фритьоф очень хорошо, ведь за одну лекцию он получал полторы тысячи марок.

* * *

Примерно в это же время (в 1899 году) они купили участок земли в горах в Телемарке и каждое лето уезжали туда всей семьёй. «Дачей» Нансенов, или, как называл её Фритьоф, «его королевством», стала бывшая гостиница на берегу озера — двухэтажный дом с красными стенами и белыми наличниками на окнах. Повыше, на лугу, расположился пастуший сеттер. Фритьофа в Сёркье устраивало всё — и природа, и возможность поохотиться, и возможность работать неподалёку от дома в небольшой избушке. Он сам выстроил эту избушку. В одной из комнат был кабинет с книжными полками, большим столом и деревянным креслом, а во второй — супружеская спальня.

Лив вспоминала:

> «Когда мы приезжали в горы, отец почти всегда нас сопровождал и сам следил, чтобы у нас было вдоволь продуктов, дров, чтобы в порядке были рыболовные снасти, одежда и чтобы у мамы была прислуга. Он завёл на хуторе несколько овец, чтобы летом у нас было мясо. Дом был прекрасно обставлен, отец ничего не забыл. Он привёз туда даже пианино, чтобы мама не скучала.

Каждое лето на хутор приезжал настройщик и оставался у нас на несколько дней.

Питались мы главным образом красной форелью, которая водилась в озере Сёркье. У нас было разрешение на рыбную ловлю, даже на той половине, которая относилась к Телемарку, а озеро кишело рыбой. Сколько бы мы ни ловили её, она не переводилась, а мама была страстным рыболовом и не хуже мужчины управлялась с оттером[47] в 20–30 крючков. <…>

Мама весь день пела и смеялась. <…> Летом к нам то и дело приезжали друзья и родственники».

Ева в те дни действительно была счастлива, ведь она отправлялась, по собственному признанию, в места, «где не было злобы, сплетен и женщин».

Семья уезжала в горы в начале июля, а возвращалась в конце сентября — начале октября.

«Королевство Нансена» было для Евы желанным местом — она всегда хотела иметь собственный хутор. Как много значило для неё Сёркье, стало понятно в 1900 году, когда она настояла на поездке туда. Она уже не могла ходить, поскольку была на позднем сроке беременности, и её несли на носилках. Именно на хуторе под присмотром домашнего врача Йенссена родилась вторая дочка Нансена — Ирмелин, Имми, как её звали в семье. Ева писала ему:

«Мой дорогой, любимый мальчик, я так рада, так счастлива, потому что 1 апреля в и часов утра у нас родилась прелестная дочка. Она такая красивая и ладненькая, с двойным подбородочком и толстенькими ручками с перевязочками, красненькая и сморщенная».

Фритьоф в тот момент был в плавании на «Микаэле Сарсе» — и, как только смог, приехал в горы.

* * *

Вернувшись из Арктики, Нансен был назначен профессором зоологии в университете в Кристиании, причём был освобождён от чтения лекций до окончания обработки научных материалов, собранных во время плавания «Фрама». Эта обработка, прерывавшаяся поездками Нансена в Европу и Америку для чтения лекций об экспедиции, потребовала много времени.

Научные результаты экспедиции обрабатывались не одним

Нансеном, большим коллективом учёных в течение 10 лет и были изданы в Норвегии на английском языке в шести томах под названием «The Norwegian North Polar Expedition 1893–1896» («Норвежская полярная экспедиция») с 1900 по 1906 год. Том третий — «Oceanography of the North Polar Basin» — был написан в 1902 году единолично Нансеном.

Океанография увлекла Фритьофа — и он начал обдумывать план похода на Южный полюс, но Еве об этом говорить боялся. Он прекрасно понимал, какой будет её реакция, тем более что отношения их к тому моменту оставляли желать лучшего.

Он всё время рвался на Южный полюс, но откладывал экспедицию, во многом чтобы не расстраивать Еву, тем более что работы ему и так хватало.

> «Обработка гидрологических наблюдений, произведённых на „Фраме“, доставила Нансену вместе с большим удовлетворением (наблюдения охватывали ведь ещё совершенно не тронутую исследованиями область) также немалое огорчение. Нансен убедился в том, что применявшаяся в то время методика гидрологических исследований была весьма несовершенна, вследствие чего на многие вопросы океанографии Полярного бассейна добытые на „Фраме“ наблюдения не могли дать ответа. Тогда Нансен сам берётся за создание новых методов океанографических исследований, привлекая к этому делу выдающихся учёных, — *пишет известный океанолог и полярный исследователь Ю. В. Визе.* — По мысли Нансена и при самом деятельном его участии был учреждён Международный совет по изучению морей, объединявший четырнадцать стран, а в 1902 году в Кристиании была основана Центральная океанографическая лаборатория, возглавлявшаяся самим Нансеном. Задачей этой лаборатории была выработка новых методов исследования моря и новых приборов. Физическая океанография стала точной наукой, и творцом её был Фритьоф Нансен.
>
> Выработанная Международным советом и в значительной мере самим Нансеном новая методика океанографических исследований была впервые применена в Норвежском море. На построенном в Норвегии научно-исследовательском корабле „Michael Sars“ в 1900 году вышла в море первая современная океанографическая экспедиция. Во главе её стоял

норвежский гидробиолог профессор Норт, а гидрологическими работами экспедиции ведал Нансен. Отчёт о первом плавании „Michael Sars“ был написан самим Нансеном и опубликован в 1901 году („Some Oceanographical Results of the Expedition with the „M. Sars““). С этого времени „Michael Sars“ ежегодно посещал воды северной Атлантики и своими работами внёс ценнейший вклад в познание океана.

Со времени первой экспедиции на „Michael Sars“ Нансен вёл свои работы в области физической океанографии в тесном сотрудничестве с другим известным норвежским океанографом — профессором Хелланд-Хансеном[48]. Это сотрудничество, продолжавшееся тридцать лет, оказалось чрезвычайно плодотворным, и в значительной мере благодаря ему период с 1900 до 1910 года получил название „золотого века“ океанографии.

Первым трудом, написанным Нансеном совместно с Хелланд-Хансеном, явилась классическая монография Норвежского моря („The Norwegian Sea“, 1909). Из-под пера этих же авторов позже вышел в свет ряд не менее выдающихся исследований („Temperaturschwankungen des Nordatlantischen Ozeans und in der Atmosphare“, 1917; „The Eastern North Atlantic“, 1924, и др.). Нансен произвёл также обработку гидрологических наблюдений некоторых других экспедиций, как-то: экспедиции Амундсена в Гренландское и Баренцево моря в 1901 году, экспедиции Исаксена в шпицбергенские воды в 1910 году и антарктической экспедиции на „Фраме“ в 1910–1911 годах».

Кроме того, в 1904 году Нансен купил собственную исследовательскую яхту «Веслемё» («Девушка с гор») и назвал её в честь героини цикла песен, написанную Григом для Евы на стихи А. Гарборга. На этой яхте он ходил в небольшие экспедиции в 1904,1909,1911 и 1912 годах.

Нансен не только занимается собственными исследованиями, но и внимательно следит за происходящим в научном мире. Очень беспокоила его судьба друга барона Толля и его экспедиции.

Малоизвестен тот факт, что Нансен помогал Толлю в снаряжении его экспедиции. Он даже принимал у себя в Норвегии доверенное лицо барона — Александра Колчака.

Вот как сам Колчак говорил об этом на допросах в ВЧК:

«Когда я в 1899 году вернулся в Кронштадт, я встретился там с адмиралом Макаровым, который ходил на „Ермаке“ в свою первую полярную экспедицию. Я просил взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам он не мог этого сделать, и „Ермак“ ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию, — меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. В сентябре месяце я ушел на „Петропавловске“ в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на Дальний Восток, и в сентябре прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толля принять участие в организуемой Академией наук под его командованием северной полярной экспедиции в качестве гидролога этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание барона Толля. Я получил предложение через Академию наук участвовать в этой экспедиции.

Для того чтобы подготовить меня к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Экспедиция была снаряжена и вышла в июле месяце из Петрограда на судне „Заря“, которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителем „Фрама“. Я поехал в Норвегию, где занимался в Кристиании у Нансена, который был другом барона Толля»[49].

Было известно, что летом 1900 года Толль, свято веривший в существование Земли Санникова, отплыл на своей шхуне «Заря» из Санкт-Петербурга и достиг острова Беннетта спустя два года. 23 мая 1902 года Эдуард Толль, астроном Фридрих Зееберг, промышленники якут Василий Горохов и эвенк Николай Дьяконов, сев на две байдарки, отправились изучать прибрежные земли. Через год на поиски пропавшего вельбота (во второй спасательной партии) отправился молодой лейтенант Александр Васильевич Колчак — будущий хозяин Сибири, расстрелянный в Гражданскую войну большевиками в Иркутске.

Им удалось найти остатки стоянки барона и бутылку с запиской отважных путешественников. Вскоре обнаружили и

домик, выстроенный Толлем и его спутниками, в котором был оставлен ящик с кратким отчётом от 8 ноября 1902 года и уведомлением, что экспедиция отправляется «дальше на юг».

Нансен очень переживал за друга, о чём свидетельствует его обширная переписка с Полярной комиссией Петербургской академии наук, с русскими консулами в Норвегии и женой Толля Эвелиной Николаевной.

Вслед за Толлем вскоре погиб и адмирал Макаров — второй русский друг и коллега Нансена.

* * *

Новоселье в новой усадьбе Пульхёгда отмечали 4 апреля 1902 года. Если и до этого дом Нансенов славился своими музыкальными вечерами и приёмами, то устроенный в честь переезда карнавал затмил все остальные праздники — на него съехалось 150 гостей.

> «Дом был наречён „Polhøiden“, — *вспоминала Лив Нансен-Хейер,* — так окрестил его мой дядя Николаусен. Название это, по его словам, имело двоякий смысл. Во-первых, это означало достигнутую отцом „polhøiden“ (86°14′), во-вторых, „polhøidera“ — то есть виски с сельтерской водой, которое было популярно в этом доме. Впоследствии отец переделал это название в „Пульхёгду“ („Polhøgda“).
>
> Праздник начинался от самых ворот. По обеим сторонам дороги от ворот до самого дома пылали смоляные факелы, и при входе каждого встречал молодой Вернер Вереншёльд. Не дожидаясь, пока они разденутся, он сразу же подносил каждому чарку крепкого напитка „пульхёйда“.
>
> В зале перед дверью, ведущей в галерею, было устроено возвышение, на котором, наряженные снежной королевой и снежным королём, в костюмах, усыпанных сверкающими блёстками, стояли папа и мама. За спиной у них было натянуто шёлковое полотнище. Мы с Коре, одетые в белые костюмы с серебряными лентами, изображая пажей, стояли по обе стороны королевской четы.
>
> Гости прибывали, ряженые и просто в масках, и в низком поклоне склонялись перед их королевскими величествами. <…>

> Мы с Коре смотрели во все глаза, а мама с папой забывали о своём царственном величии, когда приходили уж очень странно одетые гости и нельзя было отгадать, кто это такой. Я очень гордилась, что никто, кроме меня, не догадался, что хромая беззубая старуха, которая пробралась в дом и с глубокими поклонами приветствовала королевскую чету, — это художник Отто Синдинг».

Гости веселились до упаду. Ели и пили, пели и танцевали. Собственно, так всегда бывало на вечерах у Нансенов. В ночь святого Ханса (аналог русского Ивана Купалы) устраивали костры, через которые прыгали по очереди, запускали фейерверки и произносили долгие речи.

Но маскарад новоселья был омрачён для Евы. Они писала своей дорогой подруге Анне Шётт, которая в тот момент была в Париже:

> «Но в радости есть и горчинка… Последнее увлечение Фритьофа — фру Торвальд Хейберг (в девичестве Оберг), хоть я и сама дала им своё благословение. А вот у меня увлечения нет».

В будни же жизнь семьи великого полярника протекала не так радостно — особенно доставалось детям (через 11 месяцев после Одда родился Осмунд, и в семье стало пять малышей). Нансен считал, что их надо держать в «ежовых рукавицах», а Ева хотела детей баловать, как её саму баловали в детстве. Но ей приходилось подчиняться мужу.

Нансен хотел воспитать в детях характер — и они ходили в перешитой после старших одежде и ели кашу на завтрак и ужин.

> «Мне кажется, — *вспоминала Лив Нансен-Хейер,* — что мы, дети, подсознательно чувствовали какое-то несоответствие между нашей будничной пищей и роскошью праздников. Нам страшно надоедала неизменная каша. Мы с Коре давились ею. И как только отец уходил после завтрака читать газеты или почту, мы бежали к окошку и выбрасывали всё, что было в тарелках».

В кабинет к отцу в башню детям было запрещено заходить без зова или заранее полученного разрешения.

Спартанская жизнь отражалась и на ведении хозяйства. Денег Еве выдавалось «впритык» — и просить ей всегда было нужно не

столько у мужа, сколько у его брата Александра, который ведал всеми финансовыми делами. Деверь же считал своим долгом выговорить нерадивой жене брата за расточительное ведение хозяйства, а попрёков Ева не любила и предпочитала экономить на всём, лишь бы не обращаться лишний раз к Александру. Когда же возникала острая необходимость, то она сначала звонила по телефону Аде Хьютфельд, своей племяннице, работавшей в конторе адвоката Нансена, и справлялась, когда можно заглянуть за деньгами. Ада сочувствовала Еве и всегда говорила, когда Александр будет на совещании, — тогда фру Нансен смело приходила в контору и получала от своей племянницы столь необходимые деньги.

Лив Нансен-Хейер вспоминала, что отец мог быть необыкновенно щедр, но чаще всего старался бережно тратить деньги. Он и детей приучал к бережливости.

Хуже всего, по воспоминаниям родственников, дела обстояли, когда Нансен впадал в чёрную меланхолию. Тогда всем приходилось несладко. Но таков уж был у него характер.

Глава восьмая
На новом поприще

В 1905 году происходит разрыв Норвегией унии со Швецией и создаётся новое монархическое государство. Фритьоф Нансен был в центре этих исторических событий. Именно он сумел «уговорить» датского принца стать норвежским королём. Но обо всём по порядку.

* * *

Норвежское королевство сформировалось как единое целое на рубеже IX–X веков, а окончательно централизация произошла в XIII веке. Несколько столетий Норвегия была независимой и важной державой на севере Европы, однако с XIV века стала постепенно «сдавать позиции» и попадать в зависимость от Швеции, а затем и Дании. Начиная с этого времени и до XVI века шёл медленный процесс подчинения Норвегии датской короне. В результате образовалось Датско-норвежское королевство, где был единый король — датский, который также носил и титул короля Норвегии.

Однако в 1814 году датский король Фредерик VI, последний союзник Наполеона, потерпел поражение в войне со Швецией и 14 января 1814 года по Кильскому мирному договору уступил ей Норвегию. Народ с таким положением вещей не согласился — и в результате борьбы за независимость Норвегии в феврале того же года была провозглашена независимость страны, создано временное правительство, а регентом стал бывший датский наместник — 28-летний наследный принц Дании Кристиан Фредерик (1786–1848). В апреле в местечке Эйдсволл было созвано Государственное собрание, которое 17 мая приняло норвежскую конституцию — пожалуй, наиболее демократичную для того времени во всей Европе. Разрыв унии с Данией ознаменовал собой конец почти 400-летнего датского владычества, или «четырёхсотлетней ночи».

К сожалению, исторические обстоятельства складывались далеко не лучшим образом. Уже в ноябре 1814 года Норвегия вынуждена была вступить в новую унию со Швецией, что означало утрату независимости. С этого дня и вплоть до 1905 года короли Швеции были и королями Норвегии. Новое государство называлось Объединенные королевства Швеция и

Норвегия, где каждая из составных частей была полностью самостоятельна во внутренних делах, имела свою конституцию, парламент, правительство, армию, полицию, почту и государственный флаг.

Норвегия в результате выиграла много: из фактически бесправной провинции Дании она превратилась в конституционную монархию.

Швецию и Норвегию связывали личность короля, единое внешнеполитическое ведомство и единая дипломатическая и консульская служба, а на флаге каждого королевства помещался общий знак унии. Король получал право назначать в Норвегию вице-короля, или наместника, но это был единственный пост в Норвегии, на который можно было назначать шведа. Король не получал в Норвегии права натурализации иностранцев. Членов правительства, губернаторов, епископов, чиновников центральных ведомств король мог назначать только из подданных Норвегии. Из состава Государственного совета выделялись три его члена, которые должны были присутствовать в Стокгольме при короле и принимать участие во всех решениях, касающихся общих для обеих частей унии вопросов.

На протяжении всей эпохи шведско-норвежской унии между обеими частями её шла более или менее острая борьба: шведы стремились подчинить себе Норвегию, а норвежцы старались расширить свою самостоятельность. Борьба была упорной, и в 1884 году Норвегии удалось добиться введения парламентаризма — ответственности правительства перед парламентом. Позиции унионистов в Норвегии постоянно ослабевали, и к концу XIX века встал вопрос о расторжении унии и соответственно о судьбе династии Бернадотов в Норвегии.

Норвежцы стали добиваться создания собственной внешнеполитической службы и внешнего представительства, для начала — норвежских консульств. Наиболее радикальные представители выдвинули лозунг полного расторжения унии.

После длительных стычек и примирений в начале 1905 года норвежское коалиционное правительство либерала К. Миккельсена (бывший мэр Бергена, приветствовавший Нансена после экспедиции на «Фраме»), в которое входили и консерваторы, провело через стортинг закон о самостоятельной норвежской консульской службе. На это последовало вето короля Оскара II. Правительство Миккельсена подало в отставку, которую король не принял — он просто мог сформировать иной кабинет.

7 июня 1905 года Стортинг принял единогласное решение о расторжении унии со Швецией, а полномочия короля передал

правительству. Одновременно норвежский парламент обратился к Оскару II с просьбой разрешить одному из принцев династии Бернадотов занять трон Норвегии.

В августе был проведён всеобщий референдум, на котором за сохранение унии высказалось только 184 человека.

Швеция поняла, что унию необходимо расторгать — иного выхода нет, и конвенция была подписана в октябре.

На повестке дня стал вопрос о новом короле.

* * *

Нансен всегда в большей или меньшей степени интересовался политикой.

Вместе с отцом и братом ещё семнадцатилетним юношей он отправился на знаменитое собрание 13 марта 1879 года в Кристиании, где речь шла о норвежском флаге. Там присутствовал весь цвет Норвегии — учёные, политики, музыканты, художники, писатели. Мнения у всех были разные, но в одном все были едины — у Норвегии должен быть собственный флаг, исключительно норвежский.

Отец Нансена был сторонником унии и резко выступал против разрыва договора со Швецией. Он даже вступил по этому поводу в полемику с Бьёрнсоном. Тех же взглядов придерживался и его сын Александр, который в университете возглавлял движение студентов, выступавших в защиту шведского короля.

Фритьоф же был за независимость родной страны и много раз заявлял об этом устно и письменно. Однако дружбу между братьями эти разногласия никогда не омрачали.

Уже названия его пяти статей, написанных в феврале — марте 1905 года, свидетельствуют об их целенаправленности: «Мужество», «Путь», «Мужчины», «Мод», «Легкомыслие», «Воля». «Речь идёт сейчас ни больше ни меньше, как о самостоятельности и чести Норвегии», — пишет Нансен в одной из статей. Эта позиция его тверда и неизменна, он проводит её во всех своих выступлениях. «Король, — пишет он в другом месте, — обязан прежде всего охранять самостоятельность и честь нации. На то он и король. Воля норвежского короля не может быть иной, чем воля народа».

В другой статье Нансен призывает норвежцев:

> «К смелости! Нас пытаются запугать тем, что дело станет серьёзным, если мы пойдём по прямому пути, единственному, который мы считаем ясным и

приемлемым… Нас пугают тем, что мы склоняемся к незаконному положению, что на долгое время будем изолированы в Европе, что будем под угрозой нападения Швеции. Извечный страх! И никто не говорит о смелости. А разве весь народ не может быть смелым? Когда-то, во всяком случае, Норвегия обладала смелостью…»

«Вклад Нансена в разрешение конфликта вокруг унии довольно значителен и свидетельствует о политическом и дипломатическом таланте Нансена, — пишет П. Э. Хегге. — Он проявил необычную для себя способность к компромиссам; будучи радикально настроенным республиканцем, он стал одним из первейших поборников монархии, поскольку считал, что позиция Норвегии как королевства будет сильнее. Уже в 1905 году очень многие полагали, что он должен войти в правительство. Согласно конституции, членами королевского совета могли стать только те, кто был сторонником государственной церкви. Нансен же был убеждённым атеистом и мысли не мог допустить, что путь к месту в королевском совете лежит через мессу».

К Нансену неоднократно обращались политики. Один из них писал:

«Вы писали: „Нам нужны мужественные люди!“ Вы имеете на то право, ибо вы Мужчина. И вы имеете право крикнуть: „Смелость!“ — ибо вы сами доказали собственную смелость. Вы говорите нам, что не можете быть государственным министром, так как отказались от религии. Но напомню вам известные слова Генриха IV: „Париж стоит мессы!“ Возьмите руль в свои руки, Фритьоф Нансен! В этот момент вы — знамя Норвегии!»

Норвежский писатель Гуннар Хейберг, который в будущем произнесёт множество критических замечаний в адрес Нансена, также присоединился к гласу народа:

«В эти дни Нансен доказал, что и в политике он может влить в нас свою смелость, свою энергию и огромное чувство собственной ответственности. И это не бюрократическая ответственность с оглядкой и нерешительностью, а настоящее сознание долга духовного вождя, планирующего великие планы и осуществляющего их со всей силой своей воли и с

готовностью заплатить жизнью за свою веру. Вспомним, что говорит Ибсен:

„Самый сильный человек тот, кто стоит один“.

Фритьоф Нансен стоял один под полярным небом. За эти дни мы все почувствовали: человек с Ледовитого моря — горячий человек!»

Однако следует избежать опасности делать из Фритьофа Нансена главного героя в борьбе за независимость Норвегии. Он был одним из многих верных её сыновей, одним из самых известных. Однако двигателем «революции» был премьер-министр Кристиан Миккельсен. Именно он срежиссировал весь «спектакль». Собственно, Фритьоф и помог ему стать 11 марта премьер-министром, резко выступив против Швеции в своих статьях и произнеся 10 марта краткую убедительную речь в крепости Акерсхус. За столь яростный напор Бьёрнсон даже обозвал Нансена «белым медведем». Медведь или нет, но цель была достигнута.

Миккельсен отправляет Нансена в Лондон через Берлин. Фритьоф рассчитывает встретиться с императором Вильгельмом, однако тот от встречи уклоняется, чем очень обижает Нансена. Тот едет далее в Англию, где выступает с докладом в Королевском географическом обществе и одновременно публикует статьи и целый ряд интервью в английских газетах на тему шведско-норвежских отношений.

По возвращении домой 17 мая Нансен произносит напыщенную речь, которая, однако, по тем временам произвела на слушателей нужное «патриотическое» впечатление. В этой же речи он впервые заговаривает о большей жизнеспособности малых народов, потому что «им надо напрягать усилия и направлять свой взор вовне», и об определённой богоизбранности норвежцев:

> «Мы можем с гордостью назвать целый ряд блистательных имён, которые в последние годы за короткий срок в различных сферах духовной жизни породил наш маленький народ, а ведь нас всего полтора-два миллиона. Только посмотрите на них. Все эти люди — сильные личности, которые не побоялись в одиночку выступить против устоев, это викинги в душе, для них жизнь — борьба, а борьба — сама жизнь».

Уния, как мы уже говорили, распалась 7 июня, и вскоре Миккельсен решает отправить Нансена в Копенгаген.

«Ещё до общего урегулирования конфликта со Швецией норвежцы стали зондировать почву по дипломатическим каналам, — *пишет В. В. Рогинский.* — Поздно вечером 29 июня на квартиру британского поверенного в делах в Копенгагене был приглашён второй сын наследного принца Дании Фредерика (будущего короля Фредерика VIII), 32-летний принц Карл Датский. Перед ним бывший шведско-норвежский посланник в Мадриде, один из немногих дипломатов-норвежцев, Фриц Ведель-Ярлберг[50] от имени своего правительства поставил вопрос: не согласится ли он стать королём Норвегии? Молодой морской офицер был смущён и сначала очень колебался. Однако не без советов отца вскоре дал принципиальное согласие, хотя официально ещё какое-то время всё дело держалось в глубокой тайне. Вопрос о разрыве унии ещё не был решён, и, кроме того, Оскар II медлил с ответом о возможности избрания принца из дома Бернадотов норвежским королём. Большую роль в переговорах с принцем Карлом сыграл Фритьоф Нансен, всемирно известный полярный исследователь, а в 1905 году один из активнейших поборников разрыва унии со Швецией.

Кандидатура принца Карла на норвежский престол очень подходила правительству страны во многом по внешнеполитическим соображениям. С 1896 года он был женат на принцессе Мод (1869–1938), младшей дочери британского короля Эдуарда VII и королевы Александры. Естественно, поддержка Великобритании в этой ситуации была очень ценной. Кроме того, что в династических делах очень важно, у принца Карла был двухлетний сын — будущий наследник. Кандидатура принца была желательна ещё и ввиду одного немаловажного обстоятельства — он был родственником дома Бернадотов. Его мать, кронпринцесса Луиза Датская, была дочерью шведского короля Карла XV. Общавшихся с принцем Карлом норвежцев подкупил и его искренний демократизм (именно он потребовал всенародного референдума), серьёзность и понимание ответственности».

Фритьоф Нансен, который в 1905 году неоднократно приезжал в Копенгаген, так охарактеризовал принца в своём дневнике:

«Ещё летом я разговаривал с незрелым юношей, а

> теперь он превратился в настоящего мужчину. И чем горячее он отстаивал свою правоту, тем больше вызывал у меня уважение. Я ему сказал, что его слова ещё больше убеждают меня в том, что он именно тот человек и именно тех либеральных взглядов, которые подходят для норвежского трона. И всё-таки он продолжал стоять на том, что в таком важном вопросе должен высказаться народ, и заметил, что здесь он более либерален, чем я».

Речь шла о том, что принц Карл стал настаивать на проведении в Норвегии референдума по поводу формы правления — монархия или республика.

После того как Швеция признала разрыв унии, в Норвегии началась агитация в пользу провозглашения республики, за которую выступили радикальные «Венстре» (либералы), Норвежская рабочая партия, другие рабочие организации более умеренного толка. Кроме того, звучали голоса, призывавшие провозгласить королём самого Нансена. От предложенной чести Фритьоф отказался. Он мотивировал это тем, что он «слишком большой эгоист и предпочитает сохранить полную свободу действий и быть свободным человеком».

В этих условиях принц Карл предложил провести референдум о форме правления, состоявшийся в ноябре: 259 536 голосов было отдано за монархию, за республику только 69 264.

Вне всякого сомнения, принц и принцесса очень хотели взойти на престол нового государства. Фритьоф пишет Еве в июле:

> «Датский принц Карл и принцесса Мод очень хотят стать королём и королевой Норвегии, и этот вопрос уже обговорён с королевскими домами Дании и Англии». Однако в первые встречи с Нансеном они были очень осторожны, потому что, по словам самого Фритьофа, «думали, что я выступаю за республику и хочу быть президентом, ведь так принято считать за границей».

Постепенно все недоразумения были улажены, и после проведения референдума 18 ноября 1905 года стортинг утвердил изменения в основном законе и избрал принца норвежским королём. Он взошёл на престол под именем Хокона VII, а его сын Александр стал носить имя Олава. 25 ноября молодой король прибыл в столицу Норвегии Кристианию, 27 ноября — принёс присягу в стортинге на верность конституции, а 22 июня 1906 года король Хокон и королева Мод были торжественно коронованы в старинном соборе Нидарос в Трондхейме.

25 ноября Нансен с Евой встречали королевскую чету на причале. С этого дня они много раз встречались и близко подружились с Хоконом и Мод.

Год для Нансена выдался очень утомительным: он много ездил по всей стране и чуть ли не больше — за её пределами. Он устал — и от участия в политических играх, и от собственной личной жизни, которая, даже несмотря на его невероятную занятость, не стала менее бурной.

* * *

Неподалёку от дома Нансенов жил известный художник Герхард Мюнте с женой Сигрун Мюнте. Сигрун была ученицей Герхарда, на 20 лет моложе его и вышла замуж за маститого учителя в 1886 году в возрасте 17 лет. Красивая и экзальтированная соседка с очень нестандартными представлениями о браке и взаимоотношениях с окружающими не могла не привлечь внимания известного ценителя женщин.

Судя по различным мемуарным источникам, роман завязался в начале 1905 года. Фритьоф много времени проводит с Сигрун, что не остаётся незамеченным окружающими. Влюблённые стараются соблюдать приличия — и объясняют домашним, что оба обожают конные прогулки, на которые и отправляются чуть ли не каждый день.

В 1938 году, через восемь лет после смерти Нансена, Сигрун переберёт все письма, написанные ей Фритьофом, внимательно перечтёт их и спрячет в банковскую ячейку. Она всю жизнь панически боялась пожаров — и погибла в нём в 1957 году. Но вот все её бумаги уцелели — и среди них фотография, сделанная 9 июня 1905 года, когда в крепости Акерсхус был спущен шведско-норвежский флаг и поднят уже «чисто» норвежский флаг. Ева тогда с детьми ехала в Сёркье, и на торжественное событие Нансен прибыл с фру Мюнте. Конечно, это не осталось незамеченным — и породило многочисленные пересуды.

Роман развивался стремительно — и вскоре Сигрун стала угрожать Фритьофу покончить жизнь самоубийством, если он не женится на ней. Разрушение двух браков её совершенно не смущало. Позже будет сказано много слов о её психической неуравновешенности — но Нансен действительно испытывал к ней сильные чувства. Об этом говорят и её портреты, сделанные им. Особенно известна одна его литография, выполнить которую помог Эрик Вереншёльд.

Эрику приходилось выступать в роли «жилетки» для

Фритьофа, который буквально разрывался, как это бывало и ранее, между двумя женщинами. Но надо быть справедливыми — Еву он не помышлял оставить НИКОГДА, ни при каких обстоятельствах.

В начале 1906 года положение было почти угрожающим, но везунчику Фритьофу судьба улыбнулась и на этот раз — ему предложили стать одним из семи министров (дипломатический ранг на ступень ниже посла), представляющих Норвегию за границей. И в апреле 1906 года, после того как успешно прошла операция по удалению аппендицита у маленького Одда, он отбывает в Лондон.

Однако Ева в очередной раз предпринимает попытку выяснить отношения и пишет мужу вскоре после отъезда:

> «Сдается мне, ты всё-таки чуть влюблён в фру Мюнте. Ты же всё время искал её общества, как мне кажется, проводил с ней времени больше, чем того позволяли приличия. Я чувствовала, что ты и меня любишь и жалеешь, но не можешь отказаться и от её общества. Меня мучает и разрушает ревность, особенно с тех пор, как я увидела, что она упала с лошади, а ты несёшь её на руках и смотришь на неё совершенно по-особому».

Фритьоф испугался — он прекрасно понимал, что даёт жене не просто повод для ревности, а буквально мучает её. Ева постоянно пишет ему и рассказывает, как расстроена Сигрун его отсутствием, как шепчутся их знакомые у неё за спиной — и как тяжело самой фру Нансен, ведь ей необходимо поддерживать с соседями видимость хороших отношений:

> «Мне трудно общаться с ней. Я с трудом выношу её, она приводит меня в ярость. Я не верю, что ты серьёзно ею увлечён. Ведь ты любишь меня. Или она так неотразима?»

Нансен пребывал в это время в депрессии. Едва приехав в Лондон, он записывает в дневнике:

> «Мне присылали поздравления многие, даже король, все в общем умные люди. Если б они только знали, как мне противна эта жизнь и как мало я для неё пригоден. Но я заметил, что многие стали относиться ко мне с большим почтением, ещё бы, ведь это такое „повышение“, теперь мне и цена другая».

А пожив немного в Лондоне добавляет:

> «Большинство людей, по-моему, думают в первую очередь о том, какое впечатление они производят на других, даже на своих подчинённых. Многие остерегаются высказать своё мнение по сложному вопросу из боязни показаться дураком. Другие высказываются туманно, надеясь придать себе значительности. Всю свою жизнь мы стараемся быть такими, какими бы хотели бы нас видеть окружающие. Кто живёт ради себя самого? Кто живёт своей собственной жизнью? Кто в состоянии избегнуть этой бессмысленной траты времени?»

Фритьоф чувствует себя усталым: «Зачем я здесь и как это всё получилось?» — но тем не менее живёт насыщенной жизнью — и политической, и светской.

17 мая в Лондоне в норвежской миссии празднуют День независимости Норвегии. На торжество приходит находящийся в то время в Великобритании Эдвард Григ, который произносит пламенную речь, а затем слово берёт первый посол Норвегии в Англии — и говорит о величии своего народа. Некоторые высказывания вряд ли можно назвать политкорректными с современной точки зрения:

> «Григ, Бьёрнсон и Ибсен — вот истинные представители нашего народа. Подумайте о таких странах, как Болгария или Сербия! У них нет таких великих представителей, которых оценила бы великая Европа».

Фритьоф обо всём пишет своей Еве — но письма его стали намного сдержаннее. Лив вспоминала:

> «Родители понимали, что нельзя больше расставаться так надолго и так часто, и вскоре начали подумывать, не лучше ли будет всей семьёй переехать в Лондон. Но когда дошло до дела, мама из-за детей передумала. Отец не разделял её страхов, но не хотел показаться эгоистом. Во всяком случае, ему надо было осмотреться и подыскать дом для семьи.
>
> Каждый из них думал о своём: Фритьоф переживал, что за последний сумбурный год они с женой отдалились друг от друга. Они уже не были так откровенны друг с другом, как прежде, притом по его

вине. Отец замкнулся в себе и не мог преодолеть этой замкнутости. Мама делала вид, что ничего не случилось. Она никому не показывала, как ей тяжело. На людях она держалась, хоть это и нелегко ей давалось.

Дома было куда хуже. Я уже подросла и понимала, что что-то неладно. Иногда у мамы делалось такое задумчивое лицо, что я даже пугалась: брови нахмурены, так легко улыбавшиеся раньше губы крепко сжаты, словно она принимает какое-то важное решение. Меня пугало её лицо, я привыкла следить за его выражением. Как-то вечером я зашла в гостиную пожелать ей доброй ночи, она сидела за столом и писала отцу. Увидев меня, она быстро отложила лорнет и торопливо вытерла глаза. Но было уже поздно.

„Что-нибудь случилось, мама?“ — спросила я. Так всё выяснилось, и мы совершенно естественно заговорили об этом. „Только то, — сказала мама, — что твой отец за последний год стал другим. Словно его подменили. Дома он всё время чем-то занят — либо работой, либо политикой, либо думает о чём-то своём, словно мамы для него не существует. Он пишет маме милые ласковые письма, но даже в письмах нет былой откровенности. Мама думала, что он кем-то увлечён, ведь такое случается. Но его не в чем упрекнуть. Тут уж ничего не поделаешь, возможно, всё у него пройдёт и он станет прежним. Надо надеяться и не вешать носа…“

Переписка моих родителей лежит передо мной. Красноречивые письма. Из них явствует, как родители любили друг друга, не могли жить друг без друга и каким трогательным и неуклюжим был отец, когда тщетно пытался выпутаться из того сложного положения, в котором очутился».

Положение действительно было сложным и неприятным. Нансен «засел» в Лондоне, где вёл переговоры о получении Норвегией гарантий самостоятельности и нейтралитета, и одновременно увяз в не менее тяжёлых переговорах с собственной женой, которую просто загнал в угол.

В ответ на письма о Сигрун Мюнте, когда уже стало бессмысленно отрицать очевидное, Фритьоф пишет Еве, что Сигрун неадекватна и экзальтированна, что Еве не надо к ней приближаться и по возможности не стоит общаться.

В письме от 29 мая он заявляет вообще удивительные вещи:

«Фру М. не совсем нормальна. И когда я проводил с

ней столько времени вместе, то делал это не ради собственного удовольствия, а совсем наоборот, потому что после встреч с ней я всегда становился подавленным и грустным. Я встречался с ней потому, что относился к ней как к пациенту. Я заботился о ней! Я был очень расстроен, что она вернулась домой из-за границы раньше, чем я сам уехал, потому что тогда бы я избежал встречи с ней». Фритьоф пишет, что боится, будто Сигрун может покончить с собой.

Но вряд ли подобные письма могут обмануть какую-нибудь женщину, тем более такую умную и проницательную, как Ева. Она продолжает не верить мужу и требует объяснения. Она даже не едет на коронацию (уже после примирения) норвежского короля в Трондхейм, куда по служебной надобности прибывает норвежский посол в Англии.

После долгих попыток успокоить жену Фритьоф призывает на помощь посредника-миротворца. Им становится аккомпаниатор Евы, пианистка и друг семьи Ингеборг Мотцфельдт. «Добрый ангел» смог успокоить фру Нансен, которая позднее писала:

«Ингеборг М. — мой самый дорогой друг, который у меня когда-либо был, и никогда в жизни я её не забуду».

В письме из Трондхейма Нансен с иронией рассказывает Еве о плавании на роскошной королевской яхте:

«Когда я вспоминал, к каким условиям жизни я привык — на „Фраме“ и в других местах, — то думал, что здешняя роскошь произведёт на меня сильнейшее впечатление. Однако я всё воспринял как должное. Может быть, я слишком избаловался. У меня на одного три каюты — спальня, гардеробная и ванная с туалетом. Мне явно этого многовато. Меня даже спросили, где мой слуга, — и мне стало жаль, что я не озаботился этим. Ты только подумай, как тяжко мне приходится — я вынужден одеваться самостоятельно!»

Постепенно Ингеборг смогла восстановить мир в семье — но Еву всё время раздражает присутствие соперницы. Она пишет мужу в Лондон:

«Фру Мюнте вновь села на своего конька и вновь стала обсуждать институт брака. Она считает, что

брачные узы — полная ерунда и если кому-то надоел супруг или супруга, то надо просто разорвать отношения. Я отвечала, что если бы мой муж не любил меня, то я не стала бы с ним оставаться. Но она мне не поверила. Разговор был лишён всякого смысла, однако её блестящие глаза были похожи на две чёрных дыры в черепе, и я поняла, что она вообразила, будто ты любишь её и из чистого великодушия не уходишь от меня к ней. Бедняжка, мне даже её жалко, но всё это становится утомительно и очень неприятно, она навсегда омрачит небосклон моей жизни».

К сожалению, голубое небо жизни фру Нансен омрачала не только фру Мюнте, но и другие женщины.

По долгу службы Фритьоф ведёт не только деловые переговоры в Англии, но даёт бесконечные балы и сам присутствует на них, о чём пишет жене:

«Странная жизнь. Я чувствую себя статистом и автоматом. Эти придворные балы. Они до того бессмысленны, что даже интересно. Часами мужчины и женщины проходят перед троном, отвешивая глубокие поклоны двум куклам, а все остальные стоят и с важным видом взирают на это. Дамы, проходя перед ними, до того волнуются, что дрожат всем телом и тянут за собой шлейф в 12 футов, который не так-то легко тащить».

А в другом месте записывает:

«Я мечтаю о том, чтобы разорвать эти оковы, я стосковался по лесу и моим вольным горам. Приручить меня невозможно».

Однако Фритьоф вовсе не так уж и страдал от развлечений. Одним из самых любимых его занятий в Лондоне была охота на лис. В марте 1907 года, в сезон охоты на лис, он напишет Еве:

«Охота на лис, пожалуй, самый увлекательный вид спорта из всех мною испробованных. Завтра снова еду на охоту в Бельвил Кастл, для меня обещали нанять двух хороших лошадей. Вернусь завтра вечером, но на следующей неделе надеюсь ещё раз выбраться».

А ещё господин посол с большим удовольствием посещал оперу, театры и музыкальные салоны, где неизменно был окружён

женщинами. Леди Осмунд, леди Уотс, леди де Грец, леди Стенли, герцогиня Сазерлендская были в числе «почитательниц» великого полярника и норвежского посла. О некоторых из них Фритьоф даже рассказывал в письмах Еве. Жена отвечала так:

> «У нас тут говорят, что все дамы английского высшего света влюблены в тебя и что они просто тебя замучили. Так что берегись!»

Ева, несмотря не примирение, продолжала страдать и в своих письмах постоянно говорит мужу, что похожа на старуху, что он уже не сможет любить её, что она подурнела и располнела…

Однако Фритьоф заверяет её в своей любви — и после коронации в Трондхейме приезжает в Сёркье, где собралась вся семья и её многочисленные друзья и родственники.

Отдых Нансену был необходим, потому что работа отнимала много сил.

> «Составление договора о суверенитете страны, — *пишет Лив,* — стало главной задачей Нансена в Лондоне. Он взялся за это дело с обычной энергией, тем более что и сам был в восторге от этой идеи. Ноябрьский трактат, заключённый во время Крымской войны в 1855 году, устарел. Он был подписан лишь Францией и Англией, а теперь норвежское правительство хотело бы его дополнить. Этим вопросом занимались норвежские миссии в Париже, Санкт-Петербурге и Берлине. Нансену было поручено вести переговоры с английским правительством.
>
> Нансен относился к дипломатическим обязанностям так же добросовестно, как к научной работе. Иргенс, его друг и соратник по работе, говорит:
>
> *„В деятельности Нансена — путешественника, государственного деятеля, дипломата и учёного — бросалось в глаза его стремление проникнуть в самую суть проблемы. Владея английским языком как языком родным, Нансен был знатоком английской литературы и науки. Англичане относились к нему дружественно и всячески помогали ему“.*
>
> Но до подписания договора пришлось расколоть немало крепких орешков».

Когда Нансена назначили на должность посла, многие газеты,

в том числе и шведские, иронизировали по поводу того, как полярный исследователь, который больше привык общаться с белыми медведями, в своём спортивном «нансеновском» костюме придётся к английскому двору. Оказалось — отлично. Хорошо образованный представитель аристократической датско-норвежской фамилии блестяще говорил на пяти языках и прекрасно держал себя в обществе. Кроме того, он всегда умел очаровывать людей и с присущей ему энергией двигался к цели.

Отдых в конце лета в Сёркье стал для семьи Нансенов временем выстраданного счастья. Ева ждала и, волнуясь, писала мужу:

> «Ты ведь напишешь, когда примерно ждать тебя, я только об этом и думаю — как мы встретимся и понравится ли тебе у нас после светской жизни. Как ты думаешь, я ещё понравлюсь тебе? И не скажи, что эти мысли странные, ведь тебя так долго не было, между нами столько произошло. Но всё будет хорошо. Как хорошо, что я здесь! Хорошо уехать от злобы, сплетен и этих баб!»

Осень 1906 года была поистине отдыхом для обоих. Нансен звал семью поехать с собой в Лондон, но Ева не решилась переехать в другую страну, отговорившись тем, что смена климата будет плоха для детей. Однако сама вместе с «добрым ангелом» решилась навестить мужа в Англии. Они приехали в Лондон в октябре, через 10 дней после отъезда туда Нансена.

Дамы посещали музеи и выставки, слушали оперу и с удовольствием предавались любимому занятию женщин — ходили по магазинам. А потом обедали в «Ритце». Ева обожала ходить с мужем в зоопарк или прогуливаться по Гайд-парку.

Фритьоф далеко не всегда мог составить компанию жене и её приятельнице, поскольку был очень занят на дипломатическом поприще. Кроме того, в Лондон как раз в это время прибыла с официальным визитом норвежская королевская чета.

12 ноября 1906 года Нансен стоял на причале в Портсмуте и встречал корабль, на котором прибыли король Хокон и королева Мод. «Дейли ньюс» писала:

> «Норвежцы — бесстрашный и искренний народ. Нансен — прекрасный пример истинного норвега, и очень умно, что именно он будет сопровождать своих короля и королеву в турне по Англии».

Лив Нансен-Хейер пишет:

«О том, как мама провела там время, я знаю только, что это было великолепно. Чуть больше светской жизни, чем ей хотелось бы, но тут, конечно, ничего нельзя было поделать: многие хотели познакомиться с фру Нансен.

Ингеборг Мотцфельдт рассказывала мне о приёме в Виндзорском замке. Мама наперёд знала, что она не сможет тягаться с прочими дамами по части элегантности туалетов и сверкающих бриллиантов.

И потому решила одеться совсем просто. Она поехала в Виндзорский замок в скромном белом крепдешиновом платье, без единого украшения.

„Но вот она запела, — рассказывала Ингеборг. — Пожалуй, самые бурные аплодисменты вызвал „Лесной царь“. И тут отец не мог скрыть гордость за маму“».

Чета Нансенов жила в то время в Виндзоре, где проходили торжества в честь Хокона и Мод. Нансен часто танцевал с королевой — как написано в одном из дипломатических отчетов, «они практически не покидали танцпола».

Именно в это время Мод и Фритьоф очень сблизились, они часто ездили на конные прогулки — совсем как год назад с фру Мюнте.

К Рождеству все вернулись в Норвегию.

Лив вспоминала:

«Пока мы были маленькие, то Рождества всегда ждали с радостью и нетерпением. Но в те годы, когда отец приезжал на Рождество из Лондона, этот праздник был радостным вдвойне.

Отец сам шёл с топором и верёвкой в лес, мы все следом за ним, выбирали там лучшую, самую красивую ёлку и с торжеством везли её на санях домой.

В середине зала устанавливали эту великолепную ёлку, верхушка её возвышалась над галереей. Мама украшала ёлку серебряным дождём, флажками и белыми свечами, а папа укреплял на верхушке звезду. В последнюю очередь на ёлке развешивались подарки. Тут-то и начинало нас томить нетерпение, потому что никого из детей тогда не пускали в зал.

На Рождество всегда приходили Да и Доддо[51], иногда тётя Ида с дочерьми, тётя Сигрид — если она находилась в Норвегии. В то Рождество были только Да и Доддо. Они, как обычно, пришли к пяти часам вечера, обвешанные разными свёртками и засыпанные снегом.

Сперва полагался чай в столовой со всевозможными

мамиными печеньями. Затем отец незаметно уходил зажигать свечи на ёлке. Во всяком случае, он думал, что этого никто не видит. Но дети уже не могли сидеть спокойно. Они вскакивали, танцуя и толкая друг друга, и смеялись без всякого повода. И вдруг среди этого шума раздавался громкий возглас отца: „Гасите свет!“

Затаив дыхание, ждём мы в темноте у входа в зал торжественной минуты, и тут раздвинулись двери и из зала хлынуло целое море света. А вот и отец, улыбается и, довольный, смотрит, как дети гурьбой врываются в комнату.

Из кухни пришли три горничные в белоснежных передниках и кучер в праздничном костюме. Мы все вместе поём рождественские песни и водим хоровод вокруг ёлки.

Голос мамы звучал звонко и сильно, и я заметила, что отец не поёт, а как зачарованный слушает её.

Наконец наступила очередь подарков. На полу развернули бумагу и разложили игрушки. Книжки. Новые лыжи, а среди всего этого ребятишки. Отец сам, как большой ребёнок, с увлечением расставлял баварскую деревушку, подаренную малышам госпожой Мей, нашей мюнхенской приятельницей. Теперь уже мама стояла как зачарованная и смотрела на отца.

Все что-то дарили друг другу, и сколько тут было радостных благодарных возгласов!

Особенно ждали мы посылку от королевы. Мы всегда заранее писали ей, кто чего хочет, и боюсь, что просьбы наши не всегда были скромными. Помню, сама я получила несказанно красивый шёлк на бальное платье. Мама и я не нашли слов от восхищения.

<…> А затем все собрались, чтобы торжественно выпить рождественской мадеры. Мама и отец чокнулись со всеми, все желали друг другу счастливого Рождества. Малыши морщились от непривычного вкуса мадеры, мы же с Коре с удовольствием выпили свои бокалы до дна. Но вот распахнулась дверь в столовую, и мы пошли к рождественскому столу. Отец занялся разделкой ветчины, грудинки, свиной головы и студня. Мама кормила маленького Осмунда. Она была необыкновенно хороша в своём светло-сером шёлковом платье с кружевами на груди и пышными рукавами с поперечными складками.

<…> Она выглядела совсем молодой. Отец тоже

так считал. В этот вечер он подошёл к ней, обнял за плечи и сказал, что она красива, как никогда. Он стоял рядом с ней, высокий, сильный и такой же стройный, как она.

Наевшись до отвала, мы выползли в холл, где, уютно устроившись у пылающего камина, попивали кофе с пирожными. А после этого нас ожидали рождественские сладости в маминой гостиной. Но на этого малышей уже не хватило.

<…> Этот рождественский вечер ничем не отличался от других. Но он мне запомнился так ярко потому, что это был последний Рождественский сочельник при жизни мамы и последний по-настоящему светлый и весёлый праздник в Пульхёгде».

В тот сочельник не очень весело было королевской чете. Это было их первое Рождество в Норвегии — и королева Мод чувствовала себя неуютно вдали от большой семьи. В своём дневнике она записала:

«Мы праздновали Рождество в полном одиночестве втроём и были слегка расстроены, потому что были так далеко от своих родных, но, к счастью, наш маленький Олав был очень счастлив и забавлял нас своими играми вокруг ёлки, которую мы нарядили собственноручно».

Но сразу после Рождества королевскую чету ждали настоящие «норвежские» зимние развлечения, к которым они были совсем непривычны. После перехода Нансена через Гренландию лыжи стали не только национальным видом спорта, но и «национальной идеей», а потому Фритьоф принялся учить королевскую чету стоять на лыжах. Особенно преуспела в этом искусстве королева Мод.

Она вообще была необыкновенной женщиной. В детстве её прозвали Гарри за озорство и мальчишеские замашки. А уже во взрослом возрасте, к ужасу королевы Виктории, она увлеклась велосипедом. Она очень интересовалась полярными исследованиями и автомобилями. После переезда в Норвегию стала заядлой лыжницей. Ей очень хотелось самой попробовать полетать на аэропланах, но супруг не давал своего согласия — это было слишком опасно. Всё же соблазн был велик, и королева рискнула. Единственный раз в жизни она прокатилась на самолёте, чем рассердила своего супруга.

Биограф Хокона и Мод писатель Тур Буман-Ларсен утверждает, что в январе 1907 года министр Нансен более 20 раз

посетил королевскую чету — и чаще всего они ходили на лыжах. Мод ещё обожала кататься на санках — она очень любила быструю езду, и Фритьоф взялся показать ей, что «на лыжах она может лететь быстрее птицы».

В конце января Нансен уезжает в Лондон. И в первом же своём письме к нему король Хокон пишет:

> «Мне бы наверняка не стоило говорить вам, как высоко мы оценили вашу дружбу во время зимних каникул, но я лично был счастлив познакомиться с вами поближе и понять, какого замечательного друга я обрёл в вашем лице».

Фритьоф отвечает в том же тоне — он действительно станет верным другом королевской четы.

В Лондоне он очень скучает — по Норвегии и своей семье, а Ева вновь ревнует — на этот раз к королеве. Нансен проводил так много времени с августейшими особами, что она пишет:

> «Хотя ты и флиртовал с королевой полдня, мне всё-таки оставалась остальная его часть».

А в другом письме к мужу в Лондон замечает:

> «Я думаю, что королева очень по тебе скучает — ей, несомненно, не хватает твоего общества».

В ответ Нансен засыпает жену письмами, в которых уверяет, что скучает лишь по ней. Письма Евы по большей части шутливы и милы. В одном из них она рассказывает:

> «В воскресенье я была у королевы в Воксенколе. И она, и принцесса Виктория приняли меня очень приветливо. Королева передаёт тебе большой привет и велела сказать, что она продолжает каждый день ходить на лыжах. Недавно она была на Кортреккере и упала всего один раз. „За это я должна благодарить своего учителя Нансена“, — добавила она.
>
> Я рассказала, как тебе пришлось пойти на утренний приём в белых штанах и шёлковых чулках, и мне на это сказали, что с удовольствием пришлют мне приглашение на утренний приём, и я буду щеголять с тремя перьями на голове. Они уж постараются ради меня».

В апреле Ева вновь приезжает в Лондон вместе с Ингеборг, но, поскольку дети собираются в Сёркье, в начале июня она

возвращается к семье. Фритьоф обещает приехать как можно скорее, но ему приходится сопровождать королевскую чету в плавании на север Норвегии, о чём Нансена просит сам Хокон. Ева вновь ревнует, пишет колкие письма — и ждёт не дождётся мужа.

Друг Нансена, историк Якоб Ворм-Мюллер, так прокомментировал взаимоотношения Мод и Фритьофа: «Нансен на протяжении многих лет много времени проводил с королевой, которой он искренне восхищался, как и все остальные люди, которым довелось с ней общаться. Он также много времени проводил и с её сестрой, принцессой Викторией, и люди говорили о том, что между ними были отношения. Но я в это совершенно не верю». Были или не были — но Ева что-то чувствовала и писала:

> «Я так понимаю, ты — рыцарь своей королевы, и она тебя не отвергает, ей так повезло, поскольку лучшего рыцаря ей не найти. Я бы лишь хотела сама быть королевой, чтобы ты оказывал мне всяческие знаки внимания, а я бы не смогла тебе противостоять, это уж точно. Но если говорить серьёзно, я радуюсь за короля и королеву, потому что ты смог поехать с ними на север Норвегии».

Отношения с принцессой Викторией также послужили поводом для многочисленных сплетен, которые докатились и до Норвегии.

Наконец Фритьоф приезжает домой, и семья наслаждается отдыхом в Сёркье. Никто ещё не знает, что их совместные дни сочтены.

Вновь приходится возвращаться в Лондон, где Фритьофу становится уж совсем невмоготу. Из дома приходят милые письма от жены, которая пребывает в хорошем расположении духа. Она часто бывает в гостях — в том числе и в королевском дворце.

Должность посланника в Лондоне, которую взял на себя Нансен, стала своеобразной зимовкой в его третьей — политической — экспедиции. Представляя норвежское королевство в Туманном Альбионе, Фритьоф Нансен должен был добиться договора с Великобританией и тем самым укрепить независимость своей страны. Осенью 1907 года эта работа приблизилась к завершению. Договор об интегритете (территориальной целостности) был подписан в ноябре. Это было обязательство четырёх великих держав совместно гарантировать суверенитет Норвегии и целостность её территорий. Договор, в котором ничего не говорилось о нейтралитете Норвегии, на

котором изначально настаивало норвежское правительство, подвергся жёсткой критике со стороны оппозиции, однако он был большим достижением именно в то время, когда страна только обрела независимость.

Нансен давно рассчитывал, что теперь сможет отправиться покорять Южный полюс. Но как уехать от Евы?

Уехать он не смог. Вот как описывает отказ отца от давно задуманного Лив:

> «Осенью отцу пришло время уезжать в Лондон, и тут на него свалилось столько всяческих дел, что он даже не успел повидаться с Вереншёльдом, с которым мечтал встретиться и поговорить. Однако Руаль Амундсен ухитрился-таки повидать отца по весьма важному поводу. Несколько месяцев тому назад Амундсен обращался уже к отцу с просьбой уступить ему на время „Фрам“ для экспедиции на Северный полюс, которая должна была продолжаться несколько лет, с целью тщательных научных исследований в северных полярных водах. Амундсен считал, что осуществление этого плана лишь немного отсрочит задуманную Нансеном экспедицию на Южный полюс, но сам-то Нансен хорошо понимал, что отдать „Фрам“ теперь означало навсегда отказаться от мысли о Южном полюсе, а это было нелёгким решением.
>
> Он давно уже задумал экспедицию и только ждал, когда освободится от других обязательств, чтобы уехать, тем более что всё уже было основательно подготовлено. Поэтому он хотел как следует подумать, прежде чем дать окончательный ответ Амундсену. При этом он находил, что экспедиция Амундсена так же важна, как и его собственная. Думал он и о Еве. Да, особенно о ней. Жестоко было бы снова покинуть её. Да и сам он, сможет ли он? С одной стороны, бессмысленно потраченные в Лондоне годы пробудили в нём сильную жажду деятельности, стремление, пока он молод и полон сил, приложить эти силы к настоящему делу.
>
> Он всё не решался заговорить об этом с Евой и поделиться с ней обуревавшими его мыслями и сомнениями. Она при своей чуткости понимала, что он страдает оттого, что стоит перед важным решением, но тоже не решалась первая этого коснуться. Так они и ходили друг около друга, словно кошка вокруг миски с горячей кашей, и оба мучились, и чем дольше это

тянулось, тем меньше решимости оставалось у Фритьофа. В конце концов он не выдержал и излил Еве свои сомнения. Не думая о себе самой, она сумела понять его мысли с таким сочувствием и такой прозорливостью, что он был этим потрясён до глубины души. И тем не менее он никак не мог принять окончательного решения, и когда пришёл Амундсен и ждал в зале ответа, Ева не могла скрыть своего волнения. Из своей спальни она прислушивалась к медленным шагам Фритьофа наверху в кабинете. Высоко подняв брови, она только взглянула на него, когда он вошёл к ней. „Я знаю, чем это кончится“, — сказала она.

Не говоря ни слова, Фритьоф вышел от неё и спустился по лестнице в холл. Там его встретил напряженный взгляд другой пары глаз.

„Вы получите „Фрам““, — промолвил отец».

Амундсен, собственно, просил «Фрам» для экспедиции, которая и была задумана самим Нансеном.

В конце апреля 1907 года Фритьоф выступил в Лондоне в Географическом обществе с докладом о ближайших целях полярного исследования. Он указал, что главнейшей задачей при изучении Арктики должно быть основательное научное обследование Северного Ледовитого океана как с точки зрения географии, так и геофизики. Для этого надо послать новую экспедицию «Фрама» через неизвестную область этого океана, но севернее пути, пройденного «Фрамом» раньше, и от исходного пункта, лежащего дальше на восток. Изучение океанографии этой области, а также метеорологических, климатических и магнетических условий её даст многое для уяснения механики и физики атмосферы и океана и поможет лучшему знакомству с явлениями, обусловливающими состояние погоды почти во всём Северном полушарии и, во всяком случае, в умеренном его поясе. С этим связаны в первую очередь вопросы о предсказаниях погоды на долгий срок, ледовые прогнозы…

Амундсену оставалось только подхватить этот план, что он и сделал. Нансен всегда помогал своему младшему коллеге — помог он и на этот раз. Он действительно не мог оставить Еву, которая и так ждала его всю свою жизнь. Однако позже Нансен писал, что 7 июня 1910 года, когда с башни своего дома он наблюдал, как выходит из фьорда «Фрам» с Амундсеном на капитанском мостике, был одним из самых горьких дней в жизни.

Фритьоф возвращается в Лондон — теперь уже с твёрдым обещанием Еве скоро вернуться навсегда. Он пишет:

«Ты очень хороший человек, я люблю тебя сильнее, чем ты можешь себе представить, я горжусь тобой и благодарю судьбу, что она даровала мне тебя».

В Лондоне Нансен продолжает не только дипломатическую, но и научную деятельность. Он много пишет — в том числе начинает серьёзнейшую книгу «Север в тумане», которая будет закончена в 1911 году и в которой обобщается материал многих имевших ранее место арктических экспедиций, а также уделяется особое внимание путешествиям викингов — первых европейцев, открывших Гренландию и Америку за несколько сот лет до Колумба.

А тем временем важные переговоры подходят к завершению. 30 октября Нансен пишет жене:

«Трактат будет подписан на днях, и, может быть, когда ты получишь это письмо, всё будет уже закончено. Полагаю, что наши будут теперь довольны. Король Эдуард показал себя в этом деле прекрасно, и всем, чего мы добились, мы обязаны ему. К великому моему прискорбию, он остался очень доволен мною, тем, как я вёл это дело, и он поклялся принцессе Виктории, что не допустит, чтобы „этот человек“ покинул Англию. Но только всё это напрасно, я уже заявил ему, что мне необходимо уехать».

На следующий день трактат подписан, но Нансен возвращаться не спешит.

В Англию приезжают Мод и Хокон, и Нансен с радостью сообщает жене, что уезжает в Санндрингэм в Норфолк — королевское поместье, где у Хокона и Мод был свой небольшой особняк, свадебный подарок отца невесты, короля Эдуарда.

Ева не очень радовалась пребыванию в Англии королевы Мод. Она писала мужу:

«Думаю, теперь тебя ждут горячие денёчки — ведь в Лондон приезжает твоя любимая Мод — и ты наверняка будешь по-прежнему её влюблённым рыцарем. Посылаю тебе своё благословение!» Не очень понятно, почему Ева не хотела переезжать с семьёй в Лондон. Ведь семейный врач говорил, что она со старшими детьми может постоянно жить там — и этого очень хотела старшая дочь Лив. Но фру Нансен решила по-своему — и, наверное, у неё были на то веские причины.

7 ноября Фритьоф посылает жене письмо из

Норфолка, в котором с иронией описывает любимую забаву короля Эдуарда — охоту на фазанов. А затем рассказывает о придворных развлечениях — в это время в Англию в гости к родственникам приехали и король и королева Испанские. Терпение Евы лопается: «Я могу понять твои планы экспедиций и преклоняюсь перед ними, но это уж слишком!» Она умоляет мужа поскорее приехать домой, потому что не успокоится, пока не увидит его дома: «Господи, ты не должен так себя вести и не вздумай влюбиться в королеву Мод! И не вздумай отвечать на её заигрывания! Хочу тебе сказать, что речь тут не о моей ревности, а об опасности ситуации, в которую ты попал, развлекайся сколько хочешь, но не заходи слишком далеко. Аминь!»

Ещё 20 ноября он сообщил жене, что «дата его возвращения неизвестна — всё зависит от короля и королевы». А 23-го добавляет, что отношения между Пульхёгдой и королевским дворцом сохранятся и в Норвегии:

> «Ты же знаешь, что они оба любят и тебя, и меня, и, как тебе известно, они необыкновенно добры, особенно она. Но тех, кого они любят, они могут видеть не так уж и часто, а сейчас уж так сложилось, что, кроме нас, у них и нет других близких друзей в Норвегии — поэтому и хотят проводить с нами как можно больше времени дома».

Еве возразить на это нечего, но в ответном письме явно чувствуется неудовольствие:

> «Ты прекрасно знаешь, как я люблю их обоих, и я с удовольствием буду изредка их посещать, но, как мне кажется, она не может заявлять на тебя права, как только ей захочется, ей тоже следует понять, что ты — серьёзный человек, у которого полно работы».

28 ноября Фритьоф сообщает, что отправляется в одиночестве на охоту на лис — «это несказанно меня радует». Ответное письмо, полученное из дома, подписано не фру Нансен, а семейным врачом, который уведомляет министра, что его жена заболела катаром. Но «нет никаких оснований для беспокойства». Ева была больна уже довольно давно — она заразилась от сына Коре, который переболел воспалением лёгких, но казалось, что дело пошло на поправку.

7 декабря Еве Нансен исполнилось 49 лет. Фритьоф послал ей поздравительную телеграмму, а в ответ получил убийственное известие:

> «Вчера ваша жена прекрасно себя чувствовала, сегодня, к сожалению, сильный кашель и перебои в работе сердца. Доктор Йенсен».

Лив Нансен-Хейер так описывает происходящее в Пульхёгде в те дни:

> «6 декабря был день рождения Одда, и мама поручила мне купить ему в городе игрушку. Я с гордостью принесла домой небольшую деревянную тележку, запряжённую лошадкой, и ещё какие-то безделушки. Утром торжественного дня я собрала всех детей и привела к ней в комнату, где смотрела, как она вручала подарки новорождённому. Одд был в восторге, больше всего понравилась ему тележка, и он тут же принялся катать её по полу, понукая лошадку и крича ей „тпру“. Мать смеялась, но скоро устала, и мы ушли. Она проводила нас счастливой улыбкой.
>
> Назавтра был её собственный день рождения. Я зашла к ней рано утром, перед тем как идти в школу. Она порадовалась какой-то безделице, которую я сама сшила для неё, и очень ласково говорила со мной. Но, видно, она и сама сознавала, что ей стало хуже, потому что сказала, когда я собиралась уже уходить: „Ну, теперь тебе придётся быть умницей и помогать другим…“
>
> Потом она взяла меня за руку и сказала: „Ну, всего тебе хорошего, дорогая моя большая девочка, — и повторила с большой теплотой в голосе: — Всего хорошего, сокровище моё“.
>
> Никогда не забуду её белого лица на подушке и её любящей светлой улыбки. Я и не подозревала, что вижу её в последний раз, но запомнила это навсегда. Доктор Йенсен в то же утро телеграфировал отцу, который опять гостил в Сандрингэме с норвежской королевской четой.
>
> Эта телеграмма разминулась с поздравительной телеграммой отца ко дню рождения матери.
>
> Мать лежала в постели счастливая, с телеграммой в руке. Может быть, это и позволило доктору Йенсену вечером телеграфировать отцу: „Супруге к вечеру стало лучше, надеемся, опасности нет“.
>
> Доктор просидел около матери всю ночь. Он не

отходил больше от неё, а утром ему пришлось отправить отцу весьма неутешительное сообщение: „Супруге, к сожалению, стало гораздо хуже ночью. Состояние чрезвычайно опасное“.

Отец сломя голову помчался домой в отчаянии, что не сделал этого раньше. Он был уверен, что опасность миновала и что доктор Йенсен сделал всё возможное, чтобы остановить болезнь.

К маме теперь никого не пускали. При ней был только Йенсен. Когда-то она сама в шутку сказала: „Нашему милейшему Йенсену придётся когда-нибудь закрыть мне глаза“.

Да, она часто в шутку говорила о смерти. Такой далёкой казалась она ей. Она была так полна жизни, что у неё хватало сил оживлять всех кругом.

„Когда я умру, хочу, чтобы меня сожгли и прах мой развеяли по ветру, — говорила она с весёлым смехом, — и если у тебя будет когда-нибудь дочь, то назови её Евой в честь меня, ты это сделаешь! Тогда я буду продолжать жить в ней после того, как навеки угасну“.

<…> Йенсен не мог сказать ничего утешительного. „Тяжёлое воспаление легких, — сказал он, — сердце всё слабеет. Но она всё время в полном сознании, когда не спит после морфия“. Он был потрясён её духовной силой. Ни одной жалобы на боли, ни тени страха в твёрдом взоре.

„Смерти я не боюсь, но я так много думаю о своих близких“, — сказала она ему.

Она знала, что отец едет домой, и всё время неотрывно думала о нём. Почувствовав близость конца, она произнесла: „Бедный мой, он опоздает“.

Это были её последние слова».

Нансен действительно опоздал — ужасная весть застала его в Гамбурге. Это был страшный удар. Брат Александр смог встретить Фритьофа в Гётеборге.

В своём молитвеннике королева Мод, получившая известие о смерти Евы 9 декабря, записала на родном английском:

«Poor Nansen too late so cruel got news at Hamburg. We at Appleton»[52].

Король Хокон написал Фритьофу:

«Я бы так хотел, чтобы в этой ужасной поездке вас

> сопровождал друг. Как тяжело вам пришлось одному! <…> Нам так жаль, что мы сейчас не дома и не можем хоть немного утешить вас, если это вообще возможно!»

По воспоминаниям Лив, по приезде у Нансена были совершенно безумные от горя глаза и он рыдал, как ребёнок.

Поскольку крематория в Норвегии в то время ещё не было, для исполнения последней воли жены Фритьоф вместе с доктором Йенсеном повёз тело Евы в Гётеборг. Нансену пришлось найти двух свидетелей, которые подтвердили последнюю волю его жены, чтобы получить разрешение на такую поездку. В Швеции Еву кремировали. Никто не знает, где развеян её прах. Лив полагала, что отец следующим летом, вероятно, развеял прах на даче в Сёркье, прежде чем продать её — поскольку жить там без Евы не мог. Существует также версия, что он высыпал её прах под розовый куст в Пульхёгде. Точно этого не знает никто — это осталось тайной самого Нансена.

После возвращения домой Фритьоф погрузился во мрак своего горя: он почти ничего не ел, не впускал в кабинет дневной свет и ничем не занимался. Он не хотел приглашать врача, поскольку, по его собственным словам, «от этого недуга никто не может вылечить».

Болезнь и смерть Евы были чем-то необъяснимым. Доктор Йенсен писал Сигрун Мюнте:

> «Всё течение болезни и сама смерть были так немотивированны и бессмысленны, даже безнадёжны, ведь это был самый здоровый и сильный человек из всех, кого я знал, — и умереть от такой болезни, это просто несчастный случай!»

Нельзя сказать, что фру Мюнте особенно горевала. По свидетельству писательницы и друга семьи Нини Ролл Анкер, во время одного обеда в 1929 году (уже после женитьбы Фритьофа на Сигрун), когда Нини рассказала о том, что одна их общая знакомая лежит в больнице в связи с болезнью сердца, Сигрун ответила: «Так ей и надо»[53].

Так трагически закончилась внешне успешная дипломатическая миссия в Лондоне министра Нансена.

Глава девятая
Без Евы

«Прошло две недели после смерти мамы. На пороге стояло Рождество. Я не знала, как пережить это время, — пишет старшая дочь Евы и Фритьофа. — Отец хотел, как всегда, устроить ёлку с подарками и изо всех сил старался, чтобы малышам было весело. Нас просто спас приход Анны Шётт и Торупа. Я уверена, что мы с отцом одни не смогли бы устроить детям настоящее Рождество.

Коре и трое малышей тоже были невеселы. Коре было уже десять, и он сильнее, чем мы думали, тосковал по маме. Но он был мужчиной и не хотел показывать своего горя. Имми было семь, Одду — шесть, а маленькому Осмунду четыре с половиной года, они, наверное, и не понимали как следует, что произошло. Они видели только, что мы серьёзны, и это приглушало их веселье. Да и Доддо, как мы называли фрёкен Шётт и профессора Торупа, посидели с нами в тёмной гостиной, пока отец зажигал свечи на большой ёлке в зале. А когда двери распахнулись и малыши увидели ёлку, полную подарков, в блеске свечей и мишуры, глаза их засветились радостью.

И в этот рождественский вечер мы водили хоровод вокруг ёлки и старательно пропели все рождественские песенки, только голоса плохо слушались нас.

<…> Папа лучше владел собою, чем я. Лишь временами в глазах у него появлялось пугающее меня выражение отчаяния. Но он сразу спохватывался и опять весь был с нами.

Потом я узнала, что утром он ездил во дворец, поздравлять с Рождеством. Один мальчик, который жил на Бюгде-алле, видел, как отец ехал туда на своём огромном вороном коне. Через несколько часов мальчик опять его увидел, отец возвращался назад. Он ехал по улице Нобеля, оттуда по Драмменсвейн, вверх по Бюгде-алле и возвращался той же дорогой, и так много раз подряд. На углу улицы Нобеля и Бюгде-алле стоит деревянный домик моей бабушки, с которым у отца связаны воспоминания о первых днях его совместной жизни с мамой. Целый час отец кружил вокруг этого домика, он ехал шагом в глубокой задумчивости.

Старый год кончился, а что сулит нам будущее? Умолк мамин смех, и никогда больше нам не слышать её песен. Большой дом стал пустым и заброшенным.

Мне очень хотелось помочь отцу. Он и сам просил меня об этом.

„Теперь ты должна заменить малышам маму“, — сказал он. Но разве смогу я заменить маму? Мы потеряли не только самого дорогого человека, каждому из нас не хватало той нежности, которая была у неё и которую только она могла дать нам.

Отец бродил по дому словно тень, с окаменевшим лицом и невидящим взглядом. Он пытался заняться нами, а нам это было очень уж непривычно. Ведь много лет он бывал дома только наездами и вся тяжесть забот о детях лежала на маме. Сейчас отец и сам был похож на беспомощного ребёнка, о нём о самом-то надо было заботиться.

Он укрылся в башне — быть может, чтобы работать? Однако он сидел над разложенными бумагами, устремив невидящий взгляд в ночь за окном. На столе громоздились письма. Со всей страны и из-за рубежа приходили дружеские, тёплые письма с выражением соболезнования, во всех газетах появились некрологи, посвящённые маме. Только читать всё это было больно… Отец ответил на некоторые из писем, а остальные пускай подождут. Вот только Бьёрнстьерне Бьёрнсона надо поблагодарить за его тёплые строки. А может быть, отцу просто захотелось поделиться с человеком, который знал и ценил Еву.

„Дорогой Бьёрнсон!

У меня просто слов не хватает, чтобы выразить тебе всю благодарность за твоё милое письмо, которое несказанно помогло мне. Спасибо за всё то хорошее, что ты сказал о ней. Да, вот такой она и была. Она была удивительным человеком. Я никого не встречал в жизни, кто мог бы с нею сравниться. Ни единой мелкой мысли не было у неё в душе; самый воздух, которым я дышал, был чище, небо — выше, когда она была рядом. И вот ничего этого уже не будет, и только воспоминания живы. О!

Ведь она-то была создана для жизни, а как много было в жизни такого, ради чего ей хотелось жить! Я всё ещё никак не могу этого осознать: произошла какая-то бессмысленная и нелепая случайность! Порой я готов

взбунтоваться против жестокого, бессмысленного рока. У меня и мысли никогда не возникало, чтобы возможно было то, что произошло; я ещё мог допустить, что это случится со мной, но чтобы с нею? Ведь теперь жизнь словно утратила цель, утратила всякий смысл, бесприютная мысль мечется, не находя себе пристанища. Мне сейчас вспоминаются твои строки:

Всё то, чем жизнь моя цвела,
Увяло вмиг, лишь ты ушла.

И ведь я уже мог наконец вернуться из-за границы, и мы полны были надежд, что начнём жить заново. Как она радовалась!

Но зачем я буду терзать тебя своим горем? Дети всё-таки большое утешение, они милые и добрые, и некоторые так на неё похожи, и, наверное, мне нельзя жаловаться, раз есть ради чего жить. Но не представляю себе, как они будут без неё, сколько они потеряли“.

Бьёрнсон ответил тотчас же из Рима, где он жил в это время. Он сам был болен и удручён, работа давалась ему с большим трудом. Но его большое, доброе сердце по-прежнему горячо билось для друзей, и он принимал живое участие в их жизни и печалях.

„Дорогой друг!

Я так обессилел от кашля, который ни днём ни ночью не даёт мне покоя. Но не только из-за этого я плакал над твоим письмом. Видеть сильного человека сломленным под самый корень — вот что грустно. Я только что писал Грану о Еве (я всем о ней пишу). И в этом письме я сказал одну вещь, в которой заключена истина. Я спросил его, доводилось ли ему в слово „гордость“ вкладывать смысл прекраснее того, который выражало оно, будучи отнесено к Еве?

Оно осветило мне путь, как путеводная звезда. Да и вообще, ведь величайшее благо, которое может подарить нам другой человек, — это помочь нам возвыситься до того лучшего, что есть в нас самих. Когда ты был в Ледовитом океане, я видел в ней женщину, с которой ни одна другая не сравнится святостью своего предназначения. Мне представлялась она жрицею алтаря, на котором пылает тоска и надежда всех женщин. Она

хранила его. Можно ли назвать другую, более достойную! С каким юмором отстраняла она от себя мирскую мелочность и глупость, как звенел он в её смехе, и ведь таким лукавством был окрашен этот юмор и смех, такою всепобеждающей весёлостью, что он и поныне звучит в моей памяти, точно посланец из прочного, незыблемого мира, полного счастья и света.

Мысленно я так прочно был связан с нею и с тобой, что совсем забыл о детях! Прочитав о них в твоём письме, я отложил письмо — и узрел берег! Как же я забыл о них! Ведь когда я с тобою мерил шагами палубу, когда стоял над нею в её смертный час (всё это неоднократно виделось мне, ведь я тут всё один), я должен был тогда видеть детей. А я не видел! Конечно, они страшно усугубили её муку в час последней разлуки, а тебе — твоё жестокое одиночество. Вдобавок я вижу, ты терзаешься мыслью о том, что они утратили. Но ведь это, именно это и озарит твою тьму, дорогой мой, отважный мой друг. Ведь так и со мной было — я не видел детей, пока не пришло сострадание, так и с тобой будет, когда ты переживёшь самое страшное. Дети! Дети!

Мне так хорошо было писать тебе о ней, а потому спасибо за твоё письмо. Каролина сочувствует тебе от всего сердца. Тысячи приветов от неё и от меня.

Бьёрнстьерне Бьёрнсон“».

Довольно долгое время Фритьоф не мог работать, общался только с самым близким кругом — и, конечно, с детьми. Довольно скоро после смерти Евы он продал своё «королевство» — Сёркье, потому что всё там напоминает ему об ушедшей жене.

Хозяйство так хорошо было отлажено Евой, что всё шло по заведенному ею порядку. С детьми помогали две верные подруги фру Нансен — Анна Шётт и Ингеборг Мотцфельдт.

В начале весны 1908 года Нансену пришлось вернуться к делам и поехать в Лондон: он должен был передать посольство своему «сменщику» — Юханнесу Иргенсу.

В Англии ему пришлось задержаться: король Эдуард пожелал, чтобы Нансен оставался официальным лицом до первого его и королевы Александры визита в Норвегию. Это произошло в мае 1908 года, и Фритьоф с облегчением сказал: «Больше никогда!»

Вскоре после приезда в Норвегию королева Александра, принцесса Виктория и королева Мод посетили Пульхёгду.

«Мы заранее вышли во двор встречать гостей, — вспоминала Лив. — Мы, конечно, с волнением ждали встречи с английской королевой, а отец предупредил нас, что нужно приседать и пониже кланяться. И вот они подъехали к усадьбе в открытых экипажах, запряжённых лоснящимися воронымиими. На кучерах были сверкающие золотом ливреи и цилиндры, а на спинах лошадей — белые сетки.

Королева Александра оказалась такой же сердечной и простой, как наша королева, и мы очень скоро перестали стесняться. Всё же в ней было что-то величественное — она такая прямая и статная, и ни одной морщинки на красивом тонком лице. На королеве Александре было фиолетовое шёлковое платье с широкой юбкой и со шлейфом. Впрочем, все дамы были в длинных, по тогдашней моде, платьях.

Малыш Осмунд сразу подбежал к королеве Мод и уже не отпускал её руки. Королева умела обращаться с детьми, они сразу чувствовали к ней доверие. Она очень любила нашу маму и поэтому была особенно ласкова и приветлива со всеми нами. Разговоры с отцом она вела в шутливом тоне, который легко было поддержать, и на душе теплело, когда мы видели, с какой гордостью она показывала своей матери и сестре Пульхёгду и окрестности. Отец потащил всех наверх, на крышу башни. Он показал им фьорд, мыс Несодден и лесистые холмы. Он рассказал им о своём детстве, когда соседняя усадьба Форнебю принадлежала его дяде Фредрику Ведель-Ярлсбергу. Все слушали его с живым интересом и дружно и искренне восхищались открывшимся сверху видом. Как сказала королева Александра, королева Мод ничего в своих рассказах не преувеличила, Норвегия — a wonderful country[54].

Нансен по-прежнему оставался нелюдим и мало кого принимал. Он ушёл в работу с головой, пытаясь хоть немного забыться.

Не мог он остаться и вдали от разгоравшейся в стране кампании „норвегизации“. Он написал и опубликовал четыре статьи: „Форма — не содержание“, „Чужаки“, „Язык“ и „Выпускные сочинения на лансмоле“.

Опасный лозунг „Норвегия — норвежцам!“ разжег нешуточные страсти, ибо гонениям подверглось всё, что не было, по мнению лжепатриотов, „истинно“ норвежским. В стране менялись названия селений и

городов. Преследовались говорившие не на чистом норвежском диалекте. Подозревались в нелояльности государству те, кто не придерживался исконных обычаев и обрядов.

Нансен писал: „Все мы, готовившие и помогавшие осуществить 1905 год, мечтали о новой весне в Норвегии. Наивных мечтателей подстерегало разочарование. Листочки не распустились. И вот мы слышим, что по всей норвежской земле некие мужи возвещают, что они устроят новый 1905 год в вопросах языка. Где же тут здравый смысл? Неужели у нас никогда не откроются глаза на то, что нам предстоит ещё многое наладить, исправить, поднять экономику, которая находится в упадке? Что сделали наши политики, чтобы возродить её? Сейчас не время раскалывать страну спорами о формах слов. С языком у нас нет затруднений, язык тут не помеха, понять друг друга мы как-нибудь уж сумеем“.

Страх быть недостаточно норвежцем по языку или по внешнему виду вызывается лишь бедностью содержания. Страх перед чужой культурой означает не что иное, как недостаточную уверенность в самом себе. Он не только осуждал, но и искал путей к тому, чтобы „очистить жизнь для труда“. Для того необходимо, писал он, „уничтожить яд во взаимоотношениях между народами и собрать силы не для уничтожения или угнетения других, а для построения человеческого общества, в жизни которого не будет ужаса. Для такой цели следует взять государственный руль из рук дегенератов, преступников и сумасшедших, освободить отношения между народами от лукавства подлецов и морали гангстеров И построить эти отношения согласно этическим основам“».

Однако националисты одержали верх: стортинг принял постановление о том, чтобы с 1909 года преподавание в средней школе велось на лансмоле, а с 1912 года предполагалось экзаменационную работу на аттестат зрелости (изложение или сочинение) также писать на лансмоле[55]. Нансен решительно возражал против этого.

Друзья не оставляли осиротевшую семью, и Лив вспоминала, что к ним часто приезжали король с королевой и кронпринцем:

«Весной они часто привозили с собой в Пульхёгду кронпринца Улафа поиграть с нашими малышами. В большом лесу было хорошо и привольно, кронпринцу,

наверное, нравилось у нас. Вместе с другими он сломя голову носился по холмам, испуская индейские кличи. Случалось, дети спускались вниз по крутым склонам к фьорду, это беспокоило королеву, и отцу или королю Хокону приходилось догонять и „спасать“ детей. „У меня только один сын“, — оправдывалась королева. Впрочем, она и сама любила спорт и не боялась крутых склонов. Пока остальные бросали камни в воду, развлекаясь, как мальчишки, королева и я наблюдали за ними, сидя на причале, или прогуливались под огромными соснами, болтая о всякой всячине.

Иногда отец и король затевали во дворе игры с детьми, вот шуму-то было! Как-то играли в прятки. Сперва долго, перебивая друг друга, объясняли королю правила, потом пришёл его черед „водить“. Король стоял, отвернувшись к стене и закрыв, как ему было велено, глаза руками, а отец с детьми кинулись прятаться. Король Хокон считал громко и отчетливо: „Один, два, три, четыре, пять, шесть…“ И как раз в этот миг Эрик Вереншёльд, вышедший посмотреть, услышал пронзительный крик Одда: „Так нечестно!“ Король слишком рано обернулся, и Одд не успел спрятаться. „Считай снова, — скомандовал Одд, — надо считать до ста“. Вереншёльду такое обращение с королём показалось странным, но сам король смеялся громче всех, значит, всё было в порядке».

В 1908 году Фритьоф стал профессором океанографии в Кристианийском университете. Эта должность была учреждена специально для Нансена и не обязывала его к активной преподавательской работе, но он всё же читал лекции — и продолжал заниматься исследовательской деятельностью.

Летом 1909 года он предпринял путешествие на своей собственной яхте «Веслемё» вдоль берегов Норвегии. С собой он взял старшего сына Коре.

Нансен вернулся домой в плохом настроении — горе было всё ещё велико. Трудно было ему управляться с пятерыми детьми. Трое младших были ещё маленькими, а вот старшие уже начали показывать характер. Лив плохо училась — и отец решает послать её в пансионат для девочек в Швейцарию. Сама дочь так вспоминала о том времени:

«Временами мне казалось, что если бы отец обращался со мной, шестнадцатилетней, как со взрослой, и не держал одиннадцатилетнего Коре в такой

строгости, а был бы с нами поласковей, то добивался бы куда большего; и нам, и отцу жилось бы тогда гораздо легче. Но отец вовсе не хотел, чтобы нам было легко, он стремился воспитать в нас силу характера, чтобы мы выросли независимыми и толковыми. Но его „воспитание“ давало скорее обратные результаты.

Одно мы усвоили — никогда не греться в лучах отцовской славы. Если неумные люди начинали охать и ахать над нами, какой, мол, у нас „великий отец“, мы только смущались и в душе проклинали отцовскую славу».

В 1910 году Нансен предпринял путешествие в северную часть Атлантического океана на «Михаэле Сарсе», а его спутниками стали Йорт и Хелланд-Хансен.

В 1911 году он отправляется в путь уже на «Веслемё». После возвращения в дневнике появилась следующая запись:

«Жизнь, можно сказать, уже прожита, но всё-таки… По мне так я вообще не повзрослел, остался таким же мальчишкой, тем же неисправимым идеалистом, сохранившим веру в добро, идеалистом, которого жизнь так ничему и не научила. По-прежнему я полон планов, столько нужно ещё сделать, мне кажется, я не сделал ничего ценного, но ещё успею — как будто жизнь бесконечна, а силы ещё не растрачены.

Сейчас мне пятьдесят, через десять лет будет шестьдесят, когда-то я считал таких людей стариками. А разве эти десять лет позволят мне сделать всё, что нужно, раз я то и дело отвлекаюсь надолго, как случилось, например, с моей последней книгой о туманах Севера. А что, если придётся отвлечься ещё не раз?

Я только что вернулся из плавания и, кажется, сделал большое открытие. Ведь я осуществил, и удачно, семилетней давности идею об измерении скорости морских течений с помощью постановки судна на плавучие якоря. Мне кажется, что теперь открылось много возможностей по-новому решать загадки моря, изучать морские течения, — я богат, как бог, и полон сил, как в юности».

В своё время Арне Гарборг считал Нансена олицетворением противоречий Пера Гюнта. После подвигов Нансена в 1880–1890 годы он писал:

> «Цельным человеком является тот, для кого характерно единство мыслей, слов и действий».

Фритьоф так отзывался о великом драматурге:

> «Хенрик Ибсен был человеком, который наложил отпечаток на всю мою юность, определил моё развитие, указал на возвышающее значение воли и необходимости следовать своему признанию».

Он сознательно сделал своим идеалом Бранда, отведав испытаний Пера Гюнта.

Как и Бранд, Нансен всегда старался поступать «по совести» и никогда не хотел причинять горя окружающим (вот только получалось ли это?). Он свято верил в силу воли человека, благодаря которой можно преодолеть практически все препятствия на своём пути. Девиз его всегда был «Всё или ничего», и достижение компромиссов не было самым лёгким для него делом. И, как герой в пьесе Ибсена, Нансен практически всегда, всю свою жизнь, оставался в полном одиночестве, несмотря на обилие друзей и большую семью. Как и Бранд, Нансен — идеалист, чьей миссией является спасение мира.

Фритьоф никогда не мог оставаться в стороне от общественной жизни, как не мечтал заниматься исключительно наукой.

> «Работая в области океанографии, Нансен постоянно наталкивался на ряд вопросов, которые экспедиции на „Фраме“ не удалось разрешить вследствие несовершенства методов наблюдений в то время. Задуманная Амундсеном экспедиция в Полярный бассейн на дрейфующем судне, обставленная по последнему слову науки, могла бы, несомненно, многое выяснить, но, как известно, Амундсен решил сперва отправиться к Южному полюсу, отложив дрейф на неопределённое будущее. Это побудило Нансена произвести хотя бы часть интересовавших его наблюдений на собственной небольшой яхте „Veslemoy“ (32 регистровых тонны брутто). Забираться на этом судёнышке в те широты, где некогда дрейфовал „Фрам“, нечего было и думать, но Нансен надеялся, что ему всё же удастся дойти до больших глубин к северу от Шпицбергена», — *писал В. Ю. Визе.*

Летом 1912 года Нансен отправляется в плавание на

«Веслемё» на Шпицберген, чтобы исследовать приток более солёной и более тёплой воды из Атлантики в Северный Ледовитый океан. И его наблюдения позволили разгадать тайну происхождения глубинных вод Полярного бассейна. Именно Нансен определил, что эти воды образуются между Ян-Майеном и Шпицбергеном и оттуда переносятся в Северный Ледовитый океан, располагаясь под более тёплыми промежуточными слоями. Он пришёл к выводу, что температура водных масс, приносимая тёплым течением в Полярный бассейн, сильно колеблется и воздействует «на распределение атмосферного давления, а следовательно, и на ветры, дующие над морем между Шпицбергеном и Гренландией и влияющие на распределение льдов».

Кроме того, Нансен устанавливает, что хребет между Гренландией и Шпицбергеном (его назвали «Порог Нансена») является естественной границей между Северным Ледовитым океаном и Гренландским морем и оказывает большое влияние на водообмен между этими бассейнами.

Несомненен тот факт, что разработанные великим учёным приборы и методы исследований послужили основой для развития науки океанографии. Так, например, батометр Нансена (прибор для взятия проб воды с различных глубин) в течение всего XX века был одним из важнейших приборов в любой океанографической экспедиции.

Описанию этого плавания Нансен посвятил отдельную книгу «Шпицберген», богато иллюстрированную самим автором.

Вернувшись в Норвегию, Фритьоф включился в дискуссию о том, где должна находиться лаборатория морских исследований.

В декабре 1912 года он произносит в Студенческом обществе знаменитую речь «Дилетантство и народное воспитание»:

> «Я хочу поговорить с молодёжью о том, как дилетантизм, подобно раковой опухоли, разъедает наше общество. К нам, старикам, относятся слова Моисея: „Этот род должен умереть“.
>
> Дилетантом является всякий, кто, не будучи специалистом в данной области, берётся, однако, судить обо всём. „Преувеличенное уважение к общему образованию порождает дилетантизм в ущерб подлинно глубоким знаниям. Если все получат лишь общее образование, это, без сомнения, только ухудшит положение в стране“.
>
> <…> К каким страшным последствиям приводит дилетантство и засилье невежд, можно видеть на

примере нашего города. Как замечательно он расположен, каким прекрасным мог бы он стать!

И как похозяйничали в нём глупость и произвол, загубив все его прекрасные возможности.

<…> А что такое норвежский стортинг, как не рассадник того же самого дилетантства и невежества? Не в обиду ему будь сказано, но другим он и быть не может, ибо это вытекает из самой сущности этого института. Но дилетантство приводит к легкомыслию и безответственности. Чего мы только не вытворяли в 1892 году! Мы всей душой желали мира, а сами своей политикой то и дело провоцировали Швецию. Положение создалось угрожающее, но мы были настолько не готовы к обороне, что иностранный военный флот мог бы, не встретив ни малейшего сопротивления, подойти к самой Кристиании. В 1895 году эта политика пережила своё Ватерлоо. У власти стояли всё те же люди, и никто из них не чувствовал, какая на нём лежит ответственность. Дилетантство несовместимо с чувством ответственности…»

А в конце говорит:

«Засилье профанов доходит до такого абсурда, когда какой-нибудь аптекарь или заводчик выступает в стортинге и решает, где надлежит жить и работать учёному — здесь или в Бергене, — а соображения специалистов не принимаются во внимание».

Сам Нансен никогда не был дилетантом — чем бы он ни занимался, он доходил до сути. Он был энциклопедистом и эрудитом.

Нансен считал, что исследователи и учёные должны идти «на натуру», а не просиживать в лабораториях и библиотеках. Именно поэтому он активно выступал против расширения университета в Осло — строительства нового здания и отдельного корпуса библиотеки. Однако именно он добился учреждения в 1913 году института океанографии при университете.

* * *

При всех сложностях своего характера Нансен был удивительно благородным и щедрым человеком — прежде всего в человеческом плане. И «общественное» он всегда ставил выше

собственных обид и амбиций.

Лучший пример тому — экспедиция Руаля Амундсена на «Фраме», целью которой первоначально было достижение Северного полюса.

Как мы помним, Амундсен «одолжил» у Нансена корабль, который Фритьоф отдал ему скрепя сердце — и во многом ради Евы. Руаль Амундсен планировал трансполярный дрейф через Арктику, который должен был начаться у берегов Чукотки, но в апреле 1908 года были получены известия о победе американца Фредерика Альберта Кука: он первым покорил Северный полюс. Вскоре о достижении Северного полюса заявил и англичанин Роберт Пири. Хотя заявление Кука и по сей день подвергается сомнению — из-за ряда фальсификаций, «сотворённых» им самим же в течение жизни. Руаль решил не рисковать, не терять спонсорской поддержки, без которой экспедиция была бы невозможна, и буквально «втихаря» решил отправиться покорять Южный полюс, за достижение которого тоже начинала разворачиваться гонка.

Все приготовления — уже для новой экспедиции — держались в строжайшей тайне: о планах Амундсена кроме него самого знали его брат-адвокат Леон Амундсен и командир «Фрама» — лейтенант Торвальд Нильсен.

Перед отплытием, однако, Амундсен отправил письма Нансену и королю Норвегии, где объяснял свои мотивы. По легенде, Нансен, получив письмо, вскричал: «Глупец! Я предоставил бы ему все мои расчёты». Так это или нет — неизвестно, но зато точно известно, что по возвращении Амундсена с победой (он опередил экспедицию Роберта Скотта[56]) Нансен был одним из первых, кто поздравил своего коллегу и соперника. Но тут лучше предоставить слово Лив Нансен-Хейер, поскольку она в те дни была рядом с отцом и непосредственно наблюдала всё происходящее:

> «Из всех славословий в свой адрес Амундсен больше всего дорожил оценкой Нансена:
>
> *„Осенью 1910 года Амундсен должен был отправиться в своё большое плавание к Северному полюсу на „Фраме“, но скуден был интерес к его предприятию и ещё скуднее были денежные средства. Как и тогда, когда он уходил в плавание на „Йоа“, ему предстояло отправиться в путь с большим долгом, и, как и в тот раз, он вышел в море втихомолку, ночью.*
>
> *Поздней осенью пришло его сообщение, что он изменил*

план и отправляется к Южному полюсу, чтобы добыть необходимые средства для северной экспедиции. Какое-то время все были в растерянности, не зная, что сказать. Это неслыханно! Отправляться на Северный полюс через Южный! Некоторые считали это предприятие грандиозным, другие (их было больше) — сомнительным, и многие подняли крик, находя выходку Амундсена недопустимой, недостойной и непорядочной. Некоторые даже хотели вернуть его. Но он был уже слишком далеко. Он уплыл своим курсом, который определил сам, не оглядываясь назад, и постепенно всё забылось, все занялись своими делами. День за днём, неделя за неделей проходили в тумане. В тумане мелких дел, за которым исчезает всё великое и выдающееся. И вдруг сквозь туман прорвалось яркое солнце. Пришла новая весть. Люди останавливаются, поднимают глаза, и там, в вышине, на недосягаемой для них вершине — великий человек! Устоять не может никто — все ликуют.

Взвиваются и полощутся в синем небе флаги. Люди всматриваются в открывшиеся вдруг перед ними неведомые просторы и на мгновенье забывают обо всем. Да, нам открылась новая страна“.

Нансен разъяснил огромные результаты экспедиции. Эти люди провели гигантскую исследовательскую работу. С начала и до конца Амундсен шёл своим путём, не многие путешествия и открытия за всю историю положили к ногам человека столь обширную область новой земли… „Ни в одной точке, за исключением самого полюса, маршрут Амундсена не совпадает с маршрутом англичан. Это очень важно для науки“[57].

К сожалению, ещё не поступило сообщений об экспедиции капитана Скотта, но, по всей вероятности, он достиг полюса одновременно с Амундсеном. Это большая удача, и тем самым значительно возрастает ценность научных наблюдений обеих экспедиций.

В заключение Нансен обратился с призывом к норвежскому стортингу и ко всем норвежцам облегчить Амундсену финансовые затруднения, связанные с подготовкой экспедиции к Северному полюсу.

„Если он отдаёт свою жизнь и свои выдающиеся способности этим великим делам, то мы должны радоваться и гордиться возможностью предоставить ему

средства для осуществления их наилучшим способом“.

Не все разделяли восхищение Нансена. В Англии считали, что, не предупредив заранее о своей экспедиции к Южному полюсу, Амундсен поступил непорядочно по отношению к Скотту, ведь он прекрасно знал о давно запланированном Скоттом путешествии в Антарктиду. Когда же стало известно о трагической гибели Скотта и его спутников во льдах, обвинения эти приняли очень резкую форму, особенно в Королевском географическом обществе[58].

Нансен выступил с убедительной речью, в которой полностью оправдывал Амундсена. По мнению Нансена, экспедиция Скотта продвигалась медленно из-за непродуманности снаряжения, а тут ещё прибавились пурга, обморожения, возможно и цинга. Очень естественно и понятно, что Скотт в первое мгновение испытал горечь разочарования, обнаружив на полюсе норвежский флаг.

Но он никогда не поверит, говорил Нансен, чтобы подобное разочарование могло иметь решающее значение для такого человека, как Скотт. Экспедиция Амундсена к Южному полюсу не была некорректной по отношению к Скотту, как не были некорректны по отношению к нему, Нансену, ранее высланные английская и шотландская экспедиции к Южному полюсу. Ведь все знали, что и он готовил такую же экспедицию, но это других не остановило. Ни один человек, ни одна нация не обладают монополией на неоткрытые районы земного шара. Чем больше экспедиции, тем больше результатов, а вместе с ними и знаний о нашей планете. И не в том задача, чтобы опередить соперника, а в том, чтобы произвести как можно больше наблюдений. Скотт первым бы с этим согласился.

Однако судьба английской экспедиции потрясла Нансена. В некрологе, помещенном в „Тиденс Тейн“, он писал о Скотте:

„Эта великая трагедия заставляет нас невольно преклонить колена. Она затрагивает самые сокровенные душевные струны, и горе невольно выражается в человеческом сочувствии — ни в одной стране за пределами Великобритании это не ощущается так сильно,

как в Норвегии. Сквозь нашу скорбь пробиваются восхищение и гордость, что и наш век ещё дарит таких людей“.

Нансен был убеждён, что экспедиция погибла из-за цинги, он также был твёрдо убеждён, что, если бы Скотт послушался его настоятельных советов и взял с собой собак и обычные сани вместо пони и моторных саней, бессмысленной гибели экспедиции можно было бы избежать. „Тогда он был бы сейчас с нами“, — писал он своему другу — ветерану полярных исследований Клементсу Маркхэму, выступившему с наиболее оскорбительными заявлениями об „окутанном тайной путешествии“ Амундсена. Нансен не разделял господствовавшего в Англии отношения к скоропалительной экспедиции Амундсена. Он считал, что англичане неправы, закрепляя за Скоттом монопольное право на Южный полюс. Он защищал Амундсена не потому, что тот нуждался в поддержке, а потому, что разделял его взгляды и находил убедительными его доводы.

Экспедиция к Южному полюсу с точки зрения исследования полярных районов действительно была более актуальна, чем новое плавание „Фрама“ в Ледовитом океане. Отец первым сумел оценить по достоинству способности и силу духа Амундсена, без которых не было бы победы, и он не мог поэтому оставаться безразличным к удаче норвежской экспедиции. Завоевание Южного полюса стало событием, утвердившим ведущую роль Норвегии в истории полярных исследований.

Но я часто задумывалась, как всё-таки относился отец к поведению Амундсена в глубине души? Пришло бы ему самому в голову взорвать этакую „бомбу“? Едва ли! Его взгляды отличались от взглядов Амундсена, соперничество не имело для него такого большого значения. Поэтому ему было не по душе, что экспедиция превратилась в гонки. Не очень понравилось ему и письмо Амундсена Акселю Хейбергу, в котором тот прямо заявлял, что „вступает в борьбу с англичанами за Южный полюс“ и видит практическую задачу в том, „чтобы прийти первым“.

На мой взгляд, Амундсен не только выиграл в гонке со Скоттом, но одновременно и оттеснил отца. Но я не

замечала, чтобы отец рассуждал так же, конечно нет. В тот момент вся его жизнь была безраздельно посвящена океанографическим проблемам. Для него было важно использовать время, силы и людей так, чтобы как можно больше продвинуть норвежскую океанографию совместными усилиями. Именно поэтому он так горячо поддержал планы Амундсена об экспедиции в полярные районы. По этой же причине маловероятно, что он был в восторге от планов новых экспедиций к Южному полюсу. Отдавая себе полный отчёт в том, что у Амундсена — полярного исследователя могут быть другие мотивы, он всё же сделал всё возможное, чтобы убедить его в том, что изучение моря и атмосферы представляет для человечества гораздо большую ценность, нежели „простые путешествия“, как говорится в одном из его писем к Амундсену. Ещё в 1909 году, когда в Норвегии была разработана большая программа в области изучения Атлантического океана, он обращается к Амундсену, стараясь привлечь его к этой работе:

„Исследование Атлантического океана будет иметь для нас особое значение, только тогда у нас появится надежда разрешить важные проблемы, связанные с циркуляцией водных масс во всём океане. Будет непростительно не использовать полностью такую возможность. Работу, которую Вы могли бы при этом провести, я по её объёму и значению для будущего поставил бы рядом с той, которую Вы сможете провести во время Вашего дрейфа в Ледовитом океане“.

Одно совершенно ясно: отец не допускал и мысли, что Амундсен после путешествия к Южному полюсу будет почивать на лаврах. В их переписке часто встречаешь строки, в которых отец старается не дать остыть планам о северной полярной экспедиции. Когда Амундсен падает духом, теряет веру в себя, колеблется и говорит об отсрочке, Нансен безжалостно напоминает, что сделано лишь полдела. В апреле 1913 года отец пишет Амундсену:

„Могу Вам сказать то, чего Вы, по-видимому, не поняли, — ни одному человеку не принёс я такой жертвы, как Вам, отказавшись от экспедиции к Южному полюсу, которая должна была завершить дело моей жизни в

области полярных исследований, отказавшись от „Фрама“ ради того, чтобы Вы могли совершить свой полярный дрейф. Чего мне будет стоить отказ от всего, что давно было задумано, с чем я сжился, я не сразу до конца осознал, хотя, надеюсь, ни разу не дал Вам этого почувствовать“.

Неудивительно поэтому, что Амундсен всегда смущался и по-мальчишески робел перед отцом. Он ведь единственный из всех знал, почему отец отдал ему „Фрам“. Мне известно от отца, что он не таил на Амундсена обиды, не питал к нему горьких чувств. Однако разочарован он был».

* * *

Вдовцу было, вне всякого сомнения, очень тяжело воспитывать пятерых детей. Часто он не мог понять их желаний и устремлений, особенно мечтаний старшей дочери — юной девушки, которой хотелось выходить в свет, танцевать на балах и чувствовать, что она нравится молодым людям. Лив писала:

«Не вполне разделяла я и его убеждения относительно экономности. Я, правда, и сама сознавала, что не уродилась бережливым человеком и что отец, воспитывая у меня это качество, желает мне добра, но от этого было не легче. Тогда я ещё не понимала, что непритязательность так же глубоко присуща характеру отца, как и щедрость. И он, и дядя Александр ежегодно тратили немалые деньги на оказание помощи родственникам, писателям, художникам — словом, всем, кто в ней нуждался. И отец никогда не жалел денег, если речь шла о полезном деле, ученье детей, покупке инструментов или оборудования для научной работы. Но стоило мне сказать, что пора мне сшить новое платье, как поднималась буря: „Чепуха! Старое-то чем плохо? Помни, дружок, не платье важно, а человек, на котором оно надето“.

Я начала вращаться в вихре светской жизни и, как все молоденькие девушки, была очень тщеславной. Но отец был со мной твёрд. Денег, которые он выдавал мне раз в месяц, должно было хватить на всё. Надо уметь в них укладываться, а как я их потрачу — это уж дело моё.

Конечно, в те времена деньги больше стоили, однако на новое бальное платье их всё же не хватало.

К тому же в глазах отца эти балы ничего, кроме порицания, не заслуживали. Отец считал, что я достойна большего, чем просто предаваться развлечениям с людьми, у которых один только ветер в голове. „Ох уж эти твои бальные танцоришки, что за радость тебе плясать до одури с этим субъектом!“».

А скоро в дом пришла настоящая беда.

Когда переводчик книг Нансена на французский язык Шарль Рабо известил о смерти своей единственной дочери, Фритьоф написал ему:

«Я знаю сам, что означает печаль, знаю, что значит, когда всё вокруг нас гаснет, когда жизнь становится лишь мучением: то, что приносило нам солнечный свет, ушло навеки, и мы беспомощно смотрим в ночь. Потому я могу, вероятно, лучше, чем некоторые другие, понять Вашу потерю. Хоть в этом мало утешения, но Вы должны знать, что здесь в одиночестве живёт друг, который посвящает Вам любящие и сочувственные мысли и хотел бы быть Вашей опорой. К сожалению, мы так мало в состоянии сделать — печаль не могут унести другие: приходится днём и ночью бороться с ней самому».

Он и предположить не мог, что скоро его самого постигнет новое ужасное горе.

Младший сын Нансена Осмунд был от рождения болен страшной болезнью — врождённым церебральным парезом. Именно из-за этой болезни мозга он отставал в развитии от сверстников, не очень чётко говорил и при ходьбе загребал ногами. Однако, как многие неизлечимо больные дети, он был удивительно добр и нежен с окружающими.

Отец очень любил Осмунда и старался оказывать ему внимание, но он часто уезжал — а в доме появилась новая няня, которая часто кричала на него. Поэтому вскоре мальчика отдали в специальную школу в Осло, но ему пришлось уйти оттуда из-за сильных головных болей. Вскоре у Осмунда поднялась температура, и он слёг в постель, а к Рождеству 1912 года ему стало хуже.

Семейный доктор Йенсен пригласил специалиста, и вдвоём они обнаружили бациллу. У Осмунда был туберкулёзный менингит, надежды не оставалось. Весной 1913 года мальчик умер.

Нансен записал в дневнике:

> «Сегодня Осмунд умер так же тихо, как жил… Утром ему было лучше, но затем стал дышать медленнее и медленнее, пока он не уплыл в великий покой… Такого трогательно ласкового и хорошего, каким был ты, я не знал никого. Твоей последней мыслью было, что ты сможешь подарить своим братьям и сёстрам, когда поправишься. Ты был слишком хорошим, чтобы жить… Более чистая душа никогда не жила. И потому ты умер. Лучше бы это был я, а ты мог остаться жить, чтобы показать миру, что такое хороший человек».

Сына Нансен кремировал так же, как и Еву. Лив писала:

> «У отца в башне на одной из полок стояла высокая ваза. Я думаю, что в ней был пепел маленького Осмунда. Но спрашивать я не смела, чтобы не бередить рану. Да и не всё ли равно, где пепел? Ведь Осмунда больше нет.
>
> Отец горевал. Он потерял младшего сына, и новая утрата обострила старую. Если он оставался наедине с мыслями, они, как и прежде, обращались к матери. Он тосковал по ней в своём одиночестве, тосковал, наверное, и по другим женщинам, а скорее всего — просто по нежности.

„Любящая, нежная женщина с горячим сердцем — как часто я мечтал о ней! — записано в дневнике 30 апреля 1913 года. — *О той, одно только присутствие которой приносит мир, покой и утешение… Я встретил единственную, и вот она утрачена — навсегда… Жизнь мрачна и становится всё мрачнее“.*

Временами его охватывало отчаяние:

„Да стоит ли, в конце концов, так серьёзно относиться к жизни? Не многого она, в сущности, стоит. Есть о чём сокрушаться! Подумаешь, разбитые надежды, обманутая вера — господи, не первое же это крушение в коловращении жизни. Так стоит ли из-за этого тратить её понапрасну, посыпать главу пеплом и ходить в рубище?“

Отец ещё держал великолепную породистую лошадь и часто ездил верхом. Кроме неё у нас была огромная

гнедая для упряжки. Мне разрешалось брать её, и тогда мы с отцом отправлялись в дальние прогулки верхом. Временами у него были другие спутники, и тогда я была лишней».

Под «другими спутниками» Лив, вероятнее всего, имеет в виду и фру Мюнте, с которой Нансен продолжал встречаться. Но об этом речь пойдёт уже в другом месте.

* * *

В 1913 году, после смерти сына, Нансен начинает готовиться к поездке в Сибирь.

Но до этого ему приходится вновь принять участие в общественной жизни страны, поскольку речь заходит о судьбе его близких друзей — короля и королевы Норвежских.

Всё дело в том, что когда в 1905 году парламент избрал датского принца Карла норвежским королём, то он оставил, несмотря не некоторые изменения в конституции, прежние формы правления и привилегии королевской власти.

В Норвегии всё-таки главой государства был король, который самостоятельно формировал правительство и мог по собственному усмотрению менять его состав и даже отправлять в отставку правительство целиком. Правда, в конституции были оговорены некоторые требования, предъявляемые к министрам: их минимальный возраст составлял 30 лет, не менее половины членов правительства должны были исповедовать официальную евангелическо-лютеранскую религию, указывалось также минимальное число его членов.

Король самостоятельно назначал высших должностных лиц государства, основная часть которых становилась несменяемыми, назначал судей, губернаторов на местах. Король являлся главнокомандующим страны, имел право объявлять войну и заключать мир, направлять внешнюю политику страны, заключать международные договоры, назначать дипломатических и консульских представителей Норвегии за границей.

В 1913 году стортинг предпринял реформу королевской власти, которую можно назвать даже «мини-революцией», потому что королева Мод писала своим родным в Англию о том, что её муж, король Хокон, подумывает об отказе от трона. Речь зашла об ограничении королевских прав и передаче большей части из них стортингу и правительству.

В результате реформы 1913 года король вместо права

абсолютного вето в отношении принятых стортингом законов получил лишь право относительного вето.

Постепенно большинство прав короля в сфере исполнительной власти перешло к правительству. Так, решения монарха в Государственном совете в соответствии с конституционными изменениями 1911 года требовали контрассигнования премьер-министра и соответствующего министра. Министры, не согласные с решением короля, должны были высказать свои соображения и занести свои возражения в протокол. Ответственность за принятые решения несли те министры, которые не высказали своих возражений. Если всё правительство было не согласно с королевским решением, то король либо сам от него отказывался, либо правительство уходило в отставку. Король стал назначать на государственные посты по рекомендации правительства.

К власти в это время пришла партия «Венстре» — и правительство Микельсена сменилось правительством судовладельца и промышленника Гуннара Кнудсена, которое способствовало проникновению в Норвегию иностранного капитала. Король, Нансен и его сподвижники были против подобного развития событий.

В результате технического прогресса норвежские водопады превратились в крупный источник энергии, и иностранцы начали проявлять интерес к норвежским лесам, рекам и рудникам. В ходе политических дебатов обозначились три главные позиции: «либеральный подход» — предоставление свободы промышленному капиталу; «национально-капиталистический» — предоставление привилегий норвежскому капиталу; «национально-демократический» — предоставление свободного развития любому капиталу, но под контролем государства. Контроль осуществлялся путём выдачи лицензий на приобретение водопадов, лесов и рудников, а сооружения, созданные для эксплуатации природных ресурсов, через определённый срок времени переходили в собственность государства. «Венстре» заняла «национально-демократическую» позицию, которая поддерживалась большинством норвежцев — в первую очередь крестьянами. Эта поддержка и обеспечила триумфальный приход к власти этой партии.

Нансен же категорически выступал против подобной политики. Он считал, что не для того норвежцы боролись за собственную независимость, чтобы затем разбазаривать национальное достояние и продавать столь любимые им леса и реки иностранным предпринимателям.

Произошедшее же с королём, который по воле «Венстре»,

избранной народом в стортинг, был вынужден смириться с ограничением собственных прав в управлении государством, окончательно способствовало разочарованию Нансена в демократии.

> «Демократия в ныне существующей форме, — *писал он в 1913 году,* — вряд ли является для нас хорошей формой правления… Должна произойти смена самой системы, если только мы не хотим, чтобы вся наша общественная жизнь окончательно закоснела».

Этих взглядов Фритьоф Нансен будет придерживаться до конца своих дней.

Глава десятая
Через Сибирь

В русской научно-популярной (и не только) литературе довольно часто можно встретить утверждение, что в 1913 году Нансен совершил путешествие в Россию, возглавив научную экспедицию. Это не совсем так. Действительно, Нансен совершил в 1913 году путешествие по России, но лишь в качестве гостя — сначала Сибирского общества, а затем — гостя русского правительства. А организовал это путешествие совершенно другой человек.

И тут в поле нашего зрения попадает совершенно фантастическая фигура — Юнас Лид.

Он был забыт на долгие годы не только в России, но и в Норвегии и лишь в конце XX века явился «на свет». Чем же так знаменит этот норвежец? Почему все как один исследователи его жизни и прекрасной коллекции русского искусства называют его героем авантюрного романа и авантюристом?

Судите сами.

Лид — гражданин мира, который рано упорхнул из родительского гнезда в Норвегии и отправился покорять мир сначала в Англию, а затем во Францию.

Лид — норвежец, который прекрасно говорил по-русски и получил потомственное гражданство от императора Николая II.

Лид — человек, который смог проложить путь через Ледовитый океан в Сибирь через Карское море и далее по великим сибирским рекам Оби и Енисею и начать торговлю с Россией.

Лид — норвежец, который, будучи тридцати лет от роду, в 1912 году основал Сибирское пароходное, производственное и торговое акционерное общество и открыл его представительства в Красноярске, Санкт-Петербурге и Лондоне.

Лид — человек, который сохранил Шпицберген для Норвегии, хотя, как отмечают историки, быть может, и не по доброй воле, а просто испугавшись немилости норвежских властей.

Лид — человек, за 19 лет до смерти заказавший себе надгробную плиту с весьма причудливой эпитафией «Сегодня я, а завтра — ты».

Лид — человек, собравший коллекцию русского искусства, причём не один, а два раза. Первый раз он лишился своей коллекции в результате Октябрьской революции 1917 года. В

своей автобиографической книге он написал, что многие картины из коллекции видел затем в Эрмитаже. Второй раз он решил быть осмотрительнее и в коллекцию включил уже малоформатные вещи, которые смог вывезти, как только почувствовал, что скоро в любимой им России настанут времена кровавого террора, в Норвегию. Причём вывезти смог очень остроумно — тайком принять вновь норвежское гражданство, а коллекцию продать своему знакомому норвежскому дипломату.

Лид — писатель, выпустивший свою автобиографию, которая была переведена на 12 языков.

Лид — человек, «привёзший» в 1913 году в Россию Фритьофа Нансена и вместе с ним проделавший путешествие по северным рекам. Он смог организовать личное приглашение Нансену от царя — и Нансен не смог отказаться от участия в экспедиции в Сибирь.

Лид — человек, который в 1922 году встречался с Максимом Горьким, поскольку последний хотел, чтобы Лид помог привлечь Нансена и Уэллса к организации гуманитарной помощи из-за границы голодающей Советской России. А ещё Лид встречался с королём Хоконом, В. И. Лениным, У. Черчиллем, адмиралом Колчаком, Ф. Э. Дзержинским, Генри Фордом…

Лид был очень успешным и удачливым человеком. В Россию он приехал, будучи одержим идеей открыть регулярное сообщение с Сибирью. Он хотел использовать полноводные сибирские реки для удешевления доставки грузов в важные промышленные и торговые центры Западной Европы. Историки отмечают, что именно Лид сделал для претворения этой идеи в жизнь больше, чем кто-либо другой. Больше шведа А. Э. Норденшёльда, который в 1874–1875 годах совершил успешные путешествия к устью Енисея, а в 1878–1879 годах стал первым, кто выполнил сквозное плавание через Северо-Восточный проход и Берингов пролив. Больше норвежца Сигурда Скотт-Хансена, в 1910 году посетившего Петербург во главе делегации норвежских судовладельцев, которые собирались учредить акционерную пароходную компанию для сообщения между Вардё и Туруханском на Енисее.

> «Если верить сведениям, сообщаемым Ю. Лидом в своей биографии (а полагаться на них можно не во всём), то они ничего не знал об инициативе Скотт-Хансена, — *пишут историки Й. П. Нильсен и В. Я. Карелин.* — Впервые он узнал о Северном морском пути по дороге из Гамбурга в Париж в январе 1910 года, познакомившись в поезде с британским бизнесменом Альфредом Э. Дери,

который имел деловые интересы в России. Во время поездки Дери увлечённо рассказывал о многообещающей перспективе проложить путь в Сибирь через ледовитые моря из портов Атлантического побережья Европы».

Прочитав книгу о сибирском путешествии английского капитана Джозефа Виггинса, Лид сделал для себя ряд важных выводов и принялся тщательно готовиться к осуществлению своего предприятия — практического использования Северного морского пути. Прежде всего он тщательнейшим образом изучил местные условия, а также юридические и политические аспекты иностранного предпринимательства в России. В течение двух лет — с 1910 по 1912 год — Лид изучал рынок и механизмы сбыта сибирских товаров в Европе и европейских — в Сибири.

«С самого начала Лид старался установить хорошие отношения с российскими властями и, надо сказать, весьма преуспел в приобретении поддержки своего предприятия. В декабре 1911 года он обратился к премьер-министру В. Н. Коковцеву, предложив свой план развёртывания торговли с Сибирью. В отличие от предшественников план Лида был основан в первую очередь на экспорте в Западную Европу леса, лесных материалов и минералов из бассейна Енисея, — *пишут Й. П. Нильсен и В. Я. Карелин.* — Возможно, одной из причин его успеха стало то, что он, дабы не вызвать недоверия со стороны российского правительства и враждебности местного купечества, сразу отказался от выставления требований таможенных льгот (освобождения европейского импорта от пошлин) или предоставления компании прав порто-франко. Вместо этого он предложил идею вознаграждения премиями экспортёров сибирской продукции. Министерство торговли и промышленности поддержало этот вариант.

После этого Лид вернулся в столицу Норвегии, где 5 января 1912 года в Гранд-отеле состоялось учредительное собрание и была образована Сибирская компания пароходства, торговли и промышленности.

<…> Лид и возглавляемая им компания характеризуются современными норвежскими исследователями как „наиболее полное проявление норвежской лесной экспансии на восток“. Нет сомнений, что с самого начала Лид прежде всего имел в виду лесные богатства бассейна Енисея».

Летом 1912 года на «разведку» из Норвегии был отправлен первый пароход компании с названием «Тулла», а навстречу по Енисею ему вышел другой пароход — уже с «сибирским» грузом. Однако тем летом ничего из путешествия из Норвегии в Россию не получилось — виной всему, по мнению Лида, стало неумение капитана плавать во льдах Арктики. Однако были и объективные причины: ледовая обстановка в тот год сложилась так плохо, что пропало без вести три русских полярных экспедиции.

Сам Лид ждал «Туллу» в Сибири и не терял времени даром. Он не только покупал товары у местных купцов и занимался налаживанием добрых отношений, но и ввязывался во всевозможные авантюры, в том числе решил перевезти в зоологический музей Осло мамонта!

Вот как он сам пишет об этом:

> «Купец Кучеренко, прибывший в Гольчиху на собственном судне, спросил меня, не хочу ли я увидеть мамонта. Несколько охотников, или, вернее сказать, их собаки, нашли его в тундре где-то в 65 километрах отсюда. Он только что появился из вечного льда и был ещё в сравнительно хорошем состоянии, хотя собаки и другие дикие животные уже объели труп этого чудовища.
>
> Конечно, мне захотелось туда поехать. Я даже договорился отвезти этого мамонта на „Туллу“ и подарить его музею в Осло. Чтобы довезти остов животного до побережья, я нанял тридцать оленей.
>
> „С другой стороны, — сказал Кучеренко, — вы, наверное, не захотите связываться с мамонтами. Самоеды очень суеверны и предпочитают не трогать трупы этих животных“.
>
> У меня не было никакого предчувствия по поводу возможных несчастий, преследовавших тех, кто имел дело с мамонтами, пока оленья упряжка не домчала меня в долгих сумерках до той сопки, где огромное животное испустило дух. Как писал Шекспир, преступники пытаются попасть в будущее, но вам бы понравилось перепрыгнуть через 50 тысяч лет назад, в далёкое прошлое? Признаюсь, я испытал жуткое ощущение, запустив руку в красивую шерсть, свисавшую с головы мамонта огромными космами, хотя в то время я мог испугаться разве что самого чёрта.
>
> <…> Принёс ли этот мамонт несчастье? Трудный вопрос. Потому что мне на самом деле повезло. Если бы „Тулла“ пришла и взяла мамонта на борт, русское

правительство возбудило бы против меня иск, что вызвало бы дипломатические осложнения. Скорее всего, дело приняло бы настолько серьёзный оборот, что нашему сибирскому бизнесу пришёл бы конец. Как только в правительстве узнали о находке мамонта, немедленно отдали приказ доставить его в Петербург. Глубокой зимой в это уединённое место направилась экспедиция, состоявшая из членов Академии наук. Восемьдесят оленей тащили мамонта вверх по замёрзшему Енисею до конечного пункта — железнодорожной станции в Красноярске. Я успел ухватить бивни, несколько зубов, немного шкуры и той коричневой шерсти. Эти экспонаты выставлены теперь в Зоологическом музее в Осло, но за данное преступление меня не подвергли никакому явному преследованию».

Путешествие за мамонтом[59] не пропало даром: Лид и бивни в музей привез, и получил в дальнейшем лишнюю «завлекалочку» для Нансена — он стал соблазнять путешественника возможностью отведать бифштексы из мамонтятины.

«Тулла» ни за мамонтом, ни за другими сибирскими товарами не пришла. Тем не менее Лид решил не отступать и организовал новую экспедицию, которую сам же лично и возглавил.

Для плавания был выбран специальный корабль «Коррект» со стальным корпусом и специальной дубовой обшивкой — так называемым ледовым поясом высотой в шесть брёвен в три фута над ватерлинией и в шесть под ней, длиной в семьдесят футов от форштевня. Кроме того, на судне установили беспроволочный телеграф, для чего удлинили две мачты и установили на них радиоантенны. На одной из мачт укрепили глубокую бочку, в которой находился вперёдсмотрящий (там довольно часто обретался Нансен). Он наблюдал за льдами, сидя в этой своеобразной «кабине», чей край находился на уровне глаз наблюдателя.

Но самым главным в подготовке к экспедиции была не техническая сторона дела. Необходимо было привлечь к этому «проекту» внимание широкой общественности — и Лид принимает гениальное решение: он приглашает принять участие в этом поистине авантюрном предприятии Нансена.

По словам самого Лида, он прекрасно понимал, что, «для того чтобы заинтересовать Нансена, нужно прислать ему официальное приглашение от русского правительства посетить Сибирь, воспользовавшись Карским морским путём».

Нансен был для Лида очень привлекательной фигурой во всех отношениях. Уже в 1889 году Лид с интересом следит за экспедицией Нансена в Гренландию, а затем с восторгом читает о его приключениях на «Фраме». Он не только восхищается им, но и прекрасно отдаёт себе отчёт в его популярности. Лид оказывается прав: приглашение русского правительство для Нансена получить оказалось очень легко, ведь именно в нашей стране, по признанию Лида, имя Нансена «открывало многие двери».

Тем не менее и в России были у великого путешественника недоброжелатели — даже среди царской семьи. Когда Лид получил аудиенцию у кузена русского царя, великого князя Александра Михайловича, последний довольно прохладно высказывался о Нансене. Позднее Лид узнал, что великий путешественник «совершенно неосознанно обидел великого князя».

Надо признать, что Лид в своих мемуарах иногда не очень тепло отзывается о своём соотечественнике. Он пишет:

> «Нансен, как известно, был очень чувствителен и обидчив. С ним следовало обращаться, как с мировой знаменитостью (которой он, в общем, и являлся), иначе у него найдётся тысяча уважительных причин отказаться от приглашения».

Вероятно, тут есть доля «белой» зависти, которая проскальзывает в объяснении причин приглашения морского героя:

> «Когда я посетил Нансена на его вилле в Лисакере, он спустился в холл, перепрыгивая сразу через две-три ступеньки, как мальчишка, хотя ему уже исполнилось пятьдесят три года. Это было многообещающее начало. Может быть, так он выплёскивал свою юношескую энергию. Он вовсе не чувствовал себя старым для новой схватки со льдами. Чтобы Карский морской путь стал успешным, наша поездка не должна была превращаться в новое испытание для героя. <…> Если бы Нансен присоединился к нам, он оказал бы нам великую честь, нам на самом деле была нужна его слава. В действительности у нас не было никакой необходимости привлекать гения полярных исследований для безопасного проведения судна к устью Енисея. Это нам обеспечил ледовый лоцман из Тромсё. Но я знал, что нансеновские наблюдения за Ледовитым океаном окажутся неизмеримо ценными для дальнейшего

развития этого маршрута.

„Черт его знает! — сказал Нансен. — Неплохая вообще-то мысль!“

Он говорил в своей обычной меланхоличной манере, хотя он загорелся идеей, никак не показывая радости, хотя его разбирал восторг. Его взгляд был несколько отстранённым, будто он всегда наблюдал за льдами из своей гостиной. Но он уделял пристальное внимание каждой мелочи на картах, что я принёс ему. <…> Он был крайне осторожен. Я чувствовал, он бы присоединился к нам, если бы наша экспедиция имела хоть малейшее научное обоснование, подтверждённое приглашением русского правительства. Я навещал его неоднократно и продолжал свою деятельность в Петербурге».

Лид несколько раз навещал не только Нансена, но и ездил в Россию, где ему с трудом, но всё же удалось заручиться согласием правительства России. С трудом — потому что в правительстве не верили, что Нансен примет подобное приглашение, и боялись получить отказ.

Однако всё у Лида получилось. И Нансен согласился принять участие в этой экспедиции. У нас есть уникальная возможность посмотреть на это путешествие глазами разных людей, потому что не только Лид оставил свои мемуары, но и Нансен по возвращении домой написал книгу «Через Сибирь»[60], основываясь на своих дневниковых записях.

Вот как он сам с большой долей кокетства описывает причины своего согласия на участие в путешествии по «стране будущего»:

«Экспедиция наша была предпринята с целью попытаться завязать постоянные торговые отношения с Центральной Сибирью морским путём через Карское море. Для этой-то цели главным образом и было по инициативе Ю. Лида основано Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли.

<…> Весь вопрос заключался в том — удастся ли нам на этот раз пройти намеченным путём или нет. В случае повторной неудачи обществу пришлось бы отказаться от дальнейших попыток, а в случае удачи наша экспедиция могла бы положить начало ежегодным морским рейсам к устью Енисея.

<…> Как и почему, собственно, я попал в это общество, в сущности так и осталось для меня лично

загадкой: меня ведь никоим образом нельзя причислить к коммерсантам, и с Сибирью я никогда не имел никакой связи, только проехал однажды вдоль её северного побережья. Впрочем, я всегда живо интересовался этою необъятной окраиной и не прочь был познакомиться с нею поближе. Не знаю я также за своей особой какого-либо преимущества, которое могло бы сделать моё присутствие желательным, разве вот только то, что я когда-то плавал по Карскому морю и вообще обладаю некоторым опытом по части плаванья во льдах. Поэтому, должно быть, Лид несколько раз и обращался ко мне, чтобы узнать моё мнение о возможности установления ежегодных рейсов через Карское море. Возможно, у него самого при этом составилось представление, что я интересуюсь самим вопросом. И вот в одни прекрасный день я получил от Сибирского акционерного общества приглашение совершить на пароходе „Корректˮ в качестве гостя путешествие к устью Енисея. Одновременно пришло от Е. Д. Вурцеля, управляющего казёнными сибирскими железными дорогами, необыкновенно любезное приглашение проехать с ним дальше вверх по Енисею и затем по железной дороге в Восточную Сибирь и Приамурье для осмотра строящейся там железной дороги. А русский министр путей сообщения присоединил к упомянутому приглашению любезное предложение считать себя во время всего путешествия гостем России.

Почему же мне было не согласиться? Представлялся заманчивый случай совершить путешествие по Ледовитому океану до Енисея, затем увидеть всю Сибирь, до её крайних восточных границ, без всяких затруднений и хлопот. Я как раз нуждался в отдыхе, лучше использовать свои вакации было трудно, и я с благодарностью изъявил своё согласие».

«Имя Нансена, напечатанное крупными буквами, стояло на первых полосах всех газет Осло, — пишет Лид. — Вот что встретило меня, когда я прибыл в Норвегию. Я читал о Нансене, о самом себе и о „Корректе“ по пути на юг из Тромсё в Трондхейм на скоростной пароходной линии. Журналисты быстро поняли, что наша успешная экспедиция вызовет интерес. Магическое имя Нансена создавало впечатление, что он осуществил ещё одно предприятие в дополнение к

предыдущим и лично открыл Карское море. Это пришлось как нельзя кстати. Тысячи людей, чьими фантазиями не так-то легко было завладеть, заинтересовались нашим предприятием. Когда начинаешь такое дело, как развитие сибирской торговли через Северный Ледовитый океан, необходимо привлечь многих влиятельных персон. Ведь дело, скорее всего, не ограничится только плаваниями. Это — двери, ждущие своего открытия, привилегии, которые можно будет получить, и огромные суммы дополнительного капитала, которые в конечном итоге можно будет записать на свой счёт. Как только образованные обыватели поймут, какие возможности открывает этот транспортный путь, то начнут обсуждать это со своими посредниками, в своём банке, в своём клубе и за званными обедами; если они с интересом будут читать об этом в газетах и слушать лекции по данному вопросу, то нашим членам правления не придётся тратить силы на осторожное сближение или утомительные объяснения при попытках продвижения нашего предприятия.

Каждый поймёт, какую важную роль в нашем деле сыграли имя и известность Нансена. Когда я приехал в Осло, то очутился в лучах нансеновской славы. Все журналисты хотели взять у меня интервью. Мне особенно запомнился корреспондент газеты „Русское слово“ из Москвы. Он подготовил сенсационный материал для воскресного выпуска, поскольку реакция в России оказалась такой же бурной, как и в Норвегии, если даже не больше. О нас очень много писали в русских газетах. Я поехал в Петербург и вскоре получил дружественное приглашение выступить с докладом перед ведущими представителями промышленных и финансовых кругов. Тимирязев, председатель правления товарищества „Лена Голдфилдс“, настаивал на этом. Седьмого октября я выступил с первой лекцией на иностранном языке в Императорском Совете Съездов представителей промышленности и торговли. Я выступал на русском языке. Должно быть, я достиг успеха, поскольку этот доклад широко цитировался и на следующее утро появился на первой полосе „Таймс“ в Лондоне. Но это ничего не значило по сравнению с тем восторгом, с каким Нансен был встречен в Петербурге, где он выступил с докладом для членов правительства, представителей знати и других влиятельных лиц. Он

собрал самую большую аудиторию в русской столице. Великолепно! Нансен нашёл ключик ко всему русскому обществу, ключик, которым я смог воспользоваться так же свободно, как и он сам».

Экспедиция стартовала из Кристиании, поскольку именно там собрались все участники путешествия.

Отъезд был назначен на 20 июля 1913 года. За несколько дней до этой даты в Норвегию приехал Степан Васильевич Востротин. Помимо него в качестве гостя был приглашён ещё секретарь русского посольства в Швеции князь Лорис-Меликов.

Востротин решил познакомиться с Нансеном и отправился к нему в гости:

«Я ехал по красивой местности, среди садов и парков, по которым были разбросаны отдельные домики и дачи причудливой, своеобразной архитектуры.

Экипаж мой остановился у калитки забора, которая оказалась открытой, и я вошёл в обширный двор. Меня поразили удивительная тишина этого двора и скудность надворных построек. Я остановился на некоторое время, но, так как никто не выходил навстречу и во дворе не было никаких признаков жизни, я решил направиться через этот большой, тщательно расчищенный двор к стоявшему в глубине его двухэтажному дому и, поднявшись на несколько ступенек каменного крыльца, позвонил. Открывший мне слуга провёл меня через большую уютную приёмную, тесно заставленную разной мягкой мебелью, в такую же по обстановке гостиную, служившую как бы продолжением первой, но меньшего размера, и попросил подождать. В комнатах, устланных коврами, с разбросанными по ним около диванчиков и кресел шкурами полярных животных, преимущественно белых медведей, царила такая же поразительная тишина, как и во дворе. По стенам были развешаны в разных местах чучела голов морских зверей и оригинальных птиц арктической фауны. Все это, очевидно, трофеи полярных скитаний хозяина дома. Картины, занимавшие значительную часть простенков, по содержанию своему были из той же полярной области или родной страны — Норвегии, изобилующей красотами природы, причём многие из них нарисованы самим Нансеном.

Не прошло и нескольких минут, как послышались шаги быстро спускавшегося по лестнице человека, и передо мной стоял знаменитый исследователь полярных

стран и океанов. Он просто и тепло приветствовал меня как будущего своего спутника. Мы расположились поудобнее в креслах и заговорили о предстоящем путешествии. Нансен сообщил, что получил от директора Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли приглашение совершить в качестве гостя путешествие на пароходе „Корректˮ к устью Енисея. А в то же приблизительно время пришло от господина Вурцеля, начальника по сооружению русских казённых дорог, весьма любезное предложение проехаться с ним на пароходе и затем дальше вверх по Енисею и по Сибирской железной дороге в Восточную Сибирь, на строящуюся Амурскую железную дорогу. Русский министр путей сообщения С. В. Рухлов присоединил к предложению Вурцеля предложение считать себя во время всего путешествия гостем России. „Я только однажды проехал, — рассказывал Нансен, — вдоль северного побережья Сибири и всегда интересовался этой необъятной страной. Представлялся заманчивый случай совершить вновь путешествие по Ледовитому океану и затем по Сибири до её крайних восточных границ без всяких затруднений и хлопот. Я принял предложение, тем более что нуждался в отдыхе и трудно было лучше использовать свои вакацииˮ.

Затем Нансен перешёл к расспросам о Сибири, выразил большой интерес к северным сибирским инородцам, в особенности к вымирающим енисейским остякам, язык которых, по исследованиям некоторых учёных, будто бы имеет некоторое сходство в своих корнях с норвежским.

Я перевёл разговор на предстоящую поездку и в свою очередь старался узнать, чем необходимо запастись в отношении теплой одежды, обуви и других предметов, необходимых в полярных зонах. Мой собеседник выразил удивление, так как считал, что Ледовитый океан и Карское море до устья Енисея мы пройдем ещё в теплое время года. „Я не знаю, сказал он, какую низкую температуру воздуха мы встретим при плавании осенью вверх по Енисею, разве там в конце сентября или начале октября, когда мы именно рассчитываем прибыть в Енисейск и Красноярск, свирепствуют уже морозы? — спросил он меня недоумённо. — Я думаю, что для нашей поездки достаточно иметь тёплую шапку, рукавицы да по

2–3 пары шерстяных чулок, всё это мы в изобилии найдём в Тромсё“.

При прощании он пригласил меня ещё раз до отъезда побывать у него вместе позавтракать и назначил день и час.

Я возвращался в Кристианию под впечатлением этого первого с ним знакомства. Вся внешность Нансена представлялась мне раньше несколько иной по тем описаниям и иллюстрациям в его книгах и других изданиях, какие мне приходилось встречать и которые я вновь проштудировал перед поездкой. Вместо среднего роста блондина с приличной ещё шевелюрой, которого я рассчитывал встретить, передо мной стоял высокого роста, довольно стройный, почти совершенно лысый человек, с большим открытым лбом, с густыми, спускающимися вниз усами, с несколько суровой на вид внешностью, дышащей волей и характером, но в голубых глазах которого сквозила исключительная доброта.

Мне вспомнились отдельные моменты из его путешествий. Нансен не только умел совершать путешествия, но у него был и удивительный литературный талант, дававший ему возможность ярко и живо передать свои приключения».

Довольно интересно и свидетельство Востротина о посещении Фритьофом королевской семьи перед самым отъездом в Россию:

«Я выразил своему спутнику некоторое удивление по поводу такой простоты отношений с королевским домом. В ответ на что последний сообщил мне о доступности вообще королевской семьи и о том, что Нансен пользуется всеобщим уважением, а с королевской семьёй находится в дружеских отношениях. Нансен был первым послом Норвегии при английском дворе в течение нескольких лет после отделения Норвегии от Швеции. Он также пользовался большим расположением английского короля Эдуарда VII, одна из дочерей которого, принцесса Мод, и является настоящей норвежской королевой. Мой спутник рассказал мне факт, будто бы имевший место за время пребывания Нансена послом в Англии, характеризующий добрые к нему отношения английского короля. Нансен получил как-то приглашение от короля на завтрак к определённому часу. По рассеянности или по каким-либо другим

> причинам Нансен опоздал на целый час. Подобное нарушение строгого английского этикета ни для кого не допустимо. Английский король ограничился лишь тем, что молча показал Нансену на часы. „Ваше Величество, — ответил Нансен, — но Ваши часы неверны“, — при этом он вынул свои, которые показывали тот же час опоздания. Для Нансена всё это кончилось простой шуткой».

Для Нансена всё плавание от начала до конца стало большим событием. Особенно свидание с Ледовитым океаном. «Коррект» шёл по маршруту «Фрама», и потому опыт Нансена, его знание ветров, льдов и течений очень пригодились. Все члены экипажа прекрасно понимали, кто находится на борту, — а потому часто советовались с Нансеном.

Однажды совет Фритьофа спас всем жизнь. «Коррект» причалил к огромному айсбергу, а Нансен знал, что при таянии айсберги часто теряют равновесие и переворачиваются подводной частью вверх. Так и случилось несколькими часами позже, и все радовались, что вовремя ушли в другое место.

В другой раз Лид со спутником отправились на охоту, заблудились в тумане — и течением их стало сносить в сторону от корабля. В тумане было невозможно ориентироваться — и Лид практически потерял надежду на спасение, тем более что прошло уже более 12 часов после отъезда с «Корректа». Но тут в тумане раздался звук рожка, в который, как позже выяснилось, дудел Нансен, — и Лид со спутником смогли вернуться на корабль.

На борту Нансен не терял времени зря: если он не сидел на марсе, высматривая путь, то был занят на палубе научными наблюдениями и подолгу беседовал с Востротиным, собирая сведения об условиях жизни в Сибири и её населении. Затем он уточнял и углублял эти сведения по письменным источникам и картам и заносил материал в свои рабочие тетради.

Часто выпадала и возможность поохотиться. Однажды севернее Марресале на льду показалось стадо моржей. Нансен и Лид отправились на охоту. Лид остался в лодке, держа наготове ружьё и бухту троса, а Нансен взял гарпун и осторожно пополз к огромному секачу. Подкравшись довольно близко, Нансен выпрямился во весь рост и изо всех сил метнул гарпун в зверя, тот замертво свалился на лёд.

> «12-го августа подошли к Ямалу, откуда и начали подниматься на север вдоль берега, пока не подошли к мысу Мора-Сале. На мысе этом стояла высокая веха, вероятно, опознавательный знак, поставленный

гидрографической экспедицией, работавшей в Карском море несколько лет тому назад. Неподалёку от вехи, в маленькой бухте или устье реки, находилась небольшая лодка с мачтой и около неё копошились какие-то люди, — вспоминал Востротин. — Это были первые люди, замеченные нами после того, как мы вышли из Норвегии и вошли в Карское море. Были ли это русские или инородцы, никто не мог сказать, да и, несмотря на все наши оптические инструменты, которые мы пустили в ход, нельзя было сделать никаких заключений. Не являются ли они партией людей, высаженных здесь для постройки одной из радиостанций, которых мы тщетно искали? Мы спустили шлюпку и готовились уже плыть на берег, как Иогансен сообщил с наблюдательной бочки, что лодка отплыла от берега и направляется к нам на пароход. Мы с нетерпением стали поджидать, и по мере её приближения всё более выяснялось, что в ней инородцы. По крайней мере, судя по костюмам и внешнему облику. С парохода бросили верёвочный трап, и все они быстро, по-обезьяньи, один за другим, вскарабкались на наш корабль. Это были действительно все инородцы — первые наши визитёры и гости с сибирского берега. Из всей этой группы оказался лишь один, который мог объясняться по-русски. Мы окружили их тесной толпой. Нансен стоял вместе с нами и с большим интересом всматривался в их лица, одежду и все те мелочи, которые были с ними, вслушивался в нашу речь, обращаясь ко мне или к Лорис-Меликову с просьбой переводить всё, что они говорят, или сам, через нас, задавал им вопросы. От них мы узнали, что никаких других судов до настоящего времени, кроме нашего, не проходило и что по берегу в ближайших районах нет никого из русских, которые промышляли бы, как они, или производили бы какие-либо работы. Что дальше на север, вблизи берега, держатся льды, но ветер их разгонит и они растают. Говоривший по-русски был зырянин[61] из Пустозерска и промышлял здесь вместе с самоедами-юраками[62], пришедшими сюда из-под Обдорска. Громадный полуостров Ямал, отделяющий Карское море от губы, представляет собой и прекрасные пастбища для оленей, со стадами которых северные инородцы прикочёвывают сюда на летнее время из лесных районов Обдорского края и от восточного Приуралья. Пропитание себе инородцы добывают ловлей

рыбы в многочисленных озёрах Ямала или в реках и речках, впадающих в Карское море или в Обский залив, охотой на птицу (утки, гуси, полярные куропатки и др.) и на морского зверя (тюлень, морж и белый медведь). Для последней цели они привозят с собой на оленях из Обдорска пилёные доски и сами на месте у побережья моря строят довольно вместительные лодки, достигающие до 20 футов длины, снабжённые деревянными помпами для откачки воды, и на этих лодках пускаются в море среди плавучих льдов в поисках добычи. На зиму они возвращаются со своими стадами к Обдорску и в лесные районы, где имеется в изобилии лесной материал для топлива и подножный корм для оленей.

Нансен, рассматривавший внимательно их крепкие суда, построенные и скрёпленные деревянными гвоздями, хвалил их судостроительное искусство. После необходимых расспросов мы показывали им наш пароход, который они с таким любопытством рассматривали, ощупывая руками и стальные канаты нашей оснастки, и всякие другие предметы, которые попадались на нашем пути по судну, заглядывая в трюмы кочегарки и машинного отделения. Мы провели их в наш салон, и господин Лид, по-видимому, хотел удивить их, пустив в действие купленный им по дороге граммофон. После 2–3 проигранных пластинок заметив их полное равнодушие к музыке, я спросил зырянина: знакомы ли они с таким инструментом и слышали ли они музыку? „Как же, как же, — торопливо ответил зырянин, — в Обдорске их много, и орут они ещё громче вашего“. Зырянин был прав, граммофон наш действительно орал.

Мы показали им рубку с беспроволочным телеграфом. Об обыкновенном проволочном телеграфе они имели некоторое представление, видели его, по крайней мере, в Обдорске, но как можно посылать телеграмму без проволоки, как я ни объяснял, не укладывалось в их представлении. Когда радиотелеграфист пустил в ход машину и в пространстве понеслись стонущие и жалобные призывы, на их лицах выразилось изумление, тревога и испуг, и как только представилась первая возможность, они поспешили выбраться из помещения радиостанции. Наверное, думалось им, что тут действовала какая-нибудь нечистая сила.

На прощанье мы снабдили их хлебом и другими мелкими вещами, но они подговаривались к водке, и я им категорически отказал. Через некоторое время я видел их довольными и весёлыми, спускающимися по верёвочному трапу в свою лодку. Не выдержало, должно быть, сердце Лида, думалось мне, не снабдил ли он их бутылкой виски или не угостил ли наш стюард приличной дозой из наших скудных запасов.

Нансен вспоминал, что 20 лет тому назад, когда он плыл на „Фраме“, к ним также подплывала лодка с самоедами от того же мыса.

13 августа мы продолжали медленно продвигаться на север. Лёд и густой туман препятствовали плаванию, приходилось часто останавливаться и пережидать, иногда почти целыми сутками стояли в плавучих и густых льдах. Во время остановок к нам ещё два-три раза подплывали на лодках самоеды-юраки с ямальского берега, но, к сожалению, никто из них не говорил по-русски, кроме нескольких слов: чай, хлеб, водка. Этим, кажется, ограничивалось всё их знакомство с русским языком. Мы принимали их как наших гостей, показывали им наше судно, угощали хлебом, ребятишкам давали шоколад, но самым желанным угощением для них была всё-таки водка. Нансен как-то особенно любовно, по-отечески к ним относился. Он фотографировал их во всех видах и позах: группой на палубе и в одиночку, в профиль, анфас, на лодках, за едой — и старался отметить каждую мелочь, каждую черту, сравнивая их с гренландскими эскимосами, с которыми он прозимовал во время своей экспедиции, или с лапландцами Норвегии. Среди приезжавших к нам на судно инородцев находились иногда с тяжёлыми поражениями лица от оспы и, что хуже ещё, с провалившимися носами от сифилиса.

После инородческих визитов по окончании нашего обеда, как всегда, завязывались длинные разговоры на разные темы, и обычно в такие дни дебатировался инородческий вопрос. Я высказывал обычные, господствовавшие в нашей среде суждения, что спасти от вымирания северных инородцев может только приобщение их к общечеловеческой культуре, что необходимо дать им грамотность, образование, как общее, так и техническое, дать, для укрепления их морали, проповеди религии, что всё это повысит их

культурный и экономический уровень. Нансен горячо против этого возражал и доказывал, что приобщение к общечеловеческой культуре не дало до сих пор никаких положительных результатов, только отрицательные. На Крайнем Севере должна быть и своя особая, северная культура, которой северные инородцы и достигли. Они не нуждались ни в чём до прихода к Ним культурного цивилизованного человека. Жилища их приспособлены для кочевой жизни с оленями. Техника промысла мелких и крупных животных доведена у них ещё до привоза к ним огнестрельного оружия до совершенства, их утлые, невзрачные на вид судёнышки приспособлены для плавания во льдах на большие расстояния. Если начать обучать их грамоте в те годы, когда отцы обучают детей промыслу на зверей и морских животных, к плаванию по морю и к борьбе с северной суровой природой, тогда они окажутся потерянными для своих семей, оторванными от своей родной стихии жизни и совершенно ненужными на Севере. Цивилизация и культура принесла им водку, табак, страшные болезни. Все попытки миссионеров устраивать школы, давать высшее и среднее образование и даже отправлять в города для дальнейшего образования кончались ничем или печально. Получившие такое образование оставались служками при миссионерах, или приказчиками при торговых фирмах, или вымирали в городах от туберкулёза и других болезней. Для своей родины, для своей семьи они являлись, во всяком случае, уже окончательно потерянными. Что касается морали, то она у них выработана веками. Среди них господствует поразительная честность, любовь к ближнему. В случае неудачи промысла в какой-либо семье остальные приходят на помощь, поддерживают запасами продуктов до наступления следующего промыслового сезона. Редкие случаи убийства если и случаются, то почти исключительно в драке, в состоянии опьянения. Следует не нести к северным инородцам общечеловеческую культуру и цивилизацию, а охранять их от неё, иначе инородческое население Севера вымрет и безграничные северные области, таящие в себе огромные богатства, останутся недоступными для человечества.

Для того чтобы цивилизованному человеку успешно преодолевать все трудности и лишения суровой природы на Крайнем Севере, необходимо прежде всего усвоить

привычки, навыки и быт коренных обитателей Севера — усвоить их культуру.

Вспоминая скитания Нансена, после оставления им „Фрама“, по льдам Ледовитого океана с инородческими собаками, нартами, каяками, его зимовку на положении номада на Земле Франца-Иосифа, я не мог не согласиться со многими его доводами и аргументами. Единственное орудие, которое оказалось полезным Нансену в его пеших полярных скитаниях, было ружьё, изобретённое цивилизованным человеком для массового истребления животных и себе подобных».

В течение всего плавания при первой малейшей возможности Нансен общался с местным населением.

«Нас не могла не привести в восторг та удивительная проницательность, с которой он наблюдал и изучал каждое встречающееся на пути явление, — писал другой член экспедиции Лорис-Меликов. — Все условия жизни людей, природа новой для него страны, ничто не ускользало от его пытливого взора… Только будучи столь близкими и постоянными свидетелями его неутомимой энергии, мы смогли понять то мужество, с которым он переносил неимоверные трудности и лишения во время его знаменитых плаваний. В нём, безусловно, кипит кровь древних викингов, этих отважных завоевателей далёкого прошлого. Разница только в том, что его победы высшего качества, ибо это победы мирные. Слава той маленькой Норвегии, которая родила таких богатырей!»

Пройдя Карское море до устья Енисея на пароходе «Корректе», участники экспедиции вынуждены были задержаться на некоторое время, чтобы на другом судне отправиться далее до Енисейска, родного города Востротина.

Нансен решил это время использовать для знакомства с коренными народами Сибири.

«Первобытные народы всегда сильно интересовали меня, и тем сильнее, чем были первобытнее, а в этой удивительной стране таких народов очень много, и они вдобавок, как это ни странно, сравнительно мало изучены», — *пишет он.*

На своём пути Нансен увидел и описал остяков, самоедов,

тунгусов, якутов — и он очень заинтересовался «путями» их переселения на Севере Сибири. В те времена господствовала теория о переселении большинства из них с Алтая, откуда они пришли, спасаясь от тюркских племён. Нансен скептически относился к теориям о внезапном «бегстве» народов:

> «Так лестно перемещать с востока на запад, с юга на север целые племена, словно фигуры на шахматной доске!»

По мнению Нансена, упомянутые теории теряют всякий смысл, когда речь идёт о переселении с юга на север, в дикую тундру, где пришельцам предстояло создать себе новую культуру для обеспечения своего существования.

Итак, Нансен встретил в Сибири смесь племён, типов и рас — благодатный материал для лингвиста и антрополога.

Но не только народы интересовали Фритьофа — он собрал коллекцию чешуи местных рыб, по которой «можно установить возраст рыбы и условия её роста».

Ещё больше его заинтересовали следы ископаемых животных — мамонтов и волосатых носорогов, которые «покоятся в вечномёрзлом грунте тундры почти целыми и невредимыми, с костями, мясом, кожей и волосами». Нансен раздумывает над тем, каким именно образом могли эти животные попасть в тундру и так быстро замёрзнуть, что их «чудовищные туши не успели подвергнуться разложению». Он приходит к выводу, что

> «животные умерли естественной смертью неподалёку от большой реки осенью или зимой. От теплоты их тел слой почвы под ними оттаял и под тяжестью их осел, так что туши успели уйти в землю довольно глубоко, прежде чем их сковало морозом вместе с окружающей почвой. Во время разлива реки летом их залило водой, низкая температура которой не допускала их оттаять, а затем их занесло слоем или ила или песка, принесённых половодьем, и таким образом они были ограждены от таяния. Следующей зимой замёрз и этот слой».

2 сентября за членами экспедиции пришло небольшое моторное судно «Омуль», а 3 сентября они отправились вверх по Енисею.

6 сентября добрались до Дудинки, которая очаровала Нансена своими домами (один из них напомнил ему сказочный дворец с картин Вереншёльда) и наличием цивилизации:

> «Была тут и французская лавка, где мы приобрели себе кофейник, стаканы, тарелки и разную мелочь для нашего обихода».

В Дудинке Нансен встретился с двумя сибирскими ссыльными, которые пожаловались не на своё худое житьё, а на удручавшую их праздность, поскольку работы для них в городке не было.

Политическим ссыльным полагался казённый паёк 15 рублей в месяц, чтобы они не умерли с голоду, однако на эту сумму «нельзя ни жить, ни умереть». Поэтому местные крестьяне из сострадания предоставляли ссыльным еду и кров, то есть практически себе в убыток содержали их.

В Туруханском крае жило девяносто политических ссыльных и всего десять казаков. Нансен пишет:

> «Насколько я мог заключить, все они, как и сами казаки, народ мирный и безобидный. Лишь некоторые из бывших ссыльнокаторжных имели зловещие физиономии… Все здесь, видимо, довольны политическими ссыльными, часто весьма хорошими и дельными людьми».

По его мнению, «влияние высылаемого в Сибирь преступного элемента на местное население сильно преувеличивается». Нансен писал, что большинство ссыльных были людьми, пострадавшими за свои убеждения, и «часто лучшими элементами русского народа, полнее желательными в качестве продолжателей рода».

Из Дудинки путешественники отправляются в Енисейск, где им 21 сентября устраивают торжественную встречу. Несколько дней было уделено осмотру Енисейска и выступлениям Нансена, в том числе и в местной мужской гимназии. Фритьоф несколько раз успел побывать и в местном музее, где внимательно изучал этнографические коллекции.

> «Повсюду мы видим благожелательное и сердечное отношение, — *писал Нансен.* — Открытие морского пути через Ледовитый океан вызывает огромное воодушевление. За это нас, а вернее сказать, Меня, так незаслуженно чествуют, хотя мы были всего лишь пассажирами в этом плавании. Впечатление такое, как будто бы мы открыли целую новую эру в истории Сибири».

Нансен пользовался необычайной популярностью в России. Все знали, кто он такой, многие прочли его книги о полярных экспедициях. Повсюду ему устраивали торжественные встречи, ему приходилось выступать с лекциями (переводил Вострotин). Чаще всего Нансен говорил о возможности судоходства в Карском море и о богатствах Сибири, но в Енисейске он рассказал о плавании «Фрама».

От Енисейска по тракту в тарантасе отправились в Красноярск.

Вот как описывает сам Нансен этот день, проведённый в Екатеринбурге:

> «Ночью миновали Челябинск и утром были между увалами восточного уральского склона, на пути к северу, в Екатеринбург. Стояла чудесная белая морозная зима; кругом шёл густой лес, большей частью сосновый с примесью елей, отягчённый снежным убором; увалы, холмы, дорогу — всё занесло снегом. Вот где бы побегать на лыжах! Совсем рождественский пейзаж: такой знакомый, родной! Здесь, стало быть, уже окончательно установилась зима.
>
> В Екатеринбург приехали утром и были встречены на вокзале городским головой, председателем местного отдела Географического общества, секретарём, членами и другими лицами. Приём был самый радушный, и угощали нас на все лады. Я побывал в музее и познакомился с геологией и минералогией этой сказочно богатой страны. Каких только сокровищ не содержат её недра! Осматривали мы и ценные археологические, и этнографические, и орнитологические коллекции, представляющие большой интерес. Налюбовались также всевозможными изделиями и украшениями из уральских камней и осмотрели немножко сам город, очень красивый.
>
> После хорошего обеда в любезной семье инженера Беэра состоялось собрание Географического общества, на котором я прочел доклад о своём Енисейском путешествии. И здесь к новому морскому пути в Сибирь отнеслись с большим интересом, хотя для Екатеринбурга путь этот и не может иметь значения. По отношению ко мне было проявлено много любезности: мне поднесли почётный диплом и красивый подарок из уральских камней на память о местной промышленности. Закончился вечер тем, что нас отвезли в оперный театр,

очень красивое здание, где мы прослушали первый акт оперы Чайковского „Пиковая дама“.

Поезд уходил в 8 часов 45 минут вечера, и, к сожалению, нам нельзя было дослушать эту интересную музыку».

Далее по железной дороге Нансен, Востротин и Лорис-Меликов доехали до Иркутска. От Иркутска на Дальний Восток Ф. Нансена сопровождал Е. Д. Вурцель — начальник Управления казёнными Сибирскими железными дорогами. На обратном пути С. В. Востротин встретил Ф. Нансена в Красноярске и вместе с ним в сибирском экспрессе доехал до Петербурга.

«В большом комфортабельном вагоне специального экспресса, предоставленного министром путей сообщения для поездки на восток, обсуждались проблемы морских сообщений между Норвегией и Енисеем. Предстояло тщательно обсудить множество вопросов о наилучшей организации сети радиостанций, о ледовом патрулировании в Карском море с помощью моторных шхун, о возможности применения аэропланов для регулярной ледовой разведки, об устройстве в нижнем течении Енисея гавани, пригодной для погрузки и разгрузки судов, о речном транспорте на Енисее, — *писала Лив Нансен.* — Востротин хорошо разбирался во всех этих вопросах, и мало-помалу под толковым руководством Вурцеля была разработана целая программа.

Специальный вагон был последним в поезде, в огромное окно в конце вагона можно было обозревать необъятные просторы. Нансен глядел и не мог наглядеться.

„Во время безостановочного движения на восток душа словно расширялась, стремясь впитать в себя впечатления от новой части света, вдруг открывшейся ей. Но невольно возникали опасения, что не успеть усвоить всю массу впечатлений, привести их в должный порядок. Взору открывались всё новые и новые горизонты, и лишь одна мысль повторялась всё более и более настойчиво: ещё много места на земле, и его хватит надолго. Рано ещё опасаться перенаселения“, — писал Нансен.

Так доехали до самого Владивостока, а оттуда по Уссурийской дороге на север через плодородный Приморский край до города Хабаровска, где опять был

замечательный приём, опять лекции и речи. Отец всё время был в движении, стремясь получить как можно больше впечатлений и собрать материал. В музеях он изучал прикладное искусство коренного населения. В Хабаровске он с изумлением обнаружил, что местные сани с их загнутыми вверх концами полозьев, скреплёнными между собой ремнями, удивительно похожи на те, которые он сам когда-то сконструировал для перехода через Гренландию и которые позднее стали применяться во всех полярных экспедициях.

„Если не ошибаюсь, мне тогда неоткуда было узнать об этой конструкции, значит, существуют вещи, которые сами собой напрашиваются“.

Проезжая по Амурскому краю, он осмотрел эту огромную, почти безлюдную страну, покрытую густыми девственными лесами, горами, реками и необозримыми болотами, в недрах которой скрыты богатейшие запасы минералов и золота. Постройка Амурской дороги, которую он назвал „чудом техники“, подвигалась с огромным трудом из-за плохого климата, необычной почвы и из-за эпидемий малярии и других болезней.

В 1913 году она была ещё далеко не закончена, большую часть пути пришлось поэтому ехать на лошадях. Нансен этому обрадовался — так было легче ознакомиться с природными условиями края. Например, он обратил внимание на многолетнюю мерзлоту и связанные с нею наледи».

Фритьофу удалось подметить и то, что впоследствии исследователи назовут «жёлтым вопросом Нансена» — он обратил внимание на присутствии на Дальнем Востоке большого количества корейцев и китайцев, о которых написал так:

«Работают корейцы совсем иначе, нежели русские, усерднее возделывают землю и собирают лучший урожай, продают много зерна и сена и с течением времени достигают известного благосостояния. С помощью этих усердных и умелых земледельцев обработаны большие пространства новых земель… Неприхотливость и умеренность потребностей китайцев хорошо известны, и они причиной, что китаец довольствуется гораздо меньшим заработком, нежели европейский рабочий. К тому же он вообще работоспособнее… Корейцев на постройке Амурской дороги занято несколько тысяч; ими дорожат, особенно в

болотистых местностях, так как они гораздо лучше переносят сырость, нежели русские, вообще неохотно работающие на болотах, тогда как корейцы ничего против этого не имеют… Вдобавок все китайцы и корейцы в общем чрезвычайно работящий и добросовестный в работе народ, чем не всегда отличаются тамошние русские… А что китайский заткнёт за пояс и русского, и европейского — факт общеизвестный».

И делает вывод:

«И вот эти качества, вместе взятые, представляют, по отзыву русского писателя Болховитинова, большую опасность, нежели китайские войска и флот… Рано или поздно помериться силами им всё-таки придётся».

Когда путешествие уже близилось к концу, Нансен записывает в дневнике:

«Вот скоро и конец. И мне невольно становится грустно при мысли о том, что надо расставаться с этими обширными лесами Сибири и её торжественно строгой природой, где только простые величавые линии и никаких мелочей. Я полюбил эту бескрайнюю страну, необъятную, как само море, страну нескончаемых равнин и гор, с закованным в лёд побережьем Ледовитого океана, пустынным привольем тундры, загадочными дебрями тайги, волнистыми степями и синими лесистыми горами — где лишь местами вкраплены клочки обжитой земли».

В Петербург, где у него было много друзей, Нансен приехал в конце октября. Фритьоф встречался с учёными — П. П. Семеновым-Тян-Шанским, А. П. Карпинским, Н. М. Книповичем.

В России великого норвежца почти боготворили, и когда он в один из вечеров отправился в театр, в антракте на сцену вышел директор и объявил, что среди публики присутствует Фритьоф Нансен. Раздались аплодисменты, публика поднялась со своих мест, и Нансену пришлось улыбками и поклонами отвечать на овации.

30 октября Нансен принял участие в экстренном заседании по снаряжению экспедиции к Северному полюсу, на котором обсуждались перспективы дальнейшего продолжения экспедиции

Г. Я. Седова. Нансен выступил с докладом и дал ряд практических рекомендаций.

Возвращение домой было радостным.

«Когда отец вернулся в Кристианию в октябре 1913 года, Восточный вокзал был переполнен журналистами, — *писала Лив Нансен-Хейер*. — Но он никому не стал отвечать на вопросы. „Сейчас я хочу только одного, — смеясь сказал он им, — увидеться с детьми“.

Позже отец много рассказывал об этом долгом удивительном путешествии. Он привёз нам и подарки — русские шкатулки и шали и многие другие удивительные вещи, каких мы никогда в жизни не видели. Отец был просто переполнен впечатлениями, новыми мыслями и идеями о географических, метеорологических и этнографических особенностях Сибири. Он сразу же принялся за обработку материала. Беседовал с русскими специалистами о систематических исследованиях процесса тундрообразования, который его заинтересовал, о возможностях планомерного освоения пустующих земель в районе Амура и о множестве других дел. Его увлекла мысль об организации этнографической экспедиции на Дальний Восток. Говоря о путешествиях Свена Хедина, он добавлял, что „многое ещё требует дальнейших исследований“, поэтому ему очень хотелось самому отправиться на Восток. Даже в январе 1917 года, когда Лиду предстояло поехать в Америку, Нансен поручил ему навести справки у китайского посла в Вашингтоне Веллингтона Ку, нельзя ли будет получить разрешение на путешествие по Центральному Китаю. Веллингтон Ку отвечал, что китайское правительство несомненно пришлёт Нансену приглашение. Но революция в России и вслед за ней работа в международных организациях помешали этим планам.

По возвращении из поездки по Сибири Лид как-то провёл вечер в Пульхёгде. Отец спросил, не собирается ли он писать о плавании в Сибирь. Лид ответил, что у него столько дел с Сибирским обществом, что ему просто не до этого. „Тогда я напишу сам“, — сказал отец. Просто он по своей тактичности не хотел перебегать дорогу Лиду. Осенью 1914 года в Норвегии вышла толстая книга „По Сибири“. Она сразу же была переведена на английский, а вскоре и на многие другие

языки. В Европе бушевала война, и всё же книга вызвала большой интерес. В Германии она вышла четырьмя тиражами. Это и понятно — книга рассказывала о континенте, доселе малоизвестном на Западе».

Глава одиннадцатая
Нешуточные страсти

Нансен после возвращения домой много времени продолжал уделять своим научным занятиям. Он поддерживал связь и с учёными России. Так, в 1914 году его частыми гостями были русские моряки, подбиравшие суда для спасательной экспедиции, которой предстояло оказать помощь Седову и заняться поисками экспедиций Брусилова и Русанова.

Летом 1914 года Нансен вместе с Хелланд-Хансеном отправились в новую экспедицию на судне «Армауэр Хансен» по маршруту Кристиания — Лиссабон — Мадейра — Азорские острова. Нансен очень переживал из-за угрозы возникновения войны — и предчувствия его не обманули. В одном из портов он узнал о начале Первой мировой войны.

Нансена уже давно беспокоила обороноспособность его страны. Начиная с 1913 года она стала определять его политическую позицию и деятельность. Он много ездил по стране и страстно выступал, призывая обратить внимание на жалкое состояние вооружённых сил Норвегии. Они были совершенно небоеспособными.

> «Отец даже не был уверен, — *писала Лив Нансен-Хейер,* — есть ли твёрдое намерение решительно защищать свою страну у тех, на кого возложена ответственность за это. Одни считали, что для маленькой Норвегии бесполезно пытаться отразить нападение великой державы, другие думали о том, каких это потребует затрат.
>
> „Неужели бесполезно?“ — восклицал отец в своих речах о необходимости укрепления обороны страны. Такое безнадёжное настроение казалось ему наиболее жалким. Если это бесполезно, так за что же мы боролись? Куда приведёт прогресс и все „социальные реформы“, если мы не хотим их защищать?
>
> Нансен изъездил страну вдоль и поперёк, всюду выступая с речами. Люди пробуждались от сладкого сна, в котором пребывали с 1905 года. Политические лидеры были недовольны нарушителем спокойствия. Дело обороны находило множество сторонников. Некоторые из них приезжали в Пульхёгду, и вечера напролёт проходили в дискуссиях и разработке программы

действия. Но и противников было немало, и они громко давали о себе знать. На митингах всегда собиралась масса народу, и атмосфера была накалена до предела.

Я бывала на многих выступлениях отца и до, и после начала войны. Я наблюдала и бурные восторги слушателей, и бурное негодование — однажды я была даже свидетелем того, как после одного из выступлений отца в него запустили камнем.

„Нигилисты в вопросах обороны страны — ещё не самое страшное, — говаривал он. Он не мог поверить, что в трудную минуту они отрекутся от родины. — Нет, куда опаснее политики, которые, как только поднимается вопрос об обороне страны, видят в этом одну лишь нервозность и паникёрство“».

Гуннар Кнудсен, в 1913 году вторично ставший премьер-министром, в феврале 1914 года выступил со своим знаменитым утверждением, что «политическое небо безоблачно». Нансен ужаснулся, прочитав газетные отчёты, и через несколько дней в своей речи в посольском особняке на улице Калмейер возразил премьер-министру, утверждая, что это заявление, вероятно, недостаточно продуманно.

«Я сам имел некоторое отношение к вопросам внешней политики, и я утверждаю, что если при безоблачном небе народы Европы так усиленно вооружаются, значит, они просто безумны. Даже Ллойд-Джордж склоняется перед необходимостью, даже он изменил свою политику. Не оттого ли уж, что Ллойд-Джордж считает небо безоблачным? Ассигнования Германии на военно-морской флот говорят о другом, так же как и усиленное вооружение России. Мы стоим на краю вулкана, который с минуты на минуту готов взорваться. Горе тому, кого это застанет врасплох! А мы должны быть готовы! Я предвижу будущие времена, когда три скандинавских племени сплочённо встретят любого врага».

В этой речи он коснулся также опасности довода о том, что укрепление вооружённых сил якобы послужит интересам только имущих классов.

«Более неразумных речей никогда я не слышал, — *говорил он.* — Имущие классы всегда сумеют устроиться. Но представьте себе, какое будущее ждёт норвежского

> рабочего, если страна попадет под чужеземное иго, если мы потеряем свободу и право на самоопределение, когда исчезнет свобода слова. Тогда окончится время профсоюзов. Пусть рабочий спросит себя: а что, если будет введена двух- или трёхлетняя воинская повинность под чужеземным игом, в чужой стране, в чужих краях, для защиты чужой власти? И такое будущее вы предлагаете своим детям?»

В это время его взгляды окрашиваются всё больше в «красные» тона. Так, Нансен считал, что, поскольку классу собственников есть что терять и есть что защищать, то они выживут в любых условиях и защищать будут собственное имущество. А вот рабочий класс, которому нечего терять, как мы знаем, кроме своих цепей, по мнению Нансена, будет бороться за свободу родины.

Надо сказать, что Нансен довольно часто в зрелые годы высказывал мысли, которые в наши дни назвали бы «неполиткорректными». Мы уже говорили, что он не любил парламентскую систему и очень скептически относился к демократии. Он писал, что в Норвегии образовалось в 1900-е годы слишком много партий, а потому считал, что парламентаризм изжил себя. В Норвегии, но не в Англии, что он всегда подчёркивал.

Он резко выступал против всеобщего образования и народных университетов, ибо избыток академического образования, по его мнению, опасен и вреден для страны. Во главу угла он ставил профессиональные знания и обучение именно им.

И он написал в своей книге «Через Сибирь»:

> «Про себя я подумал, что неграмотные не так уж и много теряют от своей безграмотности, что бы там ни говорили. Им не доведётся узнать о грязи и мерзости политической жизни».

Сам же Нансен принимал в политической жизни активное участие. И тут самое время вспомнить о том, что близкий друг Фритьофа профессор Брёггер называл его анархистом. В соответствии с основным принципом анархизма «возбуждать людей к непризнанию в законе обязательного повеления и призыву к восстанию против исполнения закона» он начинает подготовку того, что в принципе можно назвать государственным переворотом — правда, исключительно мирным путём (так считает и П. Э. Хегге). Нансен делает попытку избавиться от ненавистного ему премьер-министра Кнудсена и даже собирается

стать его преемником.

8 августа 1914 года он пишет статью, направленную против правительства, которая, по свидетельству современников, должна была бы в случае опубликования неминуемо привести к отставке Гуннара Кнудсена. Однако газеты, в которые обращается Нансен, одна за другой отказываются её публиковать — и Фритьофу приходится напрямую обращаться к главе стортинга Сёрену Тобиасу Орстаду. В своём письме он довольно резко пишет:

> «Я не новичок в рисковых предприятиях и смелых планах. Я считаю, что риск в отдельных случаях необходим и рисковать надо… Если нет другого выхода, то я предлагаю образовать коалиционное правительство. Я убеждён, что такое правительство поддержали бы широкие массы по всей стране».

Однако Фритьоф прекрасно понимает, что новое слабое правительство может ещё больше навредить стране — а потому «до конца» идти не решается.

Орстад отнёсся к письму Нансена отрицательно — да и как ещё мог отнестись человек, возглавляющий институт, который его корреспондент ни в грош не ставит? Как бы то ни было, государственного переворота не случилось, а Нансен не отошёл от политических дел и продолжил борьбу за укрепление обороноспособности Норвегии.

Он выступал за «наращивание вооружений», поскольку никогда не верил, что по окончании войны наступит «мир во всём мире». В своей книге «На вольном воздухе» (1916) он писал:

> «У меня перед глазами возникают сцены, происходящие где-то далеко-далеко… Оборонительные сооружения, траншеи — и кругом горы искалеченных человеческих тел…
>
> От этого ужаса невозможно убежать или спрятаться. Нигде не найти покоя…
>
> К этим ужасам войны присоединяются и рыдания лишившихся кто мужа, а кто друга… Я вижу матерей, в отчаянии ищущих своих сыновей… поседевших, сгорбленных горем отцов, утративших надежду на продолжение своей жизни в грядущих поколениях…
>
> Кошмар безумия! И никто не может прекратить его — никто!
>
> Колеблются самые основы общества… Народы Европы — „носители культуры“ — пожирают друг друга, топчут культуру, превращают Европу в развалины — на

пользу кому?

Это словно горный обвал, который увлекает в пропасть на своём пути всё, что ему встречается: деревья и леса, дома и усадьбы. Вызванный им ужас нарастает, ибо все знают, что спасения нет — обвал похоронит под собой долину, и никто не в силах остановить его — он сам завершит свой путь…

А из-за чего бьются? Из-за власти — и только из-за власти! Во всяком случае, те, кто начали бойню.

А могло ли быть иначе? Культура, провозглашающая высшей целью народов могущество, не способствуют развитию человечества, а неминуемо должна привести к гибели, что сейчас и происходит…

Требованием стала свободная, ничем не сдерживаемая конкуренция — между отдельными личностями и государствами — в стремлении к материальному успеху во что бы то ни стало, к внешнему могуществу — блеску — для отдельной личности и государства.

Для достижения этой цели народы не считались ни с кем, кроме себя. Идеалы и мораль легко предавались, если только данному народу это было выгодно. И в таком случае можно было нарушать клятвенные обещания, можно было лгать и обманывать, убивать, пуская в ход низменные уловки и предательство. И тогда всякий, кто не желал соглашаться с тезисом „Цель оправдывает средства“, немедленно объявлялся предателем. Ибо ради благополучия собственного народа можно было легко истребить всё остальное человечество.

Девизом было: „Долой всех остальных, лишь бы возвыситься самим!“

Такое положение дел неизбежно должно было привести к нынешнему самоистреблению народов, люди вынуждены поедать друг друга, раз места на земле для них не осталось, а приходящие к кормушке последними полагали, что имеют такое же право на лучшие куски, как и остальные.

Однако все заявляют, что вовлечены в войну против собственной воли, что сражаются за высшие цели. Как же так может быть?

Так должно было случиться. Европейская культура прогнила насквозь, она оказалась никуда не годной. Как больное дерево, она рухнула, когда разразилась буря.

Культура? Разве она чего-то стоит, когда не в силах укротить дикого зверя? Спасти от варварства? В таком случае она — „обманка“. И вот сейчас мы видим, как дикий зверь неистовствует в безумии. Волк Фенрир вырвался из оков на свободу, а возле пещеры Гнипа воет огромный пёс Гарм. Наступил конец света — Рагнарёк.

Мы ведём постоянную борьбу за подчинение сил природы человеку, за обеспечение собственного существования, но ведь ещё больше несчастий происходит по воле самого человека. И мы всё ещё не нашли возможность воспрепятствовать этому! Какая ужасающая и унизительная истина!

<…> Какое странное создание человек! Грабит, разоряет, истребляет животных, убивает себе подобных… Хищник — везде и во всём… И как война опрокидывает все понятия, превращая нас в диких зверей!

Если на человеке мундир, одежда определённого цвета и покроя, да ещё ему дан приказ, он имеет право на любые злодеяния: бросать с воздуха бомбы на мирные города и на головы добропорядочных граждан, спокойно занимающихся своими каждодневными делами, разорять дома, грабить и лишать людей средств к существованию. Как настоящие изверги, могут люди в мундирах пускать ко дну без всякого предупреждения корабли с сотнями ни в чём не повинных мужчин, женщин, детей на борту… когда же кто-то из гражданских лиц вздумает защищаться и выстрелит в насильников, это немедленно объявляется страшным преступлением. Если виновных схватят, их по суду и следствию расстреливают или вешают…

<…> Неужто мир и дальше будет жить с такой культурой? Тогда уж лучше истечь кровью, лучше погибнуть…

Если европейская культура должна была привести к этому безумию — а иного пути и не было, потому что бразды правления держали в руках взрослые люди, а не несмышлёныши, — значит, она изжила себя и её нужно отправить в горнило печи на переплавку…

А мы, наш народ? Неужели и мы тоже вовлечёмся в этот водоворот, ещё не успев даже попытаться внести свой вклад в мировой прогресс? Мы ещё не создали собственной культуры, но силы для этого имеются, и перед нами лежат достаточно большие задачи в будущем — если только мы сами не умалим своего духа тем, что

будем оставаться на позиции зрителей и отъедаться отбросами с мирового пожара.

<…> Если какие-нибудь отжившие культуры и погибают, то это ведь не так уж и непоправимо. Это случалось и раньше, однако же люди живут.

<…> Это не культура, эти древние звериные инстинкты ввели в заблуждение волю масс и силой внушения толкнули их на путь дикарей. Они имеют в распоряжении телеграф, телефон, печать, при помощи которых распространяют свой яд с быстротой электрического тока. И толпа, при всё растущей современной гонке лишённая собственного мнения и права на размышление, мгновенно им подчиняется.

Должно наступить возрождение — новая эра, с новыми идеалами, когда духовные ценности снова сделаются главной целью, а материальные лишь побочными, когда ничтожество и посредственность не будут больше править миром, а великие умы поведут людей в более возвышенные области, когда каждое умственное открытие, каждая победа в области духа будут приветствоваться с таким же восторгом, как теперь всё материальное, когда люди будут жить более благородной и простой жизнью.

А повседневная гонка в городах, под гнётом денежного кошмара, опошляет человека. Новые люди появлялись из пустыни, из уединения, из глубины простой природы — всегда!»

При всех благородных заявлениях, которые делает Нансен в вышепривёденной цитате (неприятие войны, возвеличивание духовных ценностей и т. д.), налицо прекраснодушие и наивность. К чести великого учёного, он и сам признавал свою наивность и неумение быть политиком. Отрицание власти государства и негативное отношение к армии чревато беспорядками и массовыми убийствами, разгулом криминала на улицах и неукрощаемым бандитизмом.

К счастью, Фритьоф Нансен, несмотря на все свои «красные» революционные порывы, всегда был здравомыслящим человеком и умел вовремя остановиться.

В январе 1916 года появляется статья Нансена «О положении Скандинавских стран до и после войны». Он писал:

«Хотя сейчас рассуждения о том, какое положение сложится в Европе и у нас после войны, и могут показаться досужим занятием, однако как бы то ни было,

а перед нами наверняка встанут трудные задачи, независимо от того, попадём или не попадём мы в общий водоворот. Европа будет лежать в руинах, потеряв цвет своей молодёжи. История показывает, что после каждой крупной войны требуются усилия многих поколений, чтобы вновь обрести силы и восстановить всё, сметённое войной. Совершенно очевидно, что, когда мы вновь примемся за мирные дела, решающее значение будут иметь нейтральные народы — если таковые найдутся в Европе, — способные справиться с этой задачей».

В статье он вновь и вновь повторяет мысль о том, что величайшее значение для возрождения Европы будет иметь духовная культура. И главная роль в устроении мира на земле и обеспечении духовного прогресса будет отведена нейтральным народам:

> «Если взглянуть на обстановку в нашей стране, каждому мало-мальски сведущему человеку станет ясно, что необходимо в корне изменить нынешнее убогое положение вещей».

Нансен считал, что очень важно для всех северных стран поддерживать единство — как для сохранения нейтралитета, так и для решения культурных задач, а также увеличивать вклад в мировое развитие.

> «Временами и у премьер-министра Кнудсена, и у министра иностранных дел Илена возникало чувство, что Нансен ополчился лично против них. Но это было не так, — *писала Лив Нансен-Хейер.* — Нансен боролся открыто и думал прежде всего о стране. Он считал делом чести говорить правду и видел в этом свой долг, хотя и крайне малоприятный. И подлинным облегчением бывала для него всякая возможность вернуться к своей „настоящей жизни“ — к науке. Хелланд-Хансен, так же как и отец, купивший сезонный билет для проезда по Бергенской дороге, частенько наведывался к нему, и в эти тяжёлые годы было напечатано немало научных работ.
>
> Чтобы им не мешали спокойно работать, отец придумал встречаться с Хелландом на полпути. Иногда они останавливались в Халлингдале, но чаще отправлялись в горы, или в Финсе, или в Хаугастель. Сразу за дверями начинались горы, и работа

великолепно сочеталась с отдыхом на открытом воздухе. Случалось, что им и здесь мешали, но тут уж не иначе, как с их доброго согласия.

Однажды произошёл такой случай. В Финсе жили тогда две дамы, знакомые отца, работа была отложена. Каждый день он ходил на лыжах и каждый вечер танцевал. Началась метель, и Хелланд надеялся, что наконец-то Нансен возьмётся за работу. Куда там! Дамы всё-таки решили кататься на лыжах, и Нансен сослался на то, что непростительно отпустить их одних в такую погоду.

Они захватили с собой завтрак и снарядились, точно на Северный полюс. Но в пятидесяти метрах от отеля стоял сарай, который зима превратила в снежную хижину. И, укрывшись там от яростной метели, они в тепле и уюте проболтали полдня. Поневоле Хелланд-Хансен сам взялся за работу. За окном мело всё сильнее, и он стал беспокоиться. Гонг позвал обедать, а великих лыжников всё нет и нет. Скоро беспокойство охватило весь отель, и стали уже подумывать, не пора ли отправляться на поиски, как вдруг все трое вернулись, оживлённые и хохочущие. И ни от одного не добиться разумного слова. Понятно, что остальные обитатели отеля не разделяли этого веселья. И как только Нансен додумался взять с собой дам в такую опасную погоду! Ему просто незаслуженно повезло, что они вернулись живыми и невредимыми.

„Верно, на дворе непогода, но дома и того хуже“, — отшучивался Нансен, и не думая оправдываться.

В другой раз друзья поселились в Хаугастеле, это было в марте 1916-го, и славно поработали.

Ежедневно они ходили на лыжах, ведя дорогой учёные разговоры. Как-то вечером заглянули в Финсе, и, пока сидели в гостиной, глядя на открывающийся из окон вид, Нансену пришла в голову одна мысль. В нём уже давно шевелилось желание повторить лыжный переход 1885 года, и теперь он не устоял. Андреас Клем, директор отеля в Хаугастеле, сразу же запросил по телефону прогноз погоды на следующий день. Прогноз для западной части страны был таков: „Весь день ясная погода“. Директор Клем и сам не прочь был составить Нансену компанию, если тот надумает отправиться в путь.

На следующее утро, пока все ещё спали, они

отправились поездом к Халлингскейду, расположенному как раз там, где тридцать один год назад Нансен не мог отыскать под снегом ни одной пастушеской хижины. Опять с ним была собака, наст был такой же, и всё тот же поразительный вид открывался с вершины Воссескавлен на освещённые утренним солнцем зубцы гор. Но вот начался спуск. Нансен чувствовал, что тело его уже не так тренированно, как в молодости. Спускаясь к озеру Калдеватн, он не раз падал на крутых поворотах, и всё тело у него ломило. От этого озера можно было выбрать более удобный маршрут, чем тот, которым шёл Нансен в 1885 году. После постройки Бергенской дороги здесь стало бывать много лыжников, и они нашли более удобные спуски, но отец хотел идти старым путём. И чуть было не раскаялся. Таких трудностей он, казалось, не встречал ни разу в жизни. И невольно с уважением вспомнил собственную молодость. Взяв лыжи под мышку, они вырубали во льду ступеньки и понемногу спускались. Отец нахваливал свою единственную, зато надёжную палку, которая глубже врубалась в лёд, чем две палки Клема с кольцами. Они, вероятно, хороши на плоскогорье, но в такой местности от них толку мало. Один спуск был настолько крут, что пришлось бросить рюкзаки. Они швырнули их вниз и увидели, как те исчезли в долине. Становилось всё труднее, не раз приходилось им карабкаться вверх и искать другой спуск. Нансен припомнил, что и в прошлый раз было то же самое, но теперь это давалось ему куда труднее.

Наконец они спустились и разыскали рюкзаки. Потом лыжня вывела их на дно долины к станции Упсете. Вскоре, пыхтя, подошёл паровоз и поднял их в Финсе, где они наелись до отвала и пришли в превосходное расположение духа.

„Подумать только, что он вообще оказался в состоянии повторить эту рискованную прогулку! — писал об этом Йоханнес В. Йенсен. — *Хотел бы я быть на его месте и иметь возможность не поминать о подвиге тридцатилетней давности, не пропавшем зря. Подумать только, каким надо обладать верным инстинктом, чтобы сохранить вкус к делу, совершённому из молодого буйства, из простого желания дать волю своим порывам, и суметь повторить его в годы, когда сам уже стал отцом взрослых детей“».*

Война продолжалась, и будущее Норвегии было мрачным, поскольку страна оказалась под давлением воюющих держав с обеих сторон. Норвегия была экономически связана и с Англией, и с Германией. Из Англии импортировали многие продукты, а вот в Германию продавали руду и рыбу. Союзники требовали прекратить поставки немцам, а германское министерство иностранных дел заявило:

> «Из Норвегии мы получаем важнейшие сырьевые материалы для нашей военной промышленности и большое количество продовольствия для гражданского населения и армии».

Германская подводная война против Великобритании, начатая весной 1915 года, до лета 1916 года не оказывала особого воздействия на морские перевозки норвежцев на Британские острова, но в августе 1916-го всё изменилось — немцы перешли к активным действиям и всё чаще суда подвергались атакам, и вместе с ними погибали не только английские, но и норвежские моряки.

В апреле 1917 года в войну вступили США — и норвежское правительство стало опасаться влияния великой державы на нейтралитет Норвегии. Поэтому было решено послать в Америку специальную комиссию для достижения официального соглашения с правительством этой страны.

Лучшего переговорщика, чем Нансен, правительству Кнудсена найти было сложно, а Фритьоф никогда не мог отказать своей стране. В результате он отправился в США.

Переговоры затянулись — и Нансен пробыл в США с лета 1917-го по весну 1918 года. С большим трудом, но ему удалось заключить необходимое Норвегии соглашение. Всё дело в том, что в Норвегии ввели карточки на продовольствие, народ волновался, а министр иностранных дел Илен затягивал переговоры.

Так что Нансену во многом пришлось взять на себя ответственность. Сделано это было более чем своевременно, однако историки отмечают, что результатом упорства Илена и его умения торговаться стали гораздо более благоприятные условия договора, чем те, что предлагались на Рождество.

> «Из документов, опубликованных в 1919 году, когда правительство Кнудсена ушло в отставку, — *пишет П. Э. Хегге,* — следует, что Нансен осенью 1917 года сильно рассорился — в письмах через океан — с министром иностранных дел Нильсом Иленом. Шум

подняла и партия Хейре, которая в декабре 1917 года потребовала отставки Илена из-за его позиции по переговорам. Согласно дневникам Юхана Кастберга, Нансен был кандидатом на пост министра иностранных дел от партии Хейре, если бы заявка с отставкой удалась.

Финал этой истории имел для руководителя переговоров неприятные последствия, ибо Нансен позаботился, чтобы переписка была опубликована в виде ответного шага на похвалу Илена за его позицию по переговорам. Гуннару Кнудсену приписывается высказывание о том, что „если бы Илен не обладал огромным терпением, которого так недоставало Нансену, то переговоры давно бы лопнули до своего завершения“».

Нансену постоянно прочили место в правительстве, однако он вскоре занялся совсем другим — делом его жизни стала помощь тем, кто в ней нуждался.

Глава двенадцатая
Фритьоф и Сигрун

В 1919 году Фритьоф Нансен женился на фру Сигрун Мюнте. По версии родных он сделал это из-за чувства вины перед Сигрун, когда их отношения стали достоянием гласности. Вряд ли это так — в обществе знали об их романе практически с самого начала.

После свадьбы Фритьоф, по воспоминаниям друзей и знакомых, не выглядел особо счастливым.

Пытаться разобраться в отношениях двух людей — напрасный и неблагодарный труд, тем более что танго, как гласит американская пословица, танцуют двое.

Ясно одно — после бракосочетания Сигрун счастливее не стала. Вероятно, она и не предполагала, что жизнь фру Нансен полна огорчений, ревности и бесконечного ожидания мужа. Когда её однажды спросили, о чём они разговаривали с Нансеном дома в Пульхёгде, она ответила: «Разговаривали? Да мы и не разговаривали вовсе. Во всяком случае, редко — или никогда».

По воспоминаниям дочери Нансена, «отец проявлял изумительное терпение в том, что касалось внешней стороны дипломатической жизни. Встречаться с представителями других стран тоже было важно, к тому же эти обеды и ленчи длились не более двух-трёх часов и потому не очень утомляли. Они всегда проходили одинаково. После десерта мужчины удалялись со своими сигарами поговорить о политике, а дамы, оставшись одни, болтали о женской эмансипации, о платьях, о пустяках. Когда же к ним возвращались мужчины, чтобы вновь стать кавалерами, дамы окружали отца и просили: „О, доктор Нансен, пожалуйста, расскажите про медведей!“ Я, словно это было вчера, вижу, как отец, смущённо улыбаясь и чуть склонив голову набок, сидит в центре группы, окружённый дамами, а сзади, дымя сигарами и тоже внимательно слушая, стоят мужчины. Без конца повторяет он одни и те же истории про медведей в Ледовитом океане, и каждый раз раздаются одни и те же восклицания: „Господи! Как интересно!“, „Боже, какие приключения!“». Так что фру Нансен уделялось не так уж и много внимания — чаще всего она ждала мужа дома, а в поездки с ним ездила не часто.

О Сигрун Мюнте-Нансен, в девичестве Сандберг, написано совсем немного. Она как будто остаётся в тени своих знаменитых мужей — известного художника Мюнте и гениального Нансена.

Кто же она такая, если смогла покорить две «культовые», как мы бы сейчас сказали, личности и к тому же секс-символы своего

времени?

* * *

В апреле 1886 года богема Кристиании была потрясена новостью о помолвке «вечного холостяка» — 37-летнего художника Герхарда Мюнте — и совсем ещё юной и никому не известной его ученицы 17-летней Сигрун Сандберг.

На друзей известного живописца эта помолвка произвела странное впечатление. Китти Хьеллан писала:

> «Мне совсем не нравится, когда почти сорокалетний мужчина женится на ребёнке».

Сигрун казалась всем наивной, не уверенной в себе и очень стеснительной. Именно такой она и была.

В отличие от своего мужа, происходившего из аристократической семьи, Сигрун выросла в довольно простом окружении. Её мать, Йенни Сандберг, рано овдовела и, будучи женщиной решительной и имеющей на руках шестерых детей, через два года после смерти мужа открыла «Пансионат и частный отель, оборудованный телефонной связью» в самом центре Кристиании — на улице Карла-Юхана.

Нельзя сказать, чтобы Сигрун любила мать — она всегда называла свою свадьбу с Мюнте примером «торговли белыми рабами». Именно Йенни способствовала знакомству и развитию отношений дочери с человеком, который был всего на три года младше её самой. В пансионате несколько художников снимали номера и ателье — и Герхард был одним из самых привлекательных мужчин среди них.

«Пансионат и частный отель» пользовался очень хорошей славой — и у вдовы Сандберг часто останавливался Бьёрнстьерне Бьёрнсон с семьёй. Весёлая вдова была женщиной без предрассудков — и вот она уже выходит замуж за двадцатисемилетнего старшего сына Бьёрнсона. Легко предположить, какие чувства испытывала Сигрун, когда её сорокалетняя мать вышла замуж за Бьёрна Бьёрнсона, который на десять лет был моложе её собственного жениха и всего на десять лет старше её самой. По утверждениям биографов семей Бьёрнсона и Нансена, именно собственное скоропалительное замужество заставило Йенни побыстрее выдать замуж старшую дочь, поскольку новоиспечённая фру Бьёрнсон очень боялась, что молодой муж, осознав немалое количество пасынков и падчериц, испугается и бросит её. Так, собственно, вскоре и случилось:

Бьёрн влюбился в свою коллегу, актрису и певицу Ингеборг Ос, выступавшую под псевдонимом Джина Оселио, и отец, Бьёрнстьерне Бьёрнсон, выплатил невестке за развод огромную по тем временам сумму. Она купила усадьбу — и вновь открыла пансионат.

К Йенни в обществе относились по-разному: её уважали, силой её характера и предприимчивостью восхищались, её интриг побаивались — и её порицали. Порицали прежде всего за обращение с дочерью — Сигрун Мюнте. Эрик Вереншёльд, как мы помним, близкий друг Нансена, ещё задолго до свадьбы Фритьофа и Сигрун говорил, что Йенни практически «раздавила дочь», заставляя её плясать под свою дудку.

Широко известен тот факт, что Вереншёльд использовал Нансена в качестве «модели» для Олава Трюггвассона, когда делал иллюстрации к «Кругу Земному». И мало кто знает (даже в Норвегии), что прообразом королевы Сигрид стала Йенни. В «Саге об Олаве Трюггвассоне» рассказывается, что после смерти Харальда Гренландца у неё появился жених, который ей очень понравился. Это был конунг Норвегии. Но когда Сигрид отказалась принять христианство, Олав ударил её по лицу перчаткой и назвал языческой сукой. Она встала, выпрямилась и ответила: «Ну что ж, это твой выбор!» На иллюстрации запечатлён именно этот момент. И совершенно очевидно, что художник восхищается своей моделью (хотя использовал при работе лишь её фотографию).

Но вернёмся к будущей фру Нансен. Брак с Мюнте для Сигрун оказался неудачным, да ещё плюс ко всем неурядицам она, несмотря на свои художественные способности, оказалась неспособна догнать мужа по уровню общего развития и образования.

Очень тяжело Сигрун пережила потерю будущего ребёнка, которого они с Герхардом ждали через два года после свадьбы. Она так никогда и не смогла больше забеременеть и не смогла оправиться от этого удара судьбы. У неё стали регулярно повторяться приступы депрессии.

Однако она, как могла, боролась с болезнью. Одним из лекарств стала ткачество. Сигрун, одержимая идеей возрождения древнего норвежского искусства, ткала прекрасные коврики-гобелены, научившись этому искусству у знаменитых Асты Нёррегорь и Фриды Хансен. Сигрун не только создавала собственные гобелены, но и использовала сюжеты картин своего мужа. Так, очень известен её гобелен, сделанный по акварельной иллюстрации Мюнте к сказке «Три принцессы».

Ковры Сигрун приобрели такую известность, что были даже

выставлены на персональной выставке Мюнте в Стокгольме в 1894 году по личной просьбе принца Евгения Шведского, известного также как живописец, собиратель произведений искусства и меценат. Ковры фру Мюнте очень хорошо продавались — и все деньги она по решению мужа получала в полное своё пользование. Казалась бы, всё постепенно налаживалось — но судьба вновь нанесла Сигрун тяжёлый удар: всё в том же 1894 году врач запретил фру Мюнте ткать, поскольку это могло нанести непоправимый вред её слабому здоровью. За ткацкий станок она сядет лишь много десятилетий спустя — уже будучи вдовой двух мужей.

Надо сразу сказать, что Герхард Мюнте всегда относился к жене с большой любовью. Быть может, он опекал её не только как муж, но и как старший друг и отец, — во всяком случае, он называл Сигрун «мой маленький слабый птенчик». Но птенчик рос — и постепенно стал пробовать «встать на крыло» и даже улететь из дома, который никогда не был особенно любимым. Вернее, не так. Сигрун никогда не любила образ жизни, который вёл Герхард, — она не любила выходы, большие собрания, не любила сопровождать мужа в его поездках (ситуация кардинальным образом изменится, когда она станет фру Нансен). Ей было с Мюнте скучно и неинтересно. Зато она обожала свой сад и огород вокруг прекрасного дома в Лисакере, выстроенного по эскизам мужа. Когда он уезжал, Сигрун неизменно посылала ему овощи и сочную черешню, таким образом как будто давая понять, что тоже добилась немалого — на своём уровне и на доступном поприще.

Сигрун и Герхард совершенно не подходили друг другу — и любящий муж не понимал, как он может вдохнуть искру интереса к жизни в свою жену, которой судьба столько раз наносила тяжёлые удары.

Зато Сигрун прекрасно себя чувствовала, отправляясь кататься на лошадях вместе с четой Нансенов, к которым часто присоединялся Герхард, правда, он любил ехать рядом с ними в коляске. Поначалу прогулки носили невинный характер. Однако Нансен был настолько привлекателен, что, судя по многочисленным свидетельствам, ему не могла противостоять ни одна женщина. Кроме того, открытый и эмоциональный Фритьоф был прямой противоположностью сдержанному и суховатому Герхарду.

Сигрун была красива. Известный певец Вильхельм Каппелен Клоед был влюблён в неё долгие годы. Вскоре и Нансен стал ценителем её красоты.

Знал ли о начавшемся романе Герхард — неизвестно. Однако

сохранилась его акварель из цикла иллюстраций к сказкам и балладам, которые он делал в 1902–1904 годах. И на одной из них в образе тролля, похитившего принцессу Эрмелин и удерживающего её в горе, изображён Фритьоф. В 1925 году Рагна Брейвикс, известная художница по коврам, выставила свои гобелены, сделанные по мотивам тех иллюстраций Мюнте. На одном из них в образе тролля выткан Нансен. Рагна знала, что изображает именно Фритьофа, об этом она говорила своему биографу, а знать о прототипе она могла только от одного человека — своего друга Мюнте.

Нельзя сказать, чтобы зародившиеся чувства доставляли лишь радость Сигрун и Фритьофу. Наоборот — оба понимали, как жестоко они могут ранить своих любимых. В 1905 году оба предпринимают попытки спастись бегством от нахлынувшей любви: один уезжает по дипломатическим делам, а другая в кои-то веки сопровождает своего мужа в поездке в Копенгаген, Дюссельдорф и Париж.

Париж произвёл на Сигрун неизгладимое впечатление — в то время как Герхард бродит по музеям, она со страстью изучает французский — по её мнению, самый красивый язык в мире. Любовь к французскому Сигрун сохранила на всю жизнь. Она постоянно будет брать уроки языка и даже сделает себе визитные карточки на французском: «Madame Fridtjof Nansen».

Однако поездка, несмотря на внешнее благополучие и полученное удовольствие, не была удачной — Сигрун продолжала любить Нансена и никак не могла избавиться от этой страсти-наваждения. Эрик Вереншёльд, который был в Париже в то время, так описывал отношения пары в письме от 14 мая 1907 года Бернту Грёнволду:

> «Мне кажется, что Сигрун серьёзно влюблена в Нансена. В Париже им с Мюнте явно не по себе. Мне кажется, её чувства взаимны, поскольку Нансен был очень ею увлечён. Он сейчас измождает себя работой и зимними видами спорта. И выглядит совершенно ужасно… И о них двоих ходят слухи уже целый год, поскольку всё время видят их вместе. А всё началось с конных прогулок. Все понимают, что их конные прогулки — всего лишь предлог для свиданий. Да и на людях они часто появлялись вместе».

После возвращения домой Сигрун была тиха и задумчива, у неё вновь начался сильнейший приступ депрессии, она никуда практически не выходила. В марте 1907 года Герхард отправился на выставку в Венецию, где выставлял свою работу, и уговорил

жену поехать с ним. Сигрун была потрясена Венецией, её каналами, гондольерами, палаццо и храмами. На обратном пути они заехали в Берлин и Копенгаген.

После смерти Евы Фритьоф долгое время, как мы уже говорили, не хотел ни с кем общаться, но продолжал поддерживать отношения (хотя и довольно прохладные) с Сигрун. Однако это вовсе не значило, что он собирался предпринимать решительные шаги или давать ей какие-то обещания. Кроме того, он постоянно влюблялся в красивых и талантливых женщин, которые в изобилии были в его окружении.

В 1911 году, уже после смерти Евы, Сигрун сопровождала Мюнте на выставку в Дюссельдорф. Нансен писал ей письма — в это время он и сам был в Германии, куда приехал с лекционным турне. Там он познакомился с супругами Гретой и Олавом Гюльбрандссон, писательницей и художником. Норвежцы, они долгое время жили в Германии, где прекрасно себя чувствовали. Фритьоф был восхищён Олавом, отличным спортсменом и очень хорошим художником, близко подружился с ним, но ещё большее восхищение вызывала в нём талантливая, высокая, стройная и темпераментная Грета. О вспыхнувших чувствах он в завуалированной форме писал Сигрун — а та нестерпимо страдала, ревнуя своего ветреного возлюбленного. Однако, как признавался сам Нансен, его влюблённость в неё была скорее платонической, чем плотской. А в своих планах он частенько был настоящим садистом: он мечтательно писал Сигрун, как было бы здорово, если бы все они (он, Сигрун, Олав и Грета) жили по соседству. Правда, оставалось неясным, куда он собирался отправить жить Герхарда. Отношения между Фритьофом и Гретой, существовавшие прежде всего в виде переписки, прервала Первая мировая война: чета Гюльбрандссон осталась жить в Германии — и у Нансена не было больше возможности писать своему «милому подснежнику». Перелистнулась последняя страница очередного романа.

Сигрун нервничала — она никак не могла понять своих «перспектив» и её очень беспокоили слухи, которые расползались о ней и Нансене по странам и континентам. Фритьоф её успокаивал:

> «Самое главное — что мы любим друг друга, и не стоит себя волновать другими обстоятельствами. Такое случалось и с другими много раз до нас, и такое наверняка будет случаться и после нас».

Фритьоф, уже пришедший в себя после смерти жены, и Сигрун после 1911 года начинают встречаться при первой

появившейся возможности. Например, в конце лета 1911 года они проводят двое суток вместе на яхте «Веслемёй», воспользовавшись отъездом Мюнте в Копенгаген.

Однако вспыхнувшие с новой силой чувства к Сигрун совершенно не мешали Нансену испытывать страсть к другой женщине — не просто чужой жене, а жене своего английского коллеги — полярного исследователя Роберта Скотта.

Встреча Фритьофа с Кэтлин Скотт состоялась в 1910 году во время подготовки Амундсена к экспедиции на Южный полюс. Тогда Скотт вместе с женой приехал в Гудрандсдален, где у него была прекрасная возможность потренироваться в ходьбе на лыжах на заснеженных склонах норвежских гор. Кроме того, он хотел посмотреть на собак, упряжь и нарты «в действии». За консультациями полярный исследователь обратился к своему знаменитому коллеге — Фритьофу Нансену.

Фритьоф был ранее знаком с Робертом по переписке. Именно он давал ему бесценные советы при подготовке английской экспедиции. В декабре 1908 года Фритьоф пишет письмо Скотту, в котором предостерегает об опасности отождествления норвежского снега и снега в Антарктике. Когда же чета Скотт прибыла в Норвегию, именно Нансен «организовал» аудиенцию Кэтлин у королевы Мод, как мы помним, английской принцессы по происхождению. Кэтлин была не просто женой известного полярника, но и талантливым скульптором, ученицей Родена, подругой Айседоры Дункан и Бернарда Шоу, — и королева Мод была столь очарована ею, что даже хотела заказать миссис Скотт скульптурный портрет своего сына — кронпринца Олава. Планы так и остались планами, но королева и Кэтлин несколько лет обсуждали это в письмах.

В 1911 году Нансен вновь встречается с Кэтлин — на этот раз уже в Лондоне, куда приезжает по приглашению Королевского географического общества с чтением лекции об открытии Лейфом Счастливым Америки. Этому вопросу было отведено центральное место в книге Нансена «Север в тумане», которая как раз в тот момент была издана на английском. Экземпляр книги был послан Фритьофом лично Кэтлин ещё задолго до турне.

Кэтлин была женщиной страстной и охочей до знаменитых мужчин — так что можно сказать, что они с Фритьофом нашли друг друга в прямом и переносном смысле. Отношения развивались очень быстро и бурно. Разница в 17 лет ни одного из них нисколько не смущала. Они не только не скрывали отношений, но даже ездили вместе в другие города и страны — например, в 1912 году в Берлин, где Нансен читал лекции. Кэтлин делала наброски с Фритьофа во время той поездки — и

много лет спустя использовала их, когда делала бюст Нансена из гипса (датирован ею самой 1934 годом — через 4 года после смерти Фритьофа).

Надо сказать, что Нансен был серьёзно увлечён миссис Скотт — он даже мечтал об общем ребёнке, который должен был быть непременно похож на Кэтлин. Он почувствовал себя в Германии восставшим из пепла, полным жизненных сил и необыкновенной радости.

Вскоре Кэтлин пришлось уехать домой, а Фритьоф продолжил турне по Германии, а затем славно покатался на лыжах в Тироле. Он писал Кэтлин страстные письма и рассказывал обо всём происходящем. Они договорились встретиться в Париже в марте 1912 года — так и случилось. Они даже успели посмотреть на «Мону Лизу» в Лувре и были очень рады этому, поскольку в августе того же года картину украли из Лувра[63].

Кэтлин, узнавшая о возвращении Амундсена, не получала никаких сведений о муже — в то время ещё никто не знал о гибели экспедиции Скотта во льдах Антарктики. Нансен пытался её утешить, писал ей трогательные письма, уверял, что Скотт мог прийти к полюсу первым (кто достиг заветной точки первым, также было некоторое время неизвестно), и пригласил посмотреть на белые ночи с палубы своей яхты «Веслемёй».

Какой бы ветреной ни была Кэтлин, за мужа она переживала — и в январе 1913 года она отправляется на корабле в Новую Зеландию, где рассталась с Робертом перед началом его путешествия и где они договорились встретиться после её окончания. По дороге она узнала о гибели всех членов экспедиции.

Трагическая смерть мужа, которого Нансен критиковал за излишнюю легкомысленность в подготовке экспедиции (и был совершенно прав!), его проигрыш Норвегии оказались решающими для отношений Кэтлин с Фритьофом. Они решительно заморозили их.

Нансен решил подождать лучших времён — он полагал, что Кэтлин нужно время. Они состояли в переписке — и в 1919 году решили встретиться. По дороге на конференцию в Париж в 1919 году Фритьоф заехал к Кэтлин в Лондоне и сделал ей официальное предложение. Ответ ему не понравился — Кэтлин не просто отказала именитому жениху, но в качестве основной причины отказа назвала громадную разницу в возрасте. Ведь Фритьофу было уже 58 лет, а ей только 41. Кроме того, она была прекрасно осведомлена, что некая норвежская дама ушла от своего мужа-художника, очень известного и талантливого,

исключительно из-за любви к Нансену. В своём дневнике она записала, что Сигрун лучше подходит Фритьофу, потому что «давно любит его, добра и мила и родом из той же страны, что и он». Нансен с отказом не смирился — и попытался переубедить леди Кэтлин, но безрезультатно. Однако хорошими друзьями они остались на всю жизнь.

* * *

Помимо Кэтлин и Сигрун в жизни Нансена постоянно возникали и другие женщины. Так, во время пребывания в Америке у него сложились прекрасные отношения с Лили Зульцер.

Лив Нансен-Хейер, приехавшая к отцу в США, вспоминала:

> «Больше всего мы с отцом любили бывать в швейцарском посольстве, там мы чувствовали себя как дома. В отличие от других нейтральных стран Швейцария не назначила специальной комиссии для решения вопросов военного времени, и все вопросы этого рода решались постоянными сотрудниками посольства во главе с Гансом Зульцером. Как и отец, он не был дипломатом по профессии, но его посылали в Америку каждый раз, когда он был нужен стране по особо важным делам.
>
> Лили и Ганс Зульцер составляли прекрасную пару. Ганс был выше и худощавее, чем мой отец, у него были умные голубые глаза, а лицо светлело и делалось совершенно мальчишеским, когда он улыбался, — а он почти всегда улыбался, находясь вместе с нами. Как-то я случайно заглянула к нему в кабинет, тут он был куда внушительнее. Почтительность была написана на лицах сотрудников посольства, которые по вечерам смеялись и шутили в его просторном доме.
>
> Лили, такая красивая и очаровательная, без сомнения, была самой элегантной дамой в Вашингтоне. Излишне говорить, что отец был совершенно очарован ею. Присутствие трёх маленьких сыновей придавало этому дому семейный уют.
>
> И отец был рад, что есть такой дом, где он может поиграть с детьми. Все мы очень сдружились, чуть ли не каждое воскресенье отправлялись с ними и другими славными швейцарцами из посольства в дальние

прогулки.

Мы с отцом всегда с нетерпением ждали, когда можно будет, захватив корзинку с едой и прочую поклажу, отправиться на машинах за город и забыть на время все заботы».

Дружеские отношения с четой Зульцер Нансен сохранил на долгие годы — и после их возвращения из Америки частенько гостил в семейном доме в Винтертуре в Швейцарии.

* * *

Отношения с Сигрун Фритьоф сохранял всегда — даже в минуты и годы страстных увлечений другими женщинами. Ей он пишет пламенные письма из Сибири, ей же рассказывает о своих тактических и политических планах во время Первой мировой войны. На её попечение оставляет свою младшую Ирмелин, когда уезжает в Америку (туда к нему приезжала и старшая дочь Лив).

Сигрун воспринималась Фритьофом как нечто само собой разумеющееся — именно *нечто,* а не *некто,* потому что по большому счёту его никогда не интересовали её чувства. Он страшно злился на неё, когда она что-то делала против его воли или у неё что-то не получалось. Так, когда она никак не могла научиться метко стрелять на охоте, гнев Нансена был страшен, и Сигрун писала одному из своих знакомых:

«Я должна сказать тебе одну вещь. Никогда не противоречь Нансену, это совершенно невозможно».

Нансен привык к всеобщему обожанию — и если ему вдруг случалось попасть в ситуацию, когда должен был ждать он, а не ждали его, он не мог с этим смириться. При этом не имело никакого значения, что речь шла о в общем-то посторонних людях, поскольку в случае Сигрун она всё ещё оставалась в глазах общества всего лишь соседкой Нансена и официальной женой Герхарда Мюнте. Когда в одни из пасхальных дней 1915 года обнаружилось, что фру Мюнте отправилась с друзьями в город, а Нансен должен сидеть и ждать её возвращения, последовало гневное письмо, а затем и разрыв и полное молчание на несколько дней. Когда же оскорблённый любовник вновь обрёл разум, он призвал к себе в башню в Пульхёгду Сигрун — и та прибежала, как маленькая девочка.

Сигрун всегда делала так, как хотел Фритьоф.

В 1918 году она развелась с мужем. Причина разрыва никогда

не была названа — и мемуаристы практически ничего не писали об этом. Сохранилось, однако, довольно колкое высказывание внучки Бьёрнсона Дагни, которая заметила: «Мюнте и Фритьоф Нансен были соседями. Фру Мюнте пользовалась вниманием противоположного пола благодаря своему уму и обаянию. Длинноногий Нансен частенько перебирался через ограду и навещал её. И Мюнте ничего не имел против. Но когда Нансен женился на его жене — этого уже он стерпеть не смог». Всё дело в том, что Сигрун постепенно действительно стала членом семьи Нансена, ещё даже будучи замужем за Мюнте. У неё частенько оставалась Ирмелин — Имми, когда её отец уезжал в своё очередное рабочее турне. Имми любила Сигрун, а вот о других детях Нансена того же сказать нельзя. Неприязнь сквозит между строк и в воспоминаниях Лив:

> «В это время отец часто писал, как он скучает по дому. Получала я письма *(Лив тогда училась в Швейцарии. — Н. Б.)* и от тети Малли, и от Одда, и от Торупа, и от Анны Шётт, и от многих других и поэтому знала обо всём, что делается дома. Особенно меня мучила совесть из-за Одда. Он, верно, нуждается во мне, думалось мне. Отец постоянно был в отъезде и потому решил поместить Одда в какую-нибудь семью, где он будет вести более упорядоченный образ жизни, чем в Пульхёгде. Почти все гимназические годы Одд провёл в семье доктора философии Кр. Л. Ланге в Виндерене. Ланге был генеральным секретарём Межпарламентского союза, совет которого заседал в Женеве, и имел большие заслуги в сфере международной работы. Как и мой отец, он получил Нобелевскую премию. Его сын Хальвард, который после Второй мировой войны стал министром иностранных дел, тогда учился вместе с Оддом, и они очень подружились. Фру Ланге заботилась о моём брате и не делала никакой разницы между ним и своими собственными детьми. Но, как ни хороши были „приёмные родители“, а всё-таки у Одда) было такое чувство, что его словно выставили из дому. Ведь у него был родной дом, был отец, которого он так чтил и по которому так тосковал.
>
> Трудно приходилось в те годы и другому моему брату, Коре. Задолго до отъезда отца в Вашингтон Коре тоже „отправили в изгнание“, и ему совсем не сладко жилось вдали от семьи. Это тяжело отражалось на нём, он чувствовал себя бездомным и одиноким. Отец и сам

страдал от всего этого. Он был предан нам всем сердцем и старался устроить нас возможно лучше. Но постоянные разъезды мешали ему по-настоящему сблизиться со своими сыновьями, которых он видел только от случая к случаю. Он очень горевал, что не мог поступать, как учил Бьёрнсон: „Все силы свои направь на решение ближайших задач!“

Имми с самого рождения была для всей семьи „ясным солнышком“. Жизнь её баловала, да и сама она была приветливой, открытой и не мучила себя никакими проблемами. Отцу она доставляла только радость и никаких огорчений. Осенью 1919 года она приехала в Америку изучать агрономию в Итаке. „Ведь надо было найти предлог, чтобы повидать белый свет, вот я и придумала эту поездку“, — бодро и весело заявила она, сходя по трапу с „Бергенсфьорда“.

В том же году перед Рождеством отец женился на Сигрун Мюнте, урождённой Сандберг. Мы с Имми давно предвидели эту свадьбу, но сообщили нам об этом событии только задним числом.

Имми получила телеграмму от Сигрун и переслала её мне со своей припиской: „Что ты на это скажешь?“

Что я скажу на это? Не так-то легко было ответить. Как-то немного странно это было, но, как сказано, мы с Имми были к этому подготовлены.

Труднее всего приходилось Одду. Он как раз лежал в больнице, ему оперировали больное колено, и у него были сильные боли, когда отец навестил его накануне свадьбы. Одду показалось, что отец уж больно неразговорчив. Смущаясь и нервничая, сидел он у постели сына и не находил слов. Наконец решился и замогильным голосом произнес: „Завтра я женюсь, мой мальчик!“ Потом встал, распрощался и ушёл, не дожидаясь ответа.

Одду было всего 18 лет, и вряд ли он мог тогда понять, что неловкость отца объяснялась смущением, которое охватывало его, когда речь шла о его собственных делах. Если бы отец подозревал, как потрясут сына эти простые слова, то он постарался бы побороть свою застенчивость.

Но он просто не догадался этого сделать.

Мало найдётся на свете людей, которые проявили в своей жизни столько морального и физического мужества, как наш отец. Мало найдётся людей, которые

бы так смело и откровенно высказывали своё мнение. Но если дело касалось его личных, интимных переживаний, этот мужественный человек стеснялся и робел даже перед родными детьми.

Он, конечно, не делился своими планами и с друзьями, за исключением Торупа и Хелланд-Хансена, которых он пригласил быть свидетелями на свадьбе. Совершенно случайно узнал о предстоящем событии его зубной врач. Отец был у него на приёме как раз утром того знаменательного дня, и при прощании они разговорились. В комнате ожидания сидела длинная очередь пациентов, а зубной врач не решался прервать интересную беседу. В конце концов отец спохватился, посмотрел на часы и заторопился: „Черт побери, мне надо торопиться, ведь через два часа моя свадьба!“».

Сигрун и Фритьоф поженились 17 декабря 1919 года.

Положение хозяйки дома было, безусловно, приятно для Сигрун, но отношения с детьми Нансена оставались прохладными всю жизнь. «Новая жена» прекрасно понимала, что для взрослых детей её мужа трудно принять вторую «фру Нансен» — и старалась ничем не раздражать их, держась в тени Фритьофа.

Она с радостью ездила с ним, когда представлялась такая возможность. Особым удовольствием для Сигрун было ходить по дорогим магазинам — к сожалению, с Герхардом, который зарабатывал не очень хорошо, она не могла позволить себе многих женских развлечений. А Нансен, чьи доходы были очень высоки, считал, что жена не должна жалеть деньги на «представительские» наряды и украшения.

А вот дома всё осталось как раньше — принципам экономии и аскетизма Фритьоф не изменял никогда.

Очень болезненным было для Сигрун и отношение к ней королевской пары — визиты в Пульхёгду венценосных особ практически были сведены к нулю, а Фритьоф стал бывать во дворце намного реже. Такое отношение Сигрун объясняла ревностью к ней королевы Мод. Пожалуй, дело тут было действительно «нечисто», поскольку в 1929 году (21 марта), во время пребывания Нансена в США, в Осло играли свадьбу кронпринца Олава и кронпринцессы Марты. По статусу Сигрун Нансен имела все основания рассчитывать получить приглашение на королевское торжество — но не получила. Она была оскорблена, официальное же объяснение звучало так: «Поскольку супруг в отъезде, по этикету жене в одиночку не полагается присутствовать на свадьбе».

Брат Нансена, Александр, всё-таки смог достать ей приглашение, но Сигрун от «подачки» отказалась. В качестве «извинения» Ирмелин, дочь Фритьофа и Евы, сделали подружкой невесты.

Глава тринадцатая
Добрый самаритянин

В октябре 1918 года Нансена избрали, не спросив его предварительного согласия, на три года на пост ректора Кристианского университета, но он отказался, сказав, что хочет заняться собственной научной работой. Кроме того, он говорил, что «могут появиться задачи, требующие времени и от которых невозможно будет отказаться». Так и случилось.

В октябре 1918 года его избирают председателем Норвежского союза по созданию Лиги Наций. Избрание на этот пост предопределило всю его деятельность на протяжении последних двенадцати лет жизни.

> «В настоящее время первой и наиболее важной задачей Лиги является создание таких условий, которые обеспечили бы мир на Земле и навсегда исключили бы возможность новой войны и повторения пережитых ужасов, — *писал Нансен в статье, опубликованной в „Тиденс Тайн“*. — Иными словами, это означает, что вместо анархии, царящей в международных отношениях, и самоуправства отдельных наций нужно создать в мире новый порядок, опирающийся на международное право и законность, а не на силу. Естественно, что для этого все цивилизованные народы должны войти в Лигу Наций, объединённые общим искренним желанием перестроить мир по-новому. Легко понять, что значение Лиги Наций будет сведено на нет, если какая-нибудь крупная нация останется вне Лиги».

> «Программа, разработанная норвежской Организацией содействия Лиге, требовала, чтобы все международные конфликты разрешались путём мирных переговоров, третейского суда или иной инстанцией; она включала требование отмены воинской повинности, запрещения частного производства оружия и установления международного контроля над вооружением отдельных государств. Все эти требования носят последовательно демократический характер, — *писала Лив Нансен-Хейер*. — Дальнейшие события полностью доказали, что компромиссное решение этих вопросов привело к краху Лиги Наций и к развязке

Второй мировой войны. „Мечтатель“ Нансен отчётливо сознавал совершенную непригодность половинчатых решений. Ещё в 1919 году он предсказывал, что слабая Лига Наций не сможет противостоять насилию, не сумеет завоевать ни доверия, ни авторитета — и тогда новая катастрофа будет неизбежна.

Если уже эта война была более варварской, чем все предыдущие, то можно с уверенностью сказать, что в этом отношении она не пойдёт ни в какое сравнение с последующими. В прежних войнах сражались армии и флоты. Теперь в борьбу втягиваются целые народы. Современные методы ведения войны означают массовое убийство всех граждан — военных и штатских, женщин и детей, стариков и мужчин в расцвете сил, никому нет пощады.

Можно предсказать, что наука будет полностью поставлена на службу войне, она будет занята изобретением действенных средств, необходимых для защиты побережий и морского транспорта от нападения подводных лодок, для защиты городов от воздушных бомбардировок и для уничтожения вражеских флотов и армий. А какой тяжестью ляжет на всё население воинская повинность!

Каждый народ будет уверен, что его существование в будущем целиком зависит от степени этой подготовленности, и никогда нельзя будет сказать, что сделано уже достаточно, — ведь никто не знает и не может знать, какие новые дьявольские изобретения появятся у противника. Все нации Европы — да и Америки тоже — всё ниже и ниже будут склоняться под ярмом молоха войны. Все силы их пойдут на уплату старых военных долгов и на подготовку новой войны».

За три месяца Организация содействия разработала проект программы Лиги Наций, и в феврале 1919 года Фритьоф Нансен отправился в Лондон с докладом о норвежском проекте.

На банкете в Крайтирион-холле, устроенном британской Организацией содействия Лиге Наций, он выступил с речью, в которой призывал своих британских друзей принять норвежский проект. Но скоро он понял, что лучше ему перебраться в Париж, где в это время работала мирная конференция. Там можно было встретиться с теми людьми, которым предстояло принять решение о Статуте Лиги Наций. Нансен

встретился с ними, но оказалось, что в общем и целом Статут Лиги Наций уже разработан. Решено было создать союз держав-победительниц. Россию не включали в союз за то, что она заключила мир с Германией, когда другие страны ещё продолжали войну, и потому, что новая форма её правления не была признана. О Германии не могло быть и речи, а нейтральные страны вовсе не упоминались. Всё это представляло полную противоположность тому, что Нансен считал спасением мира. Создание союза стран-победительниц могло только обострить противоречия между народами, а попытка упорядочить международные отношения без участия нейтральных стран была обречена на провал.

Тогда Нансен решил сосредоточить все усилия на одной самой важной, на его взгляд, задаче — добиться права совещательного голоса для нейтральных стран при обсуждении дальнейших планов. В этом он встретил поддержку. Вильхельм Кейльхау и Якоб Ворм-Мюллер единодушно утверждают, что посредничество Нансена сыграло большую роль: благодаря ему делегации нейтральных стран были допущены к подготовительной работе по учреждению Лиги Наций. Нансен не являлся официальным членом норвежской делегации, но его точка зрения была известна и на родине, и за рубежом и сыграла определённую роль.

Год спустя, в 1920 году, на первой сессии Ассамблеи Лиги Наций в Женеве Нансен представлял Норвегию. В это же время он начинает «разрабатывать» план, замысел которого родился у него ещё во время Парижской конференции весной 1919 года. Он делал всё от него зависящее, чтобы помочь молодой Советской России, тем более что, как это ни покажется нам удивительным, поддерживал политику коммунистического руководства и даже считал, что «Ленин первым из великих государственных деятелей оценил роль северных районов для развития экономики и процветания человечества».

* * *

В нашей стране Фритьоф всегда пользовался почитанием и преклонением. И это не пустые слова — великим норвежцам восхищалась вся российская интеллигенция. Курьёзным фактом

можно считать рекламу магазина Фальковского в Столешниковом переулке в Москве, в которой револьвер «Нансен» называется «другом и приятелем человека в настоящее время нападений и грабежей».

Мы уже писали о тесных научных связях Нансена и русских учёных-полярников, а вот о его поклонниках-литераторах известно меньше.

Малоизвестен факт, что Антон Павлович Чехов восхищался Фритьофом Нансеном, считая его истинным воплощением своего идеала: в этом человеке всё было прекрасно — лицо, одежда, поступки. Чехов решил даже написать пьесу «о людях во льдах». Для «вхождения в материал» был разработан план поездки в Норвегию. Она должна была состояться осенью 1904 года, а спутником Чехова согласился стать знаменитый литератор и переводчик со скандинавских языков Юргис (Юрий) Казимирович Балтрушайтис. 13 февраля 1904 года Антон Павлович пишет ему из Москвы:

> «Многоуважаемый Юрий Казимирович, очень жалею, что Вы не застали меня; в первый раз меня не было дома, вечером же, когда пришло Ваше письмо, я был у себя. Насчёт поездки в Норвегию мы успеем ещё поговорить, так как возвращусь я в Москву не позже мая. Спасибо Вам за „Весы“, буду читать их по дороге в Ялту, и вообще спасибо Вам за доброе расположение. В воскресенье уезжаю.
>
> Крепко жму руку и желаю всего хорошего.
>
> *Преданный А. Чехов».*

К сожалению, планам этим не суждено было претвориться в жизнь — летом того же года Чехова не стало.

Довольно мало известно и о самом замысле пьесы. Сохранились воспоминания Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой:

> «В последний год жизни у Антона Павловича была мысль написать пьесу. Она была ещё неясна, но он говорил мне, что герой пьесы — учёный, любит женщину, которая или не любит его, или изменяет ему, и вот этот учёный уезжает на Дальний Север. Третий акт ему представлялся именно так: стоит пароход, затёртый льдами, северное сияние, учёный одиноко стоит на палубе, тишина, покой и величие ночи, и вот на фоне северного сияния он видит: проносится тень любимой

женщины».

И есть ещё воспоминания Станиславского на эту же тему:

> «Подходила весна 1904 года. Здоровье Антона Павловича всё ухудшалось. Появились тревожные симптомы в области желудка, и это намекало на туберкулёз кишок. Консилиум постановил увезти Чехова в Баденвейлер. Начались сборы за границу. Нас всех, и меня в том числе, тянуло напоследок почаще видеться с Антоном Павловичем. Но далеко не всегда здоровье позволяло ему принимать нас. Однако, несмотря на болезнь, жизнерадостность не покидала его. Он очень интересовался спектаклем Метерлинка, который в то время усердно репетировался. Надо было держать его в курсе работ, показывать ему макеты декораций, объяснять мизансцены.
>
> Сам он мечтал о новой пьесе совершенно нового для него направления. Действительно, сюжет задуманной им пьесы был как будто бы не чеховский. Судите сами: два друга, оба молодые, любят одну и ту же женщину. Общая любовь и ревность создают сложные взаимоотношения. Кончается тем, что оба они уезжают в экспедицию на Северный полюс. Декорация последнего действия изображает громадный корабль, затёртый в льдах. В финале пьесы оба приятеля видят белый призрак, скользящий по снегу. Очевидно, это тень или душа скончавшейся далеко на родине любимой женщины.
>
> Вот всё, что можно было узнать от Антона Павловича о новой задуманной пьесе».

И ещё один довольно курьёзный факт. Как известно, Чехов любил собак, внимательно наблюдал за их характерами и повадками. В разное время у Чеховых в Мелихове жили большие чёрные псы Шарик и Арапка и их щенки Мюр и Мерилиз, собака-дворняжка Белолобый, злой гончий Заливай, — и две добродушные и красивые лайки Нансен и Белка. Белые пушистые лайки со стоячими ушами, они были изящны и красивы. Чехову их подарил Н. А. Лейкин. Лайку Нансен Чехов по каким-то одному ему ведомым соображениям звал Жулик — может быть, потому, что лайки по ночам страшно лаяли и по весне вырывали из земли тюльпаны.

Лев Николаевич Толстой также считал необходимым пропагандировать достижения Нансена в России. В «Русских ведомостях» (1908, 2 апреля, № 77) была напечатана статья «В

Ясной Поляне. Вечерние курсы», в которой рассказывалось о том, как читал лекцию Лев Толстой в своей «детской» школе:

«Л. Н. подошёл к деревянной перегородке с пришпиленной к ней географической картой и, указав на ней и разъяснив, что такое „северный полюс“, начал читать приготовленную лекцию о знаменитом путешествии Нансена. Л. Н. читал, не повышая, не поднимая голоса, и вообще не тонировал и не подлаживался под детский стиль, но от времени до времени делал пояснительные вставки, что такое „Норвегия“, „полярные страны“ и т. п., и показывал на карте путь Нансена.

Аудитория на этот раз, однако, налаживалась плохо. С одной стороны, самая идея Нансена найти зачем-то какой-то „северный полюс“, очевидно, не захватывала внимания крестьянских детей, а с другой — неугомонившиеся ворчуны нервировали аудиторию своей вознёй и спорами.

Л. Н. продолжал читать о приключениях Нансена, не делая ни одного замечания.

Но местнические страсти вдруг снова вспыхнули и заглушили голос Льва Николаевича.

Он жалостливо взмолился:

— Ой, ребята, вы не даёте заниматься!

Но сейчас же как бы смутился, прервал чтение и перенёс внимание на разрешение спорного вопроса.

Оказалось, что некоторым действительно сидеть негде. Избранных было больше, нежели званых. Но часть аудитории уже заинтересовалась путешествием Нансена и принялась сама устанавливать порядок:

— Тише! Молчите!

И постепенно Нансен начал завладевать общим вниманием. Некоторые фразы и слова из лекции вызывали замечания и оживлённый обмен мыслей.

Л. Н. прочитал о полярных морозах, достигающих 50 градусов.

Послышался детский вздох:

— И вот, должно быть, холодно!

Аудитория загудела и начала вместе с лектором сравнивать яснополянские холода с полярными… И образ Нансена с его выносливостью и приверженностью идее стал, очевидно, близок яснополянским детям. (На другой день они рассказывали о Нансене сознательно и

толково.)

Лекция продолжалась около 20-ти минут. Но и за это время Л. Н. успел „кое-чему научиться“, как он впоследствии говорил. Дети научают его сосредоточивать внимание на сердцевине предмета и выражать свои мысли с наивозможной ясностью».

Преклонялся перед Нансеном и Максим Горький. В 1911 году он просит сотрудника своего издательства «Знание» С. П. Боголюбова прислать ему для сына Максима в Париж ряд изданий, среди которых первыми названы сочинения Фритьофа Нансена.

В 1916 году Горький пишет Нансену письмо, в котором просит написать биографию Христофора Колумба для своего издательства, ибо «крайне необходимо, чтобы была создана такая биография для детей», а Нансен — «человек неустрашимого мужества» и должен уделить немного своих «таланта и души детям, чья столь драгоценная жизнь в наши дни всемирного зверства рискует быть исковерканной трагедией войны», ибо «по нашей вине — вине взрослых людей — разразилась эта война».

Ответное письмо Нансена не сохранилось, но мы знаем по переписке Горького тех лет, что Фритьоф отнёсся к предложению русского писателя и издателя с большим энтузиазмом. К сожалению, другие дела помешали Нансену приступить к осуществлению этого плана.

* * *

О контактах Горького и Нансена свидетельствуют хранящиеся в Архиве Академии наук СССР и Институте мировой литературы им. А. М. Горького документы, связанные с организацией операций по спасению ледокола «Соловей Будимирович» (позднее названного «Малыгин»), — *пишут А. И. Васина и Т. И. Лысенко в своей статье, посвящённой отношениям этих двух известных людей.* — В феврале 1920 года «Соловей Будимирович» оказался затёртым во льдах Карского моря и стал дрейфовать к Северному полюсу. На ледоколе не имелось ни запасов угля, ни продовольствия, среди пассажиров были и женщины. Горький и Нансен всемерно содействовали тому, чтобы помочь людям, оказавшимся в беде. 5 апреля 1920 года Горький получил из Кристиании (с 1925 года Осло)

телеграфное сообщение: «Обсудил вопрос с норвежским правительством. Послал телеграмму русскому и английскому правительствам. Нансен». Благодаря этому вмешательству Советскому правительству удалось отправить в начале лета для спасения затёртого во льдах «Соловья Будимировича» ледоколы «III Интернационал» и «Святогор». Командовал ледоколом «Святогор» известный полярный капитан, сподвижник Ф. Нансена Отто Свердруп. 19 июня «Святогор» подошёл к «Соловью Будимировичу»; почти одновременно подошел «III Интернационал», и с его помощью «Соловей Будимирович» благополучно дошёл до Архангельска.

4 сентября 1920 года на заседании Общего собрания Академии наук непременный секретарь С. Ф. Ольденбург сообщил, что «хлопоты, предпринятые Академиею при содействии А. М. Пешкова и Ф. Нансена по спасению затёртого во льдах Карского моря корабля „Соловей Будимирович“ с 80 пассажирами, увенчались успехом; экипаж и корабль спасены».

Нансен к этому времени уже полностью развернул свою программу помощи России. Первые его попытки по оказанию помощи нуждающимся оказались неудачными. Позднее Фритьоф признается, что ему мешали даже те, на кого он рассчитывал опереться в своей работе. И это вполне понятно — крупнейшие державы и власть имущие боялись коммунистической заразы как огня и не хотели помогать большевистскому государству, потому что видели в нём угрозу непосредственно себе и своим интересам.

«Со времени своего путешествия по Сибири Нансен сохранял глубокую веру в русский народ и настаивал на том, что политические события должны идти своим путём согласно волеизъявлению народа, — *писала Лив Нансен-Хейер.* — Насильственное вмешательство в виде вооружённой интервенции полностью противоречило бы тому духу, которым отныне должна быть проникнута международная политика. Такое вмешательство только содействовало бы изоляции России и нанесло бы тяжёлый удар, а возможно, и непоправимый ущерб делу международного сотрудничества.

Зато в борьбе с голодом и болезнями, изнурявшими Россию, следовало принять участие. То была великая задача, разрешением которой участники Лиги Наций должны были на деле доказать, что эта организация

призвана быть олицетворением доброй воли. Гуманность и великодушная помощь, независимо от всяких политических соображений, скорее всего привлекут Россию в семью европейских народов.

Возможно, отец считал, что малые страны тоже должны выступить с каким-то положительным предложением. Будучи представителем малой страны, он мог значительно усилить её авторитет, положив начало принципиально новому делу. И он, по обыкновению, шёл напрямик и брал быка за рога. В Париже он отправился прямо к Герберту Гуверу и обсудил с ним свои планы. Они договорились предложить Верховному совету держав-победительниц учредить особую комиссию по оказанию помощи, которая организовала бы отправку в Россию продовольствия и медикаментов.

В книге „Россия и мир“, вышедшей в 1923 году, Нансен рассказал, как развёртывалась эта акция. 3 апреля 1919 года он в качестве частного лица обратился с письмами одинакового содержания к главам четырёх держав — Вильсону, Клемансо, Ллойд-Джорджу и Орландо. Как говорится в письме, поступая так, он действовал „с позиции нейтралитета и чистой гуманности“. В своём письме он говорил, что, отдавая себе полный отчёт в том, какие важные политические проблемы затрагивает его предложение, он всё же просит, чтобы главы великих держав сообщили ему, на каких условиях они согласны будут его принять. Результат был такой, какого он, очевидно, заранее опасался. Высокий совет соглашался с человеколюбивой идеей помощи, но ставил условием прекращение всяких междоусобиц внутри России. Такое условие было равносильно политической интервенции, и русский нарком иностранных дел Чичерин отверг эти условия. Обе стороны поблагодарили Нансена за инициативу, но уговорить никого так и не удалось.

Нансен выразил своё сожаление по поводу неудачи и сильную обеспокоенность политическим антагонизмом между Востоком и Западом. До самой смерти он был уверен, что в случае осуществления его плана Россия была бы привлечена на сторону Европы и тогда в Европе сложилась бы совершенно иная обстановка. Неудача политики, за которую он ратовал, сильно подействовала на Нансена, и, мне думается, в глубине души он надеялся, что его мнение восторжествует и он возьмёт

реванш: только поэтому он и согласился спустя два года возглавить в качестве полномочного комиссара Красного Креста акцию помощи России. В сущности, тем самым он брался за выполнение своего собственного плана.

Деятельное участие Нансена в двадцатые годы в деле помощи беженцам и военнопленным, голодающему населению в России и бесприютным армянам и грекам известно всему миру. Мировой общественности он представляется человеком, который почти в одиночку, вопреки сопротивлению Лиги Наций и многих политиков, спас миллионы людей от голодной смерти и вернул им родину. В известной мере это справедливо, потому что он действительно часто сталкивался с противодействием и недовольством со стороны Лиги Наций и правительств отдельных великих держав. И всё же такое представление ошибочно, потому что сам Нансен считал, что претворяет в жизнь ту идею, ради которой и была создана Лига Наций. Он считал, что работа на благо человечества должна служить практическим доказательством дееспособности и доброй воли Лиги Наций и что работа эта создаёт предпосылки мирного сосуществования народов. Он хотел показать, что международная организация может взять на себя осуществление таких задач, которые не в состоянии осилить отдельное правительство. Этим он думал поднять престиж Лиги Наций. Личным примером он хотел доказать, что возможно сломать рамки того, что старые государственные мужи называли „реальной политикой“, и что выполняемая им (Нансеном) миссия должна символизировать взаимное примирение народов. Его деятельность была направлена на благо человечества, и его гуманизм всегда носил политический характер.

Я не знаю, как моему отцу удавалось договариваться с профессиональными политиками и дипломатами в Женеве. Всю свою жизнь он поглядывал на них косо и далеко не всегда снисходительно. Дома он никогда на этот счёт не распространялся, зато в публичных речах часто высказывался в их адрес. „В конечном итоге политики борются за власть“, — говаривал он. А о дипломатах: „Намерения-то у них, наверное, хорошие, но сами они всё-таки бесплодное племя“.

Конечно, у него была своя линия поведения на заседаниях, собраниях и комитетах. Иначе и быть не

могло. Но мне кажется, что он делал это сознательно, считая своим долгом сломать привычную форму секретных переговоров, открыто, во весь голос говорить о любых, даже самых деликатных делах и отстаивать свою точку зрения независимо от того, с кем приходится её разделять. Для него главное было в том, чтобы точка зрения соответствовала идее, лежащей в основе такого союза».

Первый проект Нансена в области гуманитарной помощи был связан с военнопленными, которых в начале XX века в обескровленной войной и революцией России оказались сотни тысяч. В условиях Гражданской войны жили они в ужасающих условиях и тысячами умирали от голода и болезней, поскольку были для властей в странах, их пленивших, представителями вражеской стороны. Трагизм ситуации заключался ещё и в том, что этим несчастным часто некуда было возвращаться, потому что на родине их считали предателями. Кроме того, лагеря недовольных своим положением захваченных в плен военных были взрывоопасны. Как известно, беспорядки воевавших на стороне Германии чехов в 1918 году были одной из причин начала Гражданской войны в России в 1918 году, а ленинская экономическая политика 1920–1921 годов в отношении крестьянства была столь жестока, что привела к восстаниям по всей молодой стране.

Военнопленных было огромное количество не только в нашей стране, но и в Европе — и в феврале 1920 года Совет Лиги Наций включил вопрос о военнопленных в повестку заседания.

11 апреля Нансена назначили Верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных.

Однако согласился на эту должность Нансен, вопреки расхожему мнению, далеко не сразу. Предложил норвежского учёного на эту «должность» английский политик Филипп Ноэль-Бакер, в то время занимавший пост секретаря Лиги Наций, в дальнейшем ставший ближайшим сподвижником Нансена в его работе и представителем Нансеновского комитета.

Нансен отвечал на первое предложение отказом. Эрику Вереншёльду Нансен говорил:

> «Почему они хотят, чтобы этот пост занимал профессор? Ведь долг учёного отдавать все силы науке, служению которой он хотел бы посвятить жизнь. Почему он должен пожертвовать собой ради блага других людей, которые решили возложить на него такую тяжёлую ношу?»

Как раз в это время Фритьоф был занят планом экспедиции в Центральную Азию. «Нансен был вне себя», — вспоминал его близкий друг Э. Вереншёльд.

Лига Наций и Красный Крест не видели другого кандидата на пост, а потому решились на последнюю меру — в Лисакер отправился сам Филипп Ноэль-Бакер.

В результате длительных переговоров Нансен принял решение взвалить на свои плечи новую ношу — кроме него, это сделать было некому, Ноэль-Бакер смог убедить в этом своего будущего шефа.

В России в то время находилось около четверти миллиона военнопленных и ещё около 30 тысяч интернированных. И более 200 тысяч русских было в плену за рубежами России.

Нансен занялся вопросом репатриации ещё задолго до своего получения официального статуса. 7 мая 1919 года он уже получает следующую радиограмму от Чичерина, бывшего тогда народным комиссаром иностранных дел РСФСР:

> «Ваше любезное сообщение от 17 апреля, заключающее в себе текст писем, которыми Вы обменялись с Советом Четырех, дошло до нас только 4 мая через Науэнскую радиостанцию и было передано Народному Комиссариату Социального Обеспечения для внимательного рассмотрения.
>
> Позвольте мне от имени Российского Советского Правительства передать Вам нашу глубочайшую благодарность за проявляемое Вами горячее участие в благосостоянии русского народа. Велики действительно страдания и лишения, созданные для русского народа бесчеловечной блокадой Союзных и так называемых нейтральных держав и непрерывными войнами, навязываемыми ему против его воли. Если бы Советская Россия была оставлена в покое и если бы ей предоставлено было свободно развиваться, она скоро была бы в состоянии восстановить своё производство и свою экономическую силу, покрывать свои собственные нужды и оказывать своими продуктами помощь другим странам. Но при нынешнем её положении, в которое её поставила непримиримая политика Союзных держав, помощь в виде съестных припасов из-за границы ей крайне желательна, и Российское Советское Правительство благодарно оценивает Ваше человечное и участливое отношение к её лишениям и, принимая во внимание всеобщее уважение, которым Вы окружены,

будет особенно радо вступить с Вами в сношения в целях проведения в жизнь Вашего плана помощи, чисто гуманитарный характер которого Вы подчеркиваете.

На этом базисе гуманитарной работы по оказанию помощи тем, кто терпит лишения, мы желаем сделать всё, что в нашей власти, чтобы способствовать осуществлению Вашего проекта.

Будучи готовы оказать всякое содействие Вашему плану, поскольку он носит тот характер, который Вы ему приписали в Вашем письме, мы в то же время не желаем быть объектом двусмысленных действий, и, зная, что Вы в такой же степени, как и мы сами, серьёзно относитесь к Вашему проекту и действительно желаете достигнуть поставленной цели, мы хотели бы спросить Вас о том, окончательно ли Вами принято это привнесение посторонних целей в Ваш проект.

Мы уверены, что легко убедим Вас, что ради осуществления Ваших намерений это привнесение посторонних целей должно быть тщательно избегнуто.

Вы, несомненно, знаете, что прекращение навязанных русскому народу войн является равным образом предметом наших самых горячих желаний. Вам не может не быть известно, что мы много раз предлагали Союзным правительствам вступить в переговоры с целью прекращения нынешнего кровопролития, и что мы даже изъявили согласие на принятие участия в конференции на Принцевых островах, несмотря на крайне неблагоприятные предложенные нам условия, и что мы даже одни приняли этот план. В том же миролюбивом духе отвечали мы на обращение к нам одной из великих держав.

Конференция на Принцевых островах была сорвана не нами, но нашими противниками — покровительствуемыми Союзными державами — контрреволюционными правительствами Колчака, Деникина и др. Вот те орудия, при помощи которых правительства Согласия ведут против нас войну и пытаются достигнуть нашего уничтожения. И везде, где они одерживают победу, последняя означает торжество самого крайнего варварства и зверства, потоки крови и бесчисленные страдания для рабочих масс, господство самой дикой реакции. Колчак с востока, Деникин с юга, румынские феодалы, польские и финские наиболее реакционные милитаристы, германские бароны,

эстонские белогвардейцы с запада и русские белогвардейские банды с севера — вот те враги, которых правительства Согласия посылают на Советскую Россию и против которых, как и против войск самих держав Согласия, мы ведём отчаянную борьбу с непрерывно возрастающим успехом.

Так называемые правительства Колчака и Деникина — в действительности чисто монархические. Вся власть принадлежит там самым крайним приверженцам царизма, крайние царистские газеты ими всячески поддерживаются, царистские гимны постоянно поются на их торжествах. Так называемая конституция Колчака является в действительности монархической. Среди своих солдат они распространяют только царистскую литературу. Под властью Деникина преследуются приверженцы конституционного правительства Быча, и под властью Колчака сажаются в тюрьму и расстреливаются приверженцы Учредительного собрания. Погромная литература широко распространяется этими так называемыми правительствами, и когда евреи где-либо оказываются под их властью, они делаются предметом самых ужасающих зверств. На западе польские легионеры и войска украинского контрреволюционера Петлюры, как те, так и другие пользующиеся содействием держав Согласия и даже направляемые их офицерами, произвели такие массовые избиения евреев, которые далеко оставляют за собой самые ужасающие преступления черносотенцев в царское время. Как подробно указывает Российский Красный Крест в своём призыве к Международному Красному Кресту от 28 апреля, целые селения, даже целые города были превращены в развалины, не были пощажены ни пол, ни возраст. Во многих местах всё еврейское население было буквально стёрто с лица земли этими войсками, во главе которых находятся генералы и офицеры стран Согласия.

В царстве Колчака и Деникина всё, что было завоёвано крестьянами во время революции, у них отнимается. Колчак торжественно заявляет в своих манифестах, что крестьяне не должны владеть землёй, отнятой у дворянства против его воли. В своих декретах он постановляет, что захват помещичьей земли крестьянами должен преследоваться как серьёзное преступление. Он подавляет сопротивление крестьян

массовыми избиениями, причём в некоторых частях Сибири многотысячные массы крестьян были убиваемы сразу. Для рабочих его власть означает всевозможные преследования, гонения, массовые аресты и во многих случаях массовые расстрелы, причём в некоторых городах всё рабочее население было прямо-таки уничтожено разъярёнными офицерами из бывшей царской армии, находящимися во главе войск Колчака. Ужасы, производимые этими колчаковскими офицерами, не поддаются никакому описанию, и их жертвы бесчисленны, причём включают всё, что есть передового, всё, что есть свободомыслящего в Сибири. Пьяные офицеры пытают, избивают, истязают всячески несчастное рабочее население, находящееся под их властью, и быть рабочим — значит быть заранее предуказанной жертвой для их зверств.

Таковы те противники, против которых мы ведём отчаянную борьбу и которых Союзные правительства всячески поддерживают, посылая им военное снаряжение, съестные припасы, финансовую помощь, военных командиров и политических советников и на Северном и на Восточном фронтах помогая им своими собственными войсками. В руках этих варварских банд антантовские ружья и антантовские пушки присылают смерть русским рабочим и крестьянам, борющимся за свою жизнь и за свою свободу. Антантовские правительства — вот источник тех военных припасов, при помощи которых наши польские, румынские, финские и другие противники с запада непрерывно на нас нападают. И во французской Палате депутатов, и в английской Палате общин было официально заявлено, что политика держав Согласия заключается теперь в том, чтобы посылать против Советской России армии этих национальностей. Американское радио, отправленное из Лиона 6 мая, заявляет самым решительным образом, что державы Согласия поощряют продвижение войск, предводительствуемых русским контрреволюционером ген. Юденичем и якобы угрожающих Петрограду, что державы Согласия ожидают, что большевики будут принуждены удалиться в Москву и что в связи с этим Союзные правительства намереваются отказаться от Вашего плана снабжения России продовольствием. В то время как Союзные правительства заявляют, что они отказались от вмешательства в русские дела, они в

действительности ведут самую безудержную интервенционистскую политику, и даже американское правительство, несмотря на все появляющиеся в американской печати заявления противоположного характера, по-видимому, находится теперь всецело во власти непримиримой вражды министерства Клемансо против Советской России.

Ввиду этого положения дел мы в состоянии обсуждать вопросы о прекращении военных действий лишь одновременно с обсуждением всех проблем наших отношений к нашим противникам, т. е. прежде всего к Союзным правительствам.

Это значит обсуждать вопрос о мире вообще и начать действительные переговоры об истинных мотивах ведущейся против нас войны и о тех условиях, которые могут обеспечить нам длительный мир. Мы всегда были готовы вступить в переговоры о мире, и теперь, как и прежде, мы готовы это сделать, и мы с величайшей радостью начнём обсуждение этих вопросов, но, конечно, непосредственно с другой воюющей стороной, т. е. Союзными правительствами или же с теми лицами, которых эти правительства на это уполномочат. Но совершенно ясно, что мы не можем дать каких-либо уступок, относящихся к основным проблемам нашего существования, под маской якобы гуманитарного предприятия. Последнее должно быть и оставаться чисто гуманитарным, а не политическим, и в этом смысле мы будем приветствовать всякое предложение с Вашей стороны, которое Вы нам сделаете в духе Вашего письма, посланного Вами Совету Четырех 3 апреля. На эти предложения совершенно неполитического характера мы отвечаем с величайшей радостью. Мы благодарим Вас сердечно за Ваши добрые намерения, мы готовы предоставить Вам всякую возможность контролирования проведения в жизнь этого гуманитарного плана. Мы, разумеется, покроем все расходы этого предприятия и стоимость съестных припасов и можем уплатить, если Вы пожелаете, русскими товарами.

Принимая, однако, во внимание, что Ваш первоначальный план был столь неудачно подвергнут искажению и что создаваемые в результате этого сложные и трудные вопросы должны быть сначала основательно выяснены, мы предложили бы Вам предпринять необходимые шаги, чтобы дать возможность

делегатам нашего Правительства встретиться с Вами и Вашими сотрудниками за границей и обсудить эти вопросы, и мы просим Вас любезно указать время и место такого совещания между нашими делегатами и руководящими лицами Вашей Комиссии, а также какие гарантии могут быть даны для свободного проезда наших делегатов через страны, находящиеся под влиянием держав Согласия.

Народный Комиссар по Иностранным Делам

Г. Чичерин».

Прежде всего нужно было решить вопрос с пленными в Сибири. Проявив особые качества организатора, Нансен собрал средства, договорился о железнодорожной и корабельной перевозке, собрал запасы продовольствия и лекарств. Гуманитарным грузом поезда и корабли загружались перед отъездом на восток, а когда транспортные средства возвращались на запад, они увозили с собой солдат. За год было репатриировано около полумиллиона военнопленных. Всё это удалось сделать только благодаря жизненному принципу Нансена «Против течения и ни шагу назад!». Если бы он стал разрабатывать долгосрочные планы и затем долго согласовывать их с заинтересованными сторонами и многочисленными правительствами, то пленные просто погибли бы. Поскольку Нансен это прекрасно понимал, он решил действовать через Красный Крест: практически обменивал пленных на продовольствие и лекарства и отсылал их на родину.

Летом 1920 года он приехал в Лондон, чтобы принять участие в тайных переговорах, которые вели Советы (в столицу Туманного Альбиона прибыл Леонид Красин) с Великобританией, не признававшей новой власти. Однако переговорщикам удалось достигнуть соглашения об обмене английских и советских военнопленных.

Сразу же после этого Фритьоф едет в Москву для переговоров об обмене военнопленными между Советской Россией и Германией. Надо сказать, что в эту поездку верили далеко не все — и русская эмиграция вовсе не приветствовала деятельность Нансена.

Лучший пример тому — очерк А. И. Куприна «Два путешественника», написанный всё в том же 1920 году:

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Это — Фритьоф Нансен и Герберт Уэллс.

Каютой для английского романиста служит его кабинет, а у руля стоит широкая фантазия. Шведский *(так у Куприна. — Н. Б.)* учёный и мореплаватель всю свою трудовую жизнь проводит или в лаборатории над микроскопом, или на палубе настоящего корабля, следя за лотом и тралом, а верный его кормчий — северный железный человек, потомок великанов капитан Свердруп.

Один отправляется в своих путешествиях от исходной точки, представляющей из себя физический абсурд (в чём и заключается его отличие от гениального Ж. Верна, который в задачах земных возможностей был зачастую провидцем). Ведь на самом деле сущий вздор — этот изобретённый Уэллсом каворит, смазав которым подошвы, человек становится легче воздуха и летит ввысь, в небо; или состав, проглотив который, можно сделаться невидимкой; занятные небылицы и машина для странствования во времени, и алюминиевые бомбы марсиан, и селениты, и морлоки, и очеловеченные звери доктора Моро… Но именно по этой причине Уэллс и стал любимым писателем для читателей со скудным, ограниченным воображением. Жажда чудесного заложена во всех людях: и в нотариальных клерках, и в земских статистиках, и в учёных женщинах. Уэллс даёт им это «чудесное» в таком удобном кулинарном виде, что нет надобности ни придумывать, ни разрезать, ни разжёвывать: глотай с удовольствием и до пресыщения.

Другой — открыватель неведомого — всегда стоит на твёрдой почве. Конечно, мало кто знает о великом пути, пройденном Нансеном поперёк северной ледниковой части Гренландии. Но в веках останется воспоминание о его трёхгодовой экспедиции к Северному полюсу. Нансен размышлял так. Во-первых, Северный полюс есть несомненная, реальная, географическая точка на земном шаре. Во-вторых, достигнуть её сопряжено с такими трудностями, которые вряд ли когда-нибудь становились на пути человечества к знанию. В-третьих, человеческий ум, терпение и выносливость почти безграничны в пределах возможного, а иногда и шире. Следовательно: «Капитан Свердруп, укладывайте свои чемоданы и принимайте командование». Оттого-то его сухой дневник навсегда будет источником восторга для людей с живой

фантазией, предметом удивления для тех, кого Бог не обидел собственным творческим воображением.

Значительные события часто совпадают на маленьком земном шаре. Почти одновременно мы услышали о том, что Нансен и Уэллс собираются ехать в Советскую Россию для глубоких и всесторонних исследований её состояния.

Нансен не поехал. Кто мог бы осмелиться заподозрить в нерешительности его, видевшего так близко перед собою смерть — и не мгновениями, а месяцами? Привычный к научному и практическому методу мышления, он, вероятно, сказал себе: «Я и без путешествия в центр этой несчастной страны знаю о её положении. Несколько сотен безумных, но хитрых негодяев кровавыми путами опутали загнанный, усталый, голодный, больной многомиллионный народ. Всей реальной правды эти негодяи мне не скажут и не позволят её увидеть. А народ не сможет этого сделать и не посмеет. Одного меня ни на минуту не оставят. Не хочу же я быть в положении водевильного дурака, водимого за нос».

И не поехал.

Но Уэллс поехал. Для этой поездки у него уже был в голове готовый, изображённый им самим «каворит» — утопическое представление о благах, сопряжённых с первым мировым опытом великой коммунистической республики. Иными словами, абсурдное основание будущему роману для клерков уже было заложено.

Военнопленные были не только в России, но томились в лагерях практически повсюду по берегам Чёрного моря. Там, в Греции, после окончания Первой мировой войны было около 10 000 болгарских военнопленных, которых греческое правительство использовало в качестве бесплатной рабочей силы. Только под давлением Нансена эти несчастные были отправлены домой.

Практически такое же положение сложилось с 15 000 болгарских военнопленных в Югославии, которых соглашались «вернуть» на родину только в обмен на определённое количества угля. И снова пришлось вмешаться Нансену.

Тысяча турок была отпущена из Греции домой — но по пути вновь захвачена греческим же военным кораблём — вновь уладить дело смог великий норвежец.

Таким примерам несть числа. Позже Нансен скажет:

«Никогда ранее в жизни я не сталкивался с подобными проявлениями жестокости и страданий. Но все эти ужасы — не что иное, как неизбежные последствия войны, которая в 1914 году перевернула всю жизнь с ног на голову».

В Россию Нансен, вопреки крикам русской эмиграции, тоже приехал — и 6 июля 1920 года присутствовал на первом заседании Петроградского Совета. Горький произнёс на нём речь в честь почётного гостя:

«Вы являетесь сосредоточием той мировой энергии, которая притягивает сюда всё лучшее со стороны мира.

Весьма отрадно, что такие замечательные люди, как Фритьоф Нансен, люди высокой энергии, притягиваются к нам. У таких людей, как Нансен, есть чему поучиться. Их пример и их энергия — лучшее и большее, что есть в человеке. И мы должны горячо приветствовать такого человека, как Фритьоф Нансен».

Из Петрограда Фритьоф едет в Москву, где договаривается с Советским правительством о том, что каждую неделю к западной границе будет прибывать очередной эшелон с продуктами и лекарствами, а обратно в Европу он будет уходить заполненным военнопленными.

Из Москвы Нансен выехал в Европу, где принял участие в ряде заседаний, посвящённых вопросу возврата военнопленных. По возвращении домой он написал тёплое письмо Горькому, в котором, в частности, говорил:

«…С тех пор как мы расстались, я много думаю о Вас и обо всём, что Вы мне рассказали, и, признаюсь, очень за Вас беспокоюсь, так как при нашей встрече Вы выглядели неважно. Я считаю, что Вам совершенно необходимо изменить обстановку и питание и поэтому Вы должны на время покинуть Россию. Мне кажется, что Вам, например, было бы очень полезно пожить некоторое время в Норвегии или где-нибудь на юге, если Вы это предпочитаете. Петроградский климат Вам в настоящее время вреден. У вас слишком слабое здоровье для того, чтобы выдержать его, и оставаться в Петрограде на следующую зиму Вам было бы просто опасно.

Я это очень ощущаю, и Вы, конечно, должны понимать, что Ваша жизнь слишком драгоценна для всего мира, так же как и для Вашей родины, чтобы

непростительно пренебрегать всем необходимым для укрепления Вашего здоровья.

…Если я чем-либо могу помочь в организации Вашей поездки, сообщите, пожалуйста. Посылаю Вам пока, как обещал, несколько книг. Книги Ханса Кинка — нелёгкое чтение, но он весьма талантлив и, как мне кажется, является первым нашим писателем в настоящее время.

С глубоким уважением к Вам, дорогой Горький, и, поверьте, с самыми лучшими пожеланиями, искренне Ваш

Фритьоф Нансен».

Горький отвечал:

«Дорогой Фритьоф Нансен! Я очень тронут Вашим письмом и сердечно благодарю Вас за приглашение приехать в Норвегию, литературу и людей которой я давно искренно люблю. Вероятно, я воспользуюсь приглашением Вашим в декабре или январе. Я действительно устал и был бы рад несколько отдохнуть, работая над книгой, которую мне хочется писать.

Ещё раз — примите мою благодарность за доброе Ваше отношение, — это так ценно, так важно теперь, когда связи между людьми столь легко рвутся и всюду возникает вражда, часто — бессмысленная, лишённая оправданий…»

По просьбе Горького весной всё того же 1920 года Нансен предпринял ряд шагов к установлению дипломатических отношений между Советской Россией и западными державами, в частности Великобританией.

Надо сказать, что Нансен всегда поддерживал не столько коммунистическую Россию, сколько выступал «против того, чтобы невинные люди подвергались лишениям и голоду во имя интересов политики».

Горький, как говорилось выше, с благодарностью принял приглашение Нансена — и собирался приехать в Норвегию в декабре 1920 года, но не смог, зато в феврале 1921 года они снова встретились в Москве, а затем отправились в Петроград. Вместе с Горьким Нансен активно включился в борьбу с голодом.

Семь лет войны нанесли непоправимый урон запасам страны, нарушили транспортное сообщение внутри неё. 17 миллионов человек и 2 миллиона лошадей были изъяты из сельского хозяйства, а блокада Советской России отняла у страны

возможность получать помощь извне. Кроме того, весной 1921 года Поволжье, часть Украины, Крым и Южный Урал охватила жестокая засуха.

Коммунистическое правительство довольно долго скрывало положение дел, но, когда стали очевидны масштабы катастрофы, было вынуждено обратиться за помощью к мировому сообществу и сделало это через Горького, который воззвал к учёным, писателям и народам всего мира оказать помощь голодающей России.

В результате первым бросился на спасение умирающих людей Фритьоф Нансен. Он был потрясён полученным от Горького 13 июля письмом и уже 20 июля обратился к стортингу и правительству Норвегии:

> «Наш долг ясен, — *говорил он.* — Большие пространства России страдают от голода, который увеличивается с каждым днём.
>
> Любое количество продуктов, которое поступит в какую-либо часть страны, уменьшит давление голода. Мы будем иметь в виду только одну великую цель: прийти на помощь нашим страдающим братьям великим и щедрым путём для поддержания чести нашей родной страны».

4 августа МИД Норвегии сообщил, что передаст России рыбных продуктов на пол миллиона норвежских крон.

Какая-то сумма на закупку продовольствия была переведена в виде кредита от Швейцарии (во многом благодаря дружеской поддержке супружеской четы Зульцер). Великобритания и Франция на обращения Нансена вначале отвечали отказом. Сам Нансен высоко оценил помощь американцев, а именно — АРА (Американская администрация помощи — American Relief Administration), которую возглавлял министр торговли и будущий президент США Герберт Гувер[64]. И это действительно так, однако, поскольку наша книга посвящена Фритьофу Нансену, подробно об этом мы говорить не будем.

Международный Красный Крест обратился к Нансену с просьбой взять на себя, как в случае с военнопленными, полномочия Верховного комиссара, на сей раз по оказанию помощи голодающей России.

Однако на заседании Лиги Наций один из депутатов проговорился:

> «Мы должны спасти Россию, не спасая притом большевизма».

Нансен обратился к присутствующим с гневной и страстной речью:

«В мои намерения не входило обращаться к частной благотворительности. Я поставил вопрос перед правительствами. Они остались глухи. В этот самый момент двадцати — тридцати миллионам людей угрожает голодная смерть. Если через два месяца не придёт помощь, их участь решена. Но правительства отказали в кредитах. Я не верю в то, что это правильно. Я не верю в то, что это мудро. Я могу сказать только одно: это роковая ошибка!

Итак, мы вынуждены обратиться к частной благотворительности. Мы сделаем всё, что только возможно. Но и здесь против нас подняла свою голову клевета. Вокруг кишат гнусные лживые слухи. Про первый поезд, отправленный в Россию, говорили, что он разграблен Красной армией. Это ложь! И тем не менее её вновь и вновь повторяют европейские газеты. Меня обвиняют в том, будто я отправил в Сибирь экспедицию с оружием для революции. Это ложь! Говорят, что мой друг капитан Свердруп возглавлял эту экспедицию, а на самом деле она доставила в Сибирь только сельскохозяйственные орудия.

Очевидно, вся эта мерзкая клевета исходит из какого-то центрального органа. Но откуда? Несомненно, от людей, которые заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать всякой помощи голодающим. Мне кажется, я знаю, чем руководствуются эти люди. Это боязнь, что наша деятельность укрепит советскую власть. Я убеждён, что эта мысль ошибочна. Но допустим даже, что это на самом деле так. Найдётся ли в этом собрании хоть один человек, который мог бы сказать: „Пусть погибнет лучше тридцать миллионов людей, чем помогать Советскому правительству“. Я требую от собрания, чтобы оно дало мне ответ на этот вопрос!

Правительства заявили, что они не в состоянии раздобыть необходимые пять миллионов фунтов стерлингов. Все вместе они не могут дать для голодающих в России половины той суммы, которую стоит современный дредноут!

Я призываю европейские страны к борьбе с величайшим ужасом в истории человечества. Зима уже близка. Скоро реки в России станут, а сухопутный

транспорт будет затруднён снежными заносами. Допустим ли мы, чтобы зима навсегда остановила сердца миллионов людей? Время ещё есть. Но его осталось не много.

…Я не могу поверить, что народы Европы на протяжении долгих зимних месяцев будут сидеть сложа руки и спокойно взирать, как медленно умирают с голоду миллионы людей.

Ведь дело обстоит так: в Канаде в этом году урожай настолько хорош, что она может экспортировать в три раза больше, чем мы просим. В Америке хлеб гниёт на складах, так как не находятся покупатели для сбыта. В Аргентине такой избыток маиса, что не знают, как от него избавиться, — его сжигают в паровозных топках. В гаванях Америки и Европы простаивают незафрахтованные суда. А по другую сторону, на востоке, голодают миллионы людей…

Я уверен, вы не останетесь в стороне и не скажете равнодушно: нам жаль, но помочь мы не можем. Во имя человечности, во имя всего, что для нас благородно и свято, я призываю вас, вас, которые сами имеют жён и детей, подумать о том, какой это ужас — видеть, как жена и дети идут навстречу голодной смерти. С этой трибуны я призываю правительства, народы Европы, весь мир оказать помощь!

Спешите, действуйте, пока ещё не поздно!»

Положение в России было действительно ужасающим. Об этой катастрофе написано трагическое стихотворение «Метель» Сергея Городецкого:

В час, когда огни потушат
Там, где сытые поели,
Ты послушай, ты послушай
Голоса ночной метели…
Ты послушай, ты послушай:
Смерть людьми Россию стелет.
Может быть, твой сон нарушат
Голоса ночной метели.

Маловерам Нансен показывает потрясающей силы документы — фотографии, сделанные им самим осенью 1921 года во время поездки по голодающим районам России, на которых запечатлены горы трупов и живые скелеты, обтянутые кожей. Жуткая правда

фотографий лишила противников последних аргументов, и приток пожертвований возрос. Но одновременно прокатилась новая волна чудовищной лжи. «Фотоснимки Нансена фальшивые!» — заявила крупная парижская газета.

Вновь пришлось доказывать свою правоту — но Нансену это было делать не привыкать.

Поскольку советское руководство не признавало Лигу Наций, Нансен представлял европейские правительства в рамках вновь созданной структуры, получившей название Международного комитета помощи голодающим. Главная контора этой организации находилась в Женеве, филиалы — в Берлине и Москве, чуть позже открылся дополнительный филиал в Харькове.

27 августа 1912 года в Москве Г. В. Чичерин от имени Советского правительства подписал с Нансеном договор, по которому тому предоставлялись полномочия ходатайствовать перед европейскими правительствами о предоставлении молодому государству помощи.

Однако в кредитах России было отказано под предлогом возможности расходования средств большевиками на другие нужды.

* * *

В самой голодающей стране Нансена поддержала Русская православная церковь. Летом 1921 года стотысячным тиражом была напечатано воззвание патриарха Тихона к верующим в России и за рубежом с просьбой помочь голодающим:

> «Пастыри стада Христова! Молитвою у престола Божия, у родных святынь исторгайте прощение Неба согрешившей земле. Зовите народ к покаянию: да омоется покаянными обетами и Святыми Тайнами, да обновится верующая Русь, исходя на святой подвиг и его совершая, да возвысится он в подвиг молитвенный, жертвенный подвиг. Да звучат вдохновенно и неумолчно окрылённые верою в благодатную помощь свыше призывы ваши к святому делу спасения погибающих. Паства родная моя! В годину великого посещения Божия благословляю тебя: воплоти и воскреси в нынешнем подвиге твоём святые, незабвенные деяния благочестивых предков твоих, в годины тягчайших бед собиравших своею беззаветною верою и

самоотверженной любовью во имя Христово духовную русскую мощь и ею оживотворявших умиравшую Русскую землю и жизнь… Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода…»

Под воздействием всё усиливающихся бедствий голода вновь и вновь оживлялась борьба мнений внутри партийного руководства о допустимости использования в этих экстремальных условиях помощи общественных религиозных организаций. Лишь 8 декабря 1921 года ВЦИК разрешает религиозным организациям собирать средства в помощь голодающим под руководством «Помгола»[65]. Церковь была готова немедленно включиться в работу, но была вынуждена ждать появления положения о порядке осуществления этого разрешения, которое было утверждено лишь 1 февраля 1922 года, а 23 февраля того же года вместо благодарности церкви выходит декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей.

Спустя пять дней патриарх Тихон обратился к верующим с посланием, в котором, в частности, говорилось:

> «Тогда же *(в августе 1921 года. — Н. Б.)* был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету.
>
> Однако в декабре Правительство предложило Нам делать при посредстве органов церковного управления <…> пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковноприходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чём и оповестили православное население 6 (19) февраля с. года особым воззванием…
>
> Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК для оказания помощи голодающим постановил изъять из

храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие церковные богослужебные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства…»

28 марта в «Известиях» был опубликован «Список врагов народа» и первым указан патриарх Тихон «со всем своим церковным собором». Массовые изъятия церковных ценностей привели к кровавым столкновениям — их насчитывалось к концу года более полутора тысяч. 26 апреля проходил процесс в Москве, в результате которого к расстрелу были приговорены 11 человек. 5 мая на процессе в качестве свидетеля выступал патриарх Тихон. Его заключили под домашний арест.

31 мая на имя Ленина представителями церквей Великобритании была направлена телеграмма с протестом против преследований патриарха Тихона. Весь июнь на имя Ленина продолжают поступать телеграммы в защиту патриарха: сохранились письма и телеграммы правительств и общественности Финляндии, Чехии, Великобритании; из Праги М. М. Литвинову сообщали о возможном совместном выступлении в защиту патриарха ряда европейских правительств.

Одним из самых значительных выступлений этого рода было вежливое, но жёсткое послание Фритьофа Нансена Троцкому от 24 апреля 1923 года (написано по-французски, ниже даётся по переводу из архивов ВЦИК):

«Лисакер (Норвегия) 24-го апреля 1923 года

Дорогой Г-н Троцкий,

я думаю, что мне не нужно Вам напоминать, насколько враждебно отношусь я ко всякому вмешательству во внутренние дела какой бы то ни было страны, но я уверен, что я не действовал бы в интересах будущего благосостояния России, если бы не просил Вас, в этом совершенно частном письме, употребить Ваше личное влияние для того, чтобы спасти жизнь патриарха Тихона.

Вы поймёте, конечно, что, направляя к Вам эту просьбу я отнюдь не оцениваю дело по существу; так как не только я не знаю его подробностей, но мне также не подлежит никоим образом выражать моё мнение по этому поводу.

Я не испрашиваю также Вашей доброжелательной поддержки в интересах какого бы то ни было вероисповедания, но исключительно в интересах самой России. Общественное мнение всего мира, имея или нет

для этого достаточных поводов, глубоко взволновано, и я боюсь, что если патриарх Тихон будет расстрелян, то деятельность различных организаций, которые в настоящее время работают на восстановление России, будет серьёзно скомпрометирована, так что нельзя будет рассчитывать на общественную помощь для продолжения дела, которое они совершают в интересах России.

Вы признаете, я уверен, что я отнюдь не хочу породить излишнюю тревогу, но я не мог противиться желанию сообщить Вам мою абсолютную уверенность, что в результате приговора несчастного патриарха к высшей мере наказания, предвиденного законом, вышеуказанные последствия не замедлят выявиться.

Если же, наоборот, Советское правительство может проявить в этом деле известное великодушие, то впечатление, этим произведённое на общественное мнение, будет благоприятно и это поведёт немедленно к счастливым последствиям для международных сношений России.

Примите, дорогой г-н Троцкий, уверение в моём высоком почтении.

Фритьоф Нансен».

Мнение Нансена, возглавившего организацию зарубежной помощи жертвам голода в России, было особенно весомым, и не считаться с ним было трудно.

11 июня открывается процесс в Петрограде. 5 июля прозвучал приговор — 10 человек приговариваются к расстрелу, остальные — к тюремному заключению, 10 августа ВЦИК помиловал шестерых, но оставил в силе приговор над остальными четырьмя подсудимыми, которые и были расстреляны.

К концу года по делу об изъятии церковных ценностей погибло и было расстреляно более 8000 человек.

Патриарх Тихон до 25 июня 1923 года томится в тюрьме, но затем он был освобождён и в печати появилось его заявление, в котором он раскаивался в «антисоветских поступках». Верующими этот акт был воспринят как вынужденный — патриарх оклеветал себя, чтобы спасти Церковь.

* * *

Но вернёмся в год 1921-й.

Как мы уже говорили, великие державы под предлогом нежелания сотрудничать с большевиками ответили Нансену на призыв о помощи отказом. Конференция в Брюсселе, созванная Лигой Наций и Красным Крестом, ничего не решила.

Тогда он обратился к частным лицам. В результате поездок самого Нансена по Америке и Европе были собраны десятки миллионов долларов. Частные лица и благотворительные организации одной только Норвегии собрали 3 225 295 крон, к которым правительство добавило ещё 770 000 крон. В результате получилось, что маленькая Норвегия сделала для голодающей России больше, чем самые крупные державы.

Нансен и сам неоднократно приезжал в нашу страну. В Москве, Петрограде, Саратове и Харькове были открыты представительства его Миссии оказания помощи голодающим. Он следил за распределением продуктов и медикаментов. Для школ и учебных учреждений он посылал не только пищу материальную, но и духовную — книги. Кабинет самого Нансена в Москве находился в Кремле.

Нансеновская Миссия оказания помощи голодающим, состоящая из 32 благотворительных организаций, работала в России с сентября 1921-го по август 1923 года и спасла от голодной смерти 6,5 миллиона детей и 0,5 миллиона взрослых.

> «Помощь голодающим оказывалась с помощью распространения среди населения адресных посылок с продовольствием.
>
> Нансеновские посылки были чуть меньше американских, но состав продуктов был похожим: мука, консервированное мясо, изюм, рис, сардины, бобы, сахар, лимонный сок, какао, соль, рыбий жир, — *пишут Т. Бондаренко и Н. Николаева.* — Хотя большинство помощи голодающим России приходилось на долю АРА (вклад Нансеновской миссии составил 5–7 % от американского), мало кому из иностранцев удалось завоевать такую любовь советского правительства, как Ф. Нансену.
>
> В советской периодической печати тех лет он предстаёт благородным борцом с европейским капитализмом, его воззвания публикуются в главных

газетах страны — „Известиях“ и „Правде“.

В 1922 году правительство РСФСР поспешно объявило о победе над голодом. Хотя даже официальные отчёты Саратовской губернской комиссии помощи голодающим говорят о том, что к январю 1923 года в губернии голодало в среднем 30 % сельского населения. Ещё целый год, до 20 июня 1923 года, когда были окончательно расторгнуты договоры с иностранными организациями помощи голодающим, Нансен продолжал „подкармливать“ население наиболее пострадавших районов. До лета 1923 года его миссией было распределено 105,6 миллиона разовых пайков».

По случаю окончания работы Нансеновской комиссии IX Всероссийский съезд Советов принял такое постановление:

«Гражданину Фритьофу Нансену.

IX Всероссийский Съезд Советов, ознакомившись с вашими благородными усилиями спасти гибнущих крестьян Поволжья, выражает вам глубочайшую признательность от имени миллионов трудящегося населения РСФСР. Русский народ сохранит в своей памяти имя великого учёного, исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробивавшего путь через вечные льды мёртвого Севера, но оказавшегося бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушие правящих классов капиталистических стран.

Председатель IX Съезда Советов
М. Калинин.
25 декабря 1921 года».

В конце 1921 — начале 1922 года Нансен вместе с Максимом Горьким и Герхартом Гауптманом подготовили и издали книгу «Россия и мир», которая была посвящена проблемам помощи России.

За проделанную поистине титаническую работу и спасённые миллионы жизней Нансену в 1922 году была присуждена Нобелевская премия мира.

Фритьоф отдал большую часть своей премии на устройство показательных сельскохозяйственных станций на Волге и Украине. Остальная часть денег пошла для помощи греческим беженцам из Турции. По счастливому совпадению в то самое время датский издатель Эриксен прислал такую же крупную сумму. Эти деньги были истрачены на те же цели: в Россию и

греческим беженцам.

«Ф. Нансен понимал, что разовые поставки продовольствия не спасут разрушенную экономику России. Советское сельхозпроизводство не может прокормить страну, поэтому вероятность повторения голода велика. Он поставил перед собой цель: помочь русскому крестьянину восстановить хозяйство и одновременно с этим познакомить его с новинками аграрного производства. Так появился проект Нансена по созданию в России нескольких показательных сельскохозяйственных станций, — *пишут Т. Бондаренко и Н. Васильева.* — Новая экономическая политика давала иностранцам возможность арендовать на территории советского государства землю или предприятия. В январе 1923 года в Москве состоялись переговоры Нансена с советским правительством о дальнейших формах оказания помощи голодающим районам и экономическом восстановлении России. Его проект восстановления сельского хозяйства, представленный в Наркомат земледелия, предусматривал кредитование крестьян выдачей семян, скота, земледельческих орудий, ввоз в Россию сельскохозяйственных машин.

На это учёный выделял из полученной им Нобелевской премии 2 миллиона рублей. Нансен предложил открыть в России несколько показательных хозяйств, основанных на рациональном ведении производства и применении иностранных методов. Работать в них должно было местное население, на должность управляющих планировалось приглашать иностранных агрономов, а в помощь к ним привлекать русских специалистов.

Пятилетний договор между Народным комиссариатом земледелия и миссией Нансена был утверждён 5 июня 1923 года.

Правительство РСФСР безвозмездно предоставляло иностранцу участки земли в Криворожском округе Украины и в Саратовской губернии и в виде ссуды — необходимое на первый год количество семян. К тому же оно предоставляло 50-процентную скидку на провоз по территории России иностранной сельхозтехники и инвентаря. Остальную сумму оплачивало правительство путём кредитования миссии на срок до первого урожая, из которого должен быть погашен кредит.

В свою очередь, Нансен обязывался вложить в каждое хозяйство не менее 10 тысяч фунтов стерлингов.

Под концессию Нансена в Саратовской губернии отводился совхоз № 33 — часть бывшего имения М. Н. Раевского в селе Росташи Балашовского уезда, в 10 верстах от железнодорожной станции Аркадак.

Начальником первой показательной станции Нансена стал Г. К. Седергрен, а его помощниками — агроном П. С. Степанов и животновод со шведским образованием А. В. Юттерберг.

Летом 1924 года концессия получила 983 десятины земли. В конце июня 1924 года станции было отведено из запасов Госфонда ещё 1196 десятин. Из-за границы было привезено 47 тракторов разных систем, 22 из которых поступили в Росташи, и 4 автомобиля для каждой станции. И это при том, что на март 1924 года в Саратовской губернии было всего 24 трактора, из них на ходу — всего два. Предполагалось организовать продажу тракторов в кредит, а также ввезти английскую породу свиней, часть которых распределить среди местного населения. На средства, вырученные от продажи сельхозтехники, планировалось закупить недостающий племенной скот, различные сельхозорудия, провести электрификацию станции и ближайшего населения. Концессия Нансена руководствовалась „принципом максимального применения русского штата“.

Хозяйственный план станции должен был составляться строго по инструкции Наркомзема, а контроль за её работой осуществлялся путём постоянных обследований. Такое повышенное внимание к иностранному предприятию со стороны местных властей тормозило его развитие. Работа станции налаживалась крайне медленно.

Причинами этого управляющий Седергрен считал плохие климатические условия, осложнённые дезорганизованностью аграрных рабочих, которые „стараются по всяким случаям устраивать митинги“, дороговизну кормов, низкую производительность труда заморённых „коммунистическими опытами“ крестьянских лошадей, а также нормированные цены на хлеб. Он отмечал, что зависть местного населения к технике нансеновской концессии использовалась коммунистами, чтобы настроить крестьян против иностранцев.

В центре и на местах часто действовали в нарушение договора. Предварительный проект договора Нансена с советским правительством был изменён, что привело к увеличению затрат концессионера. Вопреки пункту о безвозмездном предоставлении земельных угодий саратовские власти пытались взимать с концессии арендную плату. Железная дорога отказывала в обещанной 50-процентной скидке, блокируя провоз техники к месту назначения.

Станция терпела убытки, денег не хватало даже на зарплату.

В августе 1925 года Росташи посетила ещё одна комиссия. Она выявила неудовлетворительные нормы продовольствия, охраны труда. Итоги обследования 1-й показательной станции инспектор доложил „особым докладом“ в Наркомат труда.

Губисполком в очередной раз предложил центру „передать управление совхозом в более опытные руки, с введением в управление представителя местной власти“.

Но если снять Седергрена без одобрения Ф. Нансена было не в их компетенции, то агронома Степанова отстранили от должности как „ведущего подозрительную линию поведения“.

К 1927 году средства на содержание Росташевского хозяйства были полностью исчерпаны, страна же стояла на пороге коллективизации.

14 мая 1927 года губисполком ликвидирует станцию с пояснением, что средства, внесённые Нансеном, благодаря нерациональному ведению хозяйства все прожиты, а станция своего назначения как показательное сельхозпредприятие не выполнила. Хозяйство станции вместе с долгом почти в 48,5 тысячи рублей отошло Саратовскому губернскому сельхозтресту.

Несмотря на неудачный опыт по созданию образцовой сельскохозяйственной станции, программа Нансена свидетельствовала о том, что его беспокоила не только проблема спасения людей от голодной смерти, но и их дальнейшая судьба».

В начале 1923 года Нансена приглашают в Россию и на Украину, где с помпой чествуют за оказание помощи голодающим и в связи с присуждением Нобелевской премии. В Москве у него состоялась длительная беседа с Троцким, после чего был устроен приём в его честь. На приёме он говорил, как писала 4 февраля

1923 года газета «Известия», что горд тем, что получил возможность протянуть руку помощи великому русскому народу, строящему новую жизнь и стремящемуся возродить могущество великой нации. Был также устроен приём в Харьковской государственной опере, за который Нансен тепло поблагодарил устроителей.

Три недели спустя, как установил П. Э. Хегге, 13 февраля 1923 года, харьковская газета «Коммунист» сообщила о том, что оба директора оперы арестованы на семь дней, заместитель уволен, местный руководитель Красного Креста также арестован на три дня, а два посредника, работавших с иностранными организациями по оказанию помощи на Украине, получили строгий выговор. Местный представитель АРА объясняет в отчёте причины этого следующим образом: 1) напитки не были готовы к приходу гостей и так и не были поданы; 2) скатерть была грязная и 3) после мероприятия недосчитались стульев.

Неизвестно, сообщили ли Нансену об этой расправе. Как бы то ни было, он узнал о ней. Позже он забил тревогу, когда советские представители завели речь о возможном экспорте зерна урожая 1923 года. Это решение, сформулированное московским руководством на XII съезде партии в апреле этого года, должно было заставить крестьян напряжённо трудиться. Тогда уже было начато претворение в жизнь новой экономической политики (НЭП), и крестьянам, как известно, велели, по выражению Николая Бухарина, «обогащаться». Ленин вследствие тяжёлой болезни уже вышел из игры.

Нансен полагал, что помощь по-прежнему необходима, а заявление об экспорте российского зерна сильно затруднит сбор средств в Западной Европе. Однако, поскольку в течение осени 1922 года положение намного улучшилось, было принято решение о свёртывании кампании помощи, и в августе 1923 года иностранные организации по её оказанию прекратили свою деятельность.

Практически сразу после этого ужесточились меры в отношении людей, работавших с организациях по оказанию помощи, их стали преследовать за контакты с иностранцами и контрреволюционную деятельность. Так, в апреле 1924 года была арестована Елена Левашова, секретарь и переводчик Нансеновской миссии. Лишь после многократных обращений и самого Нансена, и его коллег-иностранцев к М. И. Калинину и министру иностранных дел М. М. Литвинову её удалось вернуть из ссылки в Пермь.

* * *

В 1924 году Нансен получил от Совета Лиги Наций поручение заняться армянскими беженцами. Как и несколько лет назад, он сначала отказался, поскольку не видел возможности оказать сколько-нибудь эффективную помощь, и по-прежнему хотел заниматься исключительно наукой, а эта возможность всё никак ему не представлялась. До этого, уже на первой сессии Лиги Наций, Нансен внёс предложение о приёме Армении в её члены и подчеркнул, что армяне нуждаются в помощи. Во время второй сессии он вновь поднял этот вопрос, и по предложению Роберта Сесила единогласно была принята резолюция, в которой была зафиксирована необходимость «дать родину» армянскому народу. На мирной конференции в Лозанне это требование вновь было высказано лордом Керзоном, который назвал армянский вопрос «одной из позорнейших страниц мировой истории». Но мирный договор был подписан в таком виде, точно никаких армян на свете не существует.

Напомним, что геноцид (истребление и перемещение в условия, приводящие к неминуемой гибели) армян был осуществлён в 1915 году и продлился до 1923 года на территории, контролируемой властями Османской империи и кемалистской Турции. По последним данным, было уничтожено тем или иным способом около 1,5 миллиона армян. Основная часть армянской диаспоры была образована в результате геноцида армян.

Вот что писал в изданной в 1923 году в Париже книге «Армения и Ближний Восток» сам Нансен:

> «После начала мировой войны армяне созвали в Эрзруме конгресс, на котором обсуждалось их отношение к войне с учётом того факта, что граница делила Армению на две части. На конгресс прибыли и несколько представителей младотурок. Они информировали, что турецкое правительство намерено объявить войну России, и, наобещав армянам „золотые горы“, вплоть до автономии, попробовали настроить их против русских. Однако армяне не поддались, одновременно отрицательно высказавшись против намерения Турции участвовать в войне, хотя и обещали исполнить свой гражданский долг в случае начала войны.
>
> Руководители младотурок были разъярены. Они разработали план уничтожения неисправимой „отвратительной гадины“ армянского народа. В письме от 15 февраля 1915 года, написанном <…> от имени

ряда членов центрального комитета младотурецкой партии <…> говорилось, что центральный комитет „решил освободить родину от деспотизма проклятой нации“ и как патриот принять на себя все упрёки, которые этот шаг навлечет на осман. <…>

К осуществлению этого плана тщательно готовились. Для поиска оружия в домах христиан в Анатолию были посланы жандармские подразделения, набранные из наиболее антихристиански настроенных лиц. Многие из видных армян были арестованы, их допрашивали с применением пыток, чтобы выведать о складах оружия и шпионских действиях. Младотурки собрали группы уголовников и хулиганов, выпущенных из тюрем и других мест заключения, которые впоследствии стали известны как тиеты (что дословно означает „цена крови“, так как этих кровожадных исполнителей резни выбирали из всякого рода преступников). <…>

21 ноября 1914 года, сами будучи неверующими, младотурки объявили священную войну — джихад, которая обязывала убивать всех неверных, отказывающихся принять ислам. <…> Всех христиан от двадцати до сорока трёх, а позже — от восемнадцати до сорока восьми лет забирали на принудительные работы, хотя с точки зрения закона им подлежали лица не старше двадцати семи лет. Непригодные к работе были обязаны служить „вьючными животными“. Говорят, что только на дорогах Муша и Эрзрума тяжёлыми грузами было задавлено более трёх тысяч душ. <…>

Утром 20 апреля турецкие солдаты пытались изнасиловать армянку. Когда ей на помощь поспешили несколько армянских мужчин, их застрелили. Очевидцем этого события был немецкий миссионер г-н Шпоррин. Оно и послужило началом стрельбы: турки разнесли армянскую часть города из артиллерийских орудий и засыпали её градом пуль. Армяне организовали самооборону. <…>

Осада и артиллерийский огонь продолжались четыре недели, до 16 мая. Затем они внезапно прекратились, турки во главе с Джевдет-беем отступили. Было получено известие о неожиданном приближении русской армии. 18 мая её авангард, также не осведомлённый о происходящем из-за отсутствия связи с армянами, вошёл в город.

<…> Эта попытка ванских армян защититься от

турок, предводительствуемых Энвер-пашой, была представлена в Берлине в искажённом коммюнике и оттуда распространилась по всему миру как информация о нападении банд армянских мятежников на мусульманское население в тылу у турок, при этом из Ванского вилайета удалось скрыться якобы лишь 30 000 мусульман из 180 000. В одном из отчётов турецкого посольства в Берлине, изданном 1 октября 1915 года, случившееся преувеличили ещё сильнее: „Было убито не менее 180 000 магометан“. <…>

Это — типичный пример того, как турки обращались с армянами, пытаясь выставить их мятежниками и бунтарями. Остальные „доказательства“ виновности армян, которые выискивало младотурецкое правительство для своего оправдания, того же рода. <…>

Прошло всего несколько дней после того, как армяне Вана были вынуждены начать самооборону от бешеного нападения турок, когда министр иностранных дел Турции Талаат-бей в ночь на 25 апреля неожиданно арестовал всех известных армян Константинополя — депутатов, учителей, писателей, врачей, юристов, редакторов газет и священников. <…> Талаат-паша объявил это лишь временной, предупредительной мерой, поскольку некоторые из арестованных могли быть опасными, и обещал, что большая часть из них вскоре будет освобождена. Но, перенеся все испытания, вернулись всего восемь человек. Остальные исчезли. Так те, кто был в силах защищать интересы армянского народа, были без хлопот убраны „со сцены“.

После этого турки перешли к завершению своего „блистательного“ плана истребления армян, своего, как они считали, „важного военного мероприятия“. <…>

После этого, в июне 1915 года, начались ужасы, не имевшие равных в истории. Всех армян-христиан из сёл и городов Киликии, Анатолии и Междуречья выгнали на дорогу смерти. Район за районом методично очищали от армян, независимо от того, находились они близко или за сотни километров от театра военных действий.

От армян было решено избавиться подчистую. Так как большинство мужчин уже было призвано в действующую армию, в тылу оставались лишь женщины, старики, инвалиды, которых и выгоняли из родных домов. <…>

Жандармы отняли и то, что беженцы смогли взять с собой, — деньги, драгоценности, ценные вещи, одежду. <…>

Из разных сёл несчастных собирали в одно место и нескончаемыми колоннами гнали пешком через горы в арабские пустыни, где ничего не было приготовлено для принятия толпы умирающих от голода, отверженных людей и обеспечения их существования — как не было ничего сделано по дороге для поддержания их жизни. <…>

Как только колонна отходила достаточно далеко, каменное равнодушие охранников сменялось лютой жестокостью. Немногочисленных мужчин и юношей отделяли от толпы и убивали. Женщин, детей и стариков гнали дальше, обрекая их на мучения от жажды и голода. <…>

Молодых женщин и девушек насиловали или, дойдя до мусульманских селений, устраивали распродажу: 20 курушей *(один куруш равен 8 копейкам. — Н. Б.)* платили за девочек, которые ещё не были изнасилованы, и 5 — за изнасилованных и вдов, детей же отдавали вообще бесплатно. Нередко на колонну изгнанников нападали курды, грабили, мучили, насиловали и убивали.

<…> Как ни странно, армян Константинополя, Смирны и Алеппо пощадили — только благодаря тому, что в этих городах жило много европейцев, которые могли бы стать свидетелями происходящего. Переселение из Смирны было приостановлено немецкими офицерами.

Чтобы сделать понятным значение „перемещения“, напомню свидетельство одного немца-очевидца: „Из 18 000 человек, выведенных из Харберда и Себастии, до Алеппо дошли 350, а из 19 000, выведенных из Эрзрума, остались в живых лишь 11“ (см. A. N. Mandelstam La Societe des Nationals les Puissances devant le Probleme Armenien, Paris, 1925, p. 44.). По сведениям Лепсиуса, по дороге умерли от истощения в среднем две трети ссыльных-переселенцев. Большую часть из оставшихся в живых, кто, борясь со смертью и превратившись в ходячие скелеты, дошёл до Междуречья, погнали дальше, к пустыням, чтобы там они умерли в ужасных мучениях. <…>

В некоторых местах вали и турецкая администрация посчитали перемещение излишним и, не затрудняя себя,

просто уничтожали армян — например, в Нисибе (1 июля), Битлисе (1 июля), Муше (10 июля), Малатии (15 июля), Урфе (19 августа и 16 октября), Джизерке (2 сентября), Тигранакерте, Мидмате и др. <…>

Армянских солдат турецкой армии, которые сражались с такой смелостью, что даже Энвер-паша не скупился на слова, публично восхваляя их храбрость, верность и организованность, позднее разоружили, перевели на каторжные работы в тылу и в конце концов расстреляли свои же однополчане по приказу офицеров.

Как только из донесений немецких консулов стало ясно, что в действительности означает „перемещение“, немецкий посол заявил Высокой Порте протест, который, однако, не дал результатов. Турецкие руководители отчасти отвергали факты, а отчасти достаточно ясно давали понять, что они не считают своих союзников вправе давать указания по этому вопросу. 15 декабря 1915 года Талаат-бей цинично заявил графу Меттерниху, что он уверен — в подобной ситуации то же самое сделали бы и немцы. Затем Высокая Порта выразила сожаление о немецком вмешательстве в её внутренние дела. Попытки немецкого правительства прекратить зверства не привели к успеху. Хотя немецкие послы и консулы не смогли сделать ничего или почти ничего, собранная ими информация беспощадно разоблачает злодеяния.

Длинный ряд документальных сведений о беспрецедентной жестокости с абсолютной ясностью показывает, что все они делались по единому плану, выдвинутому главарями младотурок и их комитетом. Подлый метод отрицания, к которому турки последовательно прибегали для опровержения обвинений в зверствах, в их преднамеренности и запланированности, не спасает от разоблачения.

17 июня 1915 года немецкий посол барон Вангенхайм написал в Берлин, что „Талаат-бей… открыто говорил, что Высокая Порта хочет воспользоваться данным войной поводом подчистую вымести внутренних врагов страны, не реагируя на вмешательство иностранных дипломатов“. <…>

В шифрованной телеграмме от 15 сентября 1915 года говорилось:

„Канцелярии полиции Алеппо

Мы уже уведомляли, что в соответствии с приказом комитета правительство решило полностью истребить армян, проживающих в Турции. Те, кто откажется подчиниться этому приказу, не могут считаться друзьями правительства. Кто бы перед нами ни был — женщины, дети или инвалиды — и сколь бы жестокими ни были методы уничтожения, нужно положить конец их существованию, невзирая на чувства и совесть.

Министр внутренних дел Талаат“.

По приказу этого же министра щадить нужно было только детей младше 5 лет. Их можно было бы вырастить в примерных турок. 15 октября 1915 года Талаат-бей сообщил немецкому послу, что *„lauestion armenienne nexiste plus“* („армянского вопроса больше не существует“). Его заявление вполне соответствовало истине, поскольку почти всё „перемещение“ к этому моменту уже было осуществлено. Совсем немного осталось до того, чтобы констатировать, что оставшиеся в живых после „дорог смерти“ стёрты с лица земли.

<…> На берегу Евфрата ниже Алеппо, в Месене, где армяне гибли от голода в одном из крупных концентрационных лагерей, по данным турок, были похоронены 55 000 человек. По подсчётам, в течение 1915 г. в местность Тер-Зор на берегу Евфрата было отправлено 60 000 переселенцев; большая часть их исчезла. 15 апреля 1916 года в Мосул четырьмя группами были отправлены 19 000 армян. <…>

Свидетельские сообщения об умирающих с голода полны леденящих душу ужасов и кошмаров. Несчастные, превратившиеся в собственные тени, были когда-то человеческими созданиями. Часто среди них можно было встретить высокообразованных людей, женщин, которые ели всё, что попадало в руки, в то время как охранники безразлично, пристально наблюдали за их страданиями, пока те не падали и не умирали от голода. Это был настоящий ад. Турецкое правительство сделало всё, чтобы никто, даже Германия, не смог оказать несчастным никакой помощи. Когда ещё в августе 1915 года доктор Лепсиус в Константинополе обратился к Энвер-паше, предлагая пострадавшим „переселенцам“ помощь, тот ответил, что, если немцы хотят помочь, турки будут содействовать им: немцы могут отправлять вещи и деньги турецкому правительству, а оно проследит за

доставкой помощи по правильному адресу. Нетрудно было догадаться, что означал „правильный адрес“.

Что касается доставивших помощь американцев, им просто не разрешили сойти на берег. <…>

Страшная война между тем продолжалась. Когда русская армия, продвигаясь вперёд, заняла Ван, Битлис, Муш и в январе 1916 года Эрзрум и Эрзикан, а через два месяца — Трабзон, настала очередь спасаться бегством турецкому населению, боявшемуся мести за истребление армян. Охваченные безумной паникой и страхом, турки двигались холодной зимой на восток, многие из них умерли на бездорожье горных районов от невероятных страданий и лишений. <…>

Затем турки, поддерживаемые татарами Азербайджана, напали на Баку и 15 сентября 1918 года захватили его. Нури-паша, Верховный главнокомандующий и младший брат Энвер-паши, позволил татарам в течение трёх дней грабить христиан, основную часть которых составляли армяне. Пока на улицах звучали винтовочные выстрелы и крики жертв, Нури-паша проводил смотр войск за городом, после чего вместе с офицерами присутствовал на банкете в гостинице „Метрополь“. За три дня было истреблено 20 000—30 000 армян в отместку за то, что армянские и русские большевики за непродолжительное время пребывания у власти в Баку убили несколько сотен татар. Но и это последнее, в свою очередь, было отмщением, потому что после ликвидации Закавказской Федерации 22 мая 1918 года татарская милиция разграбила несколько армянских сёл в окрестностях Еревана. <…>

Невозможно достоверно судить о том, сколько армян погибло и было изгнано за 1915–1916 годы. По довоенным статистическим данным, к тому времени в Турции проживало 1 845 450 армян. В 1919 году доктор Лепсиус пришёл к заключению, что около 1 миллиона из них были убиты или умерли, 845 000 же остались в живых.

Из них около 200 000 жили в Турции, около 200 000 рассеялись по разным странам, 250 000 бежали в Закавказье и предположительно около 200 000 ещё находились в концентрационных лагерях Сирии и Междуречья, голодные и нищие. Согласно этому подсчёту, за прошедшие годы турки истребили более

трети армянского народа.

Не удовольствовавшись изгнанием и истреблением огромных масс отчаявшегося народа, турецкое правительство захватило всё имущество анатолийских армян, которое оценивалось в сотни миллионов фунтов стерлингов. <…>

Младотурки были безразличны к религии, что же касается туркоязычного населения, то оно вовсе не так стремилось к грабежам и резне, как этого бы хотелось властям. В некоторых местностях турки сопротивлялись „перемещению“ армян, а ряд турецких официальных лиц отказались повиноваться приказам и даже пытались спасти армянское население.

Но вскоре власти справились с подобными трудностями: мягкосердечных должностных лиц или увольняли, или убивали. Весь план истребления армян был не чем иным, как хладнокровно рассчитанным политическим мероприятием, целью которого было искоренение части народонаселения, вызывавшей у властей головную боль. К этому можно добавить и такой стимул, как алчность. Зверская жестокость этого „мероприятия“ намного превосходила все известные истории ужасы. <…>

Для полноты картины следует вспомнить, что армяне, истребляемые младотурками такими способами, были их старыми друзьями и союзниками, которых турки использовали и с которыми сотрудничали, пока боролись за власть. Теперь же они убивали даже тех видных армян, которые, рискуя собственной жизнью, спасали предводителей младотурок, когда Абдул Гамид в 1909 году вновь пришёл к власти и истреблял младотурок. К счастью, в истории не много примеров такого коварства и бессовестной подлости.

Но младотурки сделали то, что планировали заблаговременно. Они очистили Анатолию от армянского народонаселения и вместе с Талаат-пашой могли сказать, что армянский вопрос nexiste plus[66]. Происходящие события больше не смущают ни одно американское или европейское правительство и ни одного государственного деятеля.

Извечный армянский вопрос окончательно и бесповоротно утонул для них в море крови.

Когда в конце 1915 года о страшных событиях в Анатолии узнали народы Европы, несмотря на все ужасы

мировой войны, поднялась буря негодования против турок и Германии, которую обвиняли в попустительстве (когда намерения младотурок стали очевидными, немцы сделали всё возможное для прекращения ужасов, но безрезультатно). <…>

Для успокоения армян были даны торжественные клятвы и обещания, что после восстановления справедливости и свободы они получат полную независимость и освобождение при условии, если присоединятся к Антанте и направят своих дееспособных мужчин воевать. <…>

Более 200 000 армянских солдат погибло во имя дела союзников.

<…> Государства Европы и Соединённые Штаты Америки вместо выполнения своих торжественных обещаний, данных тогда, когда они нуждались в поддержке в войне, отделались от армян лишь словами. <…> Что же тогда можно сказать о Лиге Наций!

Ещё на её первой Ассамблее (1920 год) входящие в Лигу страны единогласно решили предпринять какие-то шаги, чтобы „по возможности быстрее прекратить армянскую трагедию“ и защитить будущее нации. <…>

После нескольких этапов „доработки“ это предложение съёжилось настолько, что превратилось в предложение дать армянам определённое место жительства в Турции, в котором не было бы даже автономного правительства. Фактически это должна была быть маленькая территория, „подвластная турецкому закону и правительству, где армяне смогли бы сконцентрироваться и сохранять свою нацию, язык и культуру“. Но на проводившихся переговорах турки отвергли даже это.

После такого ответа представители государств сочли, что они сделали достаточно для народа, пролившего за них свою кровь. Когда 23 июня 1923 года Лозаннский договор был наконец-то подписан, в нём не оказалось ни одного слова о предоставлении угла армянам.

Договор был составлен так, что, казалось, „они не существовали никогда“, как справедливо говорилось в протесте против этого договора. Так закончились слабые попытки западноевропейских и американских стран сдержать обещания свободы и независимости, данные ими в пору, когда они хотели вовлечь армян в войну на

своей стороне.

Почему же Лига Наций создаёт комитеты — чтобы увидеть, нельзя ли сделать хоть что-нибудь для бездомных армянских беженцев? Разве не для того только, чтобы успокоить свою стыдливую совесть, если она ещё осталась? Что пользы от того, когда предложения, выдвинутые добросовестными исследователями после всестороннего изучения вопроса, не могут найти поддержки государственных властей, когда государства отказываются пойти на самые скромные жертвы, чтобы помочь брошенным беженцам, которым было обещано так много!

Мнение экспертов было таково: в тяжёлые времена вряд ли можно ожидать жертв от других, когда те сами едва справляются со своими трудностями. Однако об этом государстве и не думали раньше, тогда, когда обещаниями золотых гор и торжественным поручительством побудили несчастный народ, участь которого была горше всех, пожертвовать не только деньгами и имуществом, но и жизнями значительной части нации во имя дела Антанты.

Г-н Стэнли Болдуин, лидер британской партии обороны и нынешний премьер-министр, и г-н Аскуит, лидер либеральной партии, в сентябре 1924 года обратились к г-ну Рамсею Макдональду, стоявшему тогда во главе правительства, с дружеским посланием, в котором настойчиво объясняли, что Великобритания обязана выделить большую сумму на помощь армянским беженцам. <…>

Европейские нации и государственные деятели устали от бесконечно тянущегося армянского вопроса. Конечно, ведь в нём они терпели поражение за поражением. Одно напоминание о нём пробуждает в их спящей совести отвратительную историю о невыполненных обещаниях, обещаниях, для выполнения которых практически ничего не было сделано.

<…> Но армянский народ никогда не оставляла надежда. Он продолжал самоотверженно работать и ждать… Ждать год за годом.

Он ещё ждёт».

И Нансен сам устремился на помощь армянскому народу.

В июне 1925 года он приехал и в Армению во главе комиссии экспертов. Повсюду делегацию принимали с восточным

гостеприимством.

На следующий день поезд вёз их по Араратской долине. Вот что пишет об этом Фритьоф Нансен в своих воспоминаниях:

> «На юге высится Арарат, совершенно отчётливо видна его могучая вершина. Огромный снежный купол сверкает в лучах заходящего солнца. Эта могучая гора первой бросилась нам в глаза, когда мы сюда приехали, она возвышается над всей страной. Сейчас, вечером, когда мы уезжаем, она снова встаёт перед нами.
>
> На прощание великан снял свою шапку из облаков. Перед нами проходят непрерывной вереницей образы прошлого этого народа, который испокон веков жил здесь же, в тех же долинах, под сенью Арарата и Алагяза. Сколько борьбы, нужды, неизбежных страданий, и так мало побед. Есть ли в целом свете другой народ, который бы столько же выстрадал и — не погиб?»

Нансен объездил Армению, изучая возможные условия приёма беженцев, и понял, что больше 30 тысяч беженцев Армения вряд ли сможет принять. Тогда он призывает Лигу Наций к активным действиям и заявляет:

> «Единственное место, где в настоящее время можно устроить неимущих армянских беженцев, — это Советская Армения. Здесь, где несколько лет назад царили разруха, нищета и голод, теперь благодаря заботам Советского правительства установлены мир и порядок и население стало в известной степени даже зажиточным».

Именно туда он предлагает вернуть беженцев.

Убедившись в тщетности своих усилий, он лично организовал возвращение в Армению 7 тысяч человек. В 1928 году, чтобы собрать деньги для помощи армянским беженцам, он отправился в Америку с чтением лекций. В 1927 году Нансен написал книгу «По Армении», переведённую на другие языки.

Из Армении Фритьоф через Кавказ направился на Волгу (результатом также явилась книга «Через Кавказ на Волгу» (1929)). Он проехал Грузию, Северный Кавказ, Дагестан. Нансен успевает всё и занимается своей любимой наукой. Изучая в то время историю климата, Фритьоф интересуется колебаниями моря за последние годы, рассматривая это как показатель либо засушливых, либо дождливых лет.

* * *

Нансену принадлежит и ещё одно «открытие», которое спасло жизни миллионам людей, — это так называемый нансеновский паспорт.

Вот что сам Нансен писал о беженцах:

> «Неужели чувства людей притупились? Неужели люди и слышать не хотят о нужде и несчастье? Раньше, стоило случиться пожару, землетрясению или нападению разбойников, люди сразу приходили на помощь друг другу, а если в Атлантике тонул корабль, на борту которого было несколько сотен пассажиров, об этом ужасе писали газеты по всему миру.
>
> Тысячи и тысячи бездомных беженцев, страдающих и умирающих, подают нам сигналы бедствия из самых разных стран. Люди их слышат, но остаются сидеть сложа руки.
>
> Вот телеграммы из Мосула: тысячи изгнанных христиан, ограбленные и изнасилованные женщины и дети, беженцы, обречённые на страшные тяготы, болезни, на зимние холода и нищету; оставшимся в горах грозит голодная смерть. Из Марокко приходят похожие сообщения о тысячах беженцев, терпящих нечеловеческую нужду. Из Малой Азии мы слышим о тысячах и тысячах несчастных, отправленных на рудники; большинство из них пропали без вести, погибли — но никто не обратил на это внимания. По многим странам Европы разбросаны тысячи бездомных беженцев: русские, армяне…
>
> Сегодня в мире так много горя и нищеты, что воли отдельных людей к самопожертвованию не хватает. Руку помощи должны протянуть правительства, особенно те, из-за которых люди оказались в беде. Но это так сложно! Сначала нужно проверить, в порядке ли бумаги, не приведёт ли помощь к неблагоприятным последствиям, не помогал ли человек случайно Советскому правительству, следует ли признать берберских рифов воинственной группировкой. И лишь после этого можно оказать помощь умирающим беженцам, однако тут встают и другие вопросы, разумеется большой дипломатической важности. Тем временем страдающие умирают, а тех, кто помогает, остаётся всё меньше.
>
> Нам, живущим в спокойном буржуазном обществе,

конечно трудно осознать удел беженцев. Лишённые дома и родины, гражданских прав и защиты правительства, они в любой момент могут быть высланы из страны пребывания, даже если никакая другая страна не захочет их принять. Приведу несколько примеров.

Когда в Польше скопилось слишком много беженцев, был издан указ: тот, кто незаконно пересёк границу с Россией и не имеет доказательств, что он политический беженец, должен до истечения установленного срока покинуть страну. Жертвами указа стали тысячи российских евреев. Они не могли вернуться в Россию, где их ожидала смерть, или попросить убежища в какой-нибудь другой стране. Их перевезли в Данциг, но там их нельзя было оставить. Тогда их отправили назад, перебрасывая этих несчастных людей через границу, как теннисный мячик. Лишь по просьбе комиссара Лиги Наций, до тех пор пока не было достигнуто соответствующее соглашение, их содержание через свою организацию в Париже взяли на себя европейские евреи. Несколько тысяч людей были собраны и отправлены в лагерь беженцев под Данцигом, откуда они в конце концов смогли уехать в Америку.

Ещё пример. Большая часть разбитой армии Врангеля (а с ней тысячи женщин и детей) бежала из Крыма в Константинополь. По соглашению с болгарским правительством около десяти тысяч человек переправили в Болгарию, где многие из них смогли найти работу. По соглашению с Советским правительством в Москве почти семь тысяч ожидали возвращения в Россию. Нынешние болгарские власти испугались, что среди оказавшихся в стране беженцев есть коммунисты, и во избежание распространения этой опасной заразы предпочли от них избавиться. Прошлой весной 250 беженцев погрузили на маленькую жалкую шхуну „Тритон“, едва вмещавшую 50 человек, дали им провизии на несколько дней и отправили из Варны в Одессу. Когда они туда прибыли, Советское правительство не разрешило им сойти на берег, так как не получило никакого уведомления из Болгарии. „Тритон“ снова вышел в Чёрное море. Но ни Болгария, ни Россия его не принимали. Оставалась Турция. Что претерпели эти люди, лишённые воды и пищи, на маленьком судёнышке, перегруженном настолько, что оно с трудом держалось на плаву, представить

невозможно. Наконец „Тритон“ достиг Константинополя; на борту царило ликование, ведь впереди было освобождение! Но нет, и турецкие власти не захотели пустить в страну этих несчастных людей — беженцы должны были оставаться на корабле.

Чтобы отбуксировать „Тритон“ через Босфорский пролив в Чёрное море, был вызван пароход; но когда буксировка началась, отчаяние на борту переросло в ярость. „Тритон“ стал тонуть, вода почти, накрыла его, и русские выпрыгивали за борт с криками о помощи. К счастью, неподалёку стоял на якоре английский пароход; капитан услышал крики и, увидев, что происходит, обвинил турецкую полицию в бесчеловечности и гибели людей. После этого турки не решились продолжить буксировку; они разрешили русским покинуть тонущий „Тритон“ и отвели им небольшой огороженный участок на берегу, но еды не дали.

На телеграфное обращение автора этих строк с просьбой разрешить беженцам вернуться в Россию Советское правительство ответило, что оно было вынуждено им отказать, поскольку ничего о них не знало, и считает, что виновато болгарское правительство, вовремя не уведомившее Москву.

Тем временем беженцы влачили жалкое существование под открытым небом, и многим из них суждено было умереть, если бы не мисс Анна Митчел, которой удалось получить деньги от добрых людей из американо-европейской колонии в Константинополе, а также от различных организаций; собранной суммы хватило на то, чтобы некоторое время поддерживать жизнь несчастных.

9 июня туда прибыл автор этих строк. Часть небольшого участка, по которому беженцы могли передвигаться, накрыли старой крышей, под ней прямо на земле лежали мужчины и женщины. У каждого из них был отмеченный кирпичами четырёхугольник шириной в два фута и длиной в шесть футов, чтобы спать, кучка земли или камень служили подушкой, а расстеленные на земле тряпки — своего рода подстилкой. И всё. Здесь родилось несколько детей, несколько человек умерло. Под крышей места хватило не всем, поэтому некоторые лежали на земле под открытым небом. Суточный паёк состоял из маленького куска хлеба и миски жидкого супа. Но теперь последние собранные средства были

истрачены.

Что можно было сделать? Болгарское правительство твёрдо отказало беженцам в возвращении. Турецкое правительство не разрешило им остаться в Константинополе, другие страны также их не принимали, ссылаясь на то, что хотеть вернуться в Россию могли только большевики.

Получив деньги от копенгагенского книготорговца Кристиана Эриксена, я смог некоторое время оплачивать содержание беженцев. Позже расходы на несколько месяцев взяла на себя большая американская организация „Near East Relief“ при условии, что будет достигнуто окончательное соглашение, — эту гарантию дал автор. Небольшое количество беженцев согласилась принять Франция, а остальных — в ответ на обращение автора — российское правительство.

Вот такие испытания выпадают иногда на долю беженцев. Раньше перед многими из них вставала и ещё одна проблема. Добравшись до какого-либо места, они уже не могли уехать из него законным образом, поскольку для этого требовался паспорт, а если его не было, то соответственно не было и гражданства. По предложению комиссариата Лиги Наций правительства почти всех стран, в которых находились беженцы, согласились выдавать им удостоверения личности, приравненные к обычным паспортам. Тем самым беженцы получили возможность переезжать в места с благоприятными условиями жизни и перспективами найти работу».

«Проблема беженцев стала актуальной только в XX веке. Тому послужили два основных повода: Первая мировая война и Октябрьская революция 1917 года в России. Глобальный передел мира и связанные с этим беженские потоки из одной страны в другую регулировались в достаточной степени Версальско-Вашингтонской системой договоров и в ходе последующих мирных конференций, — *пишет профессор З. С. Бочарова.*

Только российские и армянские беженцы, бежавшие от новых политических режимов в своём отечестве, создали для мирового сообщества множество проблем, никогда ранее не возникавших.

Исход из пределов бывшей Российской империи был

самым массовым и интенсивным. Ситуация усложнилась появлением апатридов — лиц без гражданства.

„Ликвидация беженской проблемы“ (именно так она была сформулирована) легла на плечи Лиги Наций. Пути её решения виделись в следующем: расселение и трудоустройство, репатриация и урегулирование правового положения беженцев.

Однако исчерпать её до конца так и не удалось. Появлялись всё новые категории беженцев: из Германии, Австрии в межвоенный период, после Второй мировой войны и бесконечные их волны в современном неспокойном мире. Таким образом, истоки и начало опыта разрешения беженской проблемы лежат в 1920-х годах. Однако русские беженцы не только положили начало проблеме, но и стояли в основе её разрешения, участвуя в подготовке документов международного уровня.

Сложность расселения, репатриации, адаптации русских беженцев состояла в том, что они в странах-реципиентах образовали такую категорию иностранцев, к которым трудно было применить обычно практикующийся принцип взаимности либо национальный режим. Многие выходцы из России утратили своё гражданство в силу изменений в личном статусе. Старое русское право после 1917 года формально перестало быть действующим. Новое государство — РСФСР (СССР) — подавляющая часть эмигрантов не признавала. Потеряв гражданство Российской империи, они не стали и гражданами Советской России. За рубежом появился достаточно широкий слой лиц без гражданства российского происхождения, нуждающийся в международной защите. Таким образом, российские эмигранты-апатриды не только обладали меньшим объёмом прав и свобод, чем граждане страны пребывания, но и были лишены возможности обратиться к дипломатической защите.

Только Лига Наций могла стать гарантом прав и свобод для лиц без гражданства или считающих себя русскими гражданами, но не имеющими за собой страны.

Впервые определение понятия „беженец“ появилось в июле 1922 года на Женевской конференции представителей правительств. Тогда речь шла только о русских беженцах. В результате „русским беженцем“

признавался беженец „русского происхождения, не принявший никакого другого подданства“. Затем Женевское межправительственное соглашение от 12 мая 1926 года уточнило это понятие, и им считалось „всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства“.

<…> Инициатором привлечения Лиги Наций к беженским проблемам стал Международный комитет Красного Креста (МККК). 20 февраля 1921 года он по настоянию Российского общества Красного Креста (старая организация) обратился с письмом в Совет Лиги Наций, в котором указывал на бедственное положение выходцев из России за границей и на необходимость назначения комиссара по делам русских беженцев. Отмечалось, что его заботой могло бы стать:

1) определение правового положения беженцев;

2) возвращение их в Россию или трудоустройство вне России; и

3) объединение и координация усилий помощи беженцам.

26 февраля Совет Лиги Наций признал вопрос важным, однако исключил финансовую ответственность и практическую помощь беженцам, оставив за ней только функции посредника и координатора. После обстоятельного изучения положения дел было решено, что некоторые категории беженцев будут находиться на попечении постоянного органа Лиги Наций.

27 июня того же года сессия Совета, заслушав доклад представителя Франции Ганото, приняла решение создать должность Верховного комиссара по делам русских беженцев (с тем условием, чтобы он не был русским и чтобы ни один русский не мог быть приглашён в качестве технического советника Верховного комиссара или в секретариат по беженским делам) и собрать конференцию представителей заинтересованных правительств. В докладе говорилось, что Верховным комиссаром должен быть человек, пользующийся высоким личным авторитетом, находящий поддержку в правительствах и среди русских организаций. Подчёркивалось также, что вопрос о российских беженцах — это вопрос не только „политическо-социальный, но по преимуществу — финансовый“.

20 августа 1921 Фритьоф Нансен — известный полярный исследователь и общественный деятель, возглавлявший в 1920–1921 годах комиссию Лиги Наций по помощи беженцам и военнопленным, — дал согласие быть Верховным комиссаром по беженским делам, а 12 сентября приступил к своим обязанностям.

Кандидатура Нансена не являлась бесспорной. Совмещение им двух должностей — Верховного комиссара по борьбе с голодом в России и Верховного комиссара по беженским делам — не удовлетворяло не только российскую эмиграцию, но и европейские страны. Нансен считался сторонником большевиков и потому неудачной кандидатурой для защиты интересов беженцев. Нансену, поддержанному только представителем Англии Р. Сесилем, пришлось предъявить ультиматум: если его действия не будут одобрены, то он откажется от звания Верховного комиссара по беженским делам. Его помощник, представитель МККК, Е. Фрик, полагавший, что спасение России и будущее влияние в ней не принадлежит эмиграции, также, с их точки зрения, не мог принести пользы беженцам. Российские эмигрантские организации предпочитали, чтобы дело беженцев возглавил американец. Однако США запрещали кому-либо из своих граждан принять назначение Лиги Наций, устав которой они не ратифицировали. Звучали предложения просить испанского короля взять на себя роль Верховного комиссара.

11 сентября 1923 года в берлинской эмигрантской газете „Руль“ было опубликовано обращение к Лиге Наций русских эмигрантских организаций в Лондоне от 13 августа того же года: „Интересы, стремления и мораль русских эмигрантов так диаметрально противоположны целям и моралям *(так в тексте. — З. Б.)* советского правительства, что нельзя с равной симпатией сотрудничать с этими двумя враждующими лагерями. Вот почему мы считаем себя обязанными привлечь Ваше внимание к практической и моральной невыгодности совмещать в лице д-ра Нансена обязанности Верховного комиссара, работающего с советским правительством. Мы убедительно просим Лигу Наций пересмотреть этот важный вопрос и назначить другого Комиссара для русских беженцев“.

22–24 августа 1921 года состоялась конференция

уполномоченных заинтересованных правительств в Женеве под председательством представителя Сербии М. Йовановича, председателя кассационного суда в Белграде, члена Постоянной палаты Международного суда. Нансен всё ещё находился в России по делам голодающих. На конференции были сделаны попытки выработать общую точку зрения на правовое положение беженцев. Сложность заключалась в том, что государства стремились сохранить свою независимость и избежать переделки своего законодательства во благо российских беженцев. Однако конференция примечательна тем, что на ней впервые был поставлен вопрос о предоставлении паспортов для россиян-апатридов с тем, чтобы обеспечить им действенную правовую защиту и законное право на труд и проживание наравне с подданными государств-реципиентов. Особую активность проявили эмигрантские русские гуманитарные организации, с которыми Верховный комиссар предполагал иметь „фактические, а не юридические отношения“. Они хотели привлечь к себе внимание и повлиять на судьбу беженцев, подав меморандум 14-ти русских организаций, содержавший главу о юридическом положении беженцев, а всем членам конференции раздали письмо за подписью представителей русских гуманитарных организаций в Женеве. Дипломатические круги, т. е. Совещание послов, представлял Гулькевич. Именно с ним непосредственно контактировал секретарь Верховного комиссара. Представителем РОКК при международных организациях в Женеве являлся Ю. И. Лодыженский. Земгор 10 мая 1921 года назначил своими представителями С. В. Панину и Н. И. Астрова (приступили к работе с 4 июня). Гулькевич 20 декабря 1921 года из Женевы писал Гирсу, что своей миссии они приписывают „наивно-трогательное значение“ и „все трое производят чрезвычайно добропорядочное впечатление“.

Однако беженский вопрос имел в Лиге Наций второстепенное значение. Он был сосредоточен в Пятой комиссии по социальным вопросам. Деятельность комиссии не привлекала особого внимания этой международной организации. Наряду с беженским в ней решались вопросы об эсперанто, о торговле женщинами и детьми, о продаже опиума, о борьбе с порнографией и т. д. Поэтому её члены мало интересовались проблемами беженства, полагаясь всецело на Нансена и оставляя их

практически в его единоличном ведении.

3–5 июля 1922 года в Женеве состоялась конференция представителей правительств, на которой был принят сертификат для беженцев, получивший позже название нансеновского паспорта. Однако первоначальный проект документа, разработанный юристами-эмигрантами и одобренный Советом Лиги Наций 24 марта 1922 года, по настоянию Франции был изменён, и, к сожалению, в худшую сторону. Если первый вариант исходил из необходимости предоставления русским беженцам прав, равных с правами других граждан, включая свободу передвижения, трудоустройства, с тем чтобы они не стали предметом заботы благотворительных организаций, то конференция заняла иную позицию. Хотя и не отрицалось особое юридическое положение русских беженцев и задача принятия для них оригинального документа (во избежание „отождествления с подданными РСФСР“), представители стран заботились в первую очередь о своих собственных интересах. Поэтому из первоначального варианта было исключено всё то, что сколько-нибудь связывало правительства стран, принявших беженцев, и налагало на них обязательства. По оценке представителей русских организаций, „юридическое качество выработанного сертификата оказалось много ниже первоначального проекта“.

Вопросы практического применения паспортов были поставлены на первом съезде русских юристов за границей.

1 октября 1922 года. Б. Л. Гершун, открывая съезд, сказал: „Мы должны дать ответ на вопрос о нашем публично-правовом положении“.

В августе 1922 года Верховный комиссар по делам русских беженцев разослал правительствам стран мира письма с предложением высказать своё отношение к удостоверениям личности, принятым на Женевской конференции 5 июля 1922 года, и присоединиться к межправительственному соглашению. Практически все государства отозвались на эти письма. Выяснилось, что для ряда стран присоединение к соглашению значило бы усложнение уже существующего режима проживания и передвижения россиян-эмигрантов. К ноябрю 1922 года система удостоверений личности, предложенная

Женевской конференцией 5 июля 1922 года, была одобрена 12 европейскими государствами.

В 1925 году вновь встал вопрос о пересмотре паспорта Лиги Наций. Проблема была поднята в связи с изысканием финансовых источников для организации переселения российских беженцев в Южную Америку. Инициатива исходила от директора Международного бюро труда (МВТ) А. Тома. С 1 января 1925 года трудоустройство беженцев было передано именно этому ведомству. На Верховном комиссариате по делам русских беженцев оставались обязанности по урегулированию правового статуса беженцев. План Тома предусматривал использование громадных пространств Южной Америки и „спроса государств этой страны на сельскохозяйственную колонизацию *(так в тексте. — З. Б.)* для расселения русских беженцев, находящихся в избытке в Европе“. При участии сотрудников Верховного комиссариата Проктора и Т. Ф. Джонсона на Американский континент была направлена особая миссия для исследования условий колонизации. Результаты её работы и план колонизации были доложены Лиге Наций. Выявилась необходимость кредита для учреждения должностей двух агентов МВТ в Буэнос-Айресе и Рио-де-Жанейро, и предлагалось создать оборотный фонд в размере 100 тыс. фунтов стерлингов для покрытия расходов по перевозке переселенцев и для обустройства их на месте. Был поднят вопрос и об изменении условий выдачи сертификатов. Основное правило выдачи — проставление отметки „без права возвращения в страну, выдавшую его *(сертификат. — З. Б.)“* — оказывалось несовместимым с организацией переселения. Южноамериканские государства это правило отвергали. Внесение поправок диктовалось и тем, что практика выдачи сертификатов не была унифицирована. В некоторых случаях с беженцев взимались совершенно непомерные сборы. Предполагалось также привлечь самих беженцев к участию в деле переселения, установив таксу в 10 золотых франков при выдаче и возобновлении сертификатов. Из этого сбора половина должна была поступать в оборотный фонд переселения. После долгого обсуждения этого плана в комиссиях Лиги Наций был выделен кредит на образование двух временных должностей агентов МБТ. Вопросы же о создании

оборотного фонда и изменении режима сертификатов планировалось обсудить на межправительственной конференции.

В связи с созывом этой конференцией в конце 1925 — начале 1926 г. Центральная юридическая комиссия в Париже, состоящая из эмигрантов, направила Джонсону, секретарю Верховного комиссара Лиги Наций, записку, содержащую 14 пунктов пожеланий, которые должны были войти в предполагаемую будущую конвенцию, и замечания на циркулярное обращение к членам созываемой Верховным комиссариатом межправительственной конференции об улучшении действующей системы беженских удостоверений личности.

На межправительственной конференции в Женеве в мае 1926 года 24 государства приняли участие в обсуждении данных проблем. Устанавливался годичный срок действия сертификатов (вместо предлагаемых пяти). Предложение о превращении их в нормальный полноценный паспорт конференция отвергла. Таким образом, беженцы-апатриды оставались выделенными из общего числа полноправных граждан. Конференция изменила прежнюю формулировку в отношении лица, имеющего право на получение сертификата („русского происхождения, не принявший никакого другого подданства“). Она давала возможность в ряде стран (Германии, Польше и др.) ограничить круг лиц, имеющих право на нансеновский паспорт, и не выдавать его выехавшим из России с советским паспортом, родившимся на территории, отошедшей от России, прибывшим после определённого срока и т. д. Новая формулировка („всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства“) не делала различий между теми, кто утратил советское гражданство, и теми, кто отказался от покровительства советских представительств СССР за границей, и поэтому позволяла всем эмигрантам получить сертификат. Конференция вводила общий принцип: выездная виза должна сопровождаться выдачей визы на право обратного въезда в страну, выдавшую сертификат.

Как докладывали Нольде и Рубинштейн, правительства не склонны были принимать участие в образовании оборотного фонда и ассигновании средств

для него. 12 мая конференция приняла решение о сборе 5 золотых франков в оборотный фонд, взимаемых как с сертификатов, так и с других документов, получение которых для беженцев было обязательно. Управление фондом находилось в руках особого органа в составе представителя Совета Лиги Наций и представителя Административного совета МБТ. Тогда же Нольде и Рубинштейн от имени Центральной юридической комиссии по изучению положения русских беженцев подали через Гулькевича Джонсону записку с пожеланиями участия русского представительства в расходовании средств фонда и облегчения получения беженцами въездных виз. По предложению Нансена в состав постоянной комиссии при Верховном комиссариате, контролирующей особый фонд, с совещательным голосом был избран Гулькевич.

Эмигрантские организации добивались участия в расходовании средств особого фонда. Так, во Франции половина нансеновского сбора шла в Женеву, место пребывания Лиги Наций, а другая половина поступала в распоряжение Распределительного комитета в Париже, который входил в состав образованного в 1924 году Эмигрантского комитета во главе с В. А. Маклаковым, защищающего интересы российских беженцев во Франции. Распределительный комитет состоял из председателя — В. Н. Коковцова и двух членов — Н. Д. Авксентьева и Н. В. Савича. Избирался он один раз в три года Эмигрантским комитетом и утверждался Министерством иностранных дел Франции. Средства, полученные от нансеновского сбора, Распределительный комитет направлял в адрес русских гуманитарно-благотворительных организаций во Франции. Но во многих странах эти деньги целиком шли в Женеву.

Правовой вопрос не исчерпывался урегулированием проблем удостоверения личности, передвижений из страны в страну. Главное — упорядочение правового статуса беженцев. Но за первые шесть лет своего существования Верховный комиссариат по делам русских беженцев добился только введения нансеновского паспорта, а к вопросу о статусе беженца подошёл лишь в конце 1920-х годов. Прежде он решался постольку, поскольку имел значение для основной задачи, которую ставила перед собой Лига Наций: учёт и расселение беженцев по странам и их трудоустройство.

В связи с этим Центральная юридическая комиссия по изучению положения русских беженцев разослала анкеты со 110 вопросами для выяснения реального правового состояния эмигрантов. Ответы должны были прийти к 15 января 1927 года. На их основе предполагалось выработать общие универсальные рекомендации.

Для координации и урегулирования этих усилий с 1927 года начала работу межправительственная совещательная комиссия по делам беженцев при Верховном комиссариате в составе представителей 14 правительств и 8 экспертов (в том числе трёх юристов-эмигрантов (Гулькевича, Рубинштейна, Нольде) с правом совещательного голоса) для рассмотрения правовых и организационных вопросов. Председателем Комиссии был назначен французский делегат, дипломат Навайль (de Navailles). Его доклады ежегодно зачитывались на Ассамблеях Лиги Наций.

„Конференция о правовом статусе беженцев“ прошла 28–30 июня 1928 года под эгидой МВТ. В ней приняли участие представители 15 заинтересованных стран, российский и армянский юристы-эксперты, а также помощник Верховного комиссара Джонсон и помощник директора МВТ Б. Г. Балтер. 30 июня 1928 года было подписано межправительственное соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев, Оно состояло из двух частей. Первая часть (1 статья) касалась представительств Верховного комиссара в различных странах, которые должны были выполнять для эмигрантов функции, лежащие обычно на консульствах. Порядок их назначения был аналогичен порядку назначения иностранных консулов. Таким образом, вводился совершенно новый институт, не имевший прецедентов в мировой практике. Во второй части (2–9 статьи) оговаривались личные права эмигрантов.

В связи с предстоящей ликвидацией нансеновского офиса межправительственная совещательная комиссия по делам беженцев стала готовить вопрос о заключении правительствами — участниками конференции 28–30 июня 1928 года конвенции о юридическом положении русских и армянских беженцев, являющейся для них обязательной. 30 сентября XII сессия Лиги Наций приняла резолюцию, коей „Административному Совету

Международного офиса Нансена, сообща с межправительственной совещательной комиссией, поручено изучить вопрос о целесообразности выработки конвенции, имеющей целью обеспечить покровительство беженцев по ликвидации офиса“.

В октябре 1931 года Международный офис по делам беженцев им. Ф. Нансена разослал членам своего Административного совета, Совещательного комитета, частным организациям, своим делегатам на местах анкетный лист о положении эмигрантов в разных странах. Составление проекта конвенции было поручено председателю межправительственной совещательной комиссии Навайлю.

Конвенция о юридическом статусе русских и армянских беженцев была подписана представителями 12 государств 28 октября 1933 года. Из 23 статей конвенции 15 касались непосредственно вопросов юридического положения, остальные содержали постановления общего порядка (об условиях подписания, ратификации, денонсирования и т. д.). Ст. 2 подтверждала, что нансеновские паспорта выдаются на срок не менее года, а цена виз должна устанавливаться по самому низкому тарифу (для неимущих — бесплатно). Что касается права на труд, то подчёркивалось, что законы по защите национального рынка труда не должны ограничивать беженцев, проживающих не менее двух лет в стране; женатых на подданных данной страны; имеющих детей — подданных страны; бывших участников первой мировой войны. По вопросам образования, организации обществ взаимопомощи, налогового режима и т. д. русские беженцы приравнивались к местным гражданам или к наиболее привилегированным иностранцам. Однако конвенция вступала в силу лишь при условии ратификации её определённым числом государств. Страны-реципиенты не торопились ни ратифицировать её, ни привести в соответствие с ней свои законы. Несмотря на это, российские эмигранты высоко ценили принятие Конвенции 1933 года и были обеспокоены предстоящей реорганизацией международных беженских учреждений, предусмотренной § 15 конвенции.

Положение осложнялось тем, что с 1934 года СССР стал членом Лиги Наций и членом Совета Лиги Наций и

выступал против участия русских эмигрантов в учреждениях, причастных к работе Лиги Наций, и против помощи беженцам из России. Компромиссное решение должна была принять комиссия, состоявшая из представителей Англии, Франции и Боливии. Было очевидно, что „помощь русским спасти можно, только связав её с помощью другим *(беженцам. — З. Б.)“*. По сведениям начальника управления по делам российских эмигрантов в Югославии В. Н. Штрандтмана, из названия реорганизованного учреждения должно было исчезнуть не только „упоминание имени Нансена, одиозного для большевиков, но и упоминание о защите русских беженцев, против чего большевики в Женеве постоянно“ протестовали. Было ясно, что влияние российских эмигрантов на решение беженских вопросов значительно уменьшится.

С 1936 года Международный офис по делам беженцев им. Ф. Нансена возглавлял норвежский юрист М. Ханссен. Ему в соответствии с решением семнадцатой Ассамблеи Лиги Наций (октябрь 1936 года) было поручено подготовить план ликвидации офиса и разослать его правительствам стран мира с целью обсуждения на очередной сессии в сентябре 1937 года. Между тем к этому времени представители Международного офиса по делам беженцев им. Ф. Нансена в ряде стран уже свернули свою работу. Ликвидация этой международной беженской организации последовала в конце 1938 года. Вместо неё была создана Международная организация по делам беженцев (МОБ) с кардинально иной структурой и функциями».

* * *

Большую помощь оказал Нансен и Греции. Его дочь писала:

«Начиная с 1918 года на этой беспокойной окраине Европы не раз складывалась чрезвычайно напряжённая обстановка. Интересы великих держав сталкивались на Балканах, в Малой Азии и на Ближнем Востоке и делали политический климат весьма неустойчивым. А старинные национальные и религиозные раздоры между греками и турками во Фракии и в Малой Азии привели к

военным действиям. Частые перемены внутриполитического положения в Греции и Турции тоже отнюдь не способствовали разрядке напряжённости. Подстрекаемые союзниками, греки высадились в Смирне. Неприятельский десант и последующие кровавые бои вызвали сильные волнения в Турции и дали пищу национальному движению, возглавляемому новым сильным вождём Кемаль-пашой. В июне 1920 года греки начали новое наступление на Малую Азию и прорвали позиции Кемаль-паши. Они захватили Бруссу и сильно потеснили противника. По Севрскому договору Смирна с окрестностями отошла к Греции, которая давно уже претендовала на эту территорию, однако же там имелось довольно значительное количество турецкого населения. Турок стали выгонять из домов, нередко их усадьбы сжигались.

Кемаль-паша не признал Севрского мира, так сильно урезавшего границы Турции, и продолжал войну, которая шла с переменным успехом. Летом 1922 года греко-турецкий конфликт закончился полной катастрофой для греков. Союзники своих обещаний не сдержали, и наступил час расплаты. Греческие войска гибли или попадали в плен. В сентябре 1922 года Кемаль-паша взял Смирну и поджёг город. Греки, военные и гражданские, в дикой панике устремились к морю. Тех, кого удавалось настичь, турки убивали на месте. Полмиллиона спаслись на островах, а 800 тысяч сгрудились в греческом и армянском кварталах Смирны и на обширных набережных.

Разыгрывались невероятные ужасы. Вся гавань была запружена трупами.

Английские военные корабли, стоявшие на рейде, подбирали женщин, детей и мужчин, бросавшихся в море, и отвозили их в Грецию. В Смирне и в других занятых турками местностях планомерно истребляли не только греков, но и армян. Греческих и армянских мальчиков вырывали из рук матерей и убивали у них на глазах. Мужчин моложе 45 лет турки распределяли по рабочим батальонам, чтобы они восстанавливали разрушенные греческими войсками хозяйства. Женщин уводили в турецкие гаремы. И всё произошло с такой быстротой, что никто и опомниться не успел.

Волна греческих и армянских беженцев докатилась и до Константинополя, который всё ещё находился под

защитой союзников. Полковник Проктер, руководитель местной нансеновской конторы по делам беженцев, много повидал нужды и бедствий, но то, чему он был свидетелем теперь, затмевало собой всё прежнее. Он телеграфировал Нансену, прося немедленных распоряжений.

Это было утром 18 сентября. Нансен только что закончил отчет в Лиге Наций о проделанной работе по делам эмигрантов, и тут пришла телеграмма из Константинополя. Проктер просил распоряжения о том, чтобы развернуть работу своего вспомогательного аппарата: греческие власти обратились к Лиге Наций с просьбой о поддержке. Нарушив регламент заседаний, Нансен попросил у председателя повторно предоставить ему слово для важного сообщения. Он поднялся на трибуну и, зачитав телеграмму, потребовал немедленного вмешательства Лиги Наций. Дело шло о двух миллионах человеческих жизней, и нельзя было терять ни минуты. Вопреки существовавшему правилу о пятидневной отсрочке при обсуждении новых дел вопрос был поставлен на повестку дня немедленно, и Нансен был облечён полномочием действовать под эгидой Лиги Наций. Уже на следующее утро предложение было принято, и Ассамблея ассигновала 100 тысяч франков золотом.

На вечернем заседании было сообщено, что английское правительство предоставило в распоряжение Нансена миллион фунтов на том условии, что остальные государства сообща выделят такую же сумму. Не дожидаясь, пока закончится обсуждение вопроса, Нансен принялся за выполнение задания и за одни сутки успел закупить в Египте и Болгарии провиант и нанять пароход для перевозок. А затем отправился в Македонию в сопровождении Филиппа Ноэль-Бакера.

Прибыв на место, они угодили в самую гущу событий. Вместе с Ноэль-Бакером и другими сотрудниками Нансен сразу принялся за устройство пунктов питания. Но надо было возможно скорее распланировать дальнейшую работу. Подняли на ноги Красный Крест, „Помощь Ближнему Востоку“ и ряд других обществ помощи. В Смирне американский консул уже успел сделать очень важное дело: договорился с турецкими властями о том, что греческим судам разрешено будет под нейтральным флагом начать

перевозку беженцев в греческие гавани. Прибывшая нансеновская группа за короткий срок освободила город от остальных беженцев, которые находились в самом бедственном положении, поскольку бежали, побросав всё своё имущество.

Нансен спас 156 тысяч греческих беженцев, скопившихся в Малой Азии, переправив их в Грецию, а из Константинополя он отправил по домам 10 тысяч беженцев, чтобы они собрали богатый урожай, который впопыхах бросили на корню. На большие острова Самос и Хиос Нансен послал продовольствие и тем предотвратил голод в этих отдалённых районах. Но не все опасности были позади. Среди беженцев свирепствовали холера, оспа и тиф. Из тех 27 тысяч греков, которые приехали из Константинополя, умирало, по рассказам самого Нансена, по 500 человек в неделю. В сотрудничестве с эпидстанциями, Красным Крестом и другими организациями за короткое время удалось сделать профилактические прививки более чем миллиону беженцев.

В октябре Нансен созвал съезд всех организаций помощи для выработки единой тактики, чтобы не было разнобоя в работе. Его предложение было принято. По условиям перемирия от 11 октября Восточная Фракия переходила к Турции, и когда Бакер и Нансен прибыли туда в середине месяца, население как раз было оповещено о приближении турецких военных частей из Малой Азии.

Кемаль-паша дал греческим крестьянам 42 дня сроку, чтобы очистить страну. Греческие крестьяне, не очень сведущие в грамоте, решили, что им даётся на сборы 24 часа. Кое-как, впопыхах погрузили они всё самое необходимое на ослов и арбы, запряжённые волами, и сотни тысяч греков повалили на запад, на родину. Они бросили неубранный урожай, хотя хлеб на полях уже созрел. Нансену сразу пришла идея: он решил скупить у крестьян весь урожай и нанять пароход, чтобы перевезти его в Грецию, где он, конечно, весьма пригодится. Он немедленно телеграфировал греческому правительству: „Согласны вы дать мне денег на эту затею?“ Через шесть часов он получил ответ из Афин: „Мы предоставили в ваше распоряжение четверть миллиона фунтов через банк в Константинополе. Через четыре дня в ваше распоряжение поступит ещё два

миллиона фунтов на необходимые расходы“. За шесть часов Нансен раздобыл несколько пароходов и погрузил на них греков. Правда, всё могло бы пройти гораздо организованнее, если бы крестьяне согласились отложить свой отъезд на несколько часов.

Спустя несколько недель Нансен и Бакер приехали в Афины и предложили министру иностранных дел испросить заём у Лиги Наций на устройство греческих беженцев на родине. При этом Нансен попросил министра ознакомиться с составленным им меморандумом. „Само собою разумеется, — ответил министр, — на каких вам угодно условиях“.

Снабжённый полномочиями греческого правительства, Нансен отправился в Константинополь на греческом военном корабле. Едва он успел высадиться на берег, как к нему обратился британский посланник с просьбой уделить ему время для беседы. Он получил от британского правительства уведомление, что три великие державы — Англия, Франция и США, участницы мирной конференции в Лозанне, — высказали пожелание, чтобы Нансен взял на себя переговоры с греческим и турецким правительствами об обмене военнопленными. <…>

Переговоры в Афинах прошли без всяких осложнений. Правительство с большой готовностью приняло все предложения. За завтраком на загородной вилле королевской четы король Георгий выразил Нансену от своего имени и от имени всего народа благодарность и вручил ему Большой греческий крест в знак признательности за всё, что он сделал для его страны.

…План Нансена заключался в том, чтобы обменять ещё остававшихся в Малой Азии греков на турок, которые проживали на греческой территории. Поскольку речь шла о полутора миллионах греков и 400 тысячах турок, то предложение казалось на первый взгляд невыполнимым. И действительно, этот план встретил сильное сопротивление, однако Нансен в основном добился своего, и через полгода величайшее переселение народов нашего времени было завершено».

* * *

Во многих поездках Нансена сопровождал Видкунд Квислинг. Фигура эта в нашей стране не очень известна, зато в Норвегии его имя стало синонимом предателя.

Итак, что мы о нём знаем? Он прошёл длинный путь от сына добропорядочного священника до главы оккупационного фашистского правительства. Он был военным, служил атташе в России и Финляндии, работал в Нансеновской миссии, дослужился до звания майора, в 1931–1933 годах был министром обороны Норвегии, в 1933-м основал прогерманскую партию «Национальное согласие», которая на выборах 1936 года набрала около 50 тысяч голосов. В апреле 1940 года, когда в Норвегию вторглись немецкие оккупанты, Видкунд Квислинг возглавил захваченную страну и призвал соотечественников сложить оружие. Норвежцы оказали яростное сопротивление немцам — и кабинет Квислинга просуществовал всего пять дней, после чего был распущен Гитлером. Во время войны Видкунд Квислинг занимал различные государственный посты в правительстве немецкого рейхскомиссара Йозефа Тербовена. 9 мая 1945 года Квислинг был арестован, предан суду по обвинению в государственной измене и в октябре того же года расстрелян.

Сегодня почти забылось, что в молодости Квислинг был тесно связан с Россией и по службе, и по обстоятельствам личной жизни.

Квислинг в 1920-е годы был руководителем Нансеновской миссии в Харькове — и, надо отдать ему должное, действительно сделал очень много для голодающих. Кирстен Сивер, писатель и публикатор книги первой жены Квислинга Александры Ворониной «В тени Квислинга», в интервью радио «Свобода» сказала:

> «Участие Видкунда в работе Нансена выражалось главным образом в организации доставки продовольствия из пункта А в пункт Б в обстановке хаоса, когда порядки менялись со дня на день. Он не занимался распределением продовольствия — он обеспечивал его транспортировку из морских портов нуждающимся. Я считаю, что ему в заслугу следует поставить также то, что право распределять продукты он предоставил самим русским. Благодаря этому ему удалось избежать трений с властями, которые были так характерны для американцев — те настаивали на том, что они сами должны руководить кухнями для голодающих. Так что он вполне толково исполнял свои обязанности и, думаю, без него организация Нансена

была бы гораздо менее эффективна».

Подтверждение этому мнению мы находим и в газетных публикациях того времени. В 1922 году корреспондент норвежской газеты «Тиденс Тейн» Албин Эйнес писал о голодающих в Харькове:

> «Только капитан Квислинг мог в те дни помочь умирающим, чья жизнь зависела от кусочка хлеба! Как мало им было надо, чтобы выжить!.. Капитан Квислинг добывал еду для умирающих женщин и детей. Только ему было под силу украсть лошадей Будённого, забить их и накормить кониной голодающих малышей».

Самому Квислингу работать было вовсе не так уж и легко. Александра Воронина вспоминала:

> «Квислинг постоянно жаловался, что чиновники опаздывают на встречи, а иногда и просто не появляются, не потрудившись предупредить заранее. Как правило, они были плохо осведомлены о действиях собственных подчинённых, избегали ясно и честно отвечать на вопросы и зачастую нарушали свои обещания. Квислингу было трудно смириться с атмосферой недоверия и нерешительности, которая словно намеренно создавалась для того, чтобы помешать его важной работе. Некоторые особенности, которые он считал чертами русского характера, возмущали его до такой степени, что он начинал обвинять меня, словно я одна была виновата в недостатках моего народа. Я понимала, что ему просто нужно выговориться, так что поначалу слушала и не спорила, но как-то раз с улыбкой сказала: „Но почему вы обвиняете меня во всех недостатках русских людей?“ Он взглянул с подлинным изумлением и заверил, что я совершенно не похожа на других русских. Это было очень лестно слышать, но он так и не прекратил разглагольствовать о нестабильности, опасностях и неудобствах русской жизни, об отсутствии комфорта и порядка. Он приводил в пример норвежцев, которые, несмотря на суровый климат и иностранную угрозу, создали безопасную и процветающую страну».

Сам Видкунд относился к Нансену со смесью поклонения и отторжения. Он чувствовал, что не получает достаточного

признания за свою работу из-за Нансена. Позднее он говорил: «Нансен — великий человек, он был руководитель и в науке, и в гуманитарной деятельности, а я делал всю практическую работу, и именно я отвечал за всё, а вовсе не Нансен». Квислинг, безусловно, лукавил, потому что он отвечал за работу исключительно в Харькове и на Украине, а вовсе не по всей России. Квислинг никогда не был правой рукой Нансена в Советской стране, хотя и часто сопровождал его в поездках.

Нансен и Квислинг были дружны между собой в определённые периоды жизни и поддерживали отношения до последних дней жизни Фритьофа. Последнее письмо Видкунда к Нансену написано буквально накануне смерти последнего в мае 1930 года.

Видкунд хорошо говорил по-русски (он изучил язык во время своей работы в Петрограде и Хельсингфорсе) и сопровождал Нансена в его поездках по Советской России.

В отсутствие Нансена Квислинг не терял времени зря — он не только помогал голодающим, но и успешно скупал (через свою жену) ценности в Крыму, которые продавали аристократы, бежавшие от наступления Красной армии.

12 сентября 1923 года Нансеновская миссия на Украине официально завершилась. Квислинг с женой покинули Харьков.

Пер Эгиль Хегге пишет:

> «В наших более или менее шовинистских норвежских головах никак не укладывается, что наш национальный герой, сопоставимый разве что со святым Олавом, несколько лет работал бок о бок с человеком, который заслуживает самого позорного места в наших учебниках по истории и во всех энциклопедиях мира. Нансен вообще был довольно терпимым человеком, однако был способен на резкую критику, иногда мог позволить себе высокомерие и язвительность, особенно в отношении Германии и немцев. Тем не менее его переписка с Квислингом не содержит никаких оснований для того, чтобы предполагать, что Нансен в 1920-е годы мог разделять мысли и одобрять слова и поступки, которые скажет и совершит Квислинг в 1930-е и 1940-е годы».

Глава четырнадцатая
Последние годы

В последние годы жизни Нансену удивительным образом удавалось сочетать активное участие в политике и научную деятельность.

В 1924 году он выпускает книгу «Среди тюленей и белых медведей», где описывает своё первое путешествие на «Викинге» и куда включает результаты своих наблюдений над льдами и водными массами моря между Гренландией и Шпицбергеном.

В 1924 же году по его инициативе было основано Международное общество по изучению Арктики с помощью воздушного корабля, пожизненным президентом которого он и был избран. Под председательством Нансена общество собиралось в 1926 году в Берлине и в 1928 году в Ленинграде. Оно издавало свой журнал «Arktis» под редакцией Нансена.

В 1925 году Фритьоф Нансен печатает работы «Океанографические проблемы неисследованных районов Арктики» и «Исследования неизвестной части Арктики».

Именно Нансен выдвинул проект изучения центральной части Полярного бассейна путём создания зимовок на дрейфующих льдах. Эти плавающие лаборатории должен доставить в различные, заранее намеченные районы дирижабль типа цеппелина. И вновь Нансен услышал насмешки: «Невозможно! Утопия! Слишком смело! Слишком рискованно! И кто возьмётся осуществить такое сложное дело?» Нансен хотел сам лететь на цеппелине. А на упрёки в старости отвечал: «Не так страшна старость, как устарение!»

И хотя замысел Нансена казался многим фантастическим, его поддержали такие известные полярники, как В. Ю. Визе, Г. У. Свердруп, Ф. Мальмгрен.

Практика арктических полётов дирижаблей «Норвегия» и «Италия» показала, что осуществление идеи Нансена сложнее, чем это казалось на первый взгляд. «Аэроарктика» не захотела реализовать его замысел, недобрую роль сыграл экономический кризис 1929 года.

Из-за отсутствия средств пробный полёт цеппелина пришлось отложить. Нансен поехал в Канаду и Соединённые Штаты читать лекции с целью раздобыть средства на экспедицию. Несколько лекций он прочёл на тему «Арктический транспорт в 2000 году».

В своих воспоминаниях участник первой зимовки в 1929–1930 годах на станции «Бухта Тихая» М. С. Муров пишет:

«В эти дни *(декабрь 1929 года. — Н. Б.)* из Института по изучению Севера пришло важное сообщение о готовящемся Фритьофом Нансеном полёте на дирижабле „Граф Цеппелин“. Экспедиция, возглавляемая знаменитым норвежцем, намеревалась исследовать никем до сих пор не изученную как следует атмосферу Арктики, посетить Северную Землю, оставшуюся белым пятном на карте, и, наконец, высадить сроком на два года на дрейфующий лёд группу зимовщиков, устроив на льду радиостанцию…

Мы должны были кое в чём помочь участникам полёта. В сообщении, которое мы получили, указывалось, что в успехе экспедиции решающую роль будут играть метеоданные, сообщаемые с Земли Франца-Иосифа.

Для ускорения передачи сводок о погоде создавался специальный код…

А 13 мая пришла печальная весть о смерти человека, жизнь которого для нас была легендой и которого Ромен Роллан назвал „европейским героем нашего времени“. На 69-м году неожиданно оборвалась замечательная жизнь Фритьофа Нансена. Мы все искренне переживали эту утрату».

О. Ю. Шмидт также вспоминал:

«Первая разумная, оправдавшаяся идея о географической структуре Центрального полярного бассейна принадлежит Нансену. Современники его и слушать не хотели. Известно, что этот энергичный мужественный человек тем не менее не поколебался в своих теоретических воззрениях, сумел их претворить в практику на дрейфе „Фрама“. Дрейф „Фрама“ остаётся и до сих пор величайшим событием в истории полярных стран.

Но дрейф „Фрама“, происшедший в 90-х годах, остался одиноким. „Фрам“ прошёл от Новосибирских островов, немного заходя за 85-й градус, через значительную часть Центрального полярного бассейна, но не был у полюса. Нансен предполагал повторить поход в других условиях, а именно чтобы где-нибудь на севере от Аляски судну такого же типа вмёрзнуть в льдину, надеясь, что она пройдёт ближе к полюсу и, дрейфуя 4–5 лет, соберет больше материала, чем „Фрам“.

Из этого ничего не вышло. Он не смог реализовать эту идею, не смог собрать необходимые средства. Лишь в очень маленьком масштабе была по инициативе Амундсена, но без его личного участия сделана попытка совершить дрейф, начавшийся с Берингова пролива. Но судно было небольшое, проникнуть далеко в лёд не могло, и дрейф ограничился зигзагами на достаточно близком расстоянии от материка. Он дал не много нового.

Ввиду неудачи своих попыток заинтересовать руководящие круги европейских стран повторением дрейфа „Фрама“ Нансен в последние годы своей жизни возлагал большие надежды на возможность достижения полюса воздушным путём. Нансен был председателем учёного совета общества „Аэроарктика“. Успехи немцев в дирижаблестроении давали, казалось бы, надежду на то, что дирижабль и есть то орудие, которое может проникнуть в Полярный бассейн. Но всё-таки правильная идея Нансена была с самого начала искажена. Нансен настаивал на том, что дирижабль или иной способ продвижения должен привести к тому, чтобы в районе полюса или где-нибудь в Центральном полярном бассейне высадилась группа учёных и поработала там некоторое время. В этом был центр идеи Нансена, который глубоко понимал нужды науки.

На деле же хотя и были совершены изумительные со спортивной точки зрения полёты через полюс, но это были именно полёты через полюс, которые могли собрать лишь крайне отрывочный, небольшой, недостаточно документированный материал. Таковы полёт Амундсена и Нобиле на „Норвегии“, полёт Берда, сюда же относится второй полёт Нобиле, окончившийся на обратном пути катастрофой, после которой экипаж дирижабля „Италия“ был спасён нашим ледоколом и нашими лётчиками».

* * *

Нансен продолжает активно заниматься политикой — в январе 1925 года вместе с Кристианом Миккельсеном он основывает Отечественный союз, главным противником которого декларируется коммунизм. Однако в своей приветственной речи по случаю рождения новой организации Нансен на удивление

лояльно высказывается о коммунистах:

> «Коммунизм — красивое учение, его суть соответствует идеям раннего христианства, которое стремится установить истинное равенство для всех. <… > Однако оно годится только для небольшого и чрезвычайно примитивного общества. Я знаю, что это такое. Я жил в обществе эскимосов, а они практически живут при коммунизме… Однако общество, находящееся на более высокой ступени развития, не может строиться и развиваться на истинно коммунистическом фундаменте… следует обязательно ввести понятие собственности. Опыт исторического развития доказывает, что первое, с чего должны начинать люди, которые хотят, чтобы их общество развивалось и достигало более высоких ступеней, — это установить ответственность индивида и право собственности…
>
> Коммунистическую программу можно обсуждать так же, как любую другую. Должны существовать свобода слова, и те, кто верит, что коммунизм решит наши проблемы, должны, естественно, получить право агитировать и работать в этом направлении, пока они делают это законными способами. Иное дело, однако, когда какая-то партия хочет навязать обществу своё учение с помощью силы. Этому мы должны противостоять сообща».

Основной целью создания организации была консолидация норвежских правых сил и создание гражданского сопротивления набирающему силу социализму. Впоследствии историками на основании анализа развития Отечественного союза, который просуществовала до 1940 года, он был назван фашистской организацией, однако сейчас это определение считается достаточно спорным по отношению к «Fedrelandslaget».

В 1928 году в Норвегии разразился правительственный кризис, и Нансена в очередной раз попытались сделать премьер-министром, поскольку Отечественный союз очень укрепился.

Нансен положительно отнёсся к этой идее, хотя и подчёркивал в своих официальных речах, что «он — не политик». Однако планы стать во главе государства вновь потерпели фиаско.

Тем не менее он продолжает активно выступать и теперь уже в открытую нападает на коммунизм, последовательно развивая свои основные постулаты «организационной» речи 1925 года: необходимость сохранения частной собственности,

предоставление полной свободы слова и явного преимущества частных инициатив перед государственностью. Он даже совершает турне по стране, в котором его сопровождает Сигрун, и клеймит позором советское руководство, с которым ему теперь практически невозможно договориться ни о возвращении армянских беженцев, ни о научном сотрудничестве и которое постепенно закрывает границы страны:

> «Если какая-то партия пришла к выводу, что она хочет свергнуть народовластие и присвоить власть себе и своей партии, то такую партию следует признать негативной. Это неплодотворная и разрушительная работа, независимо от того, кто этим занимается — фашисты или коммунисты. Они одинаково хороши. Жажда власти всегда в конечном счёте действует разрушительно».

И ещё Нансен критиковал буржуазную политику вообще и неизменно отрицательно относился к парламентаризму и стортингу в частности.

* * *

Многие биографы, описывая последние годы жизни Фритьофа Нансена и его болезнь, ничего не говорят о том, что он до конца своих дней невероятно любил жизнь — и женщин.

В книге «Нансен и его женщины» Карин Берг пишет о последней любви Нансена — американской журналистке и писательнице норвежского происхождения Бренде Уеланд. У романа есть свидетели — тридцать писем, которые хранятся в Историческом обществе Миннесоты в США. Познакомил Бренду и Фритьофа её отец, Андреас Уеланд, который регулярно приезжал на свою историческую родину. В очередной раз он отправился в Норвегию в мае 1928 года и на корабле познакомился с Нансеном, возвращавшимся домой после турне. Они подружились, им было о чём поговорить, потому что Андреас Уеланд был известным адвокатом и сыном крупного норвежского политика. Приехав в Норвегию, Нансен пригласил Уеланда и ещё несколько своих друзей на автомобильную прогулку. Уеланд в ответ пригласил Фритьофа пожить у них дома, когда он в следующий раз приедет в Норвегию.

Нансен приехал в США в 1929 году обсуждать строительство цеппелина и жил у Андреаса. Бренда договорилась взять у известного норвежца интервью — и впервые увидела его в Нью-

Йорке в марте. И влюбилась с первого взгляда. Нансен ответил взаимностью.

Они состояли в переписке до последних дней жизни Фритьофа. Он писал ей трогательные письма:

> «My darling Brenda!
> I love your name, Brenda, it is the fire of your soul, and your radiant burning eyes»[67].

Никогда ранее в жизни, как писал сам Фритьоф, он не встречал такой открытой и искренней девушки, которая могла бы с первого взгляда пробудить в нём ответное чувство. Он настолько был увлечен ею, что даже предложил отправиться вместе с ним в полёт на цеппелине и добавил:

> «Если мы не вернёмся, это не имеет ни малейшего значения, и потому я бы хотел, чтобы мы вместе остались там навсегда».

Именно в письмах к ней он изливает душу, рассказывает о своей первой женщине — жене пастора, пишет о женитьбе на Еве. Рассказать столь интимные вещи можно только тому, кого любишь и кому бесконечно доверяешь…

* * *

Нансену исполнилось 69 лет, когда у него «по-настоящему» стало болеть сердце. Вот что писала Лив Нансен-Хейер:

> «Сейчас я могла вспомнить только последние дни его болезни, последнюю неделю, когда ему стало лучше и он снова был полон надежд. Воспоминание о том, что он с надеждой и бодростью думал о будущем, а смерть пришла так незаметно, смягчало горе.
>
> Он как раз вернулся из ежегодной поездки в горы, куда ездил с Якобом С. Ворм-Мюллером и Вильгельмом Моргенстьерне в конце февраля, и тут заметил, что левая нога распухла и не слушается. Врач Рольф Хатлехуль осмотрел отца и уложил его в постель. Он счёл это за тромбофлебит и сказал, что это скоро пройдёт. Через неделю опухоль почти спала, но отец ослабел, цвет лица стал синюшным, пульс — быстрым и неровным. Врач сказал, что это признак болезни сердца.
>
> Болезнь не появилась совершенно внезапно. Ещё в

декабре 1928 года у него случился на охоте первый сердечный приступ. С ним была Имми, она страшно перепугалась, увидев, что отец присел на пенёк и что у него страшные боли. Она позвонила нам, Андреас посадил в автомобиль доктора Хатлехуля и помчался с ним сломя голову к отцу. Когда они приехали, отцу стало уже немного легче, и на следующий день его можно было везти домой. Но рентгеновское обследование показало, что сердце ненормально увеличено, а пульсации его неровны. Мерцательная аритмия, определил болезнь доктор Хатлехуль.

Отец, конечно, потребовал, чтобы ему сообщили результаты обследования. Ему сказали, что отныне он должен больше беречься. Но скоро он опять почувствовал себя бодрым и здоровым, а беречь свои силы ему никогда и в голову не приходило.

Напротив, он снова поехал с докладами по Европе и Америке и с прежней энергией продолжал работать над оказанием помощи армянским и прочим беженцам. До сих пор его здоровье не уступало его энергии и он просто не мог представить себе, что сердце может отказать.

В горах Ворм-Мюллер и Моргенстьерне заметили, что он теперь быстрее уставал и иногда отставал от них. Однажды он остановился и опёрся на палку.

„Он ни слова не сказал, но я впервые увидел грусть на его лице“, — рассказывает Ворм-Мюллер.

Но в избушке вся его усталость прошла. Он смеялся, рассказывал разные истории и был, как всегда, полон замыслов и планов. Часто он вслух мечтал о том, что ему хотелось бы сделать, прежде чем придётся „расстаться с жизнью“. Очень хотелось ему совершить кругосветное плавание на яхте в кругу хороших друзей, чтобы было много времени и можно было бы останавливаться там, где понравится. Он очень хотел повидать Египет, Индию и тихоокеанские острова, особенно хотелось ему ознакомиться с восточными цивилизациями и народами. Эта давнишняя мечта часто возвращалась к нему.

И вот он внезапно повержен. Бледный и слабый, лежал он в своей необъятной кровати. Глаза стали огромными. Тут уж не спасала сила воли. Но он терпеливо сносил неизбежное. „Вот я лежу и думаю, как много бы ещё нужно сделать“, — говорил он с грустной улыбкой.

В первые недели ему было очень плохо и выглядел

он совсем нехорошо. В нижней части правого легкого появились уплотнения, однажды был обморок. Доктор Хатлехуль пригласил старого друга отца профессора Петера Ф. Хольста, и вместе они пришли к выводу, что у отца в лёгком закупорка сосуда. Он всё время чувствовал колотье в боку, и в мокроте иногда появлялась кровь. Но он быстро оправился. Через три-четыре дня после обморока колотье прошло и сердце стало работать лучше. На ноге опухоль тоже почти исчезла. С 19 марта он уже чувствовал себя вполне хорошо, и выздоровление проходило нормально.

Теперь он и слушать ничего не желал о том, чтобы лежать в постели и быть послушным пациентом. За отцом ухаживала медицинская сестра, но ни она, ни доктор ничего не могли с ним поделать. Постель превратилась в рабочий стол, карты, книги, бумаги громоздились вокруг. Отец вызвал секретаря и стал диктовать ему длинные письма. К нему приходили сообщения о ходе работы в организации помощи, а отец письменно отвечал на них и давал советы. Он горячо занимался подготовкой экспедиции на Северный полюс, которую надеялся снарядить к следующему году. Из Бергена приехал навестить больного Хелланд-Хансен, но вместо визита ему пришлось работать с отцом.

Обо всём он помнил и всем интересовался. Только о себе не думал. Даже теперь, когда болезнь уложила его в постель и он сам, наверное, догадывался, что она серьёзна.

Он с удовольствием принимал гостей. Не раз к нему приезжал король Хокон и подолгу просиживал у его постели. Королева тогда почти всё время находилась в Англии и навестила отца только перед отъездом, когда он был ещё тяжело болен. Эрик Вереншёльд заходил почти ежедневно, они с отцом болтали, смеялись, как обычно, ничего не изменилось в их отношениях. Торуп, Ула Томмесен, Отто Свердруп, Ворм-Мюллер — одним словом, все друзья отца то и дело звонили по телефону и навещали его, как только выдавалась такая возможность.

Однажды ему передала привет Нини Ролл Анкер, и отец тут же выразил желание видеть её. Она сама так описала визит:

„Мы с Сигрун обедали за маленьким столиком около его кровати. В открытые окна виднелись распустившиеся

берёзы Форнебю, фьорд. Весна. Фритьоф сидел в своей громадной кровати с какими-то удивительными колоннами по бокам. На кровати лежало множество книг, карт, он знакомился с ледовой обстановкой у полюса и пытался предсказать, какой она будет в следующем году. Он всё время оживлённо со мной разговаривал, досадовал на свою болезнь и сожалел, что не сможет поохотиться на глухарей. Выглядел он хорошо: загорелый, голову держал прямо. Но голос его был так слаб, взгляд такой далёкий. Когда я собралась уходить, он удержал мою руку. „Спасибо, спасибо, что пришла“, — сказал он. Я не могла ответить. Я уже никогда его больше не увижу, подумалось мне. Это витало в воздухе, во всей комнате, он точно собрался в путь“.

Профессор Ворм-Мюллер навестил отца за две недели до его смерти, отец тогда выглядел хорошо, и голос был нормальный. К ужасу Ворм-Мюллера, он смеялся и выкурил несколько крепких сигар. Он много говорил о Северо-Западном проходе, о том, что собирается о нём написать, и попросил Ворм-Мюллера разыскать кое-какие справки об английском торговом флоте пятнадцатого и шестнадцатого веков, рассказал о предстоящей экспедиции на Северный полюс на дирижабле, говорил о наступающей весне и радовался ей. Но когда речь зашла о европейской политике, лицо его омрачилось. Он был очень огорчён делами в Лиге Наций и обеспокоен положением Норвегии в Женеве. Он сказал, что у наших представителей нет „положительного духа“.

Когда пришли мои дети, его мрачность прошла. Детей он желал видеть каждый день. Ева была уже большая и понимала, что дедушка болен, она подходила к его кровати тихонько и осторожно.

„Тебе теперь лучше, дедушка?“ Он растрогался: „Да, радость моя. Скоро я встану, и мы пойдём с тобой гулять“.

Маленький Фритьоф ещё издали давал знать о своём приходе. Я боялась, что он утомит отца, и хотела оставить его в холле, но отец рассердился: „Нет, пускай он придёт“. Фритьоф ворвался, не закрыв за собой дверь: „Вот и я, дедушка!“

Началась обычная игра. „Бээ“, — сделал отец. И Фритьоф: „Бээ“. И тут оба засмеялись. Фритьоф это до

сих пор помнит. Тогда ему было всего три года, это его первое воспоминание.

Я каждый день приходила к отцу. Чаще всего с детьми, а когда они уходили, я оставалась ещё посидеть. Я всегда спрашивала, не устал ли он, а он только брал мою руку: „Нет, что ты. Я свеж как огурчик. Вот только ноги распухли и никак не проходят“.

Мы болтали о всякой всячине, о знакомых, которые передавали ему приветы, о разных пустяках. Но говорили и о литературе, несколько раз речь заходила о Достоевском. В молодости на отца больше всего повлиял Ибсен. „Ибсеновская тема воли больше всего способствовала становлению моего характера“, — говорил отец. Теперь его покорила глубокая человечность Достоевского, его знание человеческого страдания, его безграничная жалость, смирение и самоанализ. Высокомерия отец не прощал никогда. „Великая грешница, если она сохранила теплоту сердца, лучше, чем люди, которые хвастаются своей незапятнанностью“, — ворчал он. Доброта и терпимость сделались в его глазах самыми важными качествами. Князь Мышкин и Алёша безраздельно завоевали его любовь.

„Вот таким хотелось бы быть самому“, — говорил он.

В те дни я перечитала некоторые книги Достоевского. Замечательные это были часы, когда мы с отцом о них беседовали.

„Знаешь что? — сказал он как-то вдруг. — А не заняться ли тебе этим писателем поосновательней?“ — „Да-а, — ответила я озадаченно. — А как?“ — „Поди в университетскую библиотеку и почитай! Только читай вдумчиво, делай записи. Прочти всё, от начала до конца. До сих пор ты его читала поверхностно, как читают для удовольствия“.

Я рассказала отцу, что Нильс Коллет Фогт вбил себе в голову сделать из меня журналистку. Бьёрн Бьёрнсон уговаривал всех идти в актёры, а Фогт считал, что блаженны только пишущие. Отец презрительно отмахнулся: „Писать? Что значит писать? По-моему, сперва нужно, чтобы было о чём написать“.

Но вдруг он увидел выход. Если я как следует изучу какого-то автора, то кое-чему научусь.

Он даже сам увлёкся этой мыслью: „Да я бы и сам с удовольствием этим занялся! И с радостью буду тебе

помогать“.

Но было уже поздно.

За исключением перебоев в деятельности сердца, которые обнаружил доктор Хатлехуль, отец чувствовал себя гораздо лучше. Однако доктор Хатлехуль не доверял этому улучшению. Однажды, посмотрев отца, он пришёл к нам и сказал: „Мне очень грустно, что твой отец так болен“. От этих слов у меня сжалось сердце.

„Конечно, он сможет подняться и даже работать сможет, — продолжал доктор Хатлехуль. — Но ты можешь представить себе отца больным сердечником?“

Нет, я не могла себе этого представить. Меня охватило не столько горе, сколько безграничная жалость. Нельзя, чтобы это случилось! Я не могла даже представить этого.

Братьям и сестре дали знать о состоянии отца. Имми с Акселем вернулись из Египта, Одд с Кари и прелестной Марит из Америки, только Коре не мог приехать домой из Канады. Отец был бесконечно счастлив, видя вокруг себя детей и внуков.

2 мая он начал вставать, и всё шло очень хорошо. Большую часть дня он проводил в работе, иногда ходил по веранде. Когда он ложился в постель, мы по очереди сидели около него. Он был в прекрасном настроении, но, наверное, слишком переоценил свои силы, и вот однажды, это было 8 мая, доходился до того, что опять заболело сердце. Боль прошла так же быстро, как появилась, но я вспомнила слова доктора Хатлехуля — сердечник. Отец этого не сознавал, он сидел на балконе, работал, чувствовал себя хорошо, и 12 мая написал письмо другу детства адмиралу Карлу Доуэсу.

„Дорогой Карл, вот я лежал и вспоминал тебя и подумал, что надо бы тебе написать. Несколько дней тому назад прочёл твою умную статью, а тут и письмо от тебя пришло.

Сердечно благодарю тебя, сказать не могу, как оно меня обрадовало. Да, действительно странно подумать, что теперь мы превратились в настоящих стариков и большая часть жизни прожита, мне как-то не кажется таким уж далёким то время, когда мы были молоды и „подавали надежды“ и вся жизнь лежала впереди, словно удивительная страна приключений. Да, хорошее было время. Чем старше становишься, тем чаще возвращаешься

к воспоминаниям детства и юности, эти мысли дают отдых и бодрость, а ты ведь неразрывно связан с этими воспоминаниями. Да, хорошо было бы встретиться теперь, на старости лет, как раз пора. Давай устроим эту встречу поскорее.

Мои дела идут помаленьку, я пролежал в постели больше десяти недель, но в последнюю неделю каждый день ненадолго вставал, ноги ещё не очень-то слушаются, приходится сидеть в комнате да на балконе на солнышке, я и сейчас здесь пишу. Надеюсь, что скоро станет получше. Скучное это дело — воспаление сосудов, и мне, наверное, радоваться надо, что ещё так обошлось. У меня ещё и тромб, ужасно скучная штука.

Да, я уж вспоминал тебя, что тебе пришлось уступить неумолимой старости и отказаться от привычной работы и ответственности. Но я уверен, что вам с Каролиной хорошо дома и что дети и внуки вас радуют. Это и впрямь большая радость. У меня трое детей имеют свои семьи, сейчас они здесь, и внуков трое, а младшая дочка Имми замужем за художником Револьдом, они начали постройку дома здесь поблизости. Лив и её муж Хейер построились тут ещё несколько лет назад.

Передай от меня большой привет Каролине, и тебе привет, надеюсь, что скоро встретимся.

Твой верный старый друг Фритьоф Нансен“.

На следующий день, это было 13 мая, он опять сидел на балконе, положив перед собой бумагу и письменные принадлежности. Кари принесла ему утренний чай, и они немного поговорили. Отец чувствовал себя бодрым и весёлым. Внизу фруктовый сад стоял в цвету. На фоне хвойного леса зеленела нежная дымка берёз, далеко за вершинами деревьев сверкал на солнце фьорд, на горизонте синели горы. На опушке пели дрозды и зяблики, пролетела трясогузка. Отец впивал всё это — аромат цветущих деревьев, солнце, привольный вид, который он так любил.

„Большая липа ещё не зеленеет, — сказал он с улыбкой Кари. — Но скоро и она распустится. Так я увижу сразу две весны“.

Он хотел ещё что-то сказать о весне, но не успел. Голова упала на грудь, Кари бросилась к нему.

Он уже умер».

Хоронили Фритьофа Нансена 17 мая, в День норвежской конституции, в день самого крупного национального праздника, ровно через 25 лет после того, как он произнёс свою знаменитую речь в 1905 году.

По всей стране были приспущены флаги, катафалк стоял на Университетской площади, а мимо шли люди — вся страна прощалась со своим героем.

Траурная церемония была очень простой, а в крематории присутствовало всего 120 человек, в том числе король Хокон и кронпринц Олав с семьей.

Урна с прахом Фритьофа Нансена в соответствии с его последней волей была захоронена под одной из берёз в Пульхёгде.

Избранная библиография

Основные прижизненные издания книг Фритьофа Нансена на норвежском языке

The Structure and Combination of the Histological Elements of the Central Nervous System. Bergen, Bergen Museum, 1887.

Paa ski over Grønland. Kristiania, 1890.

Eskimoliv. Kristiania, 1891.

Fram over Polhavet. Den norske polarfærd 1893–1896. Kristiania, 1897.

L'Armenie et le Proche Orient. Paris, 1923.

Nord i tåkeheimen. Kristiania, 1910–11.

Gjennom Sibirien. Kristiania, 1914.

En ferd til Spitsbergen. Kristiania, 1920.

Russland og freden. Kristiania, 1923.

Blant sel og bjørn. Min første Ishavs-ferd. Kristiania, 1924.

Sporting Days in Wild Norway. London, 1925 (norsk utg. *Friluftsliv,* Oslo, 1940).

Gjennom Armenien. Oslo, 1927.

På ski over Grønland. 2. omarbeidet utgave. Oslo, 1928.

Gjennom Kaukasus til Volga. Oslo, 1929.

Основные издания произведений Фритьофа Нансена на русском языке

Собрание сочинений в 5 тт. Л., 1937–1940.

Беженцы. «Иностранная литература», 2005, № 11.

Во мраке ночи и во льдах. В 2-х тт. СПб., 1901.

В стране льда и ночи. В 2-х тт. СПб., 1897.

В страну будущего. Петроград, 1915.

В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Магадан, 1969.

В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Красноярск, 1982.

На Крайнем Севере. Жизнь эскимосов. М. — Петроград, 1923.

На лыжах через Гренландию (сост. А. Аненнская). СПб., 1897.

Путешествия через Гренландию, к Северному полюсу и в Сибирь. М., 1923.

Россия и мир. М., 1923.

Среди тюленей и белых медведей. Л., 1928.

«Фрам» в Полярном море. М., 1956.

Использованные источники

Анненская А. Фритиоф Нансен и его путешествия в Гренландию и к Северному полюсу. Петроград, 1916.

Архив А. М. Горького. Т. VIII. М., 1960. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами.

Баринов Н. П., Герасимов Б. П. О деятельности Ф. Нансена по оказанию помощи голодающим в России // Исторический архив, 1966, № 3.

Бондаренко Н., Васильева Н. Миссия Фритьофа Нансена по спасению голодающих Поволжья // Власть, 2011, № 3.

Броггер В. Г., Рольфсен Н. Фритьоф Нансен. СПб., 1896.

Васина А. И., Лысенко Т. И. Горький и Нансен. Из истории науки // Вестник РАН, № 6,1966.

Вержбицкий Н. К. Встречи. М., 1978.

Волович В. С природой один на один. М., 1989.

Гумилевская М. Где мороз, а где жара. М., 2007.

Дангулов С. Двенадцать дорог на Эгль. М., 1970.

Загребаева В. Н. «Я приветствовал Нансена и других наших спутников». Воспоминания С. В. Вострotина о морской экспедиции из Норвегии в устье Енисея в 1913 г. // Исторический архив. 2008. Т. 4. С. 104–146.

Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986.

Иогансен Я. Сам-друг под 86°14′. Записки участника экспедиции на «Фраме». СПб., 1898.

Кочина П. Я. Софья Васильевна Ковалевская. 1850–1891. М., 1981.

Кропоткин П. А. Анархия, её философия, её идеал. М., 2004.

Кублицкий Г. И. Фритьоф Нансен. Его жизнь и необыкновенные приключения. М., 1981.

Лид Ю. Сибирь — странная ностальгия. М., 2009.

Меч С. Полярное путешествие Нансена. Публичная лекция, прочитанная автором в Москве и в других городах. М., 1916.

Могунова М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М., 2001.

Монархи Европы: судьбы династий / Сост. и ред. Н. Попов. М., 1996.

Муров М. С. Записки полярника. Л., 1971.

Нансен-Хейер Л. Книга об отце. Л., 1986.

Неопубликованные письма Ф. Нансена к русским учёным // Сибирские огни, 1962, № 11.

Пасецкий В. М. Фритьоф Нансен. М., 1986.

Попова О. Н. Герой полярной ночи и вечных льдов Фритьоф Нансен. Путешествие корабля «Фрам» к Северному полюсу в 1893–96 гг. СПб., 1914.

Проблемы аквакультуры. Материалы Международных научно-практических конференций по аквариологии. Выпуск 2. М., 2007.

Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения (1920–1930). М., 2001.

Саннес Т. Б. «Фрам» — приключения полярных экспедиций. Замечательные корабли. Л., 1991.

Сашенков Е. П. Полярная почта. М., 1975.

Скотт Д. Ледниковый щит и люди на нём. М., 1959.

Таланов А. Нансен. М., 1960.

Терли Ч. Фритьоф Нансен. Архангельск, 1936.

Ус Л. Б. Международные научные связи Сибири (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2005.

Хенкин Е. М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом. Красноярск, 1988.

Хегге П. Э. Фритьоф Нансен. Одна только воля. М., 2006.

Хейердал Т. Фритьоф Нансен. Горячее сердце в холодном мире. В кн.: *Холт К.* Состязание. Странствие. М., 1987.

Центкевич А., Центкевич Ч. Кем же ты станешь, Фритьоф? Л., 1967.

Центкевич А., Центкевич Ч. Осаждённые вечным холодом. Л., 1975.

Шеклтон Э. Фритьоф Нансен — исследователь. М., 1986.

Шмидт О. Ю. Избранные труды. М., 1960.

Шрадер Т. А. Норвежские полярные исследователи — гости Санкт-Петербурга (на рубеже XIX–XX вв.). Научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», 2001.

Berg K. Fridtjof Nansen og hans kvinner. Oslo, 2004.

Bjella S. T. Eventyrslottet Villa Leveld. Haustmagasinet 2009. S. 48–53.

Bomann-Larsen T. Folket — Haakon & Maud II. Oslo, 2004.

Bomann-Larsen T. Vintertronen — Haakon & Maud III. Oslo, 2006.

Bomann-Larsen T. Makten — Haakon & Maud IV. Oslo, 2008.

Brox K. H. Eva og Fridtjof Nansen — et samliv. Oslo, 1991.

Brox K. H. Eva Nansen: en kvinnelig ski-pionér. I: Fjell og Vidde. 2 (1993), s. 32–34.

Brøgger W. C., RolfsenN. Fridtjof Nansen. London, 1896.

Consul Jonas Lied and Russia. Collector, diplomat, industrial explorer. 1910–1931. Oslo, 2008.

Driuenes E.-A. og Harald Dag Jølle. Norsk Polarhistorie. Oslo, 2004.

Hoidal O. K. Qusling. A study in treason. Oslo, 1989.

Huntford R. Fridtjof Nansen. Mennesket bak myten. Oslo, 1996.

Kvam R. De fire store og hvordan de ledet sine menn. Oslo, 2000.

Leffler A. C. Sonja Kovalevsky. Stockholm, 1892.

Jansen J. K. S. Fridtjof Nansen og hjerneforskningen ved slutten av forrige århundre. Oslo: Årbok. Det Norske Videnskapsakademi, 1982.

Jansen J. K. S. Fridtjof Nansen som nevrobiolog. Oslo: Medisin og vitenskap. Merkesteiner i norsk medisin. Nr. 02/20. januar 2001.

Sonntag W. Fridtjof Nansen. Oslo, 1947.

Tolleshaug B. Fridtjof Nansen: en norsk helt i en gresk tragedie? Oslo, 2001.

Vogt C. E. Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921–1923. Oslo, 2007.

Vogt P. Fridtjof Nansen. Liv og gjerning. Oslo 1961.

Voronine A. In Quisling's shadow. (The memoirs of Vidkun Quisling's first wife, Alexandra Yourieff, Alexandra Andreevna Voronine et al. Trans, by Kirsten A. Seaver.) Hoover Institution Press, 2007.

Wefring G. Kunsten i polartraktene. I: Polar-aarboken 1933. Utgitt av Norsk Polarklubb, Oslo 1933.

Østby L. Fridtjof Nansen som kunstner. Oslo, 1978.

Годы жизни Фритьофа Нансена

1861, 10 октября в усадьбе Стуре-Фрёен близ Кристиании родился Фритьоф Нансен.

1880 — окончание университета в Кристиании.

1882, март — июль — совершил плавание на зверобойном судне «Викинг» к берегам Гренландии.

1883 — Нансен начинает работать лаборантом в музее Бергена.

1884 — публикация первой научной статьи о плавании к Гренландии.

1885 — выход в свет первой научной работы «Материалы к анатомии и гистологии мизостом».

1886 — поездка на стажировку в Германию и Италию.

1888 — защита докторской диссертации «Структура и связь гистологических элементов центральной нервной системы» и отъезд в экспедицию в Гренландию.

1889, май — экспедиция Нансена с триумфом возвращается из Гренландской экспедиции в Норвегию; женитьба на Еве Саре.

1890–1891 — выход в свет книг «Жизнь эскимосов» и «На лыжах через Гренландию».

1892 — доклад в Лондонском географическом обществе о проекте экспедиции к Северному полюсу; октябрь — спуск на воду корабля «Фрам».

1893 — в январе рождается дочь Лив, а в июле «Фрам» отправляется из Норвегии в экспедицию к Северному полюсу.

1895, март — Ф. Нансен и Я. Юхансен отправляются в санный поход к Северному полюсу и достигают 86°14′ северной широты.

1896 — возвращение в Норвегию из экспедиции к Северному полюсу.

1897 — выходит книга в двух томах «„Фрам“ в Полярном море. Норвежская полярная экспедиция»; Нансен много ездит по Европе и Америке с лекциями об экспедиции. Рождение сына Коре.

1898 — избрание почётным членом Российской академии наук во время визита вместе с женой в Российскую империю.

1899 — рождение дочери Ирмелин и путешествие Нансена на научном судне «Микаэль Саре». Поездка Фритьофа и Евы по Германии, где Нансен читает лекции.

Покупка «королевства» — усадьбы Сёркье в горах Телемарка.

1901 — рождение сына Одда.

1902 — рождение сына Осмунда. Нансен возглавил океанографическую лабораторию в Кристиании. Семья

торжественно переселилась в новый дом Пульхёгду («Полярную высоту»).

1906–1907 — Нансен — норвежский посол в Великобритании.

1907 — смерть Евы Нансен.

1908 — Нансен — профессор океанографии в Кристианском университете.

1912 — плавание к Шпицбергену на шхуне «Веслемёй».

1913 — плавание на пароходе «Коррект» к устью Енисея, а затем путешествие по Сибири.

1914 — смерть младшего сына Осмунда. Выход в свет книги «Через Сибирь».

1917 — дипломатическая миссия в США.

1919 — женитьба на Сигрун Мюнте.

1920 — Нансен — Верховный комиссар Лиги Наций по репатриации военнопленных.

1921–1923 — помощь голодающим в Поволжье. Получение Почётной грамоты IX Всероссийского съезда Советов. Избрание почётным депутатом Московского Совета депутатов трудящихся.

1922 — присуждение Нобелевской премии мира.

1923 — выход в свет книги «Россия и мир».

1925 — помощь армянским беженцам из Турции.

1926 — избрание лорд-ректором Шотландского университета.

1928 — поездка по Америке для сбора средств в пользу армянских беженцев. Поездка в Ленинград для подготовки полёта к Северному полюсу на дирижабле.

1929 — издание книги «Через Кавказ на Волгу».

1930, 13 мая — в собственном доме умер Фритьоф Нансен.

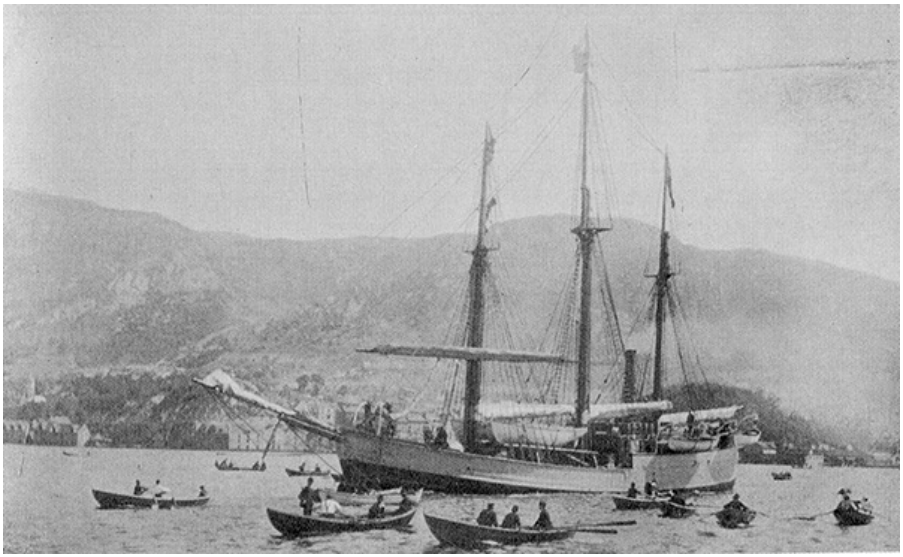
Фотографии

Маленькому Фритьофу 4 года

Ф. Нансен — студент. 1880 г.

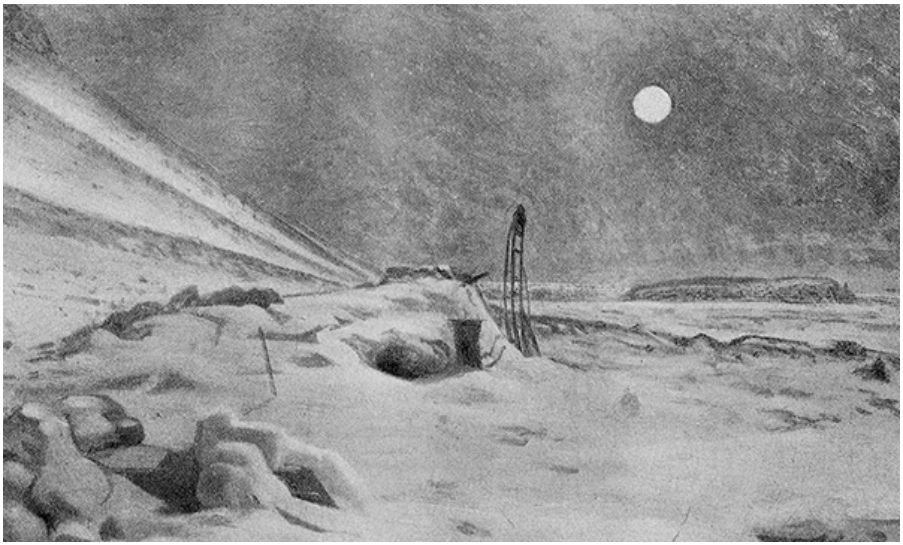
Биологическая станция А. Дорна в Неаполе

Нансен в лаборатории музея Бергена. 1887 г.

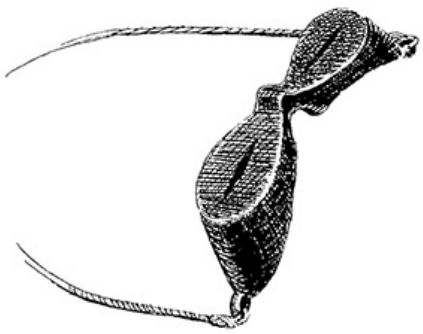


Отплытие «Фрама» из Бергена. 1893 г.

«Фрам» во льдах. 1895 г.



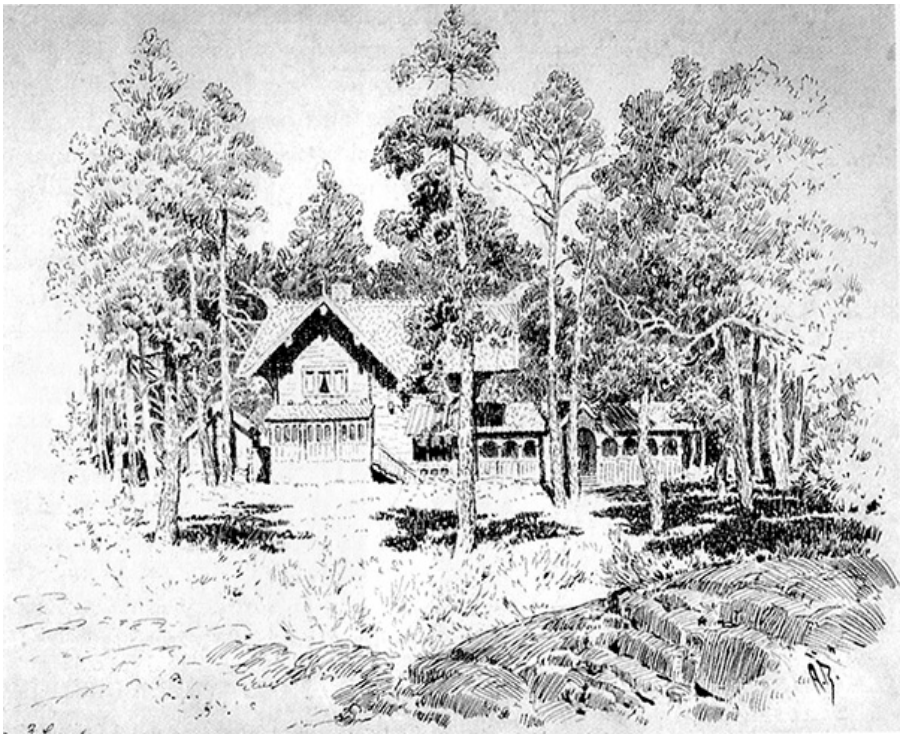
Берлога Нансен и Юхансена. 1895 г.



Снегоступы и очки, которые использовались во время путешествия на «Фраме»

Рисунок Ф. Нансена

Молодожены Фритьоф и Ева Нансен. 1889 г.



Вилла «Гоотхоб». Книжная иллюстрация XIX в.

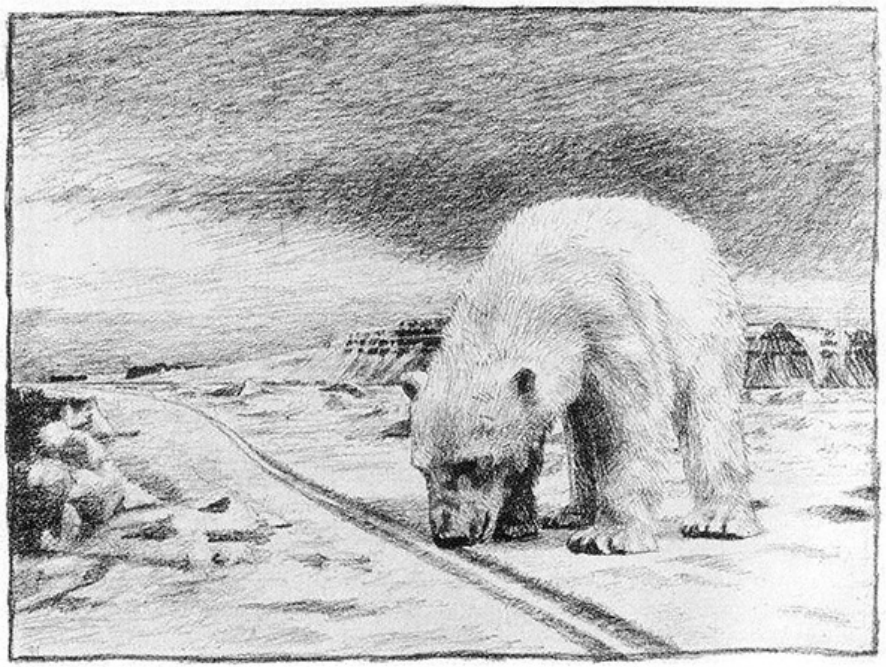


Рисунок Ф. Нансена

Ева и Лив Нансен. 1893 г.

Дети Нансена слева направо: Коре, Осмунд, Ирмелин, Одд и Лив

Ева и Фритьоф Нансен с детьми в Пульхёгде. 1908 г.

Лив Нансен. 1896 г.

Замок Нансена «Пульхёгда»

Фритьоф Нансен. 1889 г.

Дагмар Энгельхарт (Драгоценность)

Портрет Сигрун Мюнте кисти Асты Нёррегорь. 1891 г.

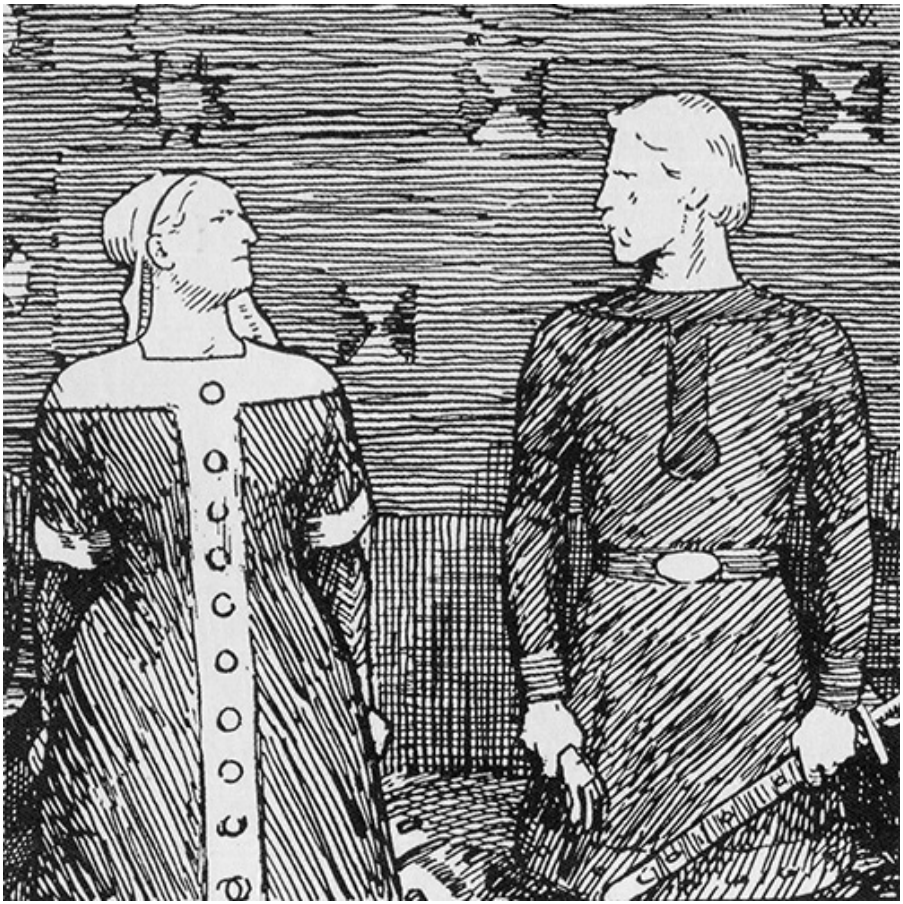


Иллюстрация Э. Вереншёльда к «Саге об Олаве Трюгвассоне». В качестве модели для конунга выступил Фритьоф Нансен, а королевы — мать Сигрун Мюнте Йенни Бьёрнсон. 1897 г.

Сигрун Мюнте. Литография Ф. Нансена

Иллюстрация Э. Вереншёльда к сказке «Три принцессы в Голубой горе». В виде одной из королевских дочерей изображена Сигрун Мюнте. 1887 г.

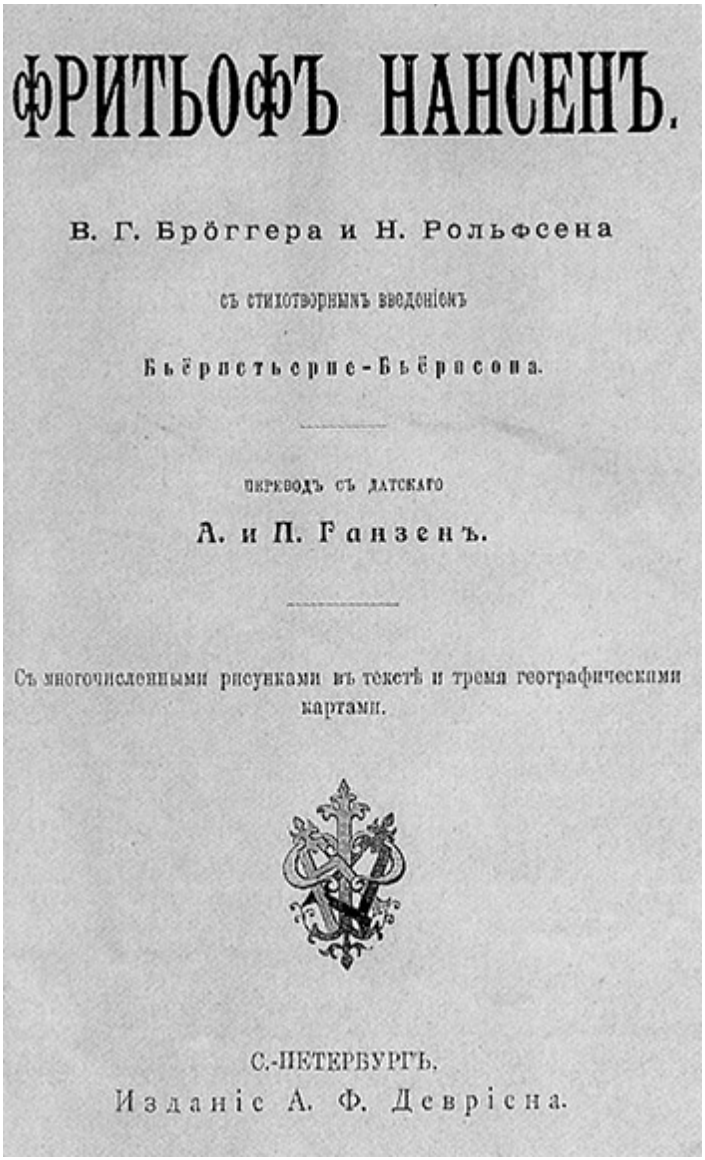
Гобелен Рагны Брейвикс по рисунку Герхарда Мюнте. Прообразом тролля стал Ф. Нансен

Фритіофъ Нансенъ и его супруга. По поводу пребыванія въ Петербургѣ. Съ фот. трак. Тюрія.

Фритьоф и Ева Нансен. «Нива», 1898 г.

Кэтлин Скотт

Фритьоф Нансен. 1922 г.


ФРИТЬОФЪ НАНСЕНЪ.

В. Г. Бröггера и Н. Рольфсена

съ стихотворнымъ введеніемъ

Бьёрнстьерне-Бьёрнсона.

переводъ съ датскаго

А. и П. Ганзенъ.

Съ многочисленными рисунками въ текстѣ и тремя географическими картами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Деврієна.

Первая биография Фритьофа Нансена на русском языке

Фритьоф Нансен в Екатеринбурге в 1913 г.

Раздача еды миссией Нансен в Саратове. 1922 г.

Фритьоф Нансен в Саратова. 1922 г.

Фритьоф Нансен в России. 1920-е гг. Фотография В. Квислинга

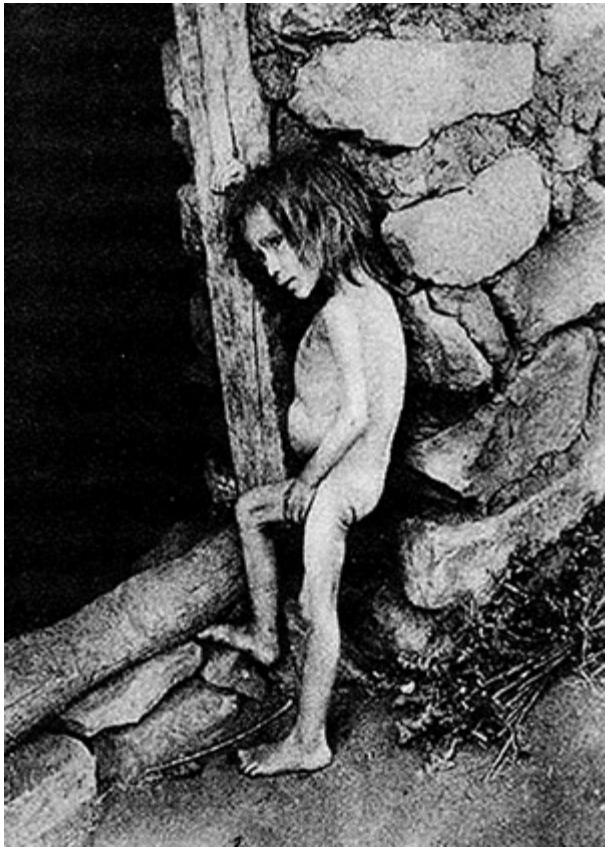
Плакат Альфонса Мухи, посвященный голоду в России и на Украине в 1920-е гг.

Помощь голодающим в России и на Украине

Фотографии голодающих, сделанные Фритьофом Нансеном во время поездки по Советской России в 1921–1922 гг.

Фотографии голодающих, сделанные Фритьофом Нансеном во время поездки по Советской России в 1921–1922 гг.

Фотографии голодающих, сделанные Фритьофом Нансеном во время поездки по Советской России в 1921–1922 гг.



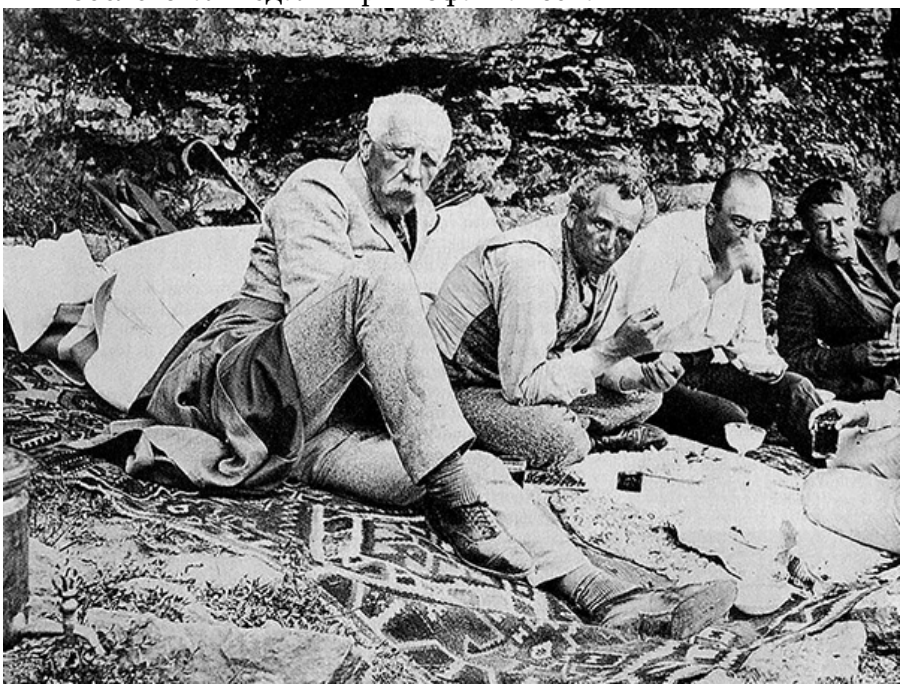
Фотографии голодающих, сделанные Фритьофом Нансеном во время поездки по Советской России в 1921–1922 гг.

Фотографии голодающих, сделанные Фритьофом Нансеном во время поездки по Советской России в 1921–1922 гг.

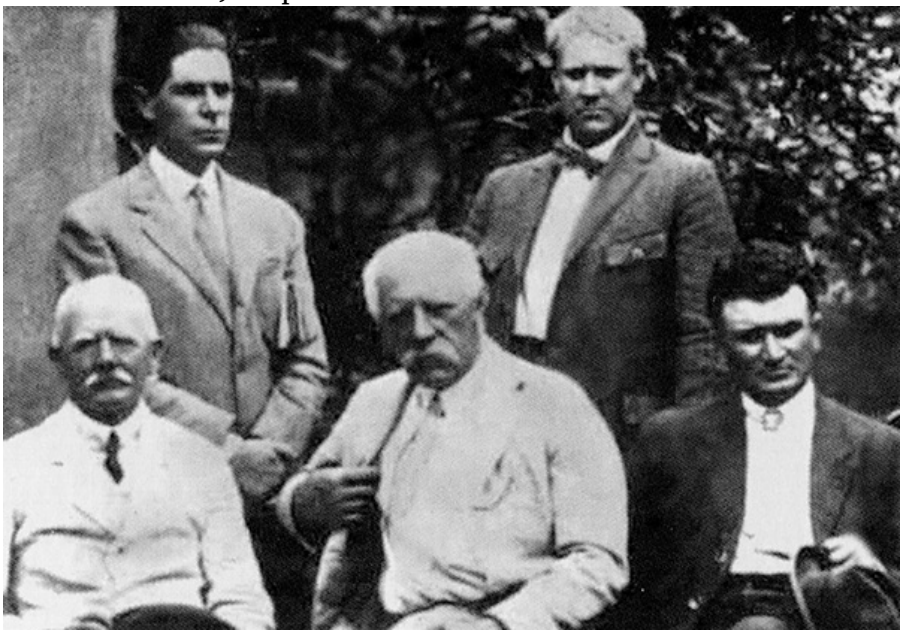
Фритьоф Нансен в форме посла в Лондоне. 1907 г.

Фритьоф Нансен, король Хокон и кронпринц Олав на вручении Нансену Нобелевской премии мира в 1922 г.

Нобелевская медаль Фритьофа Нансена

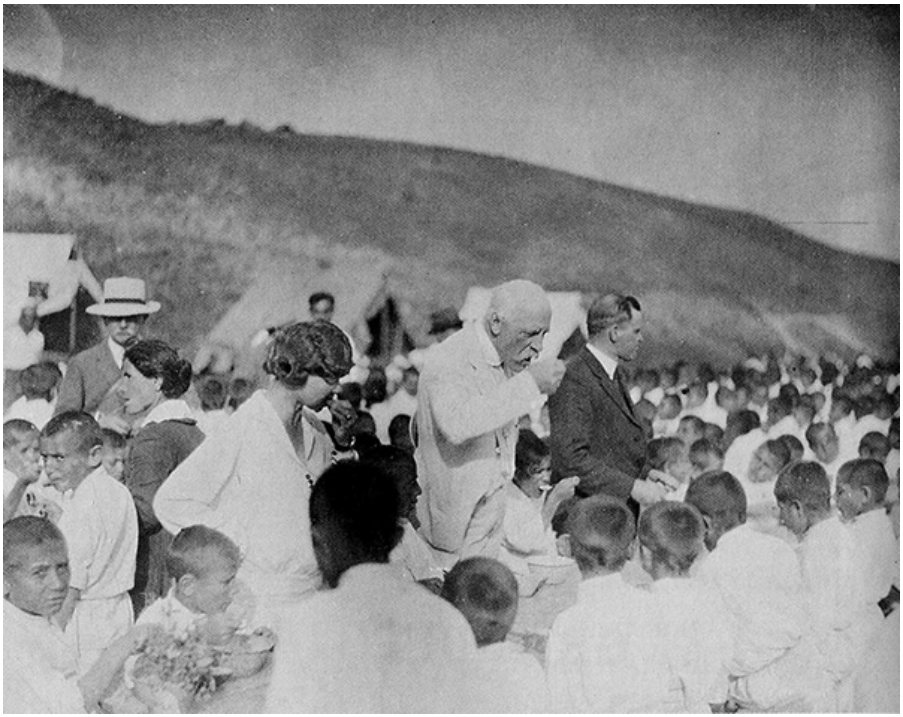


Фритьоф Нансен и Видкунд Квислинг (сидит второй справа в темном костюме) в Армении. 1925 г.



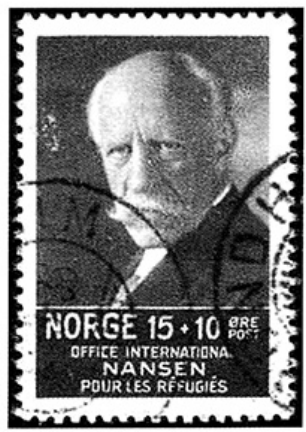
Фритьоф Нансен (в центре) и Видкунд Квислинг (стоит справа) во время поездки в Армению. 1925 г.

«Нансеновский» паспорт



Нансен в летнем лагере для сирот в Александрополе. 1925 г.

Юбилейная монета в честь Фритьофа Нансена. 1995 г.



Юбилейные марки в честь Фритьофа Нансена, выпущенные в разных странах мира

Памятник Фритьофу Нансену в Москве

notes

Примечания

1

Эрик Теодор Веретиёльд (1855–1938) — норвежский художник, график и декоратор. Автор жанровых картин с изображениями крестьянской жизни, портретов знаменитых соотечественников (Бьёрнстьерне Бьёрнсона, Хенрика Ибсена и др.), иллюстратор норвежских народных сказок и королевских саг «Круг Земной» Снорри Стурлусона. (Здесь и далее — *примеч. авт.)*

2

Олав Трюггвассон (963 — ок. 1000) — король Норвегии с 995 года, потомок короля Харальда Прекрасноволосого. Один из величайших воителей и креститель языческой Норвегии.

3

Всего на голосование была «выставлена» 21 кандидатура. В результате места распределились следующим образом: 1. Ф. Нансен. 2. Король Олав. 3. Король Хокон. 4. Тур Хейердал. 5. Эйнар Герхардсен. 6. Кнут Гамсун. 7. Гру Харлем Брутланд. 8. Эдвард Мунк. 9. Руаль Амундсен, 10. Сэм Эйде.

4

См. книгу *Vogt C. E.* Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921–1923. Oslo, 2007.

5

На аверсе: в центре диска — эмблема Банка России (двуглавый орёл художника И. Билибина), в нижней части — обозначение металла, проба сплава, товарный знак Монетного двора и содержание драгоценного металла в чистоте. По окружности — надписи, обрамлённые кругом из точек: вверху — «50 рублей 1995 г.», внизу — «Банк России». На реверсе: в центре — изображение парусного судна «Фрам» во льдах, слева от него — портрет Ф. Нансена, под ним — даты в две строки «1893–1896 гг.», по окружности надписи: вверху — «Исследование Русской Арктики», внизу — «Экспедиция Ф. Нансена».

6

Чтобы не затруднять читателя обилием постраничных ссылок, автор решил не давать их, а указать все использованные материалы в библиографии.

7

В 1536 году Норвегия в результате упразднения норвежского Государственного совета, что знаменовало фактическую ликвидацию Норвежского королевства, входит в состав Королевства Дании. В капитуляции короля Кристана III написано, «что королевство Норвегия <…> будет <…> впредь состоять под властью короны Дании, так же как и другие страны, Ютландия, Фюн или Сконе, и будет называться не королевством, но составной частью датской державы и на вечные времена будет подвластна датской короне» («капитуляция» — королевская тронная хартия).

После установления абсолютизма в 1661 году Дания и Норвегия стали считаться «королевствами-близнецами» с формально равными правами. В кодексе законов Кристиана IV (1670–1699), оказавшем большое влияние на датское право, крепостные отношения, существовавшие в Дании, не распространялись на Норвегию, где быстро росло число свободных землевладельцев. Гражданские, духовные и военные чиновники, правившие Норвегией, говорили по-датски, обучались в Дании и проводили политику этой страны, но часто принадлежали к семействам, несколько поколений которых проживали в Норвегии.

В 1807 году англичане подвергли Копенгаген жестокому обстрелу и увели в Англию датско-норвежский флот, чтобы он не достался Наполеону. Блокада Норвегии английскими военными судами причинила большой ущерб, и датский король был вынужден учредить временную администрацию — Правительственную комиссию. После поражения Наполеона Данию заставили уступить Норвегию шведскому королю (по Кильскому мирному договору 1814 года).

Отказавшись подчиниться, норвежцы воспользовались ситуацией и созвали Государственное (Учредительное) собрание представителей, выдвинутых главным образом из зажиточных сословий. Оно приняло либеральную конституцию и избрало датского престолонаследника, наместника Норвегии Кристиана Фредерика, королём. Однако отстоять независимость не удалось из-за позиции великих держав, гарантировавших Швеции присоединение к ней Норвегии. Шведы направили против Норвегии войска, и норвежцы были вынуждены согласиться на унию со Швецией, сохранив при этом конституцию и самостоятельность во внутренних делах. В ноябре 1814 года первый избранный парламент — стортинг — признал власть

шведского короля.

8

Имеется в виду книга: *Huntford R.* Fridtjof Nansen. Mennesket bak myten. Oslo, 1996.

9

Благодаря матери, чей род ведёт своё начало от Иоганна VII (1561–1623), графа фон Нассау-Зиген, Нансен находится в родстве с принцессой Кентской, Марией Кристиной, урождённой баронессой фон Рейбниц, женой Майкла Кентского.

10

Дурной тон *(фр.)*.

11

В настоящее время усадьба Нансенов называется Нансен-Фрёен и входит в черту Большого Осло.

12

Нурмаркен — большая лесистая область к северу от столицы Норвегии.

13

Ср. у К. И. Чуковского в книге «От двух до пяти»:

> «„Когда ты умрёшь, я буду твою швейную машинку крутить“, — сказал маленький мальчик своей бабушке».

14

Ханс родился 7 декабря 1854 года, а умер 1 августа 1867 года.

15

Длина новорождённого детёныша около 80 см, масса 7–8 кг. Он покрыт длинным густым белым волосом с небольшим зеленоватым оттенком (зеленец), который держится первые несколько дней. Затем приблизительно неделю детёныш имеет прочный белый волосяной покров (белёк), за это время длина зверька увеличивается до 95 см, а масса достигает 17–18 кг. Детский волос постепенно ослабевает и выпадает. На этой стадии линьки детёныш называется хохлушей. В возрасте приблизительно 3 недель молочное питание детёныша прекращается, и к этому времени длина зверька достигает 105–110 см, а масса составляет более 30 кг. Перелинявшая хохлуша имеет короткий жёсткий волос пятнистой окраски — по основному серому фону разбросаны мелкие буроватые пятна (стадия «серки»). Происходит это приблизительно в месячном возрасте. Теперь детёныш спускается в воду и начинает самостоятельно питаться. В дальнейшем темп роста детёныша значительно замедляется.

16

Фирн — крупнозернистый уплотнённый снег, состоящий из связанных между собой ледяных зёрен.

17

На русском языке в сильно сокращённом переводе книга впервые была опубликована в 1928 году, а полный перевод появился в 5-м томе Собрания сочинений Ф. Нансена в 1939 году.

18

Это была моя первая женщина (англ.).

См. *Berg K.* Fridtjof Nansen og hans kvinner. Oslo, 2004.

См. *Berg K.* Fridtjof Nansen og hans kvinner. Oslo, 2004.

21

Перевод с норвежского П. Карпа.

22

Кристиан Мандруп *Эльстер* (1841–1881) — норвежский писатель, романист, уделявший особое внимание социальным проблемам современного общества.

23

Кристиан *Сельмер* (1816–1889) — норвежский юрист и политик, премьер-министр Норвегии, во время конституционного конфликта лишившийся своего портфеля по решению Государственного суда в 1884 году.

24

Хенрик Йоханн *Ринк* (1819–1893) — датский путешественник, специалист по Гренландии, написавший книгу «Датская Гренландия» (1852–1857). Ринк был инспектором Дании в Гренландии с 1853 по 1861 год, жил в Гудхавне и первым обратил внимание учёных на ледяной щит Гренландии и указал его роль как крупнейшего источника айсбергов в северной Атлантике. Доктор Ринк известен своей теорией о ледниковой эпохе, в которой он предположил, что большая часть Европы и Северной Америки когда-то была покрыта такими же ледяными шапками, что осталась ныне только в Гренландии.

25

Амунд Теодор Хелланд (1846–1918) — известный датско-норвежский геолог и минеролог, в честь которого назван минерал гелландит.

26

Свердруп Отто (1855–1930) — норвежский полярный путешественник, спутник Нансена в его экспедиции в Гренландию (1888–1889) и капитан «Фрама» во время экспедиции в Центральную Арктику (1893–1896). В 1898–1902 годах предпринял самостоятельную экспедицию на «Фраме» в Канадский Арктический архипелаг, где открыл несколько островов и обследовал архипелаг Парри. В 1914 году по приглашению русского правительства участвовал в поисках пропавших без вести экспедиций Русанова и Брусилова и оказал существенную помощь гидрографической экспедиции на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач», зазимовавших во время сквозного похода у берегов Таймыра. В 1921 году по приглашению Советского правительства участвовал в проведении Карской экспедиции.

27

Эта книга — биография С. Ковалевской, в которой, по словам А. Ш. Леффлер, она «рассказывала только то, что сама Софья передавала о себе». В биографической литературе о Ковалевской этот источник считают достоверным. В полном виде мемуары на русском языке не печатались.

28

По другим источникам, Нансена представил Ковалевской Норденшёльд.

29

На великом жизненном пиру (*фр)*.

30

Речь может идти либо об инеистых великанах — в германоскандинавской мифологии предвечных великанах, которые, по преданиям, и жили как раз в районе Гренландии в Нифльхейме, либо о неумолимых врагах человека — симертси — великанах, наделённых огромной силой и кидающих обломки скал и льда на расстояние в несколько десятков километров.

31

Имеется в виду Борденская премия, которую С. Ковалевская получила в декабре 1888 года в Париже на заседании французской Академии наук за открытие третьего классического случая разрешимости задачи о вращении твёрдого тела вокруг неподвижной точки.

Б. — профессор Брёггер.

33

Женщина часто меняется, и глупец тот, кто ей верит *(фр.)*.

34

Книга Нансена «На лыжах через Гренландию» (1890) была впоследствии переработана и значительно сокращена автором, который посвятил второе издание норвежской молодёжи. Перевод с издания 1928 года на русском языке выпущен в 1931 году издательством «Молодая гвардия» и вошёл в собр. соч. (т. 1, Л., 1937).

35

Расмуссен Кнут Йохан Виктор (1879–1933) — датский этнограф и исследователь Гренландии и арктической Америки. Участвовал (начиная с 1902 года) в различных экспедициях по изучению Гренландии, исследовал её северную часть. Один из самых прославленных гренландцев, сын датчанина и эскимоски, своё детство провел на острове.

36

Пеммикан (заимствовано из языков индейцев алгонкинов) — брикеты из сушёной и растёртой в порошок оленины или говядины, смешанной с жиром и соком кислых ягод. Изобретён индейцами севера Северной Америки, отличается лёгкой усвояемостью и большой питательностью при малом объёме и весе.

37

Мон Хенрик (1835–1916) — норвежский метеоролог, почётный член Петербургской академии наук (с 1907 года). Организатор сети метеостанций в Норвегии и автор ряда трудов о её климате. Обработал и издал наблюдения полярных Экспедиций Норденшёльда на «Веге», Ф. Нансена на «Фраме» и др.

38

«Жизнь эскимосов» на русском языке в сильно сокращённом переводе О. Поповой выдержала ряд изданий (пятое издание в 1926 году). Полностью напечатана в собр. соч. (т. 1, Л., 1937).

39

Медаль «Веги» была учреждена в Швеции в связи со знаменитым плаванием «Веги» по Северо-Восточному проходу в 1878–1879 годах под руководством А. Э. Норденшёльда как высшая международная награда за выдающиеся географические путешествия. Нансен был шестым по счёту путешественником, удостоенным этой награды. Первые пять — Норденшёльд (капитан «Веги»), Паландер, Стенли, Пржевальский и Юнкер.

40

Арто Дезире (Маргерит Жозефин Дезире Арто, Artot) (1835–1907) — французская певица, меццо-сопрано. В 1855–1857 годах училась пению у М. Одран и Полины Виардо-Гарсиа. В 1858 году дебютировала на оперной сцене Парижа. Выступала в концертах и в опере во многих странах мира, в том числе и в России (с 1868 года).

41

Перевод Эм. Александровой.

42

После окончания экспедиции Нансен даст такую характеристику Тронтхейму:

> «В январе нынешнего года Александру Ивановичу Тронтхейму господином бароном Э. фон Толлем было дано поручение: для моей экспедиции в полярные страны купить 30 отборных собак (для саней) и привести их сюда, в Хабарово. Это поручение он исполнил, к моему полнейшему удовольствию. При этом он выказал редкую аккуратность и осмотрительность, и мне доставляло удовольствие видеть точность и порядок, в котором он вёл свои отчёты. Он производит очень хорошее впечатление, и я могу его рекомендовать как нельзя лучше. За старательное исполнение данного поручения и за услугу, которую он этим оказал экспедиции, он сегодня получил золотую медаль за заслуги Его Высочества Оскара И, короля Норвегии и Швеции».

43

Подробнее о настроениях экипажа можно прочитать на русском языке в книге Я. Юхансена *(Йогансен Я.* Сам-друг под 86°14′. Записки участника экспедиции на «Фраме». СПб, 1898).

44

На самом деле это был остров Джексона, того самого Джексона, с которым они встретятся будущей весной.

45

Усадьба была разрушена в 1971 году, когда Готхоб давно вошёл в черту Осло. Сейчас на месте старого дома Нансенов находится офисный комплекс.

Так, в «Толковании сновидений» Фрейд пишет:

> «Один врач, лет тридцати, сообщил мне, что он с детства и до настоящего времени видит часто во сне жёлтого льва; о происхождении этого образа он может дать самые точные сведения. Этот знакомый ему из сновидений лев нашёлся однажды в действительности и оказался давно заброшенной фарфоровой безделушкой; молодой человек узнал тогда от своей матери, что безделушка эта была в детстве его любимой игрушкой, о чём, однако, сам он совершенно забыл».

Оттер — рыболовная снасть.

48

Хелланд-Хансен Бьёрн (1877–1957) — известный норвежский океанограф, один из теоретиков в области изучения динамики моря. Предложил динамический метод обработки величин плотности морской воды для изучения её циркуляции. В результате работ, проведённых совместно с Нансеном, выявил влияние подводного рельефа северной Атлантики на направление океанических течений.

49

Уже после гибели Колчака его вдова обращалась к Нансену со следующим письмом, которое хранится в его архиве:

> «Дорогой сэр, всё ещё надеясь без надежды, я взяла на себя смелость обратиться к Вам, поскольку не вижу никого, кто хотел бы помочь нам в нашей беде… До сих пор нам оказывали помощь несколько скромных, чаще желающих остаться неизвестными друзей, однако более многочисленны враги, беспощадные и жестокие, чьи происки сломали жизнь моего храброго мужа и привели меня через апоплексию в дом призрения. Но у меня есть мой мальчик, чья жизнь и будущность поставлены сейчас на карту… Молодой Колчак учится в Сорбонне… с надеждой встать на ноги и взять свою больную мать домой. Он учится уже два года, осталось ещё два или три года до того, как он получит диплом и выйдет в большую жизнь. В мае начнутся экзамены, которые полностью завершатся к августу. Но как дожить до этого момента? Мы только на время хотели бы занять немного денег, чтобы перевести ему 1000 франков в месяц — сумма, достаточная для молодого человека, чтобы сводить концы с концами. Я прошу у Вас 5000 франков, на которые он может жить и учиться, пока не сдаст экзамены… Помните, что мы совсем одни в этом мире, ни одна страна не помогает нам, ни один город — только Бог, которого Вы видели в северных морях, где также бывал мой покойный муж и где есть маленький островок, названный островом Беннетта, где покоится прах Вашего друга барона Толля, где северный мыс этих суровых земель назван мысом Софья в честь моей израненной и мечущейся души и — тогда легче заглянуть в глаза действительности и понять моральные страдания несчастной матери, чей мальчик 10 апреля будет выброшен из жизни без пенни в кармане на самое дно Парижа. Я надеюсь, Вы поняли наше положение и Вы найдёте эти 5000 франков как можно быстрее, и пусть Господь благословит Вас, если это так. Софья Колчак, вдова Адмирала».

Нансен вдове помог.

Троюродный брат Ф. Нансена.

51

Анна Шётт и профессор Торуп.

52

«Бедный Нансен, он опоздал, как ужасно получить новость в Гамбурге. А мы в Эплтоне» *(англ.)*.

Однако слова мемуаристки можно поставить под сомнение, поскольку она же писала, что Фритьоф и Сигрун были резки друг с другом последние годы жизни, но их письма пронизаны любовью и нежностью, а называют они друг друга исключительно ласковыми прозвищами.

Прекрасная страна *(англ.)*.

55

В Норвегии существуют на сегодняшний день две официальные языковые нормы — два равноправных языка: книжный — *bokmål* (букмол, основанный на языке времён унии с Данией) и новонорвежский — *nynorsk* (нюнорск, или лансмол, «сконструированный» на основе диалектов). Лингвисты считают, что букмол и нюнорск — два разных, хотя и близкородственных языка. Однако сами норвежцы решили эту проблему легко — все дети обязаны в школе обучаться обоим нормам норвежского языка. Родители же вправе выбирать, какой язык будет в школе «основным» — книжный или новонорвежский.

56

Скотт подошёл к установленному на полюсе норвежцами флагу через 34 дня после них. То, что Амундсен опередил его, было для англичан страшным ударом. «Ужасное разочарование, — записал тогда Скотт в своём дневнике, — и мне больно за моих товарищей. Конец всем нашим мечтам! Да, мы на полюсе, но при сколь иных условиях против ожидаемых! Страшное место, и каково для нас сознание, что мы за все наши труды даже не вознаграждены ожидаемым торжеством! Мы пережили ужасный день». Через два месяца умирающий Скотт, не достигнув зимовья, лежал в палатке, одиноко маячившей в ледяной пустыне, и с трудом выводил свои последние слова:

> «Мы всё слабеем, и конец не может быть далёк. Жаль, но не думаю, чтобы я был в состоянии ещё писать. Ради бога, не оставьте наших близких».

Решающими моментами в плане экспедиции были: во-первых, выбор в качестве места зимовки и исходного пункта для похода к полюсу «таинственного» ледяного барьера в Китовой бухте и, во-вторых, применение в качестве транспортных средств собак (механический, в частности воздушный транспорт, был в то время ещё недостаточно совершенен, чтобы применять его в полярных условиях). Именно эти два условия дали Амундсену громадное преимущество перед Робертом Скоттом.

Ю. В. Визе писал:

«Сам Амундсен категорически отрицал какое бы то ни было „грязное“ соревнование со Скоттом, но едва ли он был в данном случае вполне искренен. Ведь от Северного полюса он отказался только потому, что Пири опередил его, и направился к Южному полюсу, рассчитывая прибыть туда раньше Скотта! Элемент соревнования норвежцев с англичанами за честь открытия Южного полюса, таким образом, налицо.

По возвращении экспедиций Амундсена и Скотта (последняя вернулась без своего начальника и его спутников по походу к полюсу) общественное мнение в Англии осудило Амундсена, а отдельные представители высказывались по отношению к победителю с нескрываемым негодованием. На обеде, данном Королевским географическим обществом в Лондоне в честь Амундсена, президент общества, лорд Керзон, отметив значение, которое Амундсен приписывал применению собак, закончил свою речь следующими словами, полными злой иронии: „Позволяю себе поэтому предложить троекратное ура в честь собак“. Позже Амундсен был исключён из состава членов этого общества.

Поход Амундсена к Южному полюсу представляет собой вершину „собачьей“ техники полярных путешествий, рядом с которой может быть поставлен только поход Пири к Северному полюсу».

59

Голландский учёный XVII века Н. Витсен считал, что мамонты переселились в Сибирь из Индии во время Всемирного потопа. Более убедительны доводы учёных XVIII века. Они связывали переселение мамонтов на север с периодом потепления в Арктике. Учёные XIX века предложили свой вариант объяснения: в эпоху потепления климата острова восточной части Северного Ледовитого океана были соединены с материком. В XIX веке находки якутского промышленника Якова Санникова как бы подтверждали эту гипотезу — на острове Новая Сибирь он обнаружил кости нескольких видов ископаемых животных. К удивлению учёных, среди находок оказались и фрагменты окаменелых деревьев, а это свидетельствовало о том, что над Новосибирскими островами некогда шумели дубравы.

Книга вышла на русском языке в Петрограде в 1915 году в авторизованном переводе А. и П. Ганзен под названием «В страну будущего».

Зыряне — устаревшее название народа коми.

62

Самоеды — устаревшее название саамов (лопарей), ненцев и других родственных им народов.

63

Картину нашли в 1913 году и вернули на место 4 января 1914 года.

Так, первую бесплатную раздачу супа в Петрограде АРА организовала уже 6 сентября 1921 года, а к 1 декабря имела свои представительства в Петрограде, Москве, Рамаре, Казани, Симбирске, Саратове, Уфе, Оренбурге и Царицыне. Отделения АРА на Украине открылись 24 марта 1922 года.

65

«Помгол» — Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК. Создана декретом ВЦИК от 18 июля 1921 года в связи с жестоким неурожаем, поразившим в 1921 году обширную территорию Советской страны, особенно Поволжье (крестьянское население голодающих районов составляло около 30 млн чел.).

Уже больше не существует *(фр.)*.

67

«Моя дорогая Бренда! *Я люблю* твоё имя, Бренда, в котором горит огонь твоей души и огонь твоих лучистых глаз» *(англ.)*.